

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

Кафедра общего языкознания и славянских языков

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА В НАУКЕ

*Сборник научных трудов участников
IV Международной очно-заочной научно-практической
конференции молодых учёных*

Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке
Международного фонда «Русский мир».

Грант Фонда «Русский мир» № 2301 Гр/І-010-20
«Коммуникативные позиции русского языка в Донбассе:
лингвокраеведческий и лингвозкологический аспекты»

Горловка
2021

УДК 811.161.1
ББК Ш81.411.1
С47

*Рекомендовано к изданию на заседании учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 7 от 29.01.2021)*

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. **Герасименко И.А.** (гл. ред.), д. филол. н., проф. **Кочетова С.А.**, к. филол. н., доц. **Васильева Г.А.**, к. филол. н., доц. **Волкова Н.В.**, к. филол. н., доц. **Белоконь-Пожарицкая Н.А.**, к. филол. н., доц. **Лешкова Н.В.**, к. филол. н., доц. **Дмитриева Ю.Л.**, к. филол. н., доц. **Святобаченко И.С.**

Сборник включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 990-10/2020К от 29.10.2020.

Славистика: новые имена в науке : сб. науч. тр. по материалам IV Междунар. очно-заоч. науч.-практ. конф. молодых учёных / ГОУ ВПО «Горловский ин-т иностр. языков» ; Редкол. : И. А. Герасименко (гл. ред.) и др. — Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. — 328 с.

В сборнике собраны научные статьи участников IV Международной очно-заочной научно-практической конференции молодых учёных «Славистика: новые имена в науке», посвящённые исследованию актуальных вопросов отечественной и зарубежной лингвистики и литературоведения.

Для научных работников, специалистов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе, студентов-филологов.

**УДК 811.161.1
ББК Ш81.411.1**

Авксентьева Анжелика
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

РОЛЬ АББРЕВИАЦИИ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА

В работе рассматриваются буквенные аббревиатуры в составе заголовочных комплексов современных масс-медийных интернет-изданий. Структурные типы аббревиатур анализируются в функциональном аспекте на примере публикаций ежедневных англоязычных и русскоязычных изданий.

Ключевые слова: *аббревиатура, акроним, алфавитизм, заголовок.*

Использование аббревиатур в составе заголовочных комплексов современных масс-медиа получило широкое распространение. Это обусловлено необходимостью усиления экспрессивности заголовка и стремлением к краткости и экономии языковых средств в его составе. Оригинальная по форме и по цели употребления аббревиатура выделяется среди других слов в заголовке и привлекает внимание читателя, однако значение, заключенное в ней, неразрывно связано с контекстом, который необходимо учитывать при ее семантизации.

Целью нашего исследования является рассмотрение функционального аспекта использования буквенных аббревиатур в составе заголовочных комплексов современных масс-медийных интернет-изданий. Материалом исследования послужили заголовочные комплексы интернет-версий ежедневных изданий «Российская газета» и «The Guardian».

На сегодняшний день многие лингвисты считают аббревиацию самостоятельным и продуктивным способом словообразования (см. работы В. Е. Абрамова, В. В. Борисова). По мнению И. Р. Гальперина, «аббревиация – это способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, с помощью атрибутивных словосочетаний» [2, 13]. Отметим, что в нашей работе мы используем термин «аббревиация» для обозначения процесса сокращения наименования какого-либо объекта и термин «аббревиатура», который мы вслед за Т. С. Сергеевой толкуем как «номинационную сокращенную единицу» [3, 175] для обозначения результата данного процесса.

В рассматриваемых нами заголовочных комплексах используются буквенные аббревиатуры, представленные такими структурными

типами, как алфавитизмы и акронимы. Рассмотрим данные структурные типы подробнее.

Алфавитизмы получили широкое распространение в заголовочных комплексах современных масс-медиа. Они образованы от словосочетаний путем оставления инициальных букв от каждого слова сокращаемого словосочетания с произношением по алфавитному принципу. В «Российской газете» встречаются следующие примеры алфавитизмов: *РБ* (Республика Беларусь), *США* (Соединенные Штаты Америки), *ЧП* (чрезвычайное положение), *РЖД* (Российская железная дорога), *ФГОС* (Федеральный государственный образовательный стандарт).

В интернет-издании «The Guardian» видим: *MSP* – ‘Member of the Scottish Parliament’ (член Шотландского парламента); *MEP* – ‘Member of the European Parliament’ (член Европейского парламента); *PM* – ‘Prime Minister’ (премьер-министр); *ASBO* – ‘antisocial behaviour order’ (решение суда об антисоциальном поведении); *ATM* – ‘automated teller machine’ (автоматический кассовый аппарат). Данный тип аббревиатур выполняет номинативную функцию (название и вычленение фрагментов действительности) и придает заголовку краткость и лаконичность.

Большинство аббревиатур не нуждаются в расшифровке, так как являются неотъемлемой частью культуры носителей данного языка. Незузнаваемая аббревиатура может нарушить коммуникативное намерение автора, цель не будет достигнута. Во избежание этого некоторые сокращения разъясняются авторами в подзаголовке или же в первых строках статьи (лиде):

Заголовок: Лукашенко подписал распоряжение о подготовке ВНС.

Лид: Республиканский организационный комитет по подготовке и проведению шестого Всебелорусского народного собрания (ВНС), который возглавит премьер-министр Роман Головченко, создан по распоряжению Александра Лукашенко («Российская Газета», 29 октября 2020).

В заголовочных комплексах также встречаются буквенные аббревиатуры, имеющие в своем составе числовые символы, буквы и символы других алфавитов. Как правило, они представляют собой технические термины или названия организаций. Их использование направлено на информирование адресата, привлечение внимания, манипулирование его сознанием. Кроме этого, они добавляют образность и эмоциональность сообщению. Эта особенность отражена в следующем примере: «*MI5* worked with undercover police to infiltrate Vietnam protests (пер. – Военная разведка работала под прикрытием полиции, чтобы внедрится в протесты во Вьетнаме)» («The Guardian», November 02, 2020), где аббревиатура *MI5* –

‘Military Intelligence’ (военная разведка) служит для обозначения государственного ведомства британской контрразведки.

В заголовке *«Fears that seriously ill people are avoiding A&E as numbers drop»* (пер. – *Опасаемся, что тяжелобольные люди избегают неотложной помощи, поскольку показатели падают*) («The Guardian», May 27, 2020) аббревиатура A&E – ‘accident and emergency’ (отделение скорой помощи в больнице) содержит символ «амперсанд», который является графическим сокращением (лигатурой) латинского союза *et* – ‘и’.

Также в ходе исследования были выявлены аббревиатуры, у которых первый компонент представлен начальной буквой, а второй компонент является полным словом. Например: *«‘Embarrassing’: Denmark forced to U-turn on meat ban for state canteens»* (пер. – *Неловко: Дания вынуждена отменить запрет на мясо для государственных столовых*) («The Guardian», November 03, 2020); *«T-cell Covid immunity ‘present in adults six months after first infection’»* (пер. – *Клеточный иммунитет присутствует в организме взрослых в течение шести месяцев после заражения коронавирусом*) («The Guardian», November 01, 2020); *«Dutch government pilots technology to cut e-bike road deaths»* (*Голландское правительство внедряет меры для сокращения количества смертей электровелосипедистов на дорогах*) («The Guardian», November 06, 2020). В указанных примерах мы видим следующие аббревиатуры: *U-turn* – ‘You turn’, *T-cell* – ‘Thynus cell’, *e-bike* – ‘electronic bike’, направленные на реализацию графически-выделительной и рекламной функции заголовочного комплекса.

Еще одним видом буквенных аббревиатур являются акронимы. Они представляют собой аббревиатуры, образованные из начальных букв каждого слова сокращаемого словосочетания и читаемые как слово: *«Глава ВОЗ ушел на карантин»*, *«МИД Новой Зеландии возглавила женщина с татуировкой на лице»*, *«ЦИК Грузии оценил прошедшие выборы как “спокойные”»* («Российская Газета», 02 ноября 2020). Данные единицы выполняют номинативную и оценочно-экспрессивную функции, дают звучные имена новым реалиям.

Буквенные сокращения довольно разнообразны по своему составу и включают от одного до восьми компонентов. Число многокомпонентных аббревиатур (пять и более компонентов) в медиатекстах встречается довольно редко, так как они являются громоздкими и неудобными в употреблении. Преобладающим типом являются трех-, четырех- и двухкомпонентные аббревиатуры.

Таким образом, использование аббревиатур в заголовочных комплексах современных масс-медийных интернет-ресурсов направлено на реализацию основных функций заголовочного

комплекса, в числе которых номинативная, информативная, рекламная, оценочно-экспрессивная, графически-выделительная. Кроме этого, они помогают достичь точности, строгости и однозначности в передаче информации, сохраняя при этом и полноту изложения, и лаконичность при оформлении речи, способствуют более эффективному воздействию на адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – М. : Военное издательство, 1972. – 320 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования: учеб. пособие / И. Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2007. – 148 с.
3. Сергеева, Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений / Т. С. Сергеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6-2 (24). – С. 174–179.
4. Российская газета. – Текст : электронный // RG.ru : сайт. – URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 11.10.2020).
5. News, sport and opinion from the Guardian's global edition. – Текст : электронный // The Guardian : сайт. – URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 11.10.2020).

SUMMARY

Angelika Avksenteva. The role of abbreviations in the headline complexes of modern mass media

The article deals with the letter abbreviations in the headline complexes of modern Internet mass media. Structural types of abbreviations are analyzed in the functional aspect with the help of the examples taken from the daily English and Russian media.

Key words: abbreviation, acronym, letter abbreviation, headline.

Агаркова Мария
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ ПРАВО-

*В статье изложены основные сведения об аббревиатурной группе **право-**, её характеристика. Работа построена на основе синхронного анализа сложносокращённых апеллятивов: выявляются дешифровальные модели сложносокращённых слов, ономаσιологические классы в аббрегруппе и описываются формальные модели эквивалентности слов с аббреоконструктом **право-**.*

Ключевые слова: аббревиатура, аббревиатурная группа, дешифровальный стимул, формальная модель эквивалентности, синхронный анализ.

Целью работы является синхронный анализ и описание аббревиатурной группы **право-**, Задачи исследования: структурно-формальный и семантико-ономаσιологический анализ аббрегруппы **право-**, описание моделей использования дешифровального стимула в эквивалентном словосочетании и описание моделей формальной разновидности эквивалентности для данной аббревиатурной группы.

Сложносокращёнными апеллятивами называются нарицательные лексемы, «связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным аббреоконструктом (сокращённым эквивалентом)» [4, 104], например *правовое нарушение > правонарушение*.

Для описания сложносокращённых апеллятивов используются два подхода: **диахронный** и **синхронный**. **Диахронный анализ** устанавливает отношения производности между словом и его эквивалентами. **Синхронный анализ** устанавливает и описывает отношения актуальной эквивалентности в пределах гнезд эквивалентности, входящих в аббревиатурную группу. Например, для слова *правонарушение* отмечаются эквиваленты *правовое нарушение* и *нарушение прав*. Минимальной единицей синхронного анализа является **гнездо эквивалентности**, то есть объединение частотных текстовых эквивалентов сложносокращённого слова.

Например, в гнездо эквивалентности слова *правозащита* входят эквиваленты *правовая защита, защита права, защита прав*.

Синхронное описание гнезд эквивалентности аббревиатур включает две исследовательские процедуры: формально-структурный и семантико-ономасиологический анализ. Для демонстрации принципов синхронного анализа нами была выбрана **аббревиатурная группа** – группа сложносокращенных слов, имеющих одинаковый абброконструкт – с конструктом *право-* (*правоохранитель, правотворчество, правоведение и т.д.*), для которой обнаружено **18 гнёзд эквивалентности**, в которые входит 31 аббревиатурная пара.

Общая характеристика абброгруппы.

В аббревиатурную группу *право-* входит **18 сложносокращенных слов**.

По сложности формальной структуры абброконструктов сложносокращенные слова, входящие в абброгруппу *право-*, являются простыми (включающими простые абброконструкты) (*правообязанность* – *правовая обязанность, правотворчество* – *правовое творчество*).

По типу соответствия компонентам эквивалентного словосочетания обнаруживаются только абброконструкты, эквивалентные зависимому слову (*правореализация* – *правовая реализация, правопонимание* – *понимание права правозащита* – *защита прав*).

По типу семантической интерпретации при дешифровании абброконструкт *право-* является однозначным, т.е. для него обнаруживаются эквиваленты, относящиеся к одному семантическому классу (*право: правоохрана* – *охрана права, правонаследник* – *наследник прав, наследник права*).

По качеству «представления» синтаксических эквивалентов следует выделить конструкты: **аббревиатурные** – равны части основы эквивалента (*правотворчество* – *правовое творчество, правообязанность* – *правовая обязанность*), **компаративные** – равны основе эквивалента (*правоведение* – *ведение права, правозащитник* – *защитник прав*), а также **мутантные (гибридные)**, реализующие несколько формально-семантических разновидностей эквивалентности – аббревиатурную и композитную (*правопонимание* – *правовое понимание, понимание права, понимание прав*) [3].

Для абброгруппы *право-* выделяются 6 **ономасиологических классов** – «объединений однотипных единиц для обозначения однотипных реалий» [1]:

1. Профессия (*правоохранитель*);
2. Производитель действия (*правонарушитель*);

3. Статус субъекта: отрасль + субъект (*правозащитник, правонаследник*);

4. Процедура: процедура + отрасль (*правонарушение, правозащита, правоведение и др.*);

5. Состояние: состояние + объект (*правосознание, правопонимание*), состояние + отрасль (*правообязанность*);

6. Свойство субъекта (*правосубъектность, правоспособность*)

Дешифровальный стимул (ДС) – это слово или сочетание слов, которые осознаются носителями языка как эквиваленты абброконструкта и могут быть использованы для его замены в эквивалентном словосочетании [2, 245]. Для абброгруппы **право-** отмечаются ДС *правовой, права, прав*.

Следует выделить следующие виды ДС:

- **презентативные**, выраженные относительным прилагательным с квалификативной семантикой (*правореализация – правовая реализация*);

- **интерпретативные**, среди которых различаются:

- **релятивные**, выраженные падежными и предложно-падежными формами и актуализирующие значения числа и падежа: *права (правореализация – реализация права), прав (правонарушитель – нарушитель прав)*;

- **модификативные**, включающие значимые компоненты, отсутствующие в структуре аббревиатуры [2, 246] (примеры данного вида ДС в абброгруппе **право-** отсутствуют).

Первым этапом формально-структурного анализа является описание структуры ДС, для формализации которого в схеме ДС используются символы (в случае с абброконструктом **право-** – лишь три из них) [5, 89]:

х – формальный эквивалент абброконструкта – имя существительное; *правоприменение – применение прав*;

х (ад.) – простой адъектив (в нашем случае – прилагательное): *правоспособность – правовая способность*;

у – простое слово: *правосубъектность – правовая субъектность*.

Для **право-** отмечаются следующие дешифровальные модели:

- **х (ад.) + у** (*правосубъектность – правовая субъектность, правотворчество – правовое творчество*);

- **у + х** (*правозащитник – защитник прав, защитник права*)

Модель формальной разновидности эквивалентности описывает тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструктов аббревиатуры. Для описания компонентов словосочетания используются следующие символы [5, 91]: Сущ – существительное, Прил – прилагательное, ед и мн – единственное и множественное число, цифры указывают на падеж (1 – именительный, 2 – родительный, 3 – дательный и т.д.). Следующим шагом

устанавливается структура компонента исходного словосочетания в аббревиатуре (Чосн – часть основы эквивалентного сложного слова). Так, например, ЧоснПрил1ед указывает на то, что прилагательное *правовой* представлено частью основы **право-** (*правореализация – правовая реализация*).

На втором этапе для каждой эквивалентной пары определяется конкретная формальная схема эквивалентности, которая включает в себя два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента.

Обнаружено **3 формальные модели эквивалентности**:

Модель 1. Прил1ед+Сущ1ед=ЧоснПрил1ед+Сущ1ед:

Модель, в которой абброконструкт эквивалентен прилагательному, а существительное выступает в полной форме [3]: *правопорядок – правовой порядок, правопонимание – правовое понимание* и т.д.

Модель 2. Сущ1ед+Сущ2ед=ЧоснСущ2ед+Сущ1ед:

Абброконструкт эквивалентен существительному, а главное слово сохраняет свою форму: *правонаследник – наследник права, правосознание – сознание права, правоведение – ведение права* и т.д.

Модель 3. Сущ1ед+Сущ2мн=ЧоснСущ1ед+Сущ2мн:

Модель, в которой абброконструкт и главное слово эквивалентны существительному, но второе употреблено во множественном числе: *правопонимание – понимание прав, правоустановление – установление прав, правореализация – реализация прав* и т.д.

Таким образом, для аббревиатурной группы **право-** были отмечены следующие модели формальной эквивалентности (Табл. 1):

Таблица 1. Модели формальной эквивалентности

Аббревиатура	Модель ДС	Эквивалент	Формальная схема словосочетания	Формальная схема аббревиатуры
<i>правопонимание</i>	х(ад)-у	<i>правовое понимание</i>	Прил1ед+ Сущ1ед	ЧоснПрил1ед+ Сущ1ед
<i>правоведение</i>	у-х	<i>ведение права</i>	Сущ1ед+ Сущ2ед	ЧоснСущ2ед+ Сущ1ед
<i>правозащитник</i>	у-х	<i>защитник прав</i>	Сущ1ед+ Сущ2мн	ЧоснСущ2мн+ Сущ1ед

Исследуемая в работе аббревиатурная группа с абброконструктом **право-** показала основные принципы описания аббревиатурных групп. В данной работе был проведён синхронный анализ абброгруппы **право-**, в результате которого были определены структурно-формальные и семантико-ономасиологические модели, отмечаемые в гнездах эквивалентности группы.

Соотношение данных характеристик определило наличие дешифровальных стимулов презентативного и модификационного типов. Нами были **выявлены 3 формальные модели**

эквивалентности и 6 ономаσιологических классов, в которые входят слова, образующие данную аббогруппу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блюмина, О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Блюмина. – Горловка, 2010. – 341 с.
2. Бровец, А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве. – Макеевка : ДонНАСА, 2016 – С. 51–57.
3. Смирнова, И. С. Структурно-семантические типы неинициальных аббоконструктов в русском языке / И. С. Смирнова // XVIII Открытая конференция студентов-филологов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2020– Текст : электронный // Санкт-Петербургский государственный университет : сайт. – URL: : <https://conference-spbu.ru/conference/43/reports/14074> (дата обращения: 12.10.2020).
4. Теркулов, В. И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. – 2020. – Т. 18. № 1. – С. 97–112.
5. Теркулов, В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9 : Филология. 2017. – С. 73–97.

SUMMARY

Maria Agarkova. General characteristics of the abbreviation group *pravo-*

The article provides basic information about the abbreviation group *pravo-* and its characteristics. The work is based on the synchronous analysis of complex-abbreviated appellatives. Decryption models of abbreviated words and onomasiological classes in the abbreviation group were identified, formal models of equivalence of words with the abboconstruction *pravo-* were described.

Key words: abbreviation, abbreviation group, decryption stimulus, formal model of equivalence, synchronous analysis.

Алексееenkova Ульяна
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

МЕСТО МИКРОТОПОНИМИКИ В СИСТЕМЕ ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИИ

В данной работе предпринята попытка определения места микротопонимов в городской топонимической системе. Были рассмотрены различные точки зрения лингвистов на проблему разграничения топонимов и микротопонимов, выведены основные черты микротопонимов и предложена дефиниция данного термина.

Ключевые слова: *ономастика, топонимика, топоним, микротопонимика, микротопоним.*

Важное место в современной лингвистической науке занимает ономастика, которая является наукой о совокупности всех имён собственных. В «Словаре русской ономастической терминологии» (1978 г.) Н. В. Подольская определяет термин *ономастика*, как «раздел языкознания, изучающий любые собственные имена» [4, 97]. Общая теория ономастики нашла свое отражение в трудах целого ряда отечественных и зарубежных ученых. Из отечественных лингвистов в первую очередь следует назвать В. А. Никонова, Н. В. Подольскую, А. В. Суперанскую, В. Н. Топорова и многих других. Из зарубежных – П. Рэне, В. Тацицкого, В. Флейшера. Их труды служат теоретическим фундаментом для исследования целого ряда вопросов.

Одним из разделов ономастики является топонимика. Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» (1978 г.) пишет, что топонимика изучает топонимы, закономерности их возникновения, развития и функционирования. Предметом исследования топонимики является топоним – «разряд онимов, собственное имя любого географического объекта в том числе гидроним, ойконим, ороним, спелеоним, хороним, урбаноним, дромоним, аргоним, дримоним» [4, 135]. Совокупность топонимов на какой-либо территории составляет ее топонимию.

Топонимика развивается в тесной связи с историей, географией и этнографией. Она является важным источником для исследования истории языка, так как в некоторых топонимах сохранена устаревшая и диалектная лексика, часть топонимов восходят к языкам-субстратам народов, живших на данной территории. Топонимика помогает восстановить черты исторического прошлого

народов, очертить области былого распространения языков и т.п. В. А. Никонов в работе «Введение в топонимику» (2011 г.) называет топонимы красноречивыми свидетелями прошлого, которые занимают почетное место среди самых драгоценных исторических памятников [3, 13].

Одной из составных частей топонимики является микротопонимика. В современном языкознании были предприняты попытки дать точное определение микротопонимики. Например, Э. М. Мурзаев в работе «Очерки топонимики» (1974 г.) пишет, что микротопонимика представляет собой совокупность географических названий, известные ограниченному кругу людей, которые живут рядом с называемыми небольшими объектами – выгонами, пашнями, зимовьями и подобные [2, 23]. Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» (1978 г.) пишет, что микротопонимия – совокупность топонимов» [4, 86]. Также определение микротопонимике дали В. А. Никонов, В. Н. Попова, Д. В. Цыганкин и другие.

Предметом исследования микротопонимики является микротопоним. Данный термин исследовали такие известные лингвисты, как А. В. Суперанская, И. А. Воробьева, Н. В. Подольская и другие. Микротопонимы занимают значимое место в топонимической системе города и имеют ряд особенностей, среди которых существование и функционирование только на конкретной территории и только в устной речи, подвижность, так как они зависят от повседневной жизни местного населения, экспрессивность. Несмотря на разное толкование, ученые четко разграничивают понятия микротопонима и топонима. Это связано, прежде всего, с отсутствием одной общепринятой дефиниции данного термина. Впервые термин *микротопоним* был использован в работе О. С. Мельничука «Топоніміка Кодимського району Одеської області» (1957 г.) [1]. После этого термин получил широкое распространение, но к единому определению ученые лингвисты так и не пришли. А. С. Крюкова считает, что под термином *микротопоним* следует понимать наименования небольших географических объектов, которые функционируют в речи узкого круга людей. И. А. Воробьева обозначает микротопонимы как названия, существующие лишь в одной микросистеме. Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» (1978 г.) пишет, что микротопоним – это собственное имя, чаще всего, природного физико-географического объекта, (реже) объекта, созданного человеком, которое имеет достаточно узкую сферу употребления. Ю. А. Карпенко отмечает микротопоним как систему наименования мелких географических объектов, среди которых болота, ручьи, урочища, дороги, улицы и подобные. Но А. В. Суперанская указывает,

что названия улиц, частей улиц и кварталов не являются частью микротопонимики. Е. М. Поспелов считает, что перечень объектов, наименования которых можно отнести к микротопонимике, не установлен по причине того, что состав микротопонимики зависит от физико-географических особенностей территории, ее заселения, истории и культуры в каждом конкретном случае. Спор вызывает еще и тот факт, что деление на макро- и микро- не приемлемо для других разделов ономастики, таких как теонимия, антропонимика и прочие.

Проблема до сих пор остается нерешенной и этим привлекает исследователей. Но, на наш взгляд, наличие такого количества дефиниций и исследований, а также широкий круг специфических черт микротопонимов позволяет считать микротопонимику подклассом топонимии, без которого невозможно в полной мере описать топонимическую систему города.

В ходе проведенного исследования мы смогли конкретизировать понятие микротопонима, для его использования в последующих исследованиях. Итак, микротопонимы, во-первых, это наименования небольших физико-географических объектов, употребление которых носит ограниченный характер. Во-вторых, они известны жителям определенной микротерритории и неизвестны людям, живущим вне микросистемы, на которой функционирует данное наименование. В-третьих, микротопонимы функционируют лишь в устной речи населения, они не зафиксированы на картах и не употребляются в официальных документах. В-четвертых, микротопонимы в ходе различных исторических событий, влияющих на жизнь населения, довольно часто видоизменяются, а иногда и вовсе исчезают из обихода. В-пятых, микротопонимы образуются стихийно и активно пополняются новыми единицами.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что микротопонимы, несмотря на расплывчатость границ и неоднозначность своей интерпретации, являются лексическим пластом языка города, возникший в результате внутренних закономерностей. Микротопонимы ярко отражают особенности языка данной местности. Данный материал требует дальнейшего исследования, что и будет нами сделано в последующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельничук, О. С. Топоніміка Кодимського району Одеської області / О. С. Мельничук // Мовознавство. – Київ, 1957. – Т. 14. – С. 52–61.
2. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимии / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1974. – 382 с.

3. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М., 2011. – 184 с.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М., 1978. – 198 с.

SUMMARY

Ulyana Alekseyenkova. Place of microtoponymy in the system of urban toponymy

This article attempts to determine the place of microtoponyms in the urban toponymic system. Various points of view of linguists on the problem of distinguishing toponyms and microtoponyms were considered, the main features of microtoponyms were deduced, and the definition of this term was proposed.

Key words: onomastics, toponymy, toponym, microtoponymy, microtoponym.

Баркова Алина

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

ГЛАГОЛ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЗДВИГАТЬ: ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА (по результатам направленного ассоциативного эксперимента)

*Статья посвящена анализу ассоциативных реакций на глагол созидательной деятельности **воздвигать** современного русского языка, полученных в результате направленного ассоциативного эксперимента.*

Ключевые слова: *ассоциативный эксперимент, слова-стимулы, типы реакций, ассоциативное поле, лексико-семантическая группа.*

Предлагаемая статья продолжает цикл тех публикаций, выполненных на кафедре общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина Донецкого национального университета, которые связаны с изучением лексико-семантических групп глаголов разной семантики с помощью метода ассоциативного эксперимента (см. [6; 7; 8; 9; 10 и др.]). Данная статья посвящена анализу ассоциативных реакций на глагол созидательной деятельности *воздвигать*.

Как известно, свободный и направленный ассоциативный эксперименты являются основными разновидностями психолингвистических исследований, целью которых является

определение ассоциаций, формирующихся у человека в результате жизненного опыта (см. [2; 5 и др.]). При этом, по словам А. А. Залевской, ассоциативный эксперимент может стать ценным источником информации о степени актуальности различных лексико-семантических вариантов одного и того же слова для группы информантов (см. [3; 4]).

Рассматриваемый глагол относится к одной из подгрупп глаголов созидательной деятельности: глаголов создания объекта в результате физического труда. *Воздвигать* *высок*. 'прилагая физические усилия, строить (построить), сооружать (соорудить) что-л. высокое, какие-л. крупные объекты'. Синонимы: *возводить*, *строить* [1, 272].

Цель статьи заключается в том, чтобы осуществить анализ ассоциативных реакций на глагол созидательной деятельности *воздвигать*. В октябре 2020 г. во время прохождения педагогической практики в 8-А классе Донецкой общеобразовательной школы № 54 мы провели направленный ассоциативный эксперимент с использованием названного глагола. В эксперименте принимали участие 20 обучающихся в возрасте от 13 до 14 лет (10 девочек и 10 мальчиков).

Респондентам в письменном виде была предложена инструкция следующего содержания: «*Составьте по три словосочетания «глагол + существительное» с глаголом воздвигать*». Выбор именно такой конструкции словосочетания прежде всего определялся методически (повторение темы «Глагол» на уроках русского языка в восьмом классе). Также нами принимался во внимание возраст респондентов. Таким образом, при формулировке задания было наложено ограничение на выбор категории слова-реакции.

На первом этапе обработки результатов проведённого направленного ассоциативного эксперимента осуществлялась обработка ответов на предложенное слово-стимул прежде всего путём подсчёта частотности каждой из полученных от респондентов реакций. Далее полученные результаты обобщались в виде так называемого ассоциативного поля. В процессе формирования ассоциативного поля изучаемого глагола все реакции на вопрос-стимул записывались в иерархическом порядке, т. е. от более частотной реакции к менее частотной. На следующем этапе осуществлялся подсчёт совокупного индекса яркости значения, который представляет собой отношение совокупной частотности реакций, который объективируют данное значение, к общему количеству участников эксперимента.

В ходе проведённого ассоциативного эксперимента были получены следующие реакции для глагола *воздвигать*: памятник 11, дом 9, храм 5, стену 4, монумент 3, здание 3, монастырь 3, алтарь 3, барьер 2, замок 2, церковь 2, статую 1, сцену 1, курган 1, пирамиду

1, дворец 1, пьедестал 1, баррикаду 1, преграду 1, сооружение 1, фундамент 1, горы 1, скульптуру 1, дворец 1, башню 1, небоскреб 1, колокольню 1 (см. таблицу 1). После перечня всех полученных реакций указан совокупный индекс яркости значения, который представляет собой отношение совокупной частотности реакций к общему количеству участников эксперимента.

Таблица 1

**Наиболее частотные реакции на глагол созидательной
деятельности *воздвигать*, полученные в ходе
направленного ассоциативного эксперимента**

№ п/п	Глагол	Реакция	Частотность реакции
1.	<i>воздвигать</i>	<i>памятник</i>	11
2.	<i>воздвигать</i>	<i>дом</i>	9
3.	<i>воздвигать</i>	<i>храм</i>	5
4.	<i>воздвигать</i>	<i>стену</i>	4
5.	<i>воздвигать</i>	<i>монумент</i>	3
6.	<i>воздвигать</i>	<i>здание</i>	3
7.	<i>воздвигать</i>	<i>монастырь</i>	3
8.	<i>воздвигать</i>	<i>алтарь</i>	3

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 1, в нашем материале для глагола **воздвигать** наиболее частотной является реакция *воздвигать памятник* (11). Второе место по критерию частотности среди реакций, полученных в ходе проведённого направленного ассоциативного эксперимента, для рассматриваемого глагола созидательной деятельности занимает реакция *воздвигать дом* (9). На третьем месте по рангу частотности, как видно из таблицы 1, оказалась реакция *воздвигать храм* (5).

Такие реакции, как *воздвигать монумент* (3), *воздвигать здание* (3), *воздвигать монастырь* (3), *воздвигать алтарь* (3) можно считать реакциями, примыкающими к частотным. В то время как все остальные реакции на глагол созидательной деятельности **воздвигать**, как свидетельствуют систематизация и обобщение данных, являются нечастотными, а в ряде случаев даже единичными.

Таким образом, ядерными (актуальными) реакциями для участников эксперимента оказались реакции, связанные со словарным значением глагола **воздвигать**: *воздвигать памятник*, *воздвигать дом*, *воздвигать стену*, *воздвигать храм*, *воздвигать монумент*, *воздвигать здание*, *воздвигать монастырь*, *воздвигать алтарь*, *воздвигать барьер*, *воздвигать замок*, *воздвигать церковь*, *воздвигать статую*, *воздвигать сцену*, *воздвигать курган*, *воздвигать пирамиду*, *воздвигать дворец*, *воздвигать пьедестал*, *воздвигать баррикаду*, *воздвигать преграду*, *воздвигать сооружение*,

воздвигать фундамент, воздвигать горы, воздвигать скульптуру, воздвигать дворец, воздвигать башню, воздвигать небоскрёб, воздвигать колокольню.

Провести направленный ассоциативный эксперимент с использованием глагола созидательной деятельности *воздвигать* с респондентами других возрастных категорий с последующим сопоставительным анализом полученных реакций – следующая задача нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
2. Виноградова, О. Е. Интегральная методика углубленного описания значения слова (на материале семантического описания слов разных частей речи) : дис. ... канд. филол. наук / О. Е. Виноградова. – Воронеж, 2016. – 304 с.
3. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистические исследования / А. А. Залевская. – Воронеж : Воронежский университет, 1990. – 205 с.
4. Залевская, А. А. Значение слова сквозь призму эксперимента / А. А. Залевская. – Тверь : Тверской государственный университет, 2011. – 240 с.
5. Казакова, Н. Н. Лексическая образность по данным психолингвистического эксперимента : дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Казакова. – Томск, 2014. – 257 с.
6. Лучинская, Т. Д. Ассоциативное поле глаголов межличностных отношений *любить, проявлять, знакомиться и приручать* (по результатам направленного ассоциативного эксперимента в разных возрастных группах) / Т. Д. Лучинская // Новые горизонты русистики. – 2018. – Вып. 5. – С. 129–138.
7. Лучинская, Т. Д. Ассоциативное поле глаголов межличностных отношений *любить, проявлять, знакомиться, приручать* (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) / Т. Д. Лучинская // «Славистика: новые имена в науке»: Сб. науч. трудов участников II Республиканской очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018. – С. 81–88.
8. Лучинская, Т. Д. Ассоциативное поле глаголов межличностных отношений *любить, проявлять, знакомиться и приручать* (по результатам направленного ассоциативного эксперимента среди старшеклассников) / Т. Д. Лучинская // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный

- университет». – Вып. 11. – Т. 2. Гуманитарные науки. – Донецк : ДонНУ, 2019. – С. 48–53.
9. Лучинская, Т. Д. Ассоциативное поле глаголов межличностных отношений *любить, проявлять, знакомиться и приручать* / Т. Д. Лучинская // Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. – М. : МАКС Пресс, 2019. – Текст : электронный // Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных : сайт. – URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/193784007/> (дата обращения: 13.10.2020).
10. Ярошенко, Н. А. Глаголы расположения к контакту в русском языке: парадигматика и синтагматика / Н. А. Ярошенко, Т. Д. Лучинская // Актуальные проблемы изучения славянских языков : Сб. науч. трудов III Международной научной конференции памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2018 г.) ; отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2018. – Вып. 4. – С. 176–180.

SUMMARY

Alina Barkova. The verb of creative activity *vozdvigat'* (to erect): paradigmatics and syntagmatics (according to the results of directed associative experiment)

The article devoted to the analysis of associations with the verb of creative activity *vozdvigat'* (to erect) in Modern Russian. The reactions had been obtained as a result of the association experiment.

Key words: association experiment, word-impulses, types of reactions, association field, lexical and semantic group.

Бельская Анна

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Шаталова О. В.

*ФГБОУ ВШ «Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского»,
г. Липецк, РФ*

ПЕЙОРАТИВЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА (ПО РАССКАЗУ «ВОСЬМЕРКА»)

Литература первых десятилетий ХХI века – явление яркое и неоднозначное. Отсутствие строгой цензуры, потребности современного читателя привели к смещению ценностных ориентиров, участились случаи употребления бранных слов, обсценной лексики. Пейоратив – явление, часто встречающееся в творчестве Захара Прилепина, интерес к данному понятию в современной литературе очевиден. Употребление пейоративов позволяет показать эмоциональную реакцию на события окружающей действительности, социальный статус героев, их интеллектуальный базис.

Ключевые слова: автор, лексема, пейоратив.

Литература первых десятилетий ХХI века – явление яркое, неоднозначное. Появление новых имен, литературных форм и жанров, отсутствие строгой цензуры, потребности современного читателя привели к смещению ценностных ориентиров, участились случаи употребления бранных слов, обсценной лексики в произведениях современных авторов.

Система понятий, закреплённая в лексике русского языка, а также эмоционально-оценочные свойства слов находятся в тесной связи с интеллектуальным, нравственным, социально-экономическим развитием общества, что приводит к использованию слов, находящихся на периферии литературной нормы.

Пейоратив (от лат. *peiorare* – «ухудшать») в лингвистике означает слово или словосочетание с отрицательной экспрессивно-оценочной коннотацией, уничижительное или бранное название [2, 136]. В науке существует несколько классификаций данного понятия. Например, В.И. Карасик разделяет пейоративы на общие и специальные. К общим учёный относит те, которые передают отрицательное отношение к кому-либо, не объясняя, каким поступком оно вызвано. Специальные, в свою очередь, указывают на конкретное свойство объекта. Источником пейоратива может оказаться физическая особенность человека, его умственные и мыслительные способности, душевные качества, расовая

или религиозная принадлежность, то есть черта, выделяющая индивида из общей массы людей и подвергающая осмеянию или унижению.

В творчестве Захара Прилепина мы встречаем много примеров данного явления. Речь писателя (в репрезентации личности автора) и персонажей подчас несет в себе резко негативную оценку действительности, что приводит к использованию пейоративов.

Так, в сборнике рассказов «Восьмерка» можно проследить использование пейоратива.

В одноименном рассказе речь идет о компании молодых людей, работающих в ОМОНе. По неудачному стечению обстоятельств они вступают в конфликт с местной бандитской группировкой. Лыков, Шорох, Грех и главный герой, от лица которого ведется повествование, оказываются в клубе «Джогги», где и происходит конфликт с Буцем – главой группировки.

Основная идея рассказа – уход эпохи, борьба за разрушенные устои России. С людьми происходят страшные метаморфозы – распад духа, разложение личности.

3. Прилепин показывает смещение ценностей в обществе. Герои пренебрежительно называют девушек дурами, лексема «любовь» заменяется выражениями *«делать любовь»*, *«заняться сексом с весенними подругами»* [3, 38]

Восьмерка – аллегория движения времени, закольцованности, смены событий. Восьмерка – автомобиль, на котором герои постоянно попадают в передраги. Именно в восьмерке гибелью Буца заканчивается противостояние между правозащитниками и бандитами. Выпущенный в Советском Союзе автомобиль становится символом старой России, противостоящей «новым русским», алчным, жестоким людям, живущим только ради собственной выгоды.

Время года в рассказе – ранняя весна, что тоже является символичным. Души героев «заморожены», нечувствительны, не умеют сочувствовать окружающим.

Главный герой – герой рефлексирующий, его устами говорит сам автор. Экспрессивность речи персонажей в ссорах между парнями проявляется посредством пейоративов.

К общим пейоративам по классификации В.И. Карасика можно отнести следующие примеры: *«Ну, ты уделал пацанов, бес»* [3, 35] слово «бес» употреблено в переносном значении – «ловкий, задорный человек». Данное выражение было уместно в ситуации драки между героями.

Обращение «пёс» встречается в рассказе несколько раз в значении *«человек, вызывающий негодование, заслуживающий презрения»* [4, 197].

Номинатив «*бык*» несет негативную окраску, поскольку употребляется в значении «*крупный, здоровый, сильный (обычно упрямый) человек*» [1, 45].

Отрицательная оценка автора выражается и в номинативе «*едало*» [3, 95]. Это негативное название лица, которое автор употребляет для оценочного высказывания одного из героев по отношению к неприятелю.

Данные примеры являются общими пейоративами, так как употребление этих выражений не зависит от каких-либо внешних или внутренних качеств человека.

В рассказе встречаются и специальные пейоративы. Несколько раз в тексте употреблен номинатив «*очкарик*», характеризующий человека по внешнему признаку – ношению очков. Указание на конкретное свойство объекта позволяет отнести данный пример именно к этому направлению.

Далее З. Прилепин использует следующие негативные выражения для характеристики сотрудников полиции: «*полицейская сволочь*», «*бродяги в камуфляже*», «*на нож посадим мусорка*» [3, 42]. Так как характеристика героев обусловлена выбором профессии, что является примером специального пейоратива.

Лексема «*зверье*», употребленная героем рассказа по отношению к врагам, применяется З. Прилепиным, согласно словарю С.А. Кузнецова, в значении «*свирепые, жестокие люди*».

«*Непотребные, бешеные скоты*» [3, 108] – так герой произведения обращается к своим недругам, готовым на все ради своей выгоды. Это выражение несет отрицательную эмоциональную окраску, указывает на порочность и аморальность людей, вызвавших в нем эти эмоции.

Выражение «*иди ты к бесу, сука глупая!*» [3, 125] крайне эмоционально и ёмко отражает отношение Греха, героя рассказа, к своему другу в критической ситуации. Первая часть предложения выражает желание героя отправить друга к сверхъестественному злу, пейоратив «*сука глупая*» в словаре С.А. Кузнецова употребляется с пометой «*грубо*» и передает значение «*человек, вызывающий своим поведением гнев, неприязнь*» [1, 218].

Захар Прилепин использует данные пейоративы для отражения отношения героев к окружающей действительности. Суровые условия жизни героев, место их работы предполагает наличие в речи грубых, бранных, негативно окрашенных слов и выражений. Герои рассказа росли в неблагоприятных социальных условиях – родители Шороха страдали алкогольной зависимостью после сокращения с работы, Грех жил с бабкой и дедом, то есть был безотцовщиной, главный герой жил один. Плодами «перестройки» оказалась и нищета, заработную плату задерживали, отдавали сухими пайками.

Таким образом, исходя из проанализированных примеров, можно утверждать, что пейоратив – явление, часто встречающееся в творчестве Захара Прилепина, интерес к данному понятию в современной литературе очевиден. Употребление пейоративов позволяет показать эмоциональную реакцию на события окружающей действительности, социальный статус героев, их интеллектуальный базис.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с.
2. Варбот, Ж. Ж., Журавлев А. Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка. – М., 1998. – 54 с.
3. Прилепин, З. Восьмерка. – М. : Издательство АСТ: редакция Елены Шубиной, 2018. – 384 с.
4. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – 752 с.

SUMMARY

Anna Belskaya. Peyorative in literary creativity of Zakhar Prilepin (by story “Eight”)

Literature of the first decades of the XXI century is a bright and ambiguous phenomenon. The absence of strict censorship, the needs of the modern reader have led to a shift in value guidelines, cases of the use of swear words and obscene vocabulary have become more frequent. Peyorative is a phenomenon that is often found in the work of Zakhar Prilepin, the interest in this concept in modern literature is obvious. The use of peyoratives allows you to show an emotional reaction to the events of the surrounding reality, the social status of the heroes, their intellectual basis.

Key words: author, lexeme, peyorative.

Бережная Яна
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Шишкина И. Е.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ИСТОРИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА ВС. С. СОЛОВЬЕВА

Художественное наследие Вс. С. Соловьёва связано, в основном, с историческими произведениями, однако восприятие его как «лубочного» писателя, рассчитывающего на популярность у широкой публики, является поверхностным. Читателя привлекала познавательность его исторических романов, занимательность сюжета, напряженность интриги, элементы мелодрамы.

Ключевые слова: исторический роман, беллетристика, тема, проблема.

Одним из самых распространенных жанров литературы XIX века был роман, создателем которого считается Вальтер Скотт. В. Г. Белинский определил новаторство В. Скотта в создании ранее не существовавшего жанра, представленного своеобразным синтезом искусства и исторической науки, в котором решается задача связи исторической жизни с частной. Новый жанр получил свое развитие и в творчестве русских писателей: М. Н. Загоскина, И. И. Лажечникова, Р. М. Зотова и многих других.

Во второй половине XIX в. одним из популярных русских писателей, создававших исторические романы, был Всеволод Соловьёв. Однако сейчас его творчество мало известно современному читателю. Актуальность нашего исследования связана с тем, что последние годы, характеризуются новой волной интереса литературоведов к забытым именам. Цель нашей статьи – рассмотреть историческую беллетристику Вс. С. Соловьёва и выделить характерные особенности произведений писателя.

Вс. С. Соловьёв не был первым русским романистом, который писал произведения на исторические темы, но в отличие от романов Н. Карамзина, М. Загоскина, И. Лажечникова, в произведениях писателя не было наивной простоты, возвышенности, классицизма, метафизической прямолинейности. Известный русский поэт 80-х гг. XIX века С. Я. Надсон писал о своём современнике: «Спросите у любого провинциального читателя или ещё лучше у читательницы “не из бойких”, кого она считает первым русским современным романистом? – и она без запинки ответит: Всеволода Соловьёва» [2, 253].

Вс. С. Соловьев рос в семье, располагающей к творческому развитию и интересу к историческому прошлому России, к отдельным его эпизодам в том числе. Отец будущего писателя, Сергей Михайлович Соловьев, известный историк и автор объемного труда об истории России с древнейших времен. Мать Всеволода, урожденная Романова, была из старинной семьи, связанной с именем известного в широких кругах Григория Сковороды. Владимир Соловьев, младший брат Всеволода, известен как выдающийся философ, публицист, историк и литературный критик, а сестра Поликсена часто печаталась в журналах как поэтесса. Несомненно, семья оказала большое влияние на формирование эстетических взглядов и вкусов будущего романиста.

Вс. Соловьев воспринял идею русской исторической школы XIX века о том, что отечественная история таит в себе колоссальные сюжетные возможности, она полна драматизма. Иногда ее страницы, как и страницы истории других стран и народов, достигают настоящей трагедийности. Это и побудило Вс. С. Соловьева взяться за перо. Первый же исторический роман, опубликованный в «Ниве» в 1876 году под названием «Княжна Острожская», принес молодому писателю популярность.

Вероятно, почувствовав успех и осознав свои возможности в жанре исторического романа, Вс. Соловьев усиленно работает в этом направлении. За сравнительно небольшой период им написан ряд значительных исторических произведений, среди которых роман «Юный император» (1877), повесть «Русские крестоносцы» (1877), романы «Капитан гренадерской роты» и «Царь-девица» (оба в 1878), «Касимовская невеста» (1879).

Вершиной творческого наследия Вс. С. Соловьёва является его пятитомная «Хроника четырёх поколений», в которую вошли романы «Сергей Горбатов», «Вольтерьянец», «Старый дом», «Изгнанник», «Последние Горбатовы». Все эти произведения связаны жизнеописанием одной семьи, и в читательских кругах данный цикл получил название «Семья Горбатовых».

В определенном отрыве от предыдущих произведений писателя созданы романы «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер», которые тоже посвящены осмыслению прошлого, но под другим углом. Здесь Вс. С. Соловьев затрагивает тему мистицизма, которая поднималась им и в рассказах «Старик», «Двойное приведение», «Перс из Индии», «Магнит», и в третьей и четвертой частях «Семьи Горбатовых».

Последние его историко-художественные произведения были написаны уже в начале 90-х годов: «Царское посольство» (1890) и «Жених царевны» (1891).

Для самого Вс. С. Соловьёва исторические романы были весьма кропотливой работой, от чего ценность произведений только

возрастает. Писатель стремился воссоздать в романах реальные исторические события, личности, передать ощущение минувших эпох, саму атмосферу описываемых в романах периодов российской истории. Известные исторические личности в произведениях Вс. С. Соловьева оказываются на переднем плане, они – двигатели истории, яркие образы, которые часто связывают между собой романы писателя. Характерной чертой произведений писателя является своеобразный синтез искусства и исторической науки, при этом решается задача связи исторической жизни с частной. Поэтому рядом с историческими личностями в романах Вс. С. Соловьева действуют вымышленные персонажи, которые играют важную роль в построении художественного целого. Детализация быта изображаемой эпохи носит отнюдь не прикладной характер, и влияет и на восприятие атмосферы читаемого мира, и на оценку героя, и на контроль движения мысли читателя.

Сквозь романы писателя проходит тема правителей России, отношения власти и народа. Племянник Вс. С. Соловьева писал, что *«в отличие от отца и братьев Всеволод Сергеевич был монархистом без рассуждений»* [5, 42]. Возможно, это отчасти обусловило тематическое содержание его романов и то, что писатель был склонен идеализировать многих российских монархов, изображённых на страницах его романов.

В произведениях Вс. С. Соловьева общественно-политическая проблема имеет свойство переходить в проблему нравственную, на примере представителей власти писатель обнажает человеческую натуру, во всём ее противоречии. Обращаясь к фактам истории, романист показывает, что часто насилие, коварство и обман начинается с верхушки власти. При этом ощущается вера Соловьева в то, что правитель обязан заботиться о каждом человеке своего государства, что, как простые люди в ответе за свои дела перед царем, так и он в ответе перед народом.

Персонажи произведений Вс. С. Соловьева обладают своей логикой, действия и взгляды героев подчиняются данной логике, тонко передана психология героев. Ничего не происходит вдруг, наблюдается обоюдная зависимость внешних обстоятельств и внутреннего развития героя, способа мысли и способа действия. Вс. С. Соловьев показывает те свойства личности, которые способствуют и мешают ее гармонии, помогают принимать ответственные решения или же вводят в большее сомнение. Произведения отличает историческая правда, которая умело сочетается с художественной. Существенная особенность исторической прозы Соловьёва заключается в том, что, придавая достаточно большое значение воссоздаваемой среде и эпохе, романист не снижает роль человека, не превращает его в жалкое ничтожество.

Стоит отметить, что, несмотря на то, что в сочинениях Вс. С. Соловьева нет открытой религиозной нравоучительности, они полны гуманизма, благородства, особого сострадания, поиска справедливости. Христианские мотивы, обращение к православию присутствуют во многих произведениях, создавая ощущение прямой связи религии и гармонии человека с самим собой. Это, по мнению писателя, своеобразный путь к счастью и мирной жизни. При всем стремлении к объективности изображения, разносторонности приведенных в романах точек зрения, оценка самого автора обычно предельно ясна. Писатель неизменно предлагает *«свои рецепты счастья: соблюдение христианских добродетелей, следование христианским законам, безусловная и безоглядная вера в Бога»* [1, 15].

Среди литераторов и критиков было немало споров, к какому течению или общественному лагерю можно отнести Вс. С. Соловьева. Сам же романист писал: *«В течение всей моей литературной деятельности я стоял вне каких-либо журнальных партий и лагерей и печатал свои вещи в тех журналах, которые меня звали, заботясь лишь о том, чтобы это были издания безупречные в литературном отношении»* [3, 700]. Писатель всегда чтит и в жизни, и в творчестве объективность и честность, а не приверженность какому-либо лагерю.

За два года до смерти писателя, в 1901 г., литературная общественность отмечала 35-летие его литературной деятельности. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 12 апреля появилась по этому поводу небольшая статья, в которой говорилось следующее: *«Фактический материал, явившийся основой его исторических романов, безукоризнен с научной точки зрения. Никто не упрекнёт Вс. С. Соловьёва в тенденциозности, в пристрастии в ту или другую сторону. Главной заслугой этого талантливого романиста следует признать точное воспроизведение бытовых особенностей минувшего времени. Он умеет изображать черты старого русского быта настолько ярко и жизненно, что доставляет читателю эстетическое наслаждение, вместе с тем обогащает и его сведения. < > Вс. С. Соловьёв с любовью рисует картины русского прошлого, но скрывать его тёмные стороны или преувеличивать положительные считает, как настоящий художник, ненужным и вредным»* [3, 11].

Творчество Вс. Соловьева относят к массовой беллетристике, однако это скорее показывает устремление писателя на расширение читательской аудитории, чем является недостатком. С. Васильева отмечает, что *«он тонко чувствовал динамику читательских предпочтений, изменение читателя на рубеже веков»* [1, 32]. Писатель находит в истории ответ на злободневные вопросы, дает

возможность безболезненно получить опыт решения серьезных задач. И, что важно, показывает очевидную связь истории с настоящим, значение прошлого в оценке современных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, С. А. Творчество Вс. С. Соловьева и проблемы массовой литературы: автореф. дис... д. филол. наук: специальность 10.01.01 / С. А. Васильева. – Тверь : ТвГУ, 2009. – 34 с.
2. Надсон, С. Я. Проза. Дневники. Письма / С. Я. Надсон. – СПб. : Типография М.А. Александрова, 1912. – 653 с.
3. Петров, К. П. Современные литературные деятели. В. С. Соловьёв / К. П. Петров // Исторический вестник. – СПб., 1901. – № 5. – С. 698–710.
4. Сахаров, А. Н. Возвращение Всеволода Соловьёва / А. Н. Сахаров // Соловьёв В. С. Капитан гренадёрской роты; Касимовская невеста : Романы. – М. : Детская литература, 1991. – С. 5–20.
5. Соловьёв, С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва / С. М. Соловьёв. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1977. – 434 с.

SUMMARY

Yana Berezhnaya. Historical fiction by V.S. Soloviev

Artistic heritage of V.S. Solovyov is mainly associated with historical works, but the perception of him as a “cheap print” writer counting on popularity among the general public is superficial. The reader was attracted by the cognition of his historical novels, the amusing plot, the tension of the intrigue, and the elements of melodrama.

Key words: historical novel, fiction, theme, problem.

Борозенец Дарья
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

ЭТАП «ОПЕРИРОВАНИЕ ЗНАНИЕМ» ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОГНИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются этапы когнитии, представляющие наибольший интерес в связи с их неоднозначностью, – «приобретение и создание знания» и «оперирование знанием». Анализируются относящиеся к ним глаголы, объясняется причина двойственности их трактовки в рамках этапов когнитии. Приводится семантический анализ многозначных глаголов.

Ключевые слова: глаголы когнитии, лексико-семантическое поле знания; оперирование знанием; структура когнитии.

Когнития определяется в научной литературе как «разновидность мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний» [2, 5], следовательно, к глаголам когнитии следует отнести слова, в семантике которых отражается идея сбора, обработки или продуцирования какого-либо знания, а в отдельных случаях – совмещение несколько этих идей.

Тематическое поле знания, или когнитии, развито в современном русском языке достаточно широко: оно представлено не только глаголами *знать*, *ведать*, *понимать* и под. и производными от них, но и большим количеством иных лексем и сочетаний слов. Все они необходимы для наиболее полного описания идеи познания, в связи с чем включаются в структуру, подобную структуре самой когнитии.

Данная структура насчитывает 6 ступеней:

1. Отсутствие знания (ещё).
2. Приобретение и создание знания.
3. Наличие знания.
4. Оперирование знанием.
5. Утрата знания.
6. Отсутствие знания (уже).

Многие глаголы и отглагольные существительные, отражая какой-либо аспект когнитии, занимают место в одном из этапов, не имея никакой связи с прочими. Такими примитивными (в семантическом плане), однозначными словами являются, в первую очередь, ключевые слова концепта когнитии – *знать* и *ведать*, относящиеся к этапу «наличие знания». В то же время подавляющее большинство

относящихся к лексико-семантическому полю когнитии глаголов не так однозначно, что приводит к своеобразной диффузии этапов когнитии.

Целью нашего исследования является выявление закономерностей взаимодействия глаголов в рамках разных этапов когнитии. Отсюда вытекают следующие задачи:

- 1) определение синонимических рядов, включающих исследуемые глаголы;
- 2) сравнительный семантический анализ многозначных глаголов когнитии.

Для исследования нами методом сплошной выборки были отобраны лексемы, входящие в словообразовательные гнезда с вершинами – глаголами, реализующими идею когнитии, или этимологически восходящие к словам, реализующим данную идею. Общее количество слов, относящихся к 27 словообразовательным гнездам, составило 1437 единиц. В ходе первичной обработки были исключены те лексемы, которые в современном русском языке не утратили связь с идеей когнитии (так, не учитывалось слово *отведать* ‘пробуя, съесть или выпить немного; попробовать’ и т.д.). В результате данной операции осталось 402 глагола, из которых 36 представляют особый интерес, являясь достаточно неоднозначными – они одновременно относятся к этапам «приобретение и создание знания» и «оперирование знанием». Данные глаголы можно объединить в блоки в зависимости от их обобщенного лексического значения (Таблица 1):

Таблица 1. Обобщенное лексическое значение групп многозначных глаголов когнитии

№ п/п	Слова	Обобщенное лексическое значение
1	<i>Вникать / вникнуть; осознать / осознавать; умозаключить / умозаключать</i>	Понять что-либо, вдумавшись; на основе имеющихся знаний прийти к новому для себя знанию
2	<i>Выдумать / выдумывать; вымыслить / вымышлять; измыслить / измышлять; навыдумать / навыдумывать; надумать / надумывать; повыдумать / повыдумывать; понавыдумать / понавыдумывать</i>	На основе имеющихся знаний создать новое знание, которое не соответствует действительности
3	<i>Догадаться / догадываться</i>	На основе неполных имеющихся знаний прийти к полному знанию

4	<i>Додумать / додуматься / додумывать / додумываться; домыслить / домыслиться / домыслять / домысляться; придумать / придумывать; попридумать; примыслить / примыслять; удумать / удумывать</i>	На основе неполных имеющихся знаний прийти к полному знанию, которое не соответствует действительности
---	---	--

Как видно из приведенной выше таблицы, проблема двойственности отобранных глаголов заключается в их значениях. Знание, о котором идет речь, получается на основании другого, уже имеющегося. В то же время этап «оперирование знанием» представлен большим количеством однозначных лексем (57 единиц: *вдуматься* ‘Глубоко вникнуть, тщательно обдумать что-л.’, *вспомнить* ‘Восстановить, возобновить в памяти (прошрое, забытое)’, *опознать* ‘Узнать по каким-л. признакам, приметам’, осмыслить ‘Понять, уяснить смысл значение чего-л.’, *распознать* ‘Определить, узнать по каким-л. признакам’ и др.).

На конкретных примерах рассмотрим реализацию значения каждого этапа (Таблица 2):

Таблица 2. Реализаций разных значений многозначных глаголов когнитии

Глагол	Реализуемый этап	Пример
Вникать	2. Получение и создание знания	<i>Пока я чертил, он внимательно наблюдал, вникал в каждую мелочь, задавал вопросы, требовал подробностей...</i> [Георгий Жженов. Прожитое (2002)]
	4. Оперирование знанием	<i>Впрочем, никто из избирателей по большому счету вникать в подобные тонкости вряд ли захочет</i> [Сергей Чугаев. Гражданская война продолжается // «Общая газета», 1998]
Догадаться	2. Получение и создание знания	<i>Присматриваясь далее, ученые поняли, какой это закон, когда догадались присвоить каждой частице некоторую характеристику, которую назвали «барионным числом».</i> [Руслан Григорьев. Нарушение симметрии // «Знание-сила», 2012]
	4. Оперирование знанием	<i>Нетрудно догадаться, что это два разных гражданских общества и, соответственно, два разных государства.</i> [Два общества – две России // «Русский репортер», 2013]

Тематическое поле знания представляет большой интерес в связи со своей неоднозначностью; включенные в него единицы отличаются многозначностью, что способствует их анализу с разных точек зрения. Этап «оперирование знанием» представлен наибольшим количеством глаголов, в то же время значительная часть данных глаголов относится к этапу «приобретение и создание знания», поскольку последняя операция невозможна без анализа уже имеющихся данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2014. – 1534 с. – Текст : электронный // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех : сайт. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 20.09.2020).
2. Демьянков, В. З. Когниция и понимание текста / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3. – С. 5–10.
3. Национальный корпус русского языка. – Текст : электронный // Национальный корпус русского языка : сайт. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.09.2020).
4. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т.: Ок 145000 слов / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – 856 с.

SUMMARY

Daria Borozenets. The stage of “operating with knowledge” of the thematic field of cognition in modern Russian

The article examines the stages of cognition, which are of the greatest interest due to their ambiguity, - “acquisition and creation of knowledge” and “operating with knowledge”. The related verbs are analyzed, the reason for the duality of their interpretation within the framework of the stages of cognition is explained. The semantic analysis of polysemantic verbs is given.

Key words: verbs of cognition, lexical-semantic field of knowledge, operating with knowledge, structure of cognition.

Войтова Кристина
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Соснина Л. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ЖАРГОНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной работе исследуется адаптация жаргонизмов в русском языке. Речь современной молодежи насыщена словами фамиллярно-разговорной формы, лексемами сниженной стилистической окраски, к числу которых относятся жаргон и сленг. Обогащение за счет такой лексики негативно влияет на культуру мышления и эстетику речи.

Ключевые слова: жаргон, сленг, язык, лексема, лексика.

Все языки являются уникальными по природе происхождения и имеют тысячелетнюю историю. В свою очередь тенденция изучения языка в наши дни набирает обороты. Ученые имеют огромное стремление познать все особенности языка, их фонетическую сторону, а также узнать исторические тайны и глубины, которые позволяют сейчас изучить такое ново направление в языке, как молодёжный жаргон.

Актуальность данного исследования состоит в том, что в последнее время происходят достаточно значительные изменения, касающиеся отношений между литературным и нелитературным языком. К сожалению, этот процесс идёт не в пользу литературной нормы. В результате возникает потребность более глубоко изучить особенности проявления и использования жаргонизмов в указанных социумах. В последнее время исследование жаргонизмов и сленговых единиц привлекает к себе внимание лингвистов, социологов и специалистов в области межкультурной коммуникации.

Целью данной работы является рассмотрение стилистических особенностей использования жаргонизмов и сленговых единиц в русском языке.

Задачи исследования:

- дать определение понятию жаргон;
- показать различия между жаргоном и сленгом;
- указать причины происхождения и распространения жаргонизмов.

Интерес к исследованию жаргона возник очень давно. Анализ «просторечья» (именно к этому стилю речи исследователи относили жаргон) начал проводиться еще в XIX веке. Изначально дать описание и классификацию жаргонной лексике в своем словаре

попытался Микуцкий. Всем известный словарь В.И. Даля дает еще больше информации на эту тему. Из словаря мы узнаем, что жаргон возник из языка коробейников-офеней. Именно отсюда вытекает и другое название жаргона – *феня* (*болтать по фене*). Эти торговцы составляли особую группу людей. Так как у них всегда были разные товары и деньги, они часто подвергались нападениям разбойников. Офени придумали собственный язык, который могли понимать только они – *арго*. Существует такая теория, что они возникли из почти вымершей нации – афинян. Эти люди, живущие сейчас только в легендах, состояли из нескольких этнических групп, в том числе африканских и греческих. Этот язык передавался из поколения в поколение и со временем он настолько понравился простым людям, что начал использоваться нищими, конокрадами и просто разбойниками, против которых этот язык и был придуман. Им уже не только общались, но и зашифровывали устную и письменную речь, различные тайны, секреты, заговоры [2, 103].

Жаргонизмы являются одним из интересных и сложных явлений языка. Многие исследователи относят жаргоны к социальным диалектам. Диалект относится как к территориальным, так и временным или социальным разновидностям языка, которые используются ограниченным числом людей и отличаются по своему строю. Диалект как жаргон всегда противопоставляется языковому стандарту.

Термины «жаргон» и «арго» берут свое происхождение из французского языка, а сленг – из английского [1, 95]. Во французском языке встречаются противоположные определения терминов «жаргон» и «арго». Словарь Робера дает определение термина арго как «язык криминала», а лингвистический термин – «нетехническая лексика, используемая социальной группой». Робер объясняет жаргон как «искаженный, неправильный» или выдуманный язык, который понятен только членам определённой группировки.

Применительно к молодежному жаргону, требует особого разговора сопряженное с ним (молодежным жаргоном) понятие «сленг», который также является подсистемой, обслуживающей сферу молодежного общения. Термин «сленг» обосновался в русском языке совсем недавно. Он отличается от жаргона тем, что не зафиксирован ни в одном из словарей. Это слово проникло в русский язык благодаря изучению англоязычной культуры. Изначально сленгом назывались только иноязычные единицы, но в дальнейшем употребление этого слова было расширено [4, 78].

Само по себе слово «сленг» очень близко подходит к понятиям «разговорной речи» и «просторечия», а также «жаргон» и оно так же социально маркировано. Заимствованное слово «сленг» оказалось в русском употреблении явно многозначным. Сленг – это

слова, рассматриваемые в качестве нарушений норм стандартного, привычного всем языка. *Сленгинизмы* или как их называют *сленгизмы* сами по себе очень выразительные и ироничные слова, которые служат для обозначения неких предметов, которые присутствуют в повседневной жизни. Самый распространенный вид молодежного сленга – это жаргон учащихся, солдат, неформалов, и прочих групп, имеющих общие интересы [3, 45]. Из чего же складывается сленг и жаргон? [1, 154]. Необходимо обозначить основные пути проникновения жаргонной лексики в русский язык.

1. *Заимствование*. Чаще всего заимствование происходит из английского языка, так как он достаточно популярен и известен у молодых людей, кроме того, он является международным. Многим, даже не изучавшим английский язык, понятны такие слова, как «фифти-фифти», «респект», «пипл». Сленг так сильно проник в современный язык, что мы порой даже не обращаем на это внимание.

2. *Компьютеры и технологии*. Не стоящий на месте прогресс наполняет речь новыми словами. А для понимания и расшифровки интернет-сленга были составлены словари. Если в варианте с заимствованными словами обычный человек еще оставался в теме разговора, то в данном случае без специальных знаний мало что понятно.

3. *Музыка*. Слова в данном случае образуются от названия музыкальных стилей (попсытина, дабстеп), композиций (новьё, свежак) и прочей музыкальной атрибутики.

4. *Противозаконные деяния*. Слова, относящиеся к наркомании, уголовникам и т.п. к сожалению, у современной молодежи есть привычка загрязнять свою речь ненужными им словами. Многим кажется, что при использовании в речи сленга, они кажутся солиднее в обществе.

Опасность жаргонизации состоит в том, что и в языке и жаргоне отражается картина мира, сознание говорящих. Нужно беречь и развивать язык, совершенствовать и возвышать его как средство общения, орудие мысли. Тогда поднимется уровень культуры и будет накапливаться богатство добрых отношений между людьми, будут укрепляться нравственные устои жизни.

Следует помнить о том, что культура языка – составная часть национальной культуры, важная примета нашего современного образа жизни, сокровищница накопленных веками духовных богатств народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова-Лукашапец, Е. Г. Лексические заимствования и их нормативная оценка / Е. Г. Борисова-Лукашапец. – М., 1992. – 236 с.

2. Быков, В. В. Русская феня / В. В. Быков. – М. : Траст-Имаком, 1994. – 222 с.
3. Полкова, И. В. Имя собственное и его производные в структуре молодежной жаргонной лексики и фразеологии / И. В. Полкова. – М. : Вестник Львовского ун-та. 1990. – С. 45–63.
4. Смирнов, Д. Молодежный сленг от Сталина до наших дней / Д. Смирнов. – М. : Комсомольская правда, 2008. – 21 с.

SUMMARY

Christina Voitova. Jargonisms in Russian

This article examines the adaptation of jargon in the Russian language. The speech of modern youth is full of familiar colloquial words, lexemes of reduced stylistic coloring, which include jargon and slang. Enrichment due to such vocabulary negatively affects the culture of thinking and aesthetics of speech.

Key words: jargon, slang, language, lexeme, vocabulary.

Волынчук Анастасия

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Жарикова О. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

«НОВАЯ ДРАМА» И ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ТЕАТРА К. XIX – НАЧ. XX ВВ.

В работе рассматривается появление «новой драмы» и зарождение проблемного театра в России и Западной Европе в к. XIX – нач. XX вв. Особое внимание уделяется проблемам, которые рассматривались в «новой драме». Изменения в драматургической системе затронули язык написания пьес, главных героев, финал произведений. Для «новой драмы» характерны две особенности – синкретизм и кризис.

Ключевые слова: «новая драма», драматургия.

«Новая драма», возникшая на рубеже XIX – XX вв., ознаменовала своим появлением новую эпоху в искусстве России и Западной Европы. Она является отражением социальных изменений в обществе, философии и культурном сознании человека того времени. Приблизительно в одно и то же время, в разных странах, независимых друг от друга, появились образцы «новой драмы», которые были обусловлены не культурным влиянием на человека, а новыми потребностями меняющегося мышления личности [1; 2].

Представители «новой драмы» – Г. Ибсен, Б. Шоу, А. П. Чехов, М. Метерлинк, А. Стриндберг, Г. Гауптман, Э. Золя и др. – шли собственными путями и имели значительные различия в театральной эстетике и поэтике, но у них была одна общая цель – это создание проблемного театра, который бы имел индивидуальные черты для того, чтобы максимально приблизиться к современному читателю [2].

«Новая драма» на рубеже XIX – XX вв. ставила в центр внимания личность не социальную, а духовную, со своими личными чувствами и настроениями, определяющими атмосферу той эпохи. Драматурги пытались показать «трагедию жизни», а не «трагедию в жизни», призывали к сознанию внутренней сути действительности, высвобождению человеческого духа и поиску умиротворения личности. Театр стал «интеллектуальным», «дискуссионным». На первый план вышло не внешнее действие, а внутренний конфликт. В «новой драме» стали заметными черты модернизма: символизма, импрессионизма, неоромантизма [2].

Основателем «новой» драмы был норвежец Г. Ибсен. Успех его пьес подвинул других драматургов: Г. Гауптмана (Германия), Б. Шоу (Англия), А. Стриндберга (Швеция), М. Метерлинка (Бельгия), Э. Золя (Франция), А. Чехова (Россия). В «новой драме» авторы показывали картины повседневного быта, раскрывали основные социальные и моральные проблемы. Новым для зрителей были картины повседневной жизни всех слоев населения, например, адвокатов, банкиров, коммерсантов, а также рабочих и нищих. На сцене стали подниматься новые проблемы, актуальным стал женский вопрос, который до этого момента не рассматривали. Усиливался критический, разоблачительный пафос пьес [1].

Изменения затронули и героев, теперь сложно определить, кто является главным героем, персонажи стали обладать противоречивыми характерами (А. П. Чехов). Действующие лица разговаривают на современном литературном языке, также присутствует бытовая и жаргонная лексика. Финал произведения теперь не обычный законченный, а открытый, который заставляет читателя задуматься над насущными проблемами и ведет к дискуссии.

Одной из особенностей «новой драмы» является изменение системы «сюжет и герой» по сравнению с аристотелевской драмой. Событие в пьесе, как основа сюжета, перестает быть жанровой целью, которую нужно достичь, придя к развязке. В «новой драме» главным становится восприятие героями, а не само событие. Это приводит к тому, что драма сближается с лирикой. Такое отношение к событию становится новым, таким, которым его не знала классическая драматургия, но и эпика, где само описываемое событие

не подвергалось сомнению или «мультипликации». А. П. Чехов является одним из тех, кто кардинально повлиял на российскую и европейскую драматургию благодаря своим инновациям и открытиям [1].

Пьесы А. П. Чехова «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад» до сих пор остаются неразгаданными и содержат в себе возвышенное откровение. Сценическая история А. П. Чехова настолько богата, что он смог затмить даже У. Шекспира. Даже на современном этапе его пьесы ставят известные режиссеры, которые вносят свой вклад в сценическую историю.

Для «новой драмы» конца XIX – начала XX вв. было характерным такое явление, как кризис. Проблема кризиса драмы была менее обсуждаемая, нежели проблема кризиса театра. Проблема кризиса театра находилась в центре внимания и, соответственно, породила споры в начале XX. Кино старалось отодвинуть театр на второй план из-за того, что старые формы театра не отвечали требованиям эпохи. Тексты, которые предлагала «Новая драма» театру, невозможно было интерпретировать в старом театре [3, 140].

Особенностью русской культуры рубежа веков также является синкретизм. Развитие философии, литературы, театра, музыки и живописи происходило в тесном взаимодействии. Синкретизм – вообще одна из характернейших особенностей русской культуры рубежа веков. В теснейшем взаимодействии развивались философия, литература, театр, музыка, живопись. Представители «серебряного века» – И. Ф. Анненский, А. А. Блок, А. Белый, Д. С. Мережковский, Ф. К. Сологуб, А. М. Ремизов, М. А. Кузмин, В. Я. Брюсов и др. – показали себя всесторонне развитыми личностями, которые проявили себя во всех родах литературы. Возможно, отсюда вытекает недостаток внимания именно к драматургии той эпохи.

Ф. К. Сологуб или М. А. Кузмин прежде всего остаются поэтами и прозаиками, И. Ф. Анненский – поэтом и критиком, Д. С. Мережковский – историческим романистом, и часто, в последнюю очередь, – драматургами. Драматургическое наследие представителей «серебряного века» очень велико и требует к себе пристального внимания и изучения, ничуть не меньше чем прозаические и лирические произведения.

Таким образом, «новая драма» рубежа XIX – XX вв. отражает социальные изменения в обществе, философии и культурном сознании человека того времени. Представители «новой драмы» создавали проблемный театр при помощи новых черт. В центр внимания ставилась духовная личность. Изменения также затронули главных героев и их быт, начали подниматься новые вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ищук-Фадеева, Н. И. Новая драма: философские истоки и поэтические новации / Н. И. Ищук-Фадеева. – С. 153–171. – Текст : электронный // Cyberleninka (дата обращения: 19.10.2020) : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-drama-filosofskie-istoki-i-poeticheskie-novatsii/viewer> (дата обращения: 19.10.2020).
2. Меркулова, Г. М. «Новая драма» / Г. М. Меркулова. – Текст : электронный // Cyberleninka : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-drama/viewer> (дата обращения: 19.10.2020).
3. Тютелова, Л. Г. Проблема кризиса драмы на рубеже XIX – XX веков / Л. Г. Тютелова // Кризисный двадцатый век: парадоксы революционного кода и судьбы литературы : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Г. Тютелова, Е. С. Шевченко. – 2018. – С. 140–145.

SUMMARY

Anastasiia Volynchuk. “New drama” and the birth of the problem theater in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries

The article highlights the emergence of the “new drama” and the problem theater in Russia and Western Europe in the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The particular attention is paid to the problems that were considered in the “new drama”. Changes in the dramatic system affected the language of play writing, the main characters and the finale. Syncretism and crisis are two features which characterise the “new drama”.

Key words: “new drama”, plays.

Гайдаржиева Екатерина

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Герасименко И. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ЭЛИТАРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Элитарная речевая культура – высшая степень владения языком. Она основывается на определенных нормах, включая литературные принципы и коммуникативно-стилистические положения. В определенных ситуациях допускается отступление от вышеупомянутых требований. Отклонение от нормы обуславливается необходимостью достижения коммуникативных целей.

Ключевые слова: *компетенция, личность, норма, элитарная речевая культура.*

Элитарная речевая культура (ЭРК) считается эталоном, которая, «почти не сохранившаяся», редко встречается в естественных коммуникативных ситуациях. Именно она, еще «имеет возможность возродиться, продолжает оставаться «образцом истинно русской речевой культуры» [6, 134]. Соответственно, проблема «языковой личности как носителя элитарной речевой культуры» не может оставаться без внимания исследователей.

В русистике частым является вопрос о влиянии общества и его выдающихся представителей на язык. В процессе исследования речевого мастерства и правильности речи стоит фокусироваться на особенностях носителей ЭРК. По словам Г. О. Винокура, нет однозначного определения культуры речи. Ученый заявляет, что интерпретация термина зависит от того, что имеется в виду: исключительно правильная речь или умелое использование языковых средств [2, 4]. Наряду с этим можно утверждать, что как правильная речь, так и искусное владение языком с учетом особенностей отдельно взятой коммуникативной ситуации характеризуют культуру речевого общения. В то же время Е. Н. Ширияев отмечает, что данный термин подразумевает подбор таких языковых средств, которые бы привели к достижению конкретной коммуникативной задачи [7, 27].

Речевая культура включает разные уровни, такие как элитарный, литературный, среднелитературный, фамиллярно-разговорный и просторечно-жаргонный. Эта типология демонстрирует, что ЭРК является наивысшим проявлением культуры речи. Характерными чертами этого уровня выступают выразительность, доступность излагаемой мысли, логичность, глубина словарного запаса и так далее. При этом нецензурные выражения несовместимы с ЭРК, поскольку ее носители не приемлют нарушения этических норм общения [5, 23].

Одной из отличительных характеристик элитарной языковой личности выступает наличие развитой культурно-речевой компетенции. По этой причине именно такая личность ассоциируется с эталонным владением литературным языком. Согласно О. Б. Сиротининой, исчерпывающие знания в областях языковой системы, норм использования языка и функциональных возможностях речи указывают на носителей ЭРК [3, 223]. Это означает, что обширный лексикон, умение целесообразно применять функциональные стили языка и навык разграничения устной и письменной речи также характеризуют представителей элитарного типа.

А. А. Ашева в своей работе «Элитарная языковая личность как идеальный носитель культурно-речевой компетенции» рассматривает элитарную личность более детально. Ученый отмечает, что наличие указанных выше навыков способствует формированию речеповеденческого стандарта, на который равняются все лица, стремящиеся стать носителями ЭРК. Именно поэтому «речь носителя превосходит по своим качествам носителя любого другого типа речевой культуры, поскольку тип речевой культуры и качество речи взаимообусловлены» [1, 37].

В основу языковой характеристики носителей ЭРК заложены несколько положений. Во-первых, речь идет о нормативном принципе, который отвечает за соблюдение литературно-языковых норм. Во-вторых, стоит упомянуть коммуникативно-стилистическое положение, которое служит для обозначения эффективного использования языка в зависимости от конкретной ситуации. Таким образом, можно утверждать, что человек обладает данной речевой культурой только при наличии у него упомянутых критерий.

При этом стоит отметить, что умение правильно употреблять языковые средства – это не единственная характеристика ЭРК. Носители такой речевой культуры также должны иметь навык решать коммуникативные задачи путем отступления от правил и норм речи. Это означает, что лица с ЭРК обладают гибкостью, которая позволяет им отступать от языковых, но никак не этических, норм при определенных условиях. Иными словами, носители данной речевой культуры могут одинаково эффективно использовать язык как для воздействия на собеседников, так и в качестве обычного средства общения.

В то же время А. П. Сковородников рассматривает понятие культурно-речевой компетенции и утверждает, что она является совокупностью знаний, умений и навыков, которые соответствуют высшему типу речевой культуры – элитарному типу [4, 6]. Как утверждает ученый, структура данной компетенции неоднородная, и включает она в себя языковую, этико-эстетическую и коммуникативную составляющие. Это обозначает, что наличие общефилологической компетенции необходимо для освоения указанными составляющими. Концепция А. П. Сковородникова соприкасается с теорией речевых культур, поскольку при определении базовых компетенций учитываются такие фундаментальные понятия, как культура речи, нормы языка, типы речевой культуры, коммуникативные качества хорошей речи.

Итак, элитарная языковая личность занимает высшую степень владения литературным языком, поскольку обладает высоко развитой культурно-речевой компетенцией. Носитель считается эталоном литературного языка, имеет богатый лексикон, владеет

всеми функциональными стилями, не допускает наличие в своей речи грубых, нецензурных слов и умеет «чувствовать» слово, творчески воспринимает язык и пользуется всеми его проявлениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашева, А. А. Элитарная языковая личность как идеальный носитель культурно-речевой компетенции / А. А. Ашева // Вестник АГУ. – 2013. – № 2. – С. 19–23.
2. Винокур, Г. О. Из бесед о культуре речи / Г. О. Винокур // Русская речь. – 1967. – № 3. – С. 10.
3. Гольдин, В. Е. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. – Саратов, 1993. – Вып. 25 – С. 8–19.
4. Сковородников, А. П. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения / А. П. Сковородников, А. Г. Копнина / Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences Supplement. – 2009. – № 2. – С. 5–18.
5. Стернин, И. А. К теории речевых культур носителей языка / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 7. – С. 22–29.
6. Толстой, Н. И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) / Н. И. Толстой // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991. – Ч. 1. – 344 с.
7. Ширяев, Е. Н. Культура речи как лингвистическая дисциплина / Е. Н. Ширяев // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 13–38.

SUMMARY

Ekaterina Gaidarzhieva. Elite linguistic personality as cultural and speech competence holder

Elite linguistic culture is the highest level of language proficiency. It relies on specific norms, including literary norms and communicative-stylistic requirements. It is suggested that it is allowed to recede from the regulations above in some situations. The deviation is explained by the necessity to achieve communicative goals.

Key words: competence, culture, norm, elite linguistic personality.

Гелюх Наталья
*ст. преп. кафедры начального образования
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный
педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМУЛ БЛАГОДАРНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА» А. БАЛАКАЯ)

В статье проводится анализ лексических, морфологических, синтаксических средств выражения категории благодарности. Автор делает попытку анализа состава, семантики и функционирования формул речевого этикета, выражающих благодарность, на материале «Словаря русского речевого этикета» А. Балакая. Исследование базируется на описании семантической структуры вербальных единиц речевого этикета, выражающих благодарность.

Ключевые слова: *формулы благодарности, единицы речевого этикета, денотативное и коннотативное значение, фраземные этикетные знаки.*

Этикетные нормы благодарности отражают духовные начала внутреннего мира русского человека. Его ментальные качества: благородство, отзывчивость, порядочность, прямота – передаются особыми языковыми средствами.

Речевой этикет как социально-лингвистическое явление, отражающее в том числе национальные черты народа, изучается в трудах многих ученых, в числе которых следует отметить работы В. Г. Костомарова, Л. П. Крысина, Н.И. Формановской, И.А. Стернина, В.Е. Гольдина, Т.А. Ладыженской, и др.

Объем статьи обусловил обращение к одному лексикографическому источнику – «Словарю русского речевого этикета» А. Балакая.

Рассматривая, вслед за А. Балакаем [2], знаки речевого этикета как слова и устойчивые словесные формулы, которые обладают ситуативно связанными и синтаксически обусловленными идиоматическими значениями, традиционно употребляющимися в стереотипных ситуациях, общепринятых для выражения вежливого и доброжелательного отношения к адресату [2, 13], мы предприняли попытку проанализировать именно знаки речевого этикета, выражающие благодарность коммуникантов в той или иной ситуации.

А. Балакай опирается на собственную классификацию единиц речевого этикета со значением благодарности по разным основаниям,

что позволяет сгруппировать формулы вербального общения (в словаре представлено 230 единиц, но для анализа мы отобрали наиболее характерные).

Формулы речевого этикета, находящиеся в поле зрения нашего внимания, объединены денотативным (предметно-понятийным) значением благодарности. В анализируемом словаре эти формулы чаще всего снабжены соответствующими пометами, что подчеркивает важность функционально-стилистических признаков этикетных формул, сферу их употребления.

В параметр коннотативное (прагматическое, эмоционально-оценочное) значение включается информация о тональности общения. Коннотативное значение представлено официально-учтивыми (*Позвольте поблагодарить*), фамильярно-шутливыми (*Спасибочки*), возвышенными (*Примите наше благодарение*), вежливыми (*Это я должен Вас благодарить*), ироничными (*Век (всю жизнь, до конца своих дней) буду Вас благодарить*) формулами. Это деление обусловлено их семантической структурой.

Кроме того, помимо однозначных единиц речевого этикета типа *спасибо*, выделяются и многозначные (*Жму Вашу руку* – приветствие, благодарность, восхищение и др.). Синкретичным значением обладают, к примеру, и *Вы так добры* (благодарность, комплимент), и *Спасибо тебе Господь!* (благодарность, пожелание), *исполать* (благодарность, восхищение).

В зависимости от аспекта рассмотрения и типологии, выделяются следующие типы знаков речевого этикета по компонентному составу:

однословные	неоднословные
(лексемные знаки)	(фраземного плана)
<i>Благодарю</i>	<i>Вы сама доброта</i>
<i>Спасибо</i>	<i>Тысяча благодарностей</i>
<i>Тронут</i>	<i>Я готов Вас расцеловать</i>
<i>Ценю</i>	<i>Век (всю жизнь) буду Вас благодарить</i>

Компоненты однословного (лексемного) значения – морфемы, а неоднословного (фраземного) значения – лексемы, которые могут употребляться и вне речевого этикета, и не обязательно в качестве этикетных знаков. Компонентный состав их может варьироваться, образуя варианты.

Знакам речевого этикета свойственна идиоматичность, т. е. несводимость значения целого к сумме значений составляющих компонентов.

Однословные и неоднословные этикетные знаки обладают синтаксически ограниченным (предикативно-характеризующим) значением. В большинстве своем они функционируют как синтаксически нечленимые предложения с узально ограниченной парадигмой лица, времени и наклонения: (*Я благодарю (Вас)* –

это знак речевого этикета, но не *(Ты) благодаришь, благодарил, будешь благодарить*). В известных пределах все эти знаки могут варьироваться: *Я благодарен Вам за..., Благодарим (Вас) (за)...*; *Благодарствуем; Благодарствуйте; Благодарствую; Благодарю (Вас) за комплимент; Благодарю за службу; Благодарю (Вас) за угощение; Благодарю на добром слове...* [1, 45]. Предложение *Я благодарю тебя, хотя ты этого не заслуживаешь* не является этикетным знаком и синтаксически членимо [2, 20].

Фраземные этикетные знаки целесообразнее употреблять для обозначения неоднословных единиц речевого этикета. При этом используются знаки-сенсibilизаторы: этикетные эпитеты в формулах обращения (*милый, дорогой, уважаемый* и т. п.); интенсификаторы: (*очень, большое, много, премного, мой, как,* и т. п.); экстенуаторы вежливости (*(я) убогий, многогрешный, недостойный; не (хотите, угодно) ли, может (быть), бы,* и т. п.); реплики и поговорки, призванные снять напряжённость, разрядить обстановку, помочь собеседнику в общении и др.

В русском речевом этикете многословие не рассматривается как речевой недочет (плеоназм). Оно служит прагматическим интенсификатором чувств: *У меня слов нет (не хватает) высказать, как я Вам благодарен! Благодарю вас. Сердечно (от всей души, От всего сердца) благодарю Вас! Просто даже не знаю, как мне Вас благодарить!* [2, 34].

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что большая часть знаков представляет собой структуру с материально выраженным предикативным центром: *Благодарю Вас...*, что этимологически восходит к предикативному центру высказывания: *Спасибо!* – *Спаси Бог (Вас, тебя)*, либо реализует свое «этикетное» значение в позиции предиката.

Переходную группу между указанными формулами составляют фразеосхемы предложно-падежного типа (*С благодарностью! В благодарность!*) и слова-предложения (*Путь-дорога! Живы-здоровы!*).

Этикетные знаки благодарности классифицируются по связанности значения с коммуникативной ситуацией: 1) жестко детерминированные конкретной ситуацией: *Ни чешуйки ни хвоста* – пожелание удачи рыболову; 2) нежестко детерминированные конкретной ситуацией: *Ни пуха ни пера* – пожелание удачи не только охотнику (ср. также широкоупотребительные знаки: *Благодарю; Спасибо; Признателен* и т. п.) [2, 24–25].

Составитель «Словаря русского речевого этикета» характеризует знаки официально-учтвого или экспрессивного выражения благодарности (*Благодарение (тебе, Вам, Вашей милости)*) [1, 43] и подтверждает это определение яркими иллюстрациями

из художественной литературы: *Господи, как я рада! Даже и благодарить вас...нет слов!* [Васса:] *И не надо. Ты – заслужила.* М. Горький. Васса Железнова; [София:] *Благодарю вас за билет. А за страданье вдвое* А. Грибоедов Горе от ума [1, 44]; *«Да неужно ли потерять спину?» – «Спасибо, спасибо. Не беспокойтесь, а прикажите только ...повысушить и вычисить мое платье».* Н. Гоголь. Мертвые души [1, 497].

Во многих словарных статьях «Словаря русского речевого этикета» А. Балакай, в том числе «Благодарить», «Благодарность», «Благодарный», «Спасибо», в качестве иллюстраций выступают пословицы.

Пословицы демонстрируют неразрывную связь этических и этикетных начал русской ментальности, поведенческие нормы (*Не гостям хозяина, а хозяину гостей благодарить надо; На добром слове кому не спасибо? Спасибо этому (вашему) дому, пойдем к другому; Не стоит благодарности за такие малости, Спасибо в карман не положишь (домой не принесешь)*) [1, 495].

«Словарь русского речевого этикета» позволяет проанализировать большой объем устойчивых формул общения. Мы можем сравнить традиционные, несколько устаревшие этикетные знаки с современными, отражающими языковые реалии сегодняшнего дня.

Нам видится перспектива изучения динамики формул речевого этикета на материале других словарей русского языка, так как активное сохранение, изучение и анализ речевого этикета – одна из базовых составляющих вежливого, доброжелательного речевого поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ ПРЕСС, 2001. – 672 с.
2. Балакай, А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 ; Орлов. гос. ун-т / Балакай Анатолий Георгиевич. – Орел, 2002. – 40 с.
3. Гольдин, В. Е. Речь и этикет / В. Е. Гольдин. – М. : Просвещение, 1983. – 109 с.
4. Стернин, И. А. Русские. Коммуникативное поведение / И. А. Стернин, Ю. Е. Прохоров. – М. : Наука, Флинта, 2011. – 331 с.
5. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. – М. : ИКАР, 2005. – 250 с.

SUMMARY

Natalya Gelyukh. Linguistic characteristics of gratitude formulas (based on the material of the “Dictionary of Russian Speech Etiquette” by A. Balakai)

The article analyzes the lexical, morphological and syntactic means, expressing category of gratitude. The author makes an attempt to analyze the constituent, semantics and functioning of speech etiquette formulas, expressing gratitude, based on the material from A. Balakai's "Dictionary of Russian Speech Etiquette".

The research is built upon the description of the semantic structure of speech etiquette verbal units, expressing gratitude.

Key words: formulas of gratitude, units of speech etiquette, denotative and connotative meaning, phrasemic etiquette signs.

Герасимова Анна

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Теркулов В. И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

АББРЕВИАТУРНАЯ ГРУППА ПРОФ-: МОДЕЛИ ФОРМАЛЬНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

В данной работе представлены общие сведения об аббревиатурной группе проф-. Проводится описание принципов создания моделей формальной эквивалентности синхронных аббревиатур – сложносокращённых апеллятивов.

Ключевые слова: *аббревиатурная группа, формальная модель эквивалентности, дешифровальная модель, гнездо эквивалентности, simultанность.*

Цель статьи – общая характеристика аббревиатурной группы «проф». Для решения данной цели были поставлены следующие задачи: определить систему понятий, обеспечивающих целостную интерпретацию сложносокращённых апеллятивов, охарактеризовать два способа их рассмотрения (диахронный и синхронный); провести полную характеристику аббревиатурной группы «проф»; дать определение понятиям «гнездо эквивалентности», «дешифровальная модель».

Актуальность работы обусловлена тем, что в ней на основе синхронного эквивалентностного подхода к исследованию сложносокращённых слов системно показывается новая интерпретация характеристик формальной эквивалентности слова и коррелирующего с ним словосочетания на примере аббревиатурной группы *проф-*. Результаты такого анализа являются средством прогнозирования эквивалентностных отношений для смежных аббревиатурных групп, что немаловажно при формировании методик

составления словарей нового типа – толковых словарей аббревиатур, отличительной чертой которых является представление в них всех обнаруженных в текстах эквивалентных словосочетаний.

В качестве материала для исследования выступают сложносокращённые апеллятивы, который входят в аббревиатурную группу «*проф*» (*профессиональный*, *профсоюзный*), включающую 71 гнездо эквивалентности. Всего в гнездах эквивалентности данной аббревиатурной группы отмечается 82 аббревиатурных пары «слово – эквивалентное словосочетание».

Под *аббревиатурной группой* здесь понимается группа сложносокращённых слов, имеющих одинаковый препозитивный абброконструкт, в нашем случае – *проф-*.

Гнездо эквивалентности – это совокупность словосочетаний, синхронно мотивационно связанных с аббревиатурой. Например, гнездо эквивалентности слова *профработник* включает мотивационно связанные с ним эквиваленты *профессиональный работник* и *работник профсоюза*.

При описании аббревиационной группы (АГ) с компонентом *проф-* была обнаружена возможность двойственной трактовки абброконструкта (АК) ее единиц, обусловленная наличием в языке двух коррелятов данного АК, например, *профсоюзный* и *профессиональный*. Так, в АК *проф-* в составе сложносокращённого слова (ССС) *профработник* может выступать в качестве эквивалента как слово *профессиональный*, так и слово *профсоюзный*, поскольку *профработник* – это и *профессиональный работник* ‘субъект трудового права, физическое лицо, работающее по трудовому договору у работодателя и получающее за это заработную плату’, и *профсоюзный работник* ‘лицо, выбранное в порядке, определенном уставом соответствующего профсоюза, профобъединения, а также наемный работник, который на основании трудового договора занимает штатную должность в профсоюзном органе соответствующего уровня и исполняет свои трудовые обязанности’.

Под абброконструктом понимается «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращенный эквивалент какого-либо слова» [1, 93]. Так, например, слово *профработник* содержит в себе абброконструкт *проф-*, эквивалентный словам *профсоюзный* и *профессиональный* в словосочетаниях *профсоюзный работник* и *профессиональный работник*.

Для описания этой одновременной двойственной эквивалентности было предложено понятие симульганта [2]. Различают три типа симульгантов: 1) абсолютный, 2) включенный, 3) сложносокращённые слова целиком, несокращённый компонент которых выступает гиперонимом. В нашем случае были выявлены 1 тип симульганта для АГ «*проф*» – это абсолютный симульгант, омонимичный АК, двоякая

интерпретация которого параллельна денотативной двойственности объекта, обозначаемого сложносокращенным словом. Например, СССР *профработник*: 1. Субъект трудового права, физическое лицо, работающее по трудовому договору у работодателя и получающее за это заработную плату (= *профессиональный работник*). 2. Лицо, выбранное в порядке, определенном уставом соответствующего профсоюза, профобъединения (= *профсоюзный работник*). В ряде случаев однозначно интерпретировать СССР в симультанной группе достаточно сложно: слово, например, *профудостоверение* вне контекста может быть определено и как *профсоюзное*, и как *профессиональное удостоверение*. АК в этом случае выступает однокорневым гиперонимом по отношению к своим словам-источникам.

В работах Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации предложено разграничение синхронного и диахронного анализа, принципиальная разница между которыми заключается в способе трактовки аббревиатуры, выделении ее системных характеристик [4, 63].

При **диахронном** подходе аббревиатурами следует считать только слова, возникшие в результате универбализации, то есть трансформации или интеграции словосочетания в сложное слово, а при **синхронном** – слова, которые имеют на актуальном срезе языка текстовые эквиваленты – словосочетания, независимо от того, возникли ли они в результате универбализации этих словосочетаний, или же эти словосочетания являются вторичными образованиями, развёрнутыми на базе аббревиатур в результате псевдоунивербализации.

Таким образом, разграничение диахронных и синхронных аббревиатур – это разграничение отношений производности (диахрония) и мотивированности (синхрония).

Формально-структурный анализ сложносокращённых слов определяет формальные характеристики дешифровального стимула и эквивалентного словосочетания.

Данный анализ осуществляется в два этапа:

1. На первом этапе устанавливается общая модель использования дешифровального стимула.

2. На втором – определяется конкретная модель эквивалентности.

Для создания **дешифровальной модели** применяются специальные символы – **базисные** (определяющие ономаσιологический базис) и **признаковые** (определяющие ономаσιологический признак) – компонентов эквивалентного аббревиатуре (дешифрующего) **словосочетания**. Базовым компонентом дешифровальной модели является описание структуры ДС, для формализации которой в виде схемы используются символы:

х – формальный эквивалент аббреконтрукта; у – простое слово. Например, пара **профмастерство – профессиональное мастерство** представляет собой модель **х(ад)-у**, где **х (ад)** – это простой адъектив, а **у** – простое слово.

Для аббревиатурной группы проф выделяются следующий модели:

1. х-а(ад)-у: **профлидер** – профсоюзный лидер; **профсанаторий** – профсоюзный санаторий; **профсовет** – профсоюзный совет;
2. у-х-а: **профработник** – работник профсоюза;
3. у-х-а(ад)-з: **профсобрание** – собрание профсоюзной организации;
4. у-х-а(ад)-з: **профсобрание** – собрание профсоюзного бюро;
5. х(ад)-у: **профпросвещение** – профессиональное просвещение;
6. х1(ад)-х2(ад)-у; **профтехучилище** – профессиональное техническое училище;
7. х1(ад)-х2(ад): **профтехнический** – профессиональный технический.

На втором этапе для каждой эквивалентной пары в пределах гнезда эквивалентности определяется конкретная модель формальной разновидности эквивалентности, которая описывает тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструкторов аббревиатуры и объединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общими операторами для этих блоков являются грамматические операторы, указывающие на частеречную принадлежность компонентов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т. д.), на номер падежной формы (1 – именительный, 2 – родительный и т. д.), на числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное). Для обозначения сложных слов, входящих в словосочетание, используется оператор «комп», т.е. композит.

При описании эквивалентности модели формальной разновидности эквивалентности имеют такой вид:

1. **Профцентр** – профсоюзный центр: **х-а(ад)-у** (модель структуры дешифровального стимула): **Прил1ед+Сущ1ед** (блок эквивалента профсоюзный центр) = **Чосн'Прил1ед+Сущ1ед** (блок аббревиатуры профцентр) (модель формальной разновидности эквивалентности).

2. **Профтехшколф** – профессиональная техническая школа: **х1(ад)- х2 (ад)-у** (модель структуры дешифровального стимула): **Прил1ед+Прил1ед+Сущ1ед** (блок эквивалента профессиональная техническая школа) = **ЧоснПрил1ед+ЧоснПрил1ед+Сущ1ед** (блок аббревиатуры профтехшкола) (модель формальной разновидности эквивалентности)

3. **Профгруппорг** – организатор профсоюзной группы:

у-х-з(ад)-у (модель структуры дешифровального стимула):
Сущ1ед+Прил2ед(комп)+Сущ2мн (блок эквивалента организатор профсоюзной группы) = **Сущ1ед+Чосн1Прил2ед+Сущ2мн** (блок аббревиатуры *профгруппорг*) (модель формальной разновидности эквивалентности)

4. *Профжаргон* – профессиональный жаргон: **х(ад)-у:**
Прил1ед+Сущ1ед = Чосн1Прил1ед+Сущ1ед

5. *Профсобрание* – собрание профсоюзного бюро:
у-х-а(ад)-з: Сущ1ед+Прил2ед(комп)+СущНескл =
Сущ1ед+Чосн1Прил2ед+СущНескл

Анализ аббревиатурных пар аббревиатурной группы «*проф*», включающую 71 гнездо эквивалентности, содержащих в себе 82 аббревиатурные пары «слово – эквивалентное словосочетание», позволил определить базовые параметры методик синхронного анализа формальной эквивалентности: методики анализа дешифровального стимула.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аламайрех, Е. Ю. Модели дешифровального стимула и формальной разновидности эквивалентности аббревиатуры в аббревиатурной группе «авто» / Е. Ю. Аламайрех // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 93–98.
2. Бровец, А. И. О симультанных абброконструктах (на материале аббревиационной группы электро) / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.) : сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 1. – С. 41–52.
3. Теркулов, В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
4. Смирнова, И. Р. О составном абброконструкте / И. Р. Смирнова // Вестник ДонНУ. Сер. Д : Филология и психология. – 2019. – № 2. – С. 62–70.

SUMMARY

Anna Gerasimova. Abbreviative group prof-: models of formal equivalence

This work provides general information about the abbreviation group prof-. The description of the principles of creating models of formal equivalence of synchronous abbreviations – compound abbreviated appellatives is described.

Key words: abbreviation group, formal model of equivalence, decryption model, nest of equivalence, simultaneity.

Гожа Вита

*Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Белоконь-Пожарицкая Н. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ КООРДИНАТЫ ГЕРОЕВ В КИНОПОВЕСТИ В. ШУКШИНА «КАЛИНА КРАСНАЯ»

В статье автор анализирует киноповесть известного автора деревенской прозы – В. Шукшина «Калина красная», которая была написана в 1973 году и до сегодняшнего дня привлекает внимание исследователей литературы. Анализ киноповести позволяет говорить о народных и фольклорных традициях в произведении, которые способствуют формированию духовно-нравственных ценностей героев.

Ключевые слова: киноповесть, сюжет, герой, персонаж, мифологическая традиция, лейтмотив.

Творчество В. Шукшина всегда привлекало литературоведов. О В. Шукшине писали известнейшие критики: Л. Аннинский, В. Кожин, А. Марченко, Г. Митин, С. Рассадин, М. Чудакова и др. Привлекает творчество писателя и современных исследователей литературы: А. Большакова, Е. Вертлиба, В. Коваленко, В. Наривская и др. Отмечая повышенную интертекстуальность творчества писателя, исследователи отмечают культурологическую направленность творчества В. Шукшина.

Начиная с 1970-х годов «деревенская проза» заняла лидирующие позиции в русской литературе. Деревенская проза впервые заговорила об истоках русской жизни, о народных ценностях, традициях, о связи поколений. Вопреки официальному мнению о герое литературы, деревенскую прозу представили умудренные жизненным опытом старики-праведники, со своим специфическим видением мира. Выразителями истинной нравственности, народных идеалов стали Матрена у А. Солженицына, Иван Африканович у В. Белова, старуха Дарья у В. Распутина, Люба у В. Шукшина.

В 1970-80-е годы внутри «деревенской прозы» формируется несколько направлений. Можно выделить следующие: историческое, представляющее русскую деревню прошлых веков (В. Белов, В. Можаев), натурфилософское, исследовательский пафос которого

выводит его за границы собственно деревенской темы в область актуальных забот всего человечества (В. Астафьев, В. Распутин), социально-психологическая проза с социальным анализом и психологической проблематикой (Ф. Абрамов, В. Шукшин).

Читая произведения писателя, мы можем отметить, что в его творчестве разрабатываются такие традиционные как для современной литературы, так и для устного народного творчества темы, как поиск смысла жизни героем, борьбы добра и зла (светлого и темного, правды и лжи), судьбы (скорби), труда, человеческих отношений. Эти темы определяют комплекс мотивов, которые генетически связаны с фольклором: тоски, одиночества, дома, души, морального испытания героя, его ухода и возвращения, смерти и возрождения. Использование традиционных тем и мотивов позволяет писателю раскрыть духовные изменения, которые состоялись в психологии народа и во внутреннем мире человека. Опираясь на доминанты устного народного творчества, В. Шукшин утверждает приоритет нравственных ценностей в современной жизни.

Для анализа в нашей работе мы остановились на киноповести «Калина красная». Известно, что название произведения взято из народной песни, которая лейтмотивом звучит в произведении. И образ главного героя напрямую связан с ведущими мотивами этой песни: зрелости, формирование характера, смерти. Образ Егора Прокудина воплощает блуждания человеческой души, трудные поиски народного идеала, правильного жизненного пути. Образ главного героя также связан с традицией духовных странствий и обретения истины (правды, добра), что является одной из ведущих в русском фольклоре. С образом Егора Прокудина связана главная тема не только этой повести, но, может быть, и всего творчества В. Шукшина – драматизм людских судеб в стране, развороченной войной и социальными экспериментами; неприютность человека, потерявшего естественный для него образ жизни и среду обитания.

Для творчества В. Шукшина характерна народно-мифологическая традиция, которая особенно ярко выражена в киноповести «Калина красная». Интересным с точки зрения характерологии выступает и характер героя, который является воплощением русской национальной ментальности. Если рассматривать характер Егора Прокудина, то на философском уровне – это бунт, на уровне социальном – культурный герой, который не нашел своего дела; на этическом уровне – вор, не только по профессии, но и по состоянию души, который украл свою жизнь и жизнь близких людей; на эстетическом уровне – культурный герой мифа, который пытается выстроить космос согласно своим представлениям. Такой точки зрения придерживается в исследовании В. Наривская [3, 35].

В киноповести «Калина красная» национальный характер представлен, как всегда у многих писателей русской прозы XX века, мужским началом. Что сразу противоречит названию произведения, потому что калина – носитель женской сакральности. В произведении калина красная – мифологическое воплощение Богоматери, а в дороге – воплощается любовь и мать. В то же время калина красная – дерево смерти. Проблема смерти и второго рождения возникает в произведении на интуитивном уровне, о чем свидетельствуют различные трактовки произведения и фильма, а также интервью, разъясняющие идею «Калины красной». А. Гуревич отмечал, что некоторая духовная незавершенность идей, которая возникает на уровне ментальности, является сложностью для восприятия социальной средой; возникает восприятие, которое бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, переворачивает и упрощает [1, 115].

Проблема смерти и второго рождения была одной из закрытых тем в литературы 60-70-х годов XX века. А проблема у В. Шукшина имеет большое познавательное значение. На этом уровне автору удается разглядеть такое, о чем нельзя сказать на уровне сознательных высказываний.

Традиционный образ горя, который встречается в фольклоре, переосмыслен писателем. Не случайно В. Шукшин дает главному герою воровскую кличку – Горе. Этот образ в произведении характеризует одиночество и нереализованность духовных сил Егора Прокудина, одновременно он воплощает трагизм судьбы главного героя, который ступил на путь борьбы со злом в себе и в мире. Странствия Егора Прокудина, на которые он был обречен общечеловеческим горем, детством без отца, потерей семьи, представлены как поиск правды, что всегда по русской традиции приводило к бунту.

В начале произведения мы видим совершенно другого Егора. Это сорокалетний уголовник, отсидев очередной срок, освобождается из заключения и по стечению обстоятельств вынужден поехать в деревню к девушке Любе, с которой познакомился по переписке. Едет он с намерением передохнуть после заключения. Всерьез к своей поездке и к тому, что говорил при расставании с начальником колонии, Егор не относится. Но встреча с Любой и ее семьей становится переломной в его судьбе.

Егор Прокудин стремится к «празднику жизни», то есть свободному существованию в гармонии с людьми и природой. Праздник души Егора Прокудина связан с мифологемой березы. Береза – песенное дерево России, символ ее центральной части и поэтому ее знак. Парадокс содержится не в обращении В. Шукшина к мифологеме березы. Исследователь Е. Мекш отмечает, что в «Калине красной» березы открывают герою мир красоты. «Соприкосновение

с этим миром врачует его мятущуюся душу, побуждает, творит добрые дела» [2, 94].

В «Калине красной» возникает три ипостаси женской сакральности: мать – Куделихи, то есть Парка, которая прядет нити жизни, кудель человеческой судьбы; Люба – любовь, которая продолжает традицию мировой литературы, когда сочетается женское и материнское. В фильме представлен еще один тип женской сакральности – сестра. Все они объединены мифологемой березы и пропущены через внутренний мир Егора. Духовная связь Егора и березы как Мирового Дерева содержится в том, что он от нее рожден.

Характерно и то, что на пути к истине, обозначенном этапа этого пути соотносится свой тип сакральности. Выход героя на волю и первая встреча с березой весной – это инициация, это смерть и второе рождение. Поэтому с возрождением березы связаны весна как начало жизни, березовый сок, как сама жизнь. «Вернулась к березке, погладил ее ладонью. – Здорово! Ишь ты какая... Невеста какая. Жениха ждешь? Скоро уж, скоро. – Егор быстро вернулся к машине. Все теперь понятно. Нужен выход какой-нибудь. И скорее. Немедленно» [4, 296].

Народная символика способствует раскрытию и других образов. Например, Егор Прокудин воспринимает Любу в сказочных символах – калина, колобок, а Люсьен названа в повести голубкой, волшебницей. Фольклорные символы помогают писателю раскрыть основные конфликты произведения – столкновение героя с миром и с самим собой.

Кульминационной сценой в кинофильме, но она отсутствовала в киноповести, становится встреча с Куделихою – матерью. В. Шукшин выстраивает встречу, вкладывает в нее мифологему земли, которую Егор сравнивает с камнем. И его отчаяние, прозрение, хотя и позднее сочетают его не только с землей, но и с небом. Именно поэтому рядом с ним находится Люба. С ней связан небесный купол, пространство неба с облаками – «небесными коровами». Контекстом этого космоса становятся березы как женская сакральность, воплощенная в образе Любы. В этом падении на землю, на женскую грудь Матери-земли рождается мотив сыновней жертвы, ее необходимости и неизбежности, здесь В. Шукшин сохраняет традицию мировой литературы, когда женское сакральное начало выводит героя к высшей духовности – к духовному спасению.

И в кульминации фильма с Егором Прокудиным рядом два типа женской сакральности – любовь и мать. В киноповести Люба наделена материнской сакральностью. В ней содержится мудрость матери, которой не хватает Куделихе, потому что она скорее богиня судьбы Парка, которая прядет нить человеческой жизни, нежели мать.

В киноповести «Калина красная» есть притчевая основа: рассказ о жизни Егора Прокудина наталкивает на размышления о проблемах современного поколения, о нравственных ценностях, что теряются в мире, о трудном выборе жизненного пути. Однако в отличие от притчи, В. Шукшин избегает прямого дидактизма, он не поучает читателей, а дает возможность им самостоятельно искать истину.

Своеобразие концепции национального характера в произведении В. М. Шукшина обусловлено тенденцией к философским обобщениям, тесной связью с моральными, социально-историческими проблемами. В. Шукшин соотносит судьбу своих героев с глобальными ситуациями века, в конкретных психологических ситуациях ищет отражение закономерностей исторических и космического бытия человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии // Одиссей. Человек в истории / А. Я. Гуревич. – М. : Наука, 1989. – 115 с.
2. Мекш, Э. Ю. Есенинские традиции в киноповести В. Шукшина «Калина красная» / Э. Ю. Мекш. – Рига, 1989. – С. 94–95.
3. Наривская, В. Д. Национальное в современной русской прозе / В. Д. Наривская. – Днепропетровск : ДДУ, 1993. – 56 с.
4. Шукшин, В. Калина красная / В. Шукшин : киноповести. – М. : Наука, 1991. – 450 с.

SUMMARY

Vita Goza. Spiritual and moral of the heroes in the novel «Kalina Krasnaya» by V. Shukhsin

In the article, the author analyzes the film story of the famous author of village prose V. Shukhsin «Kalina Krasnaya», which was written in 1973 and to this day attracts the attention of literary researchers. The analysis of the film story allows us to talk about folk and folklore traditions in the work, which contribute to the formation of the spiritual and moral values of the heroes.

Key words: film story, plot, hero, character, mythological tradition, leitmotif.

Головань Екатерина
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ГРАФИЧЕСКАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЭРГОУРБАНИМИКОНА ГОРЛОВКИ

В работе рассматриваются основные способы использования элементов языковой игры в нейминге эргоурбанимикона Горловки, обусловленных современными тенденциями языковой моды. Рассматриваются следующие понятия: графическая контаминация, суперграфемика, синграфемика, амперсанд, компрессия.

Ключевые слова: ономастика, эргоурбоним, эргоурбанимикон, языковая мода, языковая игра, графическая игра.

Ономастика – самостоятельная наука, имеющая интегративный характер: она объединяет в себе данные лингвистики, географии, истории, культурологии, социологии, психологии и других наук [4]. Имя в каждом языке – это культурное и национальное наследие, которые определяют определённые этнокультурные значения. Однако мы живем в эпоху глобализации, когда появление новых имен, соответствующих времени, отличается неоднородностью структуры и коннотативной направленностью. Предметом нашего исследования является рассмотрение особенностей современных эргоурбонимов Горловки, а объектом – графическая деконструкция эргоурбанимикона Горловки.

Для привлечения внимания покупателей и владельцев при выборе и формировании эргурбонимов номинаторы используют элементы языковой и графической игры, которые включают изменение шрифта, цвета букв и использование универсальных символов. Такие факторы влияют на форму эргурбонимов, а также вызывают появление имплицитных значений в именах.

Для детального описания использования элементов языковой игры в современном нейминге рассмотрим эргурбонимы Горловки с графической деконструкцией слова.

Графическая деконструкция проявляется в изменении внешнего вида эргоурбонима, его грамматической структуры. Такие изменения приводят к возникновению новых значений, которые основаны на омофонии. В нашей работе мы исследовали и идентифицировали следующие типы графической деконструкции: 1) графическую контаминацию; 2) синграфемiku («включение» в эргоурбоним пунктуационных знаков); 3) супраграфемiku (контаминация с графически выделенным элементом).

На наш взгляд, широко используемым приёмом языковой игры является графическая контаминация (1). Контаминация – это продуктивный в языковой игре словообразовательный приём, представляющий собой образование нового слова при помощи соединения (наложения) двух слов и их частей [1, 50]. Графическая контаминация позволяет номинаторам «сэконономить» место для эргоурбонима (например, обувной магазин «*ЦентрОбувь*», строительный магазин «*МастерПлюс*»). Производящими для таких эргоурбонимов-окказионализмов могут быть только слова / фрагменты / унирадиксоиды, сохраняющие с ними как формальную, так и семантическую связь.

Игра с внутренней формой слова с помощью графических средств на базе контаминации позволяет создавать окказионализм в пределах знакомого слова (например, магазин «*МастерОК*», салон красоты «*СтрижКА*»). Наиболее распространенным приемом графической контаминации является капитализация – изменение внутренней формы лексемы, которая сопровождается графической актуализацией отдельных морфем либо части слова (например, магазин «*Симфония*», стоматология «*Стоматология*»).

Имплицитная информация в эргурбонимах типа «*Мастер + ОК*» имеет характер завуалированной характеристики фирмы / предприятия, то есть содержит сему ‘хороший мастер’, название указывает на оценку качества предлагаемой услуги. Как видим, в основе графической деконструкции лежит языковая игра.

Еще один тип графической деконструкции эргоурбонимов – это синграфемика, то есть «включение» пунктуационных знаков (2). В основе этого приёма лежит механизм вариации знаков препинания. Особенностью эргурбонимов с таким типом графической деконструкции является отсутствие привычных рамок: знаки препинания могут появляться в начале и в середине слова, поэтому они становятся неотъемлемой частью эргоурбонима (например, компьютерный магазин «*Olas.nova*»).

Третьим типом графической деконструкции является супраграфемика (контаминация с графически выделенным элементом). Так, в эргоурбонимах часто используется знак «амперсанд», не свойственный русской традиции письма (например, торговый ряд «*Чай&Кофе*»). Использование амперсанда – один из наиболее продуктивных видов графических игр в эргоурбонимике. Графическая деконструкция состоит из графического, «включения» орфографических и пунктуационных знаков в эргонимику или синграфемику. Наиболее важной особенностью этого типа графической игры является ее универсальность: номинаторы могут использовать заглавные буквы, чтобы выделить любой фрагмент эргоурбонима.

Итак, современная языковая ситуация оказывает непосредственное влияние на появление новых эргоурбонимов и изменение старых. С этой целью в эргоурбонимиконе Горловки используются разные типы графической деконструкции, которые отображают влияние языковой моды. Языковая мода – это социальное и психологически сложное явление, непосредственно сопровождающее процесс именования. Данная тема представляет интерес с точки зрения изучения графических особенностей эргоурбанимикона Горловки, что и является перспективой нашего дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова, М. П. Языковая игра в постмодернистском дискурсе / М. П. Блинова. И. Н. Пономаренко // Культурная жизнь Юга России. – 2012. – № 2 (45). – С. 49–51.
2. Журавлёва, Н. Г. Феномен «модного» слова: динамический аспект / Н. Г. Журавлёва // Образование. Наука. Инновации : Южное измерение. – 2010. – № 1 (11). – С. 83–89.
3. Клепач, Е. В. Языковая мода: эволюция лингвокультурных форм / Е. В. Клепач : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 210 с.
4. Подольская, Н. В. Ономастика / Н. В. Подольская // Энциклопедия «Русский язык»; 2-е изд-е / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Дрофа, 1997. – С. 290–291.

SUMMARY

Yekateryna Golovan. Graphic deconstruction of the ergourbanimicon in Gorlovka

The article discusses the main methods of using the elements of a language game in the naming of the Gorlovka ergourbanimicon, due to the current trends in the language fashion. The following concepts are considered: graphic contamination, supergraphemics, syngrahemics, ampersand, compression.

Key words: onomastics, ergurbonim, ergurbanimicon, language game, graphic game.

Голуб Валерия
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

ОТНОШЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЕ ОПЕР-

*В работе даются общие сведения об аббревиатурной группе **опер-**. Устанавливаются и описываются модели формальной эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности аббревиатур, входящих в аббревиатурную группу **«опер»**.*

Ключевые слова: аббревиатурная группа, формальная модель эквивалентности, дешифровальная модель, гнездо эквивалентности, симультантность.

Целью нашего исследования является общая характеристика принципов анализа эквивалентности в гнездах эквивалентности сложносокращённых слов на примере аббревиатурной группы **опер-** (**операционный; оперативный**).

Задачи, решаемые в нашей работе: дать определение понятиям «гнездо эквивалентности», «дешифровальная модель»; определить особенности дешифровальных стимулов в аббревиатурной группе раб; охарактеризовать отношения симультантности в ней; установить и описать модели формальной эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности аббревиатур, входящих в аббревиатурную группу **«опер»**.

В качестве **материала** для исследования выступают сложносокращённые апеллятивы, которые входят в аббревиатурную группу **«опер»** (**оперативный, операционный**), включающую 20 гнезд эквивалентности. Всего в гнездах эквивалентности данной аббревиатурной группы отмечается 28 аббревиатурных пар «слово – эквивалентное словосочетание».

Актуальность работы: результаты анализа формальной структуры эквивалентности в гнездах эквивалентности сложносокращённых слов на примере аббревиатурной группы **опер-** являются средством прогнозирования эквивалентностных отношений для смежных аббревиатурных групп, что немаловажно при формировании методик составления словарей нового типа – толковых словарей аббревиатур, отличительной чертой которых является представление в них всех обнаруженных в текстах эквивалентных словосочетаний.

Абброконструктом называется «сокращённый эквивалент какого-либо слова, входящий в состав аббревиатуры» [1, 93]. Например, слово

оперблок содержит абброконструкт *опер-*, эквивалентный словам *операционный* и *оперативный* в словосочетаниях *оперативный блок* и *операционный блок*.

Гнездо эквивалентности – это «совокупность словосочетаний, синхронно мотивационно связанных с аббревиатурой» [1, 93]. Например, гнездо эквивалентности слова *оперданные* включает обнаруженные в актуальных текстах мотивационно связанные с ним эквиваленты *оперативные данные* и *операционные данные*.

В ходе описания аббревиационной группы (АГ) с компонентом **опер-** была обнаружена возможность двойственной трактовки используемого в ней абброконструкта (АК), обусловленная наличием в языке двух коррелятов данного АК – *оперативный* и *операционный*. Например, АК *опер-* в составе сложносокращенного слова (ССС) является эквивалентом как слова *оперативный*, так и *операционный*, поскольку, например, слово «*оперблок*» может быть эквивалентно как словосочетанию *оперативный блок* ‘отделение медицинского учреждения, где происходит наиболее опасный и ответственный этап в лечении больного и поэтому должна выполняться по строго обоснованным показаниям’, так и словосочетанию *операционный блок* ‘отделение медицинского учреждения, в котором проводятся хирургические вмешательства в стерильных условиях’.

Для описания этой одновременной двойственной эквивалентности А. И. Бровцом было предложено понятие «симультант» – особая разновидность аббревиационного конструкта аббревиатуры, которому соответствуют два или несколько слов в разных эквивалентных словосочетаниях (см. об этом: [2, 41; 3, 540]).

Источниками симультанной эквивалентности слова и словосочетания являются используемые в аббревиатурной группе дешифровальные стимулы (ДС) – «фоновые знания, которые стимулируют возможность разной трактовки СССР» [2, 43]. Результаты опроса, проведённого нами среди студентов филологического факультета, демонстрируют недифференцированное представление о различии концептов «операционный» и «оперативный». Как правило, *оперативный* связывается со следующими значениями: 1. Хирургическое вмешательство. 2. Непосредственное исполнение, практическое осуществление тех или иных задач, планов, начинаний. 3. Быстрое выполнение тех или иных задач; умение быстро справляться с практическими задачами. Например, *оперативный работник*, *оперативное мероприятие*, *оперативная работа*. **Операционный** же соотносится по значению с существительным «операция». Например, *операционный день*, *операционная линия*, *операционный зал*.

Исследования Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации показали, что синхронный и диахронный

подходы реализуют разные методики выделения аббревиатур: «при диахронном подходе аббревиатурами следует считать только слова, возникшие в результате универбализации, то есть трансформации или «интеграции» словосочетания в сложное слово, а при синхронном – слова, которые имеют на актуальном срезе языка текстовые эквиваленты – словосочетания, независимо от того, возникли ли они в результате универбализации этих словосочетаний, или же эти словосочетания являются вторичными образованиями, развёрнутыми на базе аббревиатур в результате псевдоунивербализации» [1, 92]. Иначе говоря, если при диахронном подходе для нас важно определить, от чего произведено, например, слово *оперданные* – от словосочетания *оперативные данные* или от словосочетания *операционные данные*, то при синхронном подходе мы констатируем, что в эквивалентных текстах слово *оперданные* может взаимозаменяться со словосочетаниями *оперативные данные* и *операционные данные*. Толковый словарь сложносокращённых слов, в рамках работы над которым осуществляется наше исследование, создаётся на основе именно синхронного подхода, поэтому в данной статье представлены результаты синхронного анализа избранной АГ.

Можно утверждать, что *опергруппа* – это синхронный сложносокращённый апеллятив, поскольку на актуальном срезе языка он имеет текстовый синтаксический эквивалент *оперативная группа*, и эта эквивалентность подтверждается следующим: компоненты словосочетания являются эквивалентами конструкторов аббревиатуры: *опер* = *оперативная*, *группа* = *группа*.

Формально-структурная характеристика аббревиатурной группы представляет собой систему моделей формального соответствия сложносокращённого слова и его текстовых эквивалентов. Она осуществляется в два этапа: на первом устанавливается общая модель использования дешифровального стимула, а на втором – конкретная модель формальной разновидности эквивалентности. При построении системы моделей использования дешифровального стимула определяется предельная структура последнего.

Дешифровальная модель представляет собой объединение символов базисных (выступающих в качестве ономаσιологического базиса) и признаков (выступающих в качестве ономаσιологического признака) компонентов эквивалентного аббревиатуре (дешифрующего) словосочетания. Например, пара *оперблок* – *оперативный блок* представляет модель у-х, где как базисный препозитивный, так и признаковый постпозитивный компоненты являются простыми словами. Базовым компонентом дешифровальной модели является описание структуры ДС, для формализации которой в виде схемы используются символы:

х – формальный эквивалент абброконструкта; например, в паре *опервзвод – оперативный взвод* символом х обозначается слово оперативный, являющееся формальным эквивалентом абброконструкта *опер-*; у – простое слово, например, слово *взвод* в паре *опервзвод – оперативный взвод*.

Для группы **опер** отмечаются следующие модели:

1) х(ад)-у: *оперблок – оперативный/операционный блок; опервзвод – оперативный взвод; опергруппа – оперативная группа; оперданные – оперативные/операционные данные; опердень – операционный день* и др.;

2) (х¹х²(ад))-у: *оперчекработа – оперативно-чекистская работа.*

Второй этап анализа предполагает создание моделей формальной разновидности эквивалентности, которая «описывает тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструктов аббревиатуры и объединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента» [4, 90]. В блоке словосочетания даются грамматические характеристики слов, входящих в это словосочетание, а в блоке сложносокращённого слова описывается способ представленности компонентов словосочетания в аббревиатуре. Общими операторами для этих блоков являются грамматические операторы, указывающие на частеречную принадлежность компонентов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т. д.), на номер падежной формы (1 – именительный, 2 – родительный и т. д.), на числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное). Для обозначения сложных слов, входящих в словосочетание, используется оператор «комп». В блоке аббревиатуры добавляются операторы, определяющие качество абброэквивалента (Чосн – часть основы, Чосн1 – первая часть основы эквивалентного сложного слова).

Например, при описании эквивалентности *оперязык – операционный язык* модель формальной разновидности эквивалентности имеет такой вид: х(ад)-у (модель структуры дешифровального стимула): Прил1ед+Сущ1ед (блок эквивалента *операционный язык*) = ЧоснПрил1ед+Сущ1ед (блок аббревиатуры *оперязык*) модель формальной разновидности эквивалентности.

Итак, рассматриваемая в работе аббревиатурная группа с абброконструктом *опер* представлена 20 гнездами эквивалентности, включающими 28 аббревиатурных пар «слово – эквивалентное словосочетание». Формальные дешифровальные стимулы, которые вводятся через определенную систему знаков, образуют дешифровальную матрицу, в которую также входит модель формальной разновидности эквивалентности. Обнаружено две модели эквивалентности и две модели ДС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аламайрех, Е. Ю. Модели дешифровального стимула и формальной разновидности эквивалентности аббревиатуры в аббревиатурной группе «авто» / Е. Ю. Аламайрех // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 93–98.
2. Бровец, А. И. «О Симультаных абброконструктах (на материале аббревиационной группы «электро») / А. И. Бровец. – Симферополь, 2016. – С. 41–52.
3. Ровная, В. Ю. О симультаных абброконструктах (на материале аббревиационной группы «гео») / В. Ю. Ровная // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка). – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 539–543.
4. Теркулов, В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

SUMMARY

Valeria Golub. Equivalence relations in the acronym opera group

The work provides general information about the abbreviation group of operas. Models of formal equivalence are established and described within the nest of equivalence of abbreviations included in the abbreviation group “operas”.

Key words: abbreviation group, formal model of equivalence, decryption model, nest of equivalence, simultaneity.

Грунистая Альбина

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Жихарева Н. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

Речевая агрессия является способом вербальной манипуляции сознанием человека, что не может быть расценено как положительное языковое явление. Данное понятие вошло в сферу интересов языкознания сравнительно недавно, при этом особое внимание уделяется механизмам построения вербальной агрессии,

а также ее маркерам, используемым в рамках полумплицитных речевых актов.

Ключевые слова: *речевая агрессия, манипуляция, маркеры речевой агрессии.*

Понятие речевой агрессии тесно взаимосвязано с психологией, но, в отличие от психологии, где она рассматривается как сильное выражение негативных чувств, в лингвистике речевую агрессию принято рассматривать с точки зрения стремления адресанта речи оказать влияние на адресата речи, то есть манипулировать им через вербальное взаимодействие.

Прежде всего, обратимся к понятию речевой агрессии как таковой. У К. Ф. Седовой находим следующее определение данного понятия: «Речевая агрессия – целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия» [7, 197]. Таким образом, мы говорим о том, что речевая агрессия не просто ставит своей целью манипулировать оппонентом, но делает это через непосредственное воздействие на его психо-эмоциональное состояние. В то же время Т. А. Воронцова заостряет свое внимание на том, что «речевая агрессия – коммуникативно-прагматическое явление, которое не может рассматриваться вне дискурсивного контекста» [1, 18].

Рассматривать речевую агрессию мы считаем наиболее целесообразным на уровне речевого акта, как минимальной единицы общения. Речевой акт приравнивается к коммуникативному ходу в выстраиваемой адресантом речи коммуникативной тактике.

Как известно, выделяют две основные группы речевых актов на основе наличия в их структуре косвенной иллокуции, а именно: прямые и косвенные. В прямых речевых актах речевая агрессия не будет скрываться, она будет четко выражена, не будет требовать интерпретации; в то же время в рамках реализации речевой агрессии в косвенных речевых актах, она будет скрыта в косвенной иллокуции, и, в зависимости от типа речевого акта, на ее присутствие могут указывать наличие так называемых маркеров, экстралингвистические факторы, контекст и т.д. Не стоит забывать и о том, что наличие тех или иных маркеров не может в полной мере отобразить наличие или отсутствие речевой агрессии, но лишь указывает на возможность присутствия данного элемента в рамках речевого акта. Поэтому немаловажным фактором является коммуникативная компетентность обоих участников коммуникативного взаимодействия, что, в свою очередь, будет выражаться в умении адресанта строить свою речь и, в том числе, косвенные речевые акты, исходя из особенностей личности оппонента, чтобы тот мог их распознать и

правильно интерпретировать, что и составляет коммуникативную компетентность адресата.

В течение последних лет прослеживается тенденция к все более активному использованию речевой агрессии в разных типах дискурса. Существуют разные точки зрения на причины популяризации данного явления, однако примеры речевой агрессии все чаще встречаются и в пространстве масс-медиа, и в политической среде, и в сфере ежедневного бытового речевого взаимодействия, и на страницах художественных произведений.

Художественная проза является отображением тех речевых явлений и тенденций, которые присущи тому или иному периоду. На это есть две основные причины: во-первых, в большинстве случаев, описываемые события происходят в тот же временной промежуток, в котором жил или живет автор, а характеры его персонажей, их речь и манера поведения отображают реальных людей; во-вторых, автор являет частью социума, и, таким образом, он подвергается тому же влиянию, что и другие люди, и в последствии переносит те или иные тенденции коммуникативного взаимодействия на страницы своего произведения.

В связи с этим, мы считаем целесообразным рассмотреть маркеры речевой агрессии, реализованные в рамках диалогов героев романа Дины Рубиной «Бабий ветер», как примера произведения современной прозы, отображающие основные тенденции использования речевой агрессии, а также построения манипулятивных тактик.

Одной из наиболее распространенных тактик речевой агрессии является употребление в речи риторических вопросов. Например,

«Когда тетя-Таня просекла, куда я исчезаю по выходным, она организовала дома добротный, жирный-наваристый скандал.

– Яков! – кричала она отцу. – Шо ты смотришь спокойно, как она камнем падает с неба?! Ты уже летал, ты уже имеешь жизнь одной рукой! Тебе мало было потерять незабвенную Розу, тебе неймется ухаживать за двумя могилами?!» [5, 7].

Стоит отметить, что в связи с тем, что читаемый нами диалог лишен визуальной реализации, что подразумевает невозможность читателя оперировать экстралингвистическими факторами, большое внимание уделяется словам авторам, авторским отступлениям, которые и компенсируют данный пробел и дают более полную картину ситуации, в рамках которой и реализуется диалог.

Как мы видим, достаточно широкое использование риторических вопросов с повышенной категоричностью не оставляет оппоненту шанса повлиять на ход коммуникации и сделать свое положение более выгодным.

В данном случае просматривается достаточно широкое использование фразеологических оборотов, что уже подразумевает наличие косвенной иллюзии.

Речевой акт *«Шо ты смотришь спокойно, как она камнем падает с неба?!»* построен не только на использовании фразеологических единиц, но также и на приеме антитезы. В то время как в основу построения речевого акта *«Тебе мало было потерять незабвенную Розу, тебе нейдет ухаживать за двумя могилами?!»* заложена сатира.

Достаточно широко распространено использование просторечий в лексике, например, *«шо»*, *«неидет»* и т.д.

Вместе с тем, просматривается четкая тенденция к необоснованно частому использованию личного местоимения «ты» в именительном, дательном и винительном падежах, что увеличивает личностную ориентированность речевого акта, а также указывает на заложенную по отношению к оппоненту негативную коннотацию.

Что касается грамматического аспекта, то здесь прослеживается тенденция к использованию глаголов несовершенного вида при описании проблемы, неблагоприятных условий, сложившейся ситуации, а также, когда адресант речи хочет оказать видимое влияние на адресата речи. В то время как использование глаголов совершенного вида ставит перед собой цель дискредитировать оппонента, поставив под сомнение его авторитетность.

Также, с целью дискредитации образа оппонента или третьего лица, используется сослагательное (условное) наклонение глагола. Например,

«– Не такого провожатого хотелось бы видеть рядом с вами, блондинка! Это что за тип?»

– Да так, – говорю, – пацанчик из социальной службы. Когда он со мной, могу ходунки не брать.

Женя-Чак усмехнулся, головой покачал:

– Все юморишь, Галина... А я гляжу на тебя, такую дивную бабу, такая от тебя сила прет... И слушаю бубнеж этого слизняка, и не врубаюсь...» [5, 9].

В то же время стоит отметить выбор лексических средств для номинации объектов речи. Во-первых, выбор лексики обеспечивает коннотацию «свой-чужой». Во-вторых, с течением диалога прослеживается редуцирование положительной коннотации номинации. Например, если в начале противопоставляются номинации «такой провожатый» и «блондинка», то уже дальше мы видим, как увеличивается негативное восприятие «чужого элемента» и появляется фамильярность по отношению к элементу категории свой – «дивная баба», а вместе с изменением в выборе лексики, происходит и усиление элемента категоричности и агрессивности.

Вместе с тем, адресант речи говорит об объектах речи в третьем лице, не смотря на то, что они являются живыми людьми и один из них является непосредственно адресатом речи, что усиливает эффект манипулятивной тактики дискредитации оппонента.

Таким образом, как видно на примере романа Дины Рубиной «Бабий ветер», в современном художественном дискурсе широко распространено явление речевой агрессии. Практически в каждом диалогическом взаимодействии прослеживаются речевые акты, содержащие в себе элементы речевой агрессии и ставящие перед собой цель манипулятивного воздействия на адресата речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход : автореф. дис. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Т. А. Воронцова. – Челябинск, 2006. – 43 с.
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 7-е / О. С. Иссерс. – М. : Изд-во УРСС, ЛКИ, 2015. – 304 с.
3. Ларионова, А. С. Лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / А. С. Ларионова. – М., 2008. – 25 с.
4. Мулькеева, В. О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: Дисс. ... канд. филол. наук. / В. О. Мулькеева. – СПб., 2005. – 190 с.
5. Рубина, Д. И. Бабий ветер / Д. И. Рубина. – М. : Эксмо, 2017. – 280 с.
6. Седов, К. Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии / К. Ф. Седов // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003. – С. 196–212.
7. Седов, К. Ф. Речевая манипуляция как стремление к власти над человеком / К. Ф. Седов // Власть и речь. – Саратов, 2004. – С. 183–190.

SUMMARY

Albina Grunistaya. Lexico-grammatical markers of speech aggression

This work highlights the concept of speech aggression as a negative trend in the development of speech interaction. This concept is considered at the level of a speech act as the minimum unit of communication and communicative course. Lexical-grammatical markers of speech

aggression are highlighted by the example of Dina Rubina's novel «Babii Veter».

Key words: speech aggression, manipulation, markers of speech aggression.

Дмитриева Юлия

*к. филол. н., доц. кафедры общего языкознания и славянских языков
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. ТРИБУШНОГО

В работе рассматривается пространственный код культуры как совокупность представлений о членении пространства на основные зоны. Автор приводит физическую пространственную модель мира, характерную для русской лингвокультуры, и описывает особенности представления пространства в произведениях донецкого поэта Д. Трибушного.

Ключевые слова: *пространственный код культуры, физическая пространственная модель мира, локатив, вербальный знак, лингвокультура.*

Пространственный код культуры трактуется исследователями как глубинные представления этноса об особенностях организации пространства, его членении, распределении на зоны. Согласно концепции Ю. С. Степанова, эти представления часто не осознаются носителями лингвокультуры (см. пример учёного с членением пространства на зоны «своего» и «чужого» [4, 472]). Рассматриваемый код культуры неоднократно становился объектом исследовательского интереса: проанализированы средства его объективации в разных языках (английском, немецком, французском, русском и др.), разработаны и описаны пространственные модели мира (см. [2]). Однако особенности представления пространства в текстах локальных (региональных) писателей не были изучены, что обуславливает актуальность данного исследования.

Целью работы является описание особенностей представления пространства в стихотворениях «Звони, Донбасс обетованный...», «Двухсотый день зимы. Мороз и артналёт» Д. Трибушного.

Пространство – один из базовых параметров восприятия мира индивидом. В традиционной для русской лингвокультуры физической пространственной модели мира оно представлено как некая система концентрических кругов, в центре которой находится человек.

Отметим, что в рамках данной модели возможно перемещение из одного круга в другой, а сами круги расположены от зоны «своего» к зоне «чужого». Индивид может перемещаться как внутри комфортной и культурно ассимилированной зоне «своего» (в работах Ю. М. Лотмана – внутреннего), так и переходит во враждебную, внешнюю зону «чужого». Именно он определяет границы членения пространства, делит его на зоны «своего» и «чужого». Ср.: «Представление о “своем” и “чужом” пространстве мыслится как совокупность концентрических кругов, при этом в самом центре находится человек и его ближайшее окружение (например: человек – дом – двор – село – поле – лес). Степень «чужести» возрастает по мере удаления от центра, «свое» (культурное) пространство через ряд границ (забор, околица, река и т. п.) переходит в “чужое” (природное), которое в свою очередь граничит или отождествляется с потусторонним миром» [3, 581].

Однако в произведениях донецкого поэта границы зон «своего» и «чужого» размываются, что связано не только с восприятием мира, но и с историческими условиями жизни социума (ведение военных действий в Донбассе). Так, в стихотворении «Звони, Донбасс обетованный...» репрезентированы как фрагменты физической пространственной модели мира, так и представления о горизонтальном членении мира на три зоны (см. [Дмитриева 2015, 2016, 2018]).

Физическая пространственная модель мира эксплицирована локативами *Донбасс, Донецк, город, дом*, а также вербальным знаком *ворота*. Ср.: *Звони, Донбасс обетованный, / На самый верх* [5, 4]; *Мужайся, город непорочный, / Где каждый дом / Проверен «Градами» на прочность* [Там же]; *Гори, Донецк неопалимый, / И не сгорай* [Там же]; *На час открыли херувимы / Ворота в рай* [Там же]. Отметим, что лирический герой отстранённо воспринимает пространство, обращаясь к краю в целом, к городу (использование предикатов в повелительном наклонении *гори, мужайся, звони*, а также введение локативов в обращения *Донбасс обетованный, Донецк неопалимый, город непорочный*). Так, локатив *дом*, т.е. самое надёжное и хорошо знакомое человеку место, в котором он чувствует себя максимально комфортно, в стихотворении используется для номинирования зданий населённого пункта. Ср.: «Дом – здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» [1, 272]. А сочетание *проверен на прочность* эксплицирует представление о ненадёжности дома, его уязвимости перед «Градами», т.е. орудиями массового поражения.

Лексема *ворота*, т.е. «широкий вход или проезд, запираемый створами (в строениях, стенах, заборах)» [1, 150], эксплицирует представление о границе, проходящей между зонами, а также о месте, в котором эти границы можно преодолеть.

Условия жизнедеятельности лирического героя влияют на его восприятие пространства, которое не мыслится как нечто цельное, объёмное и протяжённое. Оно представлено локальными точками и организовано не в форме кругов, а по вертикали (с движением вверх). В произведении объекты онтологического мира, т.е. зоны «своего», переходят в зону «чужого», потустороннего – в верхний божественный мир (употребление лексем *обетованный, пророк, манна, херувимы, рай, крещённый* и т.д.).

Итак, в стихотворении «Звони, Донбасс обетованный...» Д. Трибушного пространство представлено как совмещение двух планов бытия: физического объекта онтологического мира, объективированного лексемами *Донбасс, Донецк, город, дом*, и нематериального плана бытия, выраженного вербальными знаками *обетованный, пророк, манна, херувимы, рай, крещённый*.

В другом произведении донецкого поэта «Двухсотый день зимы. Мороз и артналёт» физическая пространственная модель мира объективирована лексическими единицами *Пролетарка, город, парк*. Ср.: *Сегодня принимает Пролетарка* [5, 15]; *Над городом сгустились беспилоты* [5, 15]; *Какой донецкий марш (послушай, Амадей) / Разучивают в парке миномёты!* [5, 15].

Отметим, что произведение построено на противопоставлении двух противоположных явлений: природного, эксплицированного лексемами *мороз, лёд*, и культурного (артефакты, созданные человеком, разрушают созданное им самим культурно ассимилированное пространство), вербализованного словами *артналёт, принимает, миномёты*.

Кроме того, в анализируемом произведении также накладываются зоны «своего» (внутреннего) и «чужого» (внешнего). В знакомом пространстве оказываются зоны «чужого» небесного мира. Ср.: *Сегодня принимает Пролетарка. / И сквозь огонь и лёд счастливый звездочёт / Несёт в вертеп пакет с гуманитаркой. / Открылся райский сад для кошек и детей* [5, 15]. Так, словосочетание *райский сад* в русской лингвокультуре эксплицирует представление о потустороннем мире, куда попадают праведники после смерти. Лексема *вертеп* в языковом опыте этноса употребляется для номинирования «притона» [1, 120], т.е. физического места. Отметим, что изменяется не только восприятие пространства лирическим героем, но и времени. Ср.: *Двухсотый день зимы* [5, 15].

Итак, в стихотворениях Д. Трибушного «Звони, Донбасс обетованный...» и «Двухсотый день зимы. Мороз и артналёт» пространство представляется не как некая объёмная, протяжённая среда, в которой живёт человек, а как нечто непрочное, легко разрушаемое, фрагментарное. Зоны «своего» и «чужого»

накладываются друг на друга (физические объекты соседствуют с объектами небесного мира). Также в произведениях репрезентировано представление о вертикальной организации пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Дмитриева, Ю. Л. Средства вербализации пространственной модели мира в произведениях С. Есенина / Ю. Л. Дмитриева // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков : Мат-лы III Междунар.й научно-методич. конф. (22 мая 2020 г.). – Донецк : ДонНТУ, 2020. – С. 33–39.
3. Славянские древности : Этнолингвистический словарь. В 5-ти т. Т. 4 / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 2009. – 656 с.
4. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
5. Трибушный, Д. Стихотворения / Д. Трибушный // Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов. Сборник стихов. – М. : Перо, 2015. – С. 13–15.

SUMMARY

Julia Dmutrieva. Features representations of space in the works of D. Tribushnogo

The paper considers the spatial code of culture as a set of ideas about the division of space into main zones. The author gives a physical spatial model of the world, typical for Russian linguoculture, and describes the features of space representation in the works of the Donetsk poet D. Tribushnyj.

Key words: spatial code of culture, physical spatial model of the world, locative, verbal sign, linguoculture.

Дмитрова Екатерина
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

ГОДОНИМЫ ПЕТРОВСКОГО РАЙОНА ГОРОДА ДОНЕЦКА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛОКАЛЬНО- ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Статья посвящена изучению особенностей формирования и использования годонимов. Осуществлена лексико-семантическая классификация годонимов Петровского района города Донецка как средства репрезентации локально-географической ориентации.

Ключевые слова: *топоним, урбаноним, годоним, лексико-семантическая классификация, улица.*

Комплексное изучение урбанонимов как неотъемлемой составляющей лингвистического ландшафта города принадлежит к числу актуальных проблем ономастики (см. [1; 2; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13 и др.]).

Годонимы, понимаемые как одна из разновидностей номинаций внутригородских объектов, представляют собой названия линейных адресных объектов, т. е. улиц, проспектов, бульваров, переулков, линий, проездов, тупиков, аллей, набережных, шоссе, микрорайонов, кварталов в их городской протяжённости (см. обзор в [15; 16]).

Предлагаемая статья продолжает цикл публикаций, посвящённых комплексному анализу годонимикона Буденновского, Петровского районов г. Донецка и Октябрьского, Первомайского районов г. Ростова-на-Дону (см. [3; 4; 5; 6; 17; 18 и др.]).

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать годонимы Петровского района города Донецка как средство репрезентации локально-географической ориентации.

Объект исследования – годонимы Петровского района города Донецка как часть топонимического пространства региона и подсистема урбанонимии города. В то время как **предмет исследования** составляют структурно-семантические параметры рассматриваемых годонимов.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки годонимов из различных реестров наименований улиц Петровского района города Донецка. При формировании картотеки фактического материала также принимались во внимание данные справочников, интернет-сайтов и карты города. Авторская картотека охватывает 361 годоним, при этом на территории Петровского района реализуются

годонимы с такими терминами-классификаторами, как *улица* (333 единицы), *переулок* (25 единиц), *проспект* (3 единицы). На территории Петровского района также представлены три *агоронима*, т. е. номинации площадей: пл. *им. Петровского*, пл. *Победы*, пл. *Правды*.

Как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, годонимы Петровского района относятся к следующим структурным разновидностям:

1. Однокомпонентные годонимы (332 единицы, или 91,9 %), которые наиболее многочисленны, что объясняется действием закона экономии языковых средств.

2. Двухкомпонентные годонимы (28 единиц, или 7,8 %).

3. Трёхкомпонентные годонимы (1 единица, или 0,3 %).

Следует отметить, что в состав годонима входят такие термины-классификаторы, как *улица*, *переулок*, *проспект* и под., поэтому по отношению к этим проприальным единицам использование таких терминов, как *односоставный* / *однословный* / *однокомпонентный* является условным.

Рассматривая однокомпонентные адъективные годонимы Петровского района города Донецка как средство репрезентации локально-географической ориентации, их можно классифицировать с учётом ключевых параметров по таким группам и подгруппам:

1. По отношению к другому значимому объекту:

1.1. Названия, характеризующие месторасположение линейного адресного объекта относительно городских объектов: ул. *Автобазовская*, ул. *Автодорожная*, ул. *Банковская*, ул. *Водолечебная*, ул. *Донугольская*, ул. *Кирпичнозаводская*, ул. *Клубная*, ул. *Рыночная*, ул. *Родниковая* и др.

1.2. Названия, характеризующие месторасположение линейного адресного объекта в определённом районе города относительно стороны света, пространства всего населённого пункта или его отдельных частей и т. д.: пр. *Центральный*, ул. *Окраинная*, ул. *Параллельная*, ул. *Дорожная* и др.

1.3. Названия, характеризующие природный ландшафт: ул. *Безлесная*, ул. *Береговая*, ул. *Роцинская*, ул. *Новолесная*, ул. *Новосадовая*, ул. *Житная*, ул. *Ольховская* и др.

1.4. Годонимы, образованные от названий рек и иных водных объектов, т. е. от гидронимов: ул. *Амударьинская*, ул. *Байкальская*, ул. *Ингулецкая*, ул. *Ильменская*, пер. *Тихоокеанский*.

1.5. Названия улиц, соотносимые с номинациями городов региона, России и в целом постсоветского пространства: ул. *Аксайская*, ул. *Белоозерская*, ул. *Белореченская*, ул. *Вешенская*, ул. *Вятская*, ул. *Железноводская*, ул. *Звенигородская*, ул. *Ижевская*, ул. *Львовская*, ул. *Люберецкая*, ул. *Мелитопольская*, ул. *Мурманская*,

ул. *Нарофоминская*, ул. *Самарская*, ул. *Саранская*, ул. *Томская*, ул. *Углегорская*, ул. *Херсонская*, пер. *Феодосийский* и др.

1.6. Названия улиц, соотносимые с номинациями городов дальнего зарубежья: ул. *Катовицкая*, ул. *Магдебургская*, ул. *Рижская*.

1.7. Названия улиц, соотносимые с номинациями регионов: ул. *Дальнеуральская*, ул. *Дальневосточная*, ул. *Закарпатская*, ул. *Приазовская*.

1.8. Названия улиц, соотносимые с номинациями стран: ул. *Туркменская*, ул. *Финская*, ул. *Черногорская*.

1.9. Годонимы, соотносимые с номинациями лесов: ул. *Великонадольская*.

1.10. Годонимы, соотносимые с номинациями природных ресурсов, материалов, товаров: ул. *Брикетная*, ул. *Литейная*, ул. *Боржомская*, ул. *Метеоритная*, ул. *Электродная*, ул. *Электровозная*, ул. *Изумрудная*, ул. *Кремневая*, ул. *Магнитная*, ул. *Камвольная*.

1.11. Годонимы, соотносимые с номинациями горных систем: ул. *Гималайская*.

1.12. Годонимы, соотносимые с номинациями островов: ул. *Таймырская*.

2. По присущим улице свойствам и качествам:

2.1. По характеристике улицы со стороны размера, конфигурации, физико-географических особенностей возникновения: ул. *Зональная*, ул. *Малая*, ул. *Проезжая*, ул. *Проходская*, ул. *Мостовая*.

2.2. Эмоционально-характерологические названия-позитивы, которые должны создать положительный образ линейного адресного объекта: ул. *Дружная*, ул. *Желанная*, ул. *Культурная*, ул. *Прогрессивная*, ул. *Популярная*, ул. *Свободная*, ул. *Карнавальная*, ул. *Космическая*, ул. *Курортная*, ул. *Летняя*, ул. *Товарищеская*, ул. *Триумфальная*, ул. *Удачная*, ул. *Узорная*, ул. *Урожайная*, ул. *Эстафетная*, ул. *Возрождения*.

2.3. Флористические названия, которые в целом несут информацию о разнообразном растительном мире региона: ул. *Березовская*, ул. *Брусничная*, ул. *Васильковая*, ул. *Ивовая*, ул. *Черемуховая*, ул. *Ясеновая*.

Также годонимы Петровского района города Донецка в аспекте репрезентации ими локально-географической ориентации можно следом за Т. В. Шмелёвой разделить на такие подтипы:

1. Ориентирующие годонимы, которые охватывают как годонимы, ориентирующие на какой-то внутренний объект (ул. *Водолечебная*, ул. *Донугольская*, ул. *Кирпичнозаводская*, ул. *Клубная*, ул. *Рыночная* и др.), так и годонимы, называющие внешние ориентиры, когда объектом ориентации является то, что не принадлежит городу или даже не имеет отношения в

целом к региону (ул. *Аксайская*, ул. *Амударьинская*, ул. *Вятская*, ул. *Мурманская*, ул. *Томская*, ул. *Магдебургская*, ул. *Дальневосточная*, ул. *Черногорская* и др.).

2. Характеризирующие топонимы, соотносимые с рассмотренной выше группой топонимов, в основе которых лежит принцип номинации по присущим улице свойствам и качествам (ул. *Дружная*, ул. *Желанная*, ул. *Удачная*, ул. *Возрождения* и др.).

Таким образом, семантический анализ топонимов даёт возможность получить информацию об именуемом объекте. В топонимиконе Петровского района города Донецка представлены как внутренне, так и внешне ориентирующие названия, которые в целом преобладают по сравнению с характеризующими топонимами. Рассмотреть особенности реализации меморативного принципа номинации в топонимиконе Петровского района города Донецка – следующая задача нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асанов, А. Ю. Урбанизация города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук / Алексей Юрьевич Асанов. – Тамбов, 2014. – 185 с.
2. Бобылева, Е. С. Лексико-семантические особенности топонимической системы Чили : дис. ... канд. филол. наук / Елена Сергеевна Бобылева. – М., 2019. – 182 с.
3. Дмитрива, Е. А. Структурно-семантическая классификация топонимов Буденновского района города Донецка / Е. А. Дмитрива // Новые горизонты русистики. – 2018. – Вып. 5. – С. 118–122.
4. Дмитрива, Е. А. Топонимы Буденновского района города Донецка как средство репрезентации локально-географической ориентации / Е. А. Дмитрива // Славистика: новые имена в науке: Сб. науч. трудов участников II Республиканской очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018. – С. 41–46.
5. Дмитрива, Е. А. Структурно-семантические типы адъективных топонимов Буденновского района города Донецка / Е. А. Дмитрива // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Вып. 11. – Т. 2. Гуманитарные науки. – Донецк : ДонНУ, 2019. – С. 23–27.
6. Дмитрива, Е. А. Структурные типы адъективных топонимов Петровского района города Донецка / Е. А. Дмитрива // Славистика: новые имена в науке : Сб. науч. трудов участников III Международной очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во

- ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2019. – С. 31–37.
7. Егорова, Л. В. Опыт сопоставительного исследования годонимов дух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл) : Дис. ... канд. филол. наук / Людмила Владимировна Егорова. – Чебоксары, 2018. – 184 с.
 8. Егорова, Л. В. К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований / Л. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 224–233.
 9. Забелин, Н. Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Забелин. – М., 2007. – 23 с.
 10. Комарова, А. В. Структурно-семантические особенности номинации улиц городов Тулы и Реймса / А. В. Комарова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 238–241.
 11. Ли Мо Годонимия Шанхая и Екатеринбурга: сопоставительный аспект / Мо Ли, Е. С. Рябцева // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 136–149.
 12. Романова, Т. Н. Лингвокультурологический аспект годонимикона (на материале названий улиц г. Чебоксары и г. Алатырь) / Т. Н. Романова, Н.А. Фёдорова // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 262–266.
 13. Фурсанова, Т. В. Названия улиц Пришахтинска как объект лингвистического описания / Т. В. Фурсанова, А. Нугманова // Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология». – 2017. – № 2 (86). – С. 31–36.
 14. Шмелёва, Т. В. Ономастикон российского города / Т. В. Шмелёва. – Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.
 15. Ярошенко, Н. А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н. А. Ярошенко, У. Л. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 3–4. – Донецк : ДонНУ, 2018. – С. 59–66.
 16. Ярошенко, Н. А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отапеллятивных годонимов г. Донецка) / Н. А. Ярошенко // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.) ; под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Ч. 2. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 128–132.

17. Ярошенко, Н. А. Растительный код в топонимике Донбасса (на материале названий улиц, образованных от видовых наименований растений) / Н. А. Ярошенко, Е. А. Дмитрова // Наука и мир в языковом пространстве : Сб. науч. трудов V Международной научной конференции (14 ноября 2019 г.). – Макеевка : ДонНАСА, 2019. – С. 126–134.
18. Ярошенко, Н. А. Растительный код в топонимике Большого Донбасса (на материале названий улиц переулков Первомайского и Октябрьского районов г. Ростова-на-Дону) / Н. А. Ярошенко, Е. А. Дмитрова // Актуальные проблемы изучения славянских языков : Сб. научн. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.) ; отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2020. – Вып. 6. – С. 65–71.

SUMMARY

Ekaterina Dmitrova. The godonyms of Petrovsky district of Donetsk as the means of the representation of local and geographical orientation

The article deals with the peculiarities of the formation and use of godonyms. The lexical and semantic classification of the Petrovsky district of Donetsk godonyms as the means of the representation of local and geographical orientation had been put up.

Key words: toponym, urbanonym, godonym, lexical and semantic classification, street.

Добреля Валерия

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Кочетова С. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ПЕЙЗАЖНЫЕ ЗАРИСОВКИ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ГЕРОЕВ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА РОМАНОВ ОБ ОЛЕКСИНЫХ Б. ВАСИЛЬЕВА)

Пейзаж – один из композиционных компонентов литературного произведения. Главная функция пейзажа заключается в его способности выступать в художественном пространстве как дополнительный опосредованный способ характеристики героев, персонажей литературного произведения, как способ создания фона сюжетных событий и т. п.

Ключевые слова: пейзаж, Б. Васильев, цикл романов об Олесиных.

Пейзаж, как часть природы, может подчеркивать определенное душевное состояние героя, оттенять ту или иную особенность его характера при помощи воспроизведения созвучных или контрастных картин природы. Пейзаж помогает выражать авторскую точку зрения на события, а также отношение героев к природе. Так, например, у Б. Васильева с пейзажными описаниями, прежде всего, неразрывно связаны мотивы жизни и смерти, социального неравенства, смены поколений, выбора, чести и достоинства, исторической памяти, любви.

Природа в произведениях Б. Васильева всегда поэтизирована, она окрашена чувством глубокого лиризма: «Стоял звенящий оводами июль, душно пахло цветением в перестойных лугах...» [22, 94].

Его пейзаж динамичный, он соотносится с субъективным состоянием автора и его героя. Через природу автор передает внутреннее состояние персонажей: «Зноем, хвоей, смолой и земляникой дышал бор, по которому в беспамятстве бежала Анисья» [22, 96]. Сама природа ощущала тот трепет, то волнение, вызванное возвращением Анисьи Демовой на родную землю после стольких лет тюремных заключений. И воспоминания всплыли, нахлынули неистовой силой, как будто и не было тех долгих двадцати семи лет разлуки с родными тропками: «Тут ведь свернула тогда к роднику» – вспоминает Анисья, – «...поискала тропку, не нашла и грузно двинулась напрямик, круша подлесок, продираясь сквозь кусты, топча черничник с перезрелыми ягодами. И через двадцать семь лет без дорожек и зарубок, сквозь чащобу, вышла к еле приметному, заиленному, давным-давно никем не чищеному роднику» [22, 98]. И в этой чащобе, да и в целом мире, единственной «душой», которая была родной, которая встречала ее, был родник. «Здравствуй», – шепнула душа ее, и напряженное тело вдруг ослабло, ноги подкосились, и Анисья опустилась прямо в ольху, с хрустом ломая ветки» [22, 98].

Интересно авторское описание членения города Прославля в романе «И был вечер и было утро»: «Суровая, аристократическая и неприступная Крепость с чисто подметенными улицами в каштанах и кленах; с аккуратными особнячками, равными не тщеславию владельца, а его возможностям; с рессорными экипажами на резиновом ходу; с всадниками на таких лошадях, какие только могут присниться Байрулле; с тихими, малолюдными и очень торжественными церквями и соборами, с чинными гимназистками и бахвалами гимназистами, с франтами офицерами и старательными чиновниками, с благолепием прошлого, благополучием настоящего и отсутствием будущего. Это Крепость. Цитадель традиций,

аристократизма, чести, благородства, презрения, холода, надменности и чудачества. Она не стоит над Прославлем – она парит над ним». Описывая город, автор не скупится на точные, ёмкие и колоритные описания: «Здесь улицы заросли травой, куры шаркаются из-под ног, голубки воркуют на дырявых крышах, а собаки по совместительству охраняют все дома разом. Я сказал, что улицы заросли, но, строго говоря, здесь и нет-то никаких улиц. Здесь исстари строились, как хотели, и если окна Данилы Прохоровича смотрят на дом Байруллы Мухиддинова, то окна Байруллы смотрят вообще черт-те куда, но совсем не в окна Самохлебова...». Роман «И был вечер, и было утро» интересен тем еще, что в нем писатель попытался осмыслить и художественно отразить нравственный противоречия нашего времени в судьбах людей.

Рядом с лирическим описанием природы проходит и патристическое, наполненное глубокой любовью к своей стране, к своей Родине: «...нам одним (прим. русским) ведомо, что страна наша состоит из бесчисленного количества изломанных хребтов, вывернутых скул, вывихнутых ребер, а выбитых зубов уж и просто не счесть...», «Мы обладатели самых разухабистых дорог в мире, будь то в августовской пылище, февральских снегах, весеннем разливе или осенней грязюке...» [17, 23–24].

Страшные картины пейзажных зарисовок предстают перед нами в первой части дилогии «Были и небыли», когда отец Никандр рассказывает о мучениях «братьях славян», о страданиях болгарской земли. «...я ехал по выжженной, вытоптанной и напоенной кровью стране...» [20, 12] – с этих строк мы погружаемся в кровавую действительность Болгарии, действительность, которую породила война с турками. В описаниях жесткости турецкий воинов, в последствиях военных действия Б. Васильеву, пожалуй, нет равных, потому что он один из лучших мастеров военной прозы. Вот как описывает автор некогда цветущие земли Болгарии: «Воздух пропах тлением, смрадом пожарищ, кровью и страданием. Великое безлюдье и великая тишина сопровождали нас, и лишь бездомные псы были в отдалении... Цветущая земля Болгарии была превращена в ад...» [20, 14]. Автор поэтизированно сравнивает этот ад с девятью кругами ада Данте, однако, с той лишь разницей, что это была не литературная «Божественная комедия, а реальная трагедия болгарского народа.

Психологизм состоит в возрастающей градации описания трагических картин: «В ужасе оглянулся я окрест и всюду, куда только достигал мой взгляд, – под тлевшими остатками домов, во дворах, на обочинах и просто сред дроги – всюду видел трупы. Трупы росли, трупы вздымались горами, трупы тянули ко мне мертвые синие руки», «...когда я вошел на церковный двор, – продолжил свой рассказ отец Никандр – я понял, что никаких человеческих сил не

хватит, чтобы вынести то, что мне предстало: весь двор был завален человеческими телами. Весь двор, от стены до стены, от церкви до ворот в несколько слоев!» [20, 18].

Схожие с этими картинами, картины описания Ходынской трагедии в романе «Утоли моя печали». Книга «Утоли моя печали» погружает читателя в Россию конца XIX века, как и во всех книгах этого цикла, события разворачиваются на фоне жизни семьи Олесиных. Одним из исторических событий в этой книге является ожидание коронация императора, этого события ждет вся Москва, которая «гудит», «стучит топорами», одним словом готовится, но главное историческое явление – Ходынская трагедия, которая стала страшной страницей в истории нашей страны. Праздник на Ходынском поле по случаю коронации, оборачивается ужасной трагедией, унесшей жизни полутора тысяч человек. Надя Олесьина со своей служанкой, которая была для нее и лучшей подругой оказывается в самой гуще той толпы, которая двигалась «грудь к груди», «спина к спине» и была охвачена страшной паникой. Фенечка погибает чудовищной смертью: «...Фенечку задавили в узком – всего-то с аршин шириной – проходе между соседними буфетами еще тогда, когда Надю только-только выволокла толпа на площадку, в первый круг ее ада» [23, 44], Надя чудом остается живой, но кошмарное майское событие 1896 года останется навсегда в ее памяти, перевернув сознание. Описание Б. Васильевым Ходынской трагедии пробирает до слез, ужасает подробным описанием гибели людей: «Кто-то кричал. Боже, как кричал!.. Последним криком. Самым последним в жизни...» [23, 43], создается ощущение, будто ты не с книгой, а в толпе на Ходынке: «Остались одни ощущения, главным из которых стал ужас» [23, 43]. Сам автор досконально изучил все события, пропустил трагедию через себя и донес до нас, каждая строчка романа – это кричащий исторически факт.

Может сложиться мнение, что писатель использует пейзажные зарисовки только для описания кровавых событий истории России, однако это не так. Его романы полны лирических описаний красоты природы, которые описывают внутреннее состояние героев: «Не билась струя в родничке, не цвели его берега, и она подумала (Анисья), что живая вода ее молодости замутилась и залилась, цветущие нивы ее души заросли кустами да кочками и что деревенеет она изнутри» [22, 103]. Пейзаж в сочетании с внутренним миром героев образуют особый вид пейзажа – психологический. В отличие от обычного пейзажа, воссоздающего обстановку действия или раскрывающего авторское отношение к природе, психологический пейзаж необходим для того, чтобы создать представление о душевном состоянии людей.

Пейзаж считается одной из разновидностей описания, он является элементом внутренней формы художественного мира. Во время

анализа произведения пейзажи очень часто остаются незамеченными, однако они несут значительную идейно-художественную нагрузку. Поэтому, чтобы постичь художественный мир писателя, необходимо исследовать образную и символическую систему изображения картин природы. Пейзаж в цикле об Олехсиных необходим для развития действия, он используется в развитии внешних событий, а также играет роль в духовной жизни персонажей.

Природа органично вплетается в канву изображения жизни героев произведений, переплетается с их мыслями и переживаниями, иногда помогает переосмыслить, пересмотреть свою жизнь и изменить ее.

В произведениях цикла мы часто встречаем примеры использования автором пейзажа для анализа душевного состояния персонажей в минуты их душевной подавленности или эмоционального взлета. Художественное преломление природных характеристик помогает герою разобраться в своем внутреннем мире. Пейзаж в освещении трагических событий несет у Б. Васильева главную идейную нагрузку, выявляет характер этих событий, отражает точку зрения автора на происходящее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев, Б. Л. Дом, который построил Дед / Б. Л. Васильев. – М. : Вагриус, 2005. – 431 с.
2. Васильев, Б. Л. Были и небыли : роман / Б. Л. Васильев. – М. : Инициатор, 1992. – 398 с.
3. Васильев, Б. Л. Ровесница века / Б. Васильев. – М. : Вагриус, 2006. – 239 с.
4. Васильев, Б. Л. Утоли моя печали... : роман / Б. Васильев. – М. : Вагриус, 1997. – 350 с.

SUMMARY

Valeriya Dobrelya. Landscape sketches as a means of reflecting the internal state of heroes (on the example of the cycle of novels about Oleksins by B. Vasiliev)

Landscape is one of the compositional components of a literary work.

The main function of a landscape lies in its ability to act in artistic space as an additional indirect way of characterizing heroes, characters of a literary work, as a way to create a background for plot events, etc.

Key words: landscape, B. Vasiliev, cycle of novels about the Oleksins.

Добряк Екатерина
Научный руководитель –
преп. фил. дисциплин первой кв. категории Брыкова Н. А.
ГПОУ «Макеевский педагогический колледж»,
г. Макеевка, ДНР

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЯМИ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

В статье анализируются особенности формирования системы духовных ценностей личности студентов, чувства патриотизма, активной гражданской позиции посредством организации встреч с писателями Донбасса и России.

Ключевые слова: *литературное образование, патриотическое воспитание, культура чтения, современная литература, писатели Донбасса и России.*

В последнее время наблюдается отчуждение, утрата интереса подрастающего поколения к русской народной и национальной культуре, истории своей страны и народа. В связи с этим не теряет своей актуальности проблема патриотического воспитания студентов.

Ученые понимают патриотическое воспитание как процесс формирования и развития социально-значимых ценностей гражданственности и позитивной социализации (Т.Н. Волков, В.В. Зеньковский, Л.И. Коган, Л.А. Кленов, Ю.П. Сокольников и др.). Проблеме воспитания патриотизма подрастающих поколений особое внимание уделяли выдающиеся педагоги и общественные деятели (В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.М. Карамзин, Л.В. Толстой, К.Д. Ушинский, Н.Г. Чернышевский и др.), которые подчеркивали необходимость воспитания сознательных граждан, способных отстаивать интересы государства и любящих свое отечество.

Художественная литература – это вид искусства, в котором слово является основным средством образного отражения жизни; это одна из форм освоения мира, отражающая богатство и многообразие духовной жизни человека. Писатели обращаются к универсальным категориям и ценностям бытия: добро и зло, истина и красота, справедливость и совесть, дружба и любовь, дом и семья, свобода и ответственность, что обуславливает возможность использования литературных текстов с целью воспитания у студентов различных нравственных качеств, в том числе – патриотизма.

Теперь обратимся к проблеме: а как же сделать нашего студента культурным читателем? Ведь нельзя надеяться на то, что прочитанное в детстве сделает из него культурного читателя. И в этом плане играет важную роль не только программная литература, но и чтение современной литературы. На наш взгляд, одной из наиболее эффективных форм литературного образования студентов, развития эстетического вкуса и привития любви к книге, поэзии, литературе, воспитания патриотизма и ответственной гражданской позиции являются встречи с современными писателями родного края и России.

Проблема статьи заключается в том, чтобы найти ответ на следующий вопрос: «Каково влияние встреч с писателями на формирование не только литературного образования студентов, но и патриотического воспитания?»

Цель: исследовать влияние встреч с писателями на формирование литературного образования студентов и их патриотическое воспитание.

Объект исследования – литературное образование и патриотическое воспитание студентов.

Предмет исследования – встреча с писателями как эффективная форма формирования литературного образования и патриотического воспитания студентов.

В основу статьи положена гипотеза, согласно которой процесс формирования литературного образования студентов и их патриотического воспитания будет эффективным, если организовывать литературные встречи с писателями, как родного края, так и Российской Федерации.

В ГПОУ «Макеевский педагогический колледж» каждый год организовываются и проводятся встречи с писателями Донбасса и Российской Федерации. ПЦК филологических дисциплин всегда объединяет идея гостеприимной встречи писателя. Совместно со студентами, которые изучают биографию приглашенных творческих людей, знакомятся с их произведениями, пишут отзывы разрабатывается план мероприятия.

В 2019–2020 учебном году мы пригласили полковника пожарной охраны в отставке, майора службы гражданской защиты, педагога по образованию – Виктора Алексеевича Заверюху. Он написал для детей более 200 стихотворений, выбрав сложную и нужную тему пожарной безопасности.

В канун Всемирного дня поэзии в Макеевском педагогическом колледже прошла творческая встреча с макеевскими поэтами под названием «Донбасс – моя Родина». Поделиться своим творчеством приехала макеевская поэтесса Елизавета Хапланова и члены городского литературного объединения им. Н. Хапланова: Василий Толстоус, Елена Калинская и Александр Рак.

В 2019 году в стенах Макеевского педагогического колледжа прошел фестиваль фантастики «Звезды над Донбассом». Незабываемые впечатления студенты получили от встречи с Эдуардом Веркиным, Романом Злотниковым, Сергеем Лукьяненко, Натальей Курчатовой, Андреем Лазарчуком, Александром Пелевиным, Дмитрием Казаковым, Александром Конторовичем. Это люди, которые, не побоявшись осуждения со стороны мирового сообщества и занесения на сайт «Миротворец», приехали к нам. Они могли лишиться части своей читательской аудитории из-за политических взглядов, либо попасть под санкции, но они поступили по-другому и четко продемонстрировали всем свою гражданскую позицию. И это уже является примером для молодежи ДНР. Среди них – запыханный, в потёртом камуфляже, с автоматом на плече, защищающий свою страну, Федор (Чапай) Березин. А рядом с ним Александр (Дядя Саша) Конторович, позывной которого до сих пор вызывает дрожь у солдат ВСУ. И Андрей Лазарчук, который помогал создавать беспилотную авиацию Республики. Сергей Лукьяненко, который ежедневно защищает Донбасс на информационном фронте, Сергей Волков и Михаил Тырин, что собирают гуманитарную помощь, как для бойцов, так и для мирного населения. Роман Злотников, организовавший нашим студентам прекрасную экскурсию в Москву. Здесь уже перечислены писатели-фантасты второй волны 2020 года, теперь уже ежегодного фестиваля «Звезды над Донбассом». «На мой взгляд, – писал Александр Кофман, – литературные фестивали – признак высокой интеллектуальной культуры». И с этим нельзя не согласиться.

Студенты ГПОУ «Макеевский педагогический колледж» были приглашены на мероприятие «Авторское чтение произведений» из сборника «Живи, Донбасс», которое состоялось в конференц-зале «Сапфир» гостиницы «Шахтар-Плаза». Они с интересом слушали мастеров слова, которые делились впечатлениями о поездке на Донбасс в 2019 и 2020, о том, как рождались на свет рассказы из сборника «Живи, Донбасс».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что встречи с писателями играют большую роль в духовно-нравственном воспитании молодежи, в формировании полноценной личности, ее идеалов, способствуют повышению уровня патриотической воспитанности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Живи, Донбасс! – М. : Яуза-Каталог, 2020. – 352 с.
2. Черникова, А. А. Гуманитарная составляющая как неотъемлемая часть высшего образования / А. А. Черникова, З. З. Мухина // Высшее образование сегодня / А. А. Черникова, З. З. Мухина. – 2017. – № 11. – С. 6–11.

SUMMARY

Ekaterina Dobryak. Meeting with writers as an effective form of literary education and patriotic education of students

The article analyzes the features of the formation of the system of spiritual values of the personality of students, feelings of patriotism, active civic position through the organization of meetings with writers from Donbass and Russia.

Key words: literary education, patriotic education, reading culture, modern literature, writers of Donbass and Russia.

Ефременко Ангелина

Научный руководитель –

к. филол. н, доц. Курмакаева Н. П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА И ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ НЕЕ В РЕЧИ ДОНЧАН (лексический уровень)

Статья посвящена понятию «литературная норма» и анализу отступлений от нее в речи дончан. Установлено: нарушение литературной нормы в области лексики имеет несколько причин, главные – влияние местного диалекта и молодежный сленг. Лексические ошибки отражаются на общей культуре речи, затрудняют коммуникацию. Для выработки методов и приемов работы над устранением данного явления требуется тщательное изучение состояния речевой культуры на других уровнях языка.

Ключевые слова: *культура речи, лексические ошибки, литературная норма.*

В XXI веке ученые русисты всё чаще стали отмечать, что современная языковая система на фоне снижения общего культурного уровня общества подвергается активным негативным изменениям, приводящим к обесцениванию литературных норм как в устной, так и в письменной речи, к внедрению в неё необоснованных вкусовых установок и предпочтений. Об этом пишут Я.Э. Ахапкина, Ю.А. Бельчиков, Н.С. Валгина, А.А. Мурашов и др. Очевидно, что ясность мышления говорящего и/или пишущего проявляется в умении четко, точно, грамотно излагать мысль и зависит от соответствия его речи принятым в этот период развития языка нормам, а «норма – основное, доминирующее понятие культуры речи» [4, 10]. Правильность

речи – одно из ее главных качеств, а если это качество нарушено или отсутствует вообще, то речь не может полноценно выполнять свои коммуникативные функции. Правильность речи – «это соответствие ее языковой структуры действующим языковым нормам» [1, 41].

Ещё в 50-х годах Г.И. Рихтер заметил: «В Донбассе, заселенном и продолжающем заселяться уроженцами разных местностей Украины и России, русская разговорная речь, как и украинская, представляет собою пестрый, разнородный сплав» [5, 4]. Прошло много лет, а речь дончан почти не изменилась. Ошибки, которые допускают жители Донецка, вызваны влиянием речевого поведения окружающих, региолектным влиянием, так как мы живем в зоне функционирования донецкого диффузного региолекта [2]. Этим обусловлена **актуальность** данного исследования.

Объект исследования – высказывания как часть речевого дискурса дончанина, **предмет** – лексические ошибки в составе высказывания, обусловленные отступлением от литературной нормы.

Цель работы: изучение состояния культуры речи жителей Донецка и отступлений от литературных норм на лексическом уровне. Для этого нами были произведены классификация и анализ собранного материала, содержащего нарушения литературной нормы. В своей работе мы опираемся на классическое определение литературной нормы, сформулированное С.И. Ожеговым.

Лексической ошибкой считаем неточность словоупотребления в связи с незнанием значения слова, неумением подобрать литературный вариант синонима, интерферентные межъязыковые (украинское слово вместо русского) замены и др.

Причиной лексических ошибок является то, что в письменном тексте и в разговорной речи часто употребляются речевые обороты, характерные для бытовой разговорной речи Донецкого региона, т.е. обороты региолектного уровня. Об этом писал еще Г.И. Рихтер [5]. Донецкий региолект описан в [2]. Наша картотека позволяет выявить наиболее типичные нарушения лексических норм:

1) синонимическое смешение русской и украинской лексики: *купить кавун* (вм. арбуз), *порезать цибулю* (вм. лук), *приди к ней на хату* (вм. в дом или квартиру), *картофель в глечике* (вм. в горшочке), *подарить цуценя* (вм. щенка), *видные хлопцы* (вм. парни), *быстрее тикать* (вм. убегать) и др.;

2) нарушение лексико-парадигматической нормы, заключающееся:

А) в смешении паронимов: *Наша машина **встала** прямо посреди дороги* (подобные выражения часто встречаются как в производственной среде, так и в быту. Глагол *встать* нельзя употреблять в смысле ‘остановиться, перестать действовать’.

Правильно: *машина стала*); *Мы с друзьями вступились в это обсуждение* (в разговор, в спор не вступаются, а вступают. Вступиться означает ‘встать на защиту, заступиться’);

Б) в неправильном выборе синонима: *Я считаю, что с ними не стоит заводиться* (еще Г.И. Рихтер отмечал, что так говорят многие в Донбассе, имея в виду ‘не стоит вступать в пререкания, не стоит связываться’, и указывал, что «такое употребление глагола *заводиться* свойственно южному просторечию [5, 7]); *В связи с пандемией мы можем завалить сессию* (в литературном языке *завалить* что-либо означает ‘заполнить до краев, загромоздить’: *завалить стол книгами*. На школьном и студенческом сленге *завалить экзамен* – значит, ‘не сдать’);

3) не всегда оправданное, часто неуместное для конкретной коммуникативной обстановки употребление слов молодежного сленга: *прикиньте* – представьте, *варик* – вариант, *мобила* – телефон, *предки* – родители, *кипиш* – ссоры, разборки, *соскочить* – уйти, расторгнуть договор, *лажа* – провал, разочарование, *прикид* – модная одежда и мн. др.;

4) употребление слов-паразитов, портящих речь: *Мы, типа, туда идем?*, *Я сегодня, прикинь, такое видела...*; *Короче, садись; Я как бы иду;*

5) лексико-синтаксическое явление, заключающееся в неоправданной словесной компрессии («речевая недостаточность», приводящая «к конфликту понимания»), допускаемая вследствие слабой «языковой компетенции» адресанта [3: 162]: *На данный момент **рост экономики** в нашем регионе нестабилен* (вм. *рост экономических показателей*);

6) явления лексическо-синтаксической контаминации, т.е. возникновение нового (ненормативного) выражения или формы путём объединения слов двух выражений, чем-либо сходных.: *Я поднимаю тост за нашего именинника* (вм. либо произношу тост, либо поднимаю бокал за...); *В новом магазине, который недавно открылся, очень **дешевые цены*** (вм. либо низкие цены, либо дешевые товары).

Как видим, лексические ошибки отражаются на общей культуре речи, затрудняют коммуникацию. Для выработки методов и приемов работы над устранением данного явления требуется тщательное изучение состояния речевой культуры на других уровнях языка – словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, что станет объектом нашего внимания в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин, Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. – М. : Высш. шк., 1988. – 320 с.

2. Донецкий региолект : монография / под ред. В. И. Теркулова. – Донецк : ООО «НПП Фолиант», 2018. – 264 с.
3. Курмакаева, Н. П. Типичные ошибки региолектной обусловленности в письменной речи обучающихся : учеб. пособие / Н. П. Курмакаева // Введение в лингворегионоведение: Теоретический курс. – Донецк, 2019. – С. 158–165.
4. Мурашов, А. А. Культура речи : учеб. пособие / А. А. Мурашов. – 2-е изд., стер. – М. : МОДЭК, 2004. – 576 с.
5. Рихтер, Г. И. Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной / Г. И. Рихтер. – Сталино : Сталинское обл. изд-во, 1958. – 30 с.

SUMMARY

Angelina Efremenko. Literary norm and deviation from it in the speech of Donetsk residents (lexical level)

The article is devoted to the concept of “literary norm” and the analysis of deviations from it in the speech of Donetsk residents. It is established that the violation of the literary norm in the field of vocabulary has several reasons, the main ones are the influence of the local regiolect and youth slang. Lexical errors affect the General culture of speech and make communication difficult. To develop methods and techniques for working to eliminate this phenomenon, a thorough study of the state of speech culture at other levels of the language is required.

Key words: culture of speech, lexical errors, the literary norm.

Захарова Мария

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

АПЕЛЛЯТИВНЫЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА МУЖСКОГО ПОЛА В СОСТАВЕ ФИЛЬМОНИМОВ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов детективного жанра 1992–2019 годов выявляются структурные и лексико-семантические типы апеллятивных номинаций лица мужского пола в составе фильмонимов. Фильмонимы систематизируются по формальным и содержательным параметрам.

Ключевые слова: *оним, идеоним, фильмоним, номинация лица.*

Изучение периферийных разрядов проприальной лексики относится к числу актуальных проблем современной ономастики. В частности «к малоизученным классам онимов относятся названия фильмов, или *фильмонимы*, которые представляют собой подкласс поля *идеонимов*, т. е. собственных названий объектов, связанных с духовной сферой деятельности человека» [10, 69]. В «Словаре ономастической терминологии» Н. В. Подольской при характеристике термина *идеоним* делается акцент на том факте, что «под этим термином, пока условно, объединены различные категории имён собственных, имеющие денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности» [7, 61]. В отечественной ономастике термин *фильмоним* как обозначение названий кинофильмов в первую очередь связан с работами Е. В. Кныш [3] и Ю. Н. Подымовой [8]. Как отмечает Н. А. Ярошенко, «названия фильмов по преимуществу изучаются в контексте проблемы перевода фильмонимов с одного языка на другой», в то время как «комплексное исследование, посвящённое структурно-семантическим, функциональным, прагматическим и проч. параметрам названий русскоязычных фильмов и сериалов, до сих пор отсутствует» [10, 71].

Предлагаемая статья продолжает цикл тех публикаций представителей Донецкой ономастической школы, в которых в разных аспектах анализируются киноназвания, т. е. фильмонимы, как один из периферийных разрядов ономастического пространства (см. [1; 2; 4; 5; 6; 9; 10; 11; 12; 13 и др.]).

Объектом проводимого нами исследования являются названия русскоязычных фильмов и сериалов детективного жанра. Материал исследования извлекался методом сплошной выборки фильмонимов детективного жанра с сайтов www.kinopoisk.ru и www.kino-teatr.ru. Временной диапазон выборки охватывает названия российских и совместных русскоязычных детективных фильмов и сериалов, которые снимались в период с 1992 по 2019 год включительно. Авторская картотека фактического материала включает 1106 разноплановых в структурном, семантическом и ономастиологическом плане киноназваний русскоязычных фильмов и сериалов детективного жанра.

Выборка, результаты анализа которой представлены в настоящей статье, включает 70 фильмонимов детективного жанра, в состав которых входят апеллятивные номинации лица мужского пола.

Цель статьи – осуществить структурно-семантическую классификацию фильмонимов детективного жанра, в составе которых представлены апеллятивные номинации лица мужского пола.

Объектом анализа являются фильмонимы указанного типа, в то время как предмет исследования составляют их структурно-семантические параметры.

Рассматриваемые фильмонимы построены по модели простого односоставного (номинативного) предложения и реализуют при этом две разновидности этой модели:

1. Модель нераспространенного номинативного предложения: *Антиснайпер* (2007), *Бариста* (2015), *Близнецы* (2004), *Волшебник* (2017), *Диверсант* (2004), *Живой* (2017), *Лектор* (2011), *Лесник* (2011–2014), *Наставник* (2014), *Неизвестный* (2017), *Нелегал* (2005), *Немой* (2012), *Опекун* (2015), *Палач* (2014), *Подсудимый* (2019), *Умник* (2013), *Штрафник* (2016), *Братья-детективы* (2008).

2. Модель распространенного/осложненного номинативного предложения: *Гражданин начальник* (2001), *Гражданин начальник-2* (2005), *Гражданин начальник-3* (2007).

В свою очередь апеллятивные номинации лица мужского пола, которые выступили в качестве производящих баз однокомпонентных фильмонимов или входят в состав фильмонимов, построенных по модели распространенного / осложнённого номинативного предложения, относятся к следующим структурным подтипам:

1. Непроизводные номинации лица мужского пола: *апостол*, *викинг*, *волшебник*, *дилетант*, *палач*, *сосед*, *шериф*.

2. Сложные номинации лица мужского пола юкстапозитного и композитного типа, в том числе сложно-суффиксальные дериваты: *братья-детективы*, *зверобой*, *телохранитель*.

3. Номинации-субстантивы мужского пола: *дикий*, *домовой*, *живой*, *забытый*, *неизвестный*, *немой*, *одержимый*, *подсудимый*, *слепой*, *участковый*, *чужой*.

4. Номинации лица мужского пола, произошедшие от обращения: *гражданин начальник*.

Апеллятивные номинации лица мужского пола, представленные в составе анализируемых фильмонимов, можно классифицировать по таким лексико-семантическим подгруппам:

1. Номинации лица по профессии и роду деятельности: *алхимик*, *антиснайпер*, *апостол*, *викинг*, *волшебник*, *диверсант*, *зверобой*, *инквизитор*, *консультант*, *лектор*, *лесник*, *наставник*, *палач*, *пасечник*, *перевозчик*, *практикант*, *реставратор*, *садовник*, *следопыт*, *спасатель*, *телохранитель*, *тотализатор*, *участковый*, *фокусник*, *фотограф*, *химик*, *хиромант*, *шериф*.

2. Оценочные характеристики лица по особенностям характера, манеры поведения, душевного состояния: *дикий*, *одержимый*, *умник*.

3. Номинации лица по семейным и родственным отношениям разного типа родства: *братья*.

4. Номинации лица по месту жительства и способу жизни: *домовой, лесник, пасечник, садовник*.

5. Номинации лица по выполняемому действию или же по результату определённого действия: *забытый, подсудимый, хранитель, штрафник*.

6. Номинация лица и по родовым отношениям, и по характеру деятельности одновременно: *братья-детективы*.

7. Номинация лица по социальной роли: *подкидыш*.

8. Номинация лица по уровню навыков: *дилетант, классик, специалист*.

9. Номинация лица по присущей или приписываемой сверхспособностям: *менталист, фантом*.

10. Номинация лица по впечатлению, производимому на окружающих: *неизвестный, чужой*.

11. Номинация лица по межличностным отношениям: *наставник, опекун, посредник, сосед*.

12. Номинация лица по физическим особенностям: *немой, слепой*.

13. Номинация лица по характеристике, связанной с преступлениями: *нелегал, подсудимый, предатель*.

Таким образом, проанализированные апеллятивные номинации лица мужского пола в составе фильмонимов детективного жанра неоднородны в структурно-семантическом отношении. Наиболее представленной по количеству компонентов является лексико-семантическая подгруппа по профессии и роду деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова, М. А. Апеллятивные номинации лица женского пола в составе фильмонимов детективного жанра в современном русском языке: структурно-семантические особенности / М. А. Захарова // Славистика : новые имена в науке : Сб. науч. трудов участников III Международной очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2019. – С. 51–54.
2. Захарова, М. А. Типология отантропонимных однокомпонентных фильмонимов детективного жанра / М. А. Захарова // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк : ДонНУ, 2020. – Вып. 12. – Т. Социально-гуманитарные науки. – Ч. 2. – С. 27–32.
3. Кныш, Е. В. Наименование кинофильмов как объект ономастики / Е. В. Кныш // Актуальные вопросы русской ономастики : Сб. науч. тр. – Киев, 1988. – С. 106–111.
4. Першина, К. В. Русская идеонимия: «Весна на Заречной улице» / К. В. Першина // Логос ономастики. – 2008. – № 2. – С. 105–110.

5. Першина, К. В. Антропони́мы в составе идеонимов (на материале русского языка) / К. В. Першина // Состояние и проблемы на българската ономастика. Т. 11. – Научен сборник. Материалы от международна научна конференция «Славянска и балканска ономастика», посветена на 70-годишнината от рождението на проф. ДФН Людвиг Селимски (Велико Търново, 25-26 септември 2009 г.). – Велико Търново : Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2010. – С. 262–269.
6. Першина, К. В. «Дело было в Пенькове»: возникновение и взаимодействие фильмонима с речевой составляющей фильма / К. В. Першина // In Nominum Spatio: Материалы I Международных ономастических чтений имени Е. С. Отина (Донецк, 16–18 октября 2015 г.). – Донецк : Издание Фонда «Азбука», 2016. – С. 226–234.
7. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
8. Подымова, Ю. Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Подымова. – Майкоп, 2006. – 26 с.
9. Ярошенко, Н. А. Структурно-семантические типы однословных отапельлятивных фильмонимов - номинаций лица в современном русском языке // Н. А. Ярошенко, Я. И. Саркисова // Актуальные проблемы изучения славянских языков : Сб. научн. трудов III Международной научной конференции памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2018 г.); отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2018. – Вып. 4. – С. 186–191.
10. Ярошенко, Н. А. Сложные номинации лица в структуре фильмонимов: состав и основные модели (на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов) / Н. А. Ярошенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2019. – № 1. – С. 69–79.
11. Ярошенко, Н. А. Ономастиологические модели сложных номинаций лица композитного типа в составе фильмонимов (на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов) / Н. А. Ярошенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 3. – Донецк : ДонНУ, 2019. – С. 49–59.
12. Ярошенко, Н. А. Структурные типы фильмонимов детективного жанра в современном русском языке (на материале названий русскоязычных детективных фильмов и сериалов 1992–2019 годов) / Н. А. Ярошенко, М. А. Захарова // Язык и культура : Сб. науч. трудов V Республиканской очно-заочной научной

конференции (с международным участием) (18 ноября 2019 г.). – Макеевка : ДонНАСА, 2019. – С. 185–186.

13. Ярошенко, Н. А. Отаппелятивные однокомпонентные фильмонимы детективного жанра: семантический и функциональный аспекты / Н. А. Ярошенко, М. А. Захарова // Актуальные проблемы изучения славянских языков : Сб. науч. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.) ; отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2020. – Вып. 6. – С. 72–77.

SUMMARY

Mariya Zaharova. The appellative nominations of male face persons in the structure of detective genre filmonyms in Modern Russian: structural and semantic peculiarities

The article is devoted to the analysis of structural, lexical and semantic appellative nominations of male face persons in the composition of filmonyms. The article deals with detective genre Russian films and serials titles of 1992–2019 years. The filmonyms had been classified according to formal and informative parameters.

Key words: onym, ideonym, filmonym, nomination of person.

Иващенко Злата

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Шевченко М. С.

ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,

г. Ростов-на-Дону, РФ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РАБОТЫ НАД КОГЕРЕНТНОСТЬЮ ТЕКСТА

Когерентность текста может быть отмечена лингвистически с помощью связей и лексических сигналов, которые делают отношения когерентности явными. Данное исследование фокусируется на влиянии таких маркеров на понимание текста.

Ключевые слова: *когезия, когерентность, средства лингвистики, сплоченность.*

Тексты на естественном языке чаще всего являются результатом сознательных когнитивных усилий автора и как таковые состоят из семантически связанных сегментов.

Когезия и когерентность – это термины, используемые в дискурсивном анализе и лингвистике текста для описания свойств письменных текстов. Часто данные термины приравнивают, считая, что это

одно и то же. Однако это далеко не так. Именно данной актуальной проблеме – проблеме обеспечения когерентности текста посредством использования лингвистических средств будет посвящено данное исследование [3, 12–17].

Цель данной работы – анализ лингвистических средств, которые обеспечивают когерентность текста.

Задачи исследования:

1. Установить, что представляет собой когерентность текста.
2. Определить, в чем разница между когерентностью и когезией.
3. Выяснить, какие существуют лингвистические средства обеспечения когерентности текста.

К сожалению, по данной тематике существует небольшое количество исследований в науке. Однако все же, данной проблеме посвятили свои труды такие авторы, как В. А. Звегинцев, Т. М. Николаева, Е. В. Падучева, У. Шмитц, Т. Е. Янко и др.

Текст может быть когезийным, но не обязательно когерентным: когезия не порождает когерентности. Когезия определяется лексически и грамматически выраженными интерсентенциальными отношениями, тогда как когерентность основана на семантических отношениях.

Когерентность (сплоченность) описывает способ, которым текст связан между собой с помощью лингвистических средств. Это могут быть такие словосочетания и вводные слова, как: *Итак, мы видим..., Следовательно..., Однако..., С другой стороны...*

Текст имеет согласованность, если его составные предложения следуют одно за другим в упорядоченном порядке, чтобы читатель мог понять смысл всего текста [2, 89–93].

Образно можно сказать, что когерентность – это «клей, который приклеивает одно предложение к другому в абзаце или абзац к другому в тексте».

Текст может быть связным с помощью следующих приемов:

1. Повторение. В предложении В (втором из любых двух предложений) повторяется слово из предложения А.
2. Синонимия. Если прямое повторение слишком очевидно, используют синоним слова, которое намеревается повторить. Эта стратегия называется «элегантной вариацией».
3. Антонимия. Использование «противоположного» слова, антонима, также может создать связность предложений, так как в языке антонимы на самом деле имеют больше общего смысла, чем можно представить.
4. Параллелизм. Повторите структуру предложения. Этот метод является самым старым, наиболее упускаемым из виду, но, вероятно, самым элегантным методом создания сплоченности [4, 8].

5. Переходы. Используется союз или конъюнктивное наречие, чтобы связать предложения с определенными логическими отношениями.

Когерентность касается способов, с помощью которых понятия и отношения, лежащие в основе поверхностного текста, связаны, релевантны и используются для достижения эффективной коммуникации.

Типы отношений включают в себя:

I. Причинно-следственную связь.

– *Это крошечный паучок, который карабкается по носу.*
Хлынул дождь и смыл паука.

Событие «дождя» вызывает событие «смывания паука», потому что оно создает необходимые условия для последнего; без дождя паук не будет смыт.

II. Включение.

– *Шалтай-Болтай сидел на стуле, Шалтай-Болтай здорово упал.*

Действие сидения на стуле создало достаточные, но не необходимые условия для действия падения вниз. Сидение на стуле делает возможным, но не обязательным падение вниз.

III. Причины.

– *Джек будет получать только пенни в день, потому что он не может работать быстрее.*

В отличие от дождя, который вызывает смывание паучка, медленная работа на самом деле не вызывает и не способствует низкой заработной плате. Вместо этого низкая заработная плата является разумным результатом; «разум» используется для обозначения действий, которые происходят как рациональная реакция на предыдущее событие.

IV. Цель.

– *Старая матушка Хаббард пошла в буфет за костью для своей бедной собаки.*

В отличие от действия Шалтая-Болтая, когда он сидит на стуле, что позволяет ему упасть, здесь задействован план; Шалтай-Болтай не сидел на стуле, чтобы упасть с него, но старая мать Хаббард пошла к шкафу, чтобы достать кость. «Цель» используется для обозначения событий, которые планируется сделать возможными с помощью предыдущего события.

V. Время.

«Причинно-следственная связь», «причины» и «включение» имеют прямую направленность с более ранним событием, вызывающим, включающим или обеспечивающим причину для более позднего события. «Цель», однако, имеет обратную направленность, поскольку более позднее событие обеспечивает цель для более раннего события.

Когерентность означает, что текст легко читается и понимается, потому что текст следует определенному логическому порядку, а организация идей систематична и логична.

Некоторые виды логического порядка: хронологический порядок; пространственный порядок; порядок важности.

Пример когезийного текста, который не является когерентным:

Лето кончилось. Мальчик пошел в школу. Здание: Питеру оно никогда не нравилось. Все остальные члены класса стали легкой мишенью для пистолета сына законодателя. В 8:15 началась резня. 7 детей не хотели идти домой. Последние слова малолетнего преступника: «ненавижу понедельники».

Пример когерентного текста без когезии:

Возможно, вы не совсем понимаете причины, лежащие в основе этого инцидента, поэтому позвольте мне попытаться объяснить. А именно, это может помочь вашему пониманию, если вы узнаете, что Питер не был счастлив из-за апельсинов, в конце концов. Да и другой Питер никогда больше не сможет летать после вышеупомянутого фруктового объяснения. Затем, спустя несколько недель, он понял, что это произошло из-за того, что мое обоснование фруктов и крыльев лишено субстанции. Если это все, то вам, возможно, будет трудно понять, к чему я клоню. Тем не менее, я думаю, что это стоило попытаться объяснить.

Как должно быть ясно из этих примеров, когерентность без когезии может быть эффективным литературным приемом и фактически часто используется таким образом. В то время как когезия без когерентности просто странна и запутанна, и очень ограничена в литературе [6, 3–15].

Таким образом, в науке лингвистики существует немалое количество способов и средств придания тексту свойства когерентности, все они служат цели однозначного толкования смысла написанного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М., 1976. – 307 с.
2. Николаева, Т. М. Актуальное членение предложения / Т. М. Николаева // Русский язык : энциклопедия. – М., 1997. – С. 51.
3. Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т. М. Николаева // НЗЛ. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 38–51.
4. Падучева, Е. В. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы / Е. В. Падучева // Научно-техническая информация. – 1984. – Сер. 2. – № 10. – С. 25–32.

5. Янко, Т. Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) / Т. Е. Янко // Вопросы языкознания. – 1999. – № 4. – С. 28–55.

SUMMARY

Zlata Ivashchenko. Linguistic tools for working on text coherence

This article is devoted to the analysis of the main means and methods of making a text coherent; the difference between coherence and cohesion was determined. The main works of linguists on this topic were analyzed, and examples were given that demonstrate the importance of cohesion and coherence for understanding what is written.

Key words: cohesion, coherence, linguistics tools, cohesion.

Казаченко Наталья

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. кафедры начального образования Якименко Л. Н.

ГООУ ВО ЛНР «Луганский государственный

педагогический университет»,

г. Луганск, ЛНР

ГИПЕРРЕЦЕПТИВНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мировоззренческой концепции постмодерна в целом и постмодернистской литературе в частности присущи семиотическая и категориальная пестрота, нацеленность на глобальный плюрализм, ироничность индивида в отношении к реальности и к себе самому. Признаками постмодернистского текста являются гиперрецептивность и интертекстуальность, которые выполняют разные функции, анализу которых посвящено исследование.

Ключевые слова: *постмодернизм, гиперрецептивность, интертекстуальность, художественная литература.*

Эпоха постмодернизма, с точки зрения бытования художественных и публицистических текстов, имеет целый ряд характерных признаков. Прежде всего, речь идет о пересмотре концепции идеи значимости, самоценности личности-индивида и безграничных возможностей разума. Кроме этого, распространение мистицизма, чрезмерный и не всегда оправданный интерес ко всему псевдонаучному и околонучному. Не менее важным является приход полицентризма на смену европоцентризму. Универсальным в эпоху

постмодернизма в содержательном аспекте является повышенное внимание к социальным и экологическим темам. Неоднозначные последствия имеет также переоценка достижений эпохи модернизма.

Что касается мировоззренческой концепции постмодерна, то ей присуща семиотическая и категориальная пестрота, нацеленность на глобальный плюрализм, ироничность индивида в отношении к реальности и к себе самому. В постсовременном художественном дискурсе понимание автора текста переосмысливается: внимание с его творческой индивидуальности переакцентируется на его произведение, в результате, читатель получает право свободно интерпретировать предлагаемый текст. В ситуации постмодерна нарушаются коммуникативные и прагматические принципы функционирования произведения, ведь каждый из реципиентов может понимать смысл текста в зависимости от внеязыковых факторов его восприятия – экстралингвистических, как следствие, диалогическая связь между автором и читателем теряется, а коммуникативная цель не всегда достигается.

Вместе с тем художественный текст постепенно вытесняется из сферы посредничества в постижении и понимании современного бытия, при чем осуществляется апелляция к уже известному, налаживается, таким образом, интеллектуальная связь между поколениями. Поэтому стоит говорить об интертекстуальности как определяющей черте постмодернистского художественного дискурса. Не случайно главным признаком постмодернистских текстов является их гиперрецептивность – четко выраженная склонность к рецепции любых фактов из культурно-исторического дискурса всего человечества; прежде всего и наиболее активно – из произведений мировой литературы: сюжетов, мотивов, образов, концепций, жанров, сцен, цитат [3, 2].

Постмодернистские произведения, таким образом, чем-то напоминают палимпсест (поэтому существует синонимическая взаимозаменяемость терминов «гиперрецептивность» на «палимпсестность»). Гиперрецептивность постмодернистской литературы распространяется не только на собственно литературные факты, но и на реальный «жизненный материал», то есть может реализовываться как путем «интертекстуального цитирования», так и другими путями [3, 4-5].

Формой реализации гиперрецептивности постмодернизма в литературе как раз является интертекстуальность. Это понятие появилось недавно – в середине XX века благодаря Юлии Кристевой, которая сумела «творчески» проработать идею бахтинской диалогичности (1967), предложив термин «интертекстуальность» для отслеживания «взаимодействия между текстами, которое происходит внутри отдельного текста» [1, 246]. Классическое

определение принадлежит выдающемуся французскому филологу и семиотику XX века Ролану Барту: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Куски культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и смешаны в нем, поскольку всегда до или вокруг текста существует язык» [3, 4]. Р. Барта продолжают современные российские культурологи: «В культуре постмодернизма интертекстуальность стала обязательной частью культурного дискурса и одним из основных художественных приемов, поскольку принципиальная эклектичность и цитирование являются доминирующими чертами современной культурной ситуации» [3, 4].

Одной из основных особенностей постмодернистского дискурса конца XX – начала XXI века является глобальная и многовекторная интертекстуализация (насыщение смысловых структур одних семиотически-риторических систем (текстов) элементами (частями) других) [2, 1]. Сегодня интертекстуальность понимается как один из видов межтекстового взаимодействия на уровне традиции, художественной формы, жанровых условностей, стилевых кодов, иными словами – транстекстуальности.

Жерар Женетт предложил пятичленную классификацию типов транстекстуальности: интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитекстуальность [1, 250]. Следовательно, гиперрецептивность – это не традиционное литературное заимствование, а присущая именно постмодернизму намеренно, подчеркнуто акцентированная, нескрываемая активная рецепция, которая реализуется через «интертекстуальное цитирование» (У. Эко), «цитирование без кавычек» (Р. Барт), что и приводит к ярко выраженной «палимпсестности» постмодернистских произведений [3, 7]. Кроме того, частым является употребление идиом, придающих национального колорита и усиливающих эмоциональность и экспрессивность постмодернистского художественного текста. Так как сфера распространения интертекстуальности в литературе довольно широка, специфика функционирования «чужих» текстов в художественных произведениях требует изучения этих текстов не как завершенных и закрытых для воздействия сложных лингвистических единиц структуры, а как комплексного явления коммуникации и познания дискурса [2, 1].

В современной литературе превалирует развлекательно-информационный аспект репрезентации художественного

материала, что приводит к созданию текстов с доминированием карнавального, иронично-сатирического, обличительного пафоса. В результате, в процессе коммуникации становится определяющим не то, что пишут, а то, как пишут. Интертекстуальные единицы при этом становятся строительным материалом, который позволяет легко привлечь читателя и удержать его внимание.

Для достижения коммуникативных целей современные писатели активно пользуются разнообразными формами интертекстуальности, такими как цитаты, аллюзии, парафразы, которые выполняют различные функции: информационную, эстетическую, диалогически-провокационную или побудительную, организационную, авторитетную, культурно-историческую. Определение функций, которые выполняет интертекст в художественном тексте, также позволяет проанализировать мировоззрение писателей [2, 1].

Таким образом, только проведение дискурсного анализа генезиса, эволюции теории интертекстуальности в коммуникативном аспекте, как и редакторско-концептуальная характеристика включения в структуру художественного произведения «чужого текста», позволяет выявить частотность использования интертекста в литературе как составляющей структуры авторского произведения в контексте концептуализации, а также описать виды и формы интертекстуальных признаков, определить функции, которые выполняет текст в авторском материале, указать на объективные (научное обоснование с позиции современной стилистики, теории и практики редактирования, лингвистики текста, психолингвистики) критерии корректного употребления «текстов в текстах» в пользу налаживания диалогических отношений в авторско-читательской дихотомии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будный, В. Сравнительное литературоведение: Учебник / В. Будный, М. Ильницкий. – Киев : Изд. дом «Киево-Могилянская академия», 2008. – 430 с.
2. Зелянко, С. В. Интертекст в публицистической речи: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 01.10.10 – журналистика / С. В. Зелянко. – Минск, 2012. – 20 с.
3. Ковбасенко, Ю. И. Литература постмодернизма: по ту сторону разных сторон / Ю. И. Ковбасенко // Всемирная литература и культура. – 2003. – №12. – С. 2–13.

SUMMARY

Ludmila Yakimenko, Natalia Kazachenko. Hyperactivity and intertextuality of postmodern literature

The worldview concept of postmodernism in general and postmodern literature in particular are characterized by semiotic and categorical diversity, a focus on global pluralism, and the irony of the individual in relation to reality and to himself. The features of a postmodern text are hyperreceptivity and intertextuality, which perform different functions, the analysis of which is devoted to the study.

Key words: postmodernism, hyperactivity, intertextuality, fiction.

Капиносова Мария

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Гладкая Н. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Динамичное развитие современных СМИ повлияло на преобразование публицистического стиля. Журналисты, создающие яркие материалы, обращаются к языковой игре. Мы проанализировали и выделили особенности языковой игры в современном публицистическом тексте.

Ключевые слова: *публицистический текст, журналист, языковая игра.*

Для второй половины XX – начала XXI века характерно появление новых информационных технологий. Динамичное развитие традиционных СМИ – печати, радио, телевидения, появление и стремительное распространение Интернета привели к созданию единого информационного пространства. Всё это не могло не сказаться на лингвистических процессах, появлении новых форм и приёмов в языке.

Академик В. В. Виноградов предлагал подразделять стили языка и речи, исходя из трех основных функций языка: общения, сообщения и воздействия. Виноградов писал: «Общественно-информативные тексты содержат самую различную информацию, проходящую по каналам массовой коммуникации, газетам, журналам, радио и телевидению. Их главная функция – сообщение. Эти тексты могут быть тенденциозными и рассчитанными на определенное воздействие, на обработку общественного мнения» [1].

Исследователь Р. Р. Жаева в статье «Способы актуализации языковой игры в публицистическом дискурсе» отмечает, что «в последние годы публицистика меняет приемы получения

и подачи информации, способы воздействия на аудиторию. Конкурентоспособность, желание получить широкую читательскую аудиторию являются характерными признаками современных СМИ...» [3]. Нередко можно заметить, как журналисты, раскрывающие социально значимую тему, стремятся представить её наиболее оригинально. Нас заинтересовала тема языковой игры в публицистическом тексте. Мы проанализировали и выделили особенности языковой игры в современном публицистическом тексте.

Термин «языковая игра» впервые употребил Л. Витгенштейн в своих «Философских исследованиях» (1953). Учёный ввёл определение «языковой игры» как особого способа манипулирования языком, состоящего «из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетён» [2]. В отечественном языкознании термин появился после публикации работы Е.А. Земской «Русская разговорная речь». Е.А. Земская пишет: «Производные, создаваемые с установкой на языковую игру, вводят нас в атмосферу шутливой тональности и индивидуального словотворчества... Перед говорящим при этом могут стоять разные (осознанные и неосознанные) психологические задачи – избежать единообразия обыкновенной речи, пошутить, сострить, скаламбурить, формируя тем самым ситуацию непринужденности общения и т.п.» [4]. Языковая игра появляется в ходе намеренного нарушения языковых норм автором для реализации игровой коммуникации, а также как реакция языка на процессы, происходящие в данное время в жизни общества. В публицистических текстах языковая игра чаще всего используется в заголовках, а одной из главных функций языковой игры является экспрессия, привлекающая внимание читательской аудитории. Журналисты создают яркие материалы, используя эвфемизмы, окказиональные и каламбурные образования, необычные синтаксические конструкции. «Журналист, переводя действие в разряд игры, рассчитывает на участие в ней читателя партнёра, разбрасывает по тексту знаки, вовлекающие в процесс чтения и увлекающие красотой игры» пишет С. И. Сметанина [5].

В лингвистике существует множество вариантов классификаций приёмов языковой игры. Ознакомившись с классификациями Е. А. Земской, С. И. Сметаниной, С. В. Ильясовой, мы выделили такие типы языковой игры:

1. Графическая языковая игра предполагает «шрифтовую, цветовую, пространственную, пунктуационную (кавычки, скобки, тире, дефис) актуализацию элемента, организующего новое слово. Суть графической игры в выделении той части слова, которая должна быть воспринята, как активный элемент, формирующий оригинальный смысл» [5]. К примеру, в журнале «TIME» на обложке

под фотографией В.В. Путина написано: *«PREMIER, PRESIDENT, CZAR»*.

2. На фонетическом уровне чаще всего выделяют различные звуковые повторы, рифмовка, омонимия. Например, *«Чем гордится Приморье: минтай больше не плывет в Китай. А плывет на «Доброфлот»* («Комсомольская правда», октябрь 2020);

3. Синтаксическая языковая игра широко используется для образования комического эффекта. Чаще всего для создания языковой игры используются:

1) парцелляция (журнал «Meduza»: *«Гуманное. Применение. Огнестрельного. Оружия»*);

2) синтаксический повтор (*«Проголосовать 4 марта за сильную и стабильную Россию, за достойную жизнь в Сибири, за город Иркутск, который должен стать еще красивее...»*) (новостной портал города Иркутска «BezFormata»)

3) неполные и односоставные предложения (*«Опознание – сила»* («Российская газета»); *«Канули в лето»* («РБК»).

4. Для лексической языковой игры характерны:

1) каламбурные образования (*«Вирус, который всегда с тобой»*) (Телеканал «Дождь», октябрь 2020). В основе заголовка лежит название книги Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой»; *«Маска преткновения»* («Вести», октябрь 2020). За основу взято устойчивое выражение «камень преткновения»;

2) эвфемизмы (*«Нечистоплотная игра США»*) (Вести, октябрь 2020); *«В «Нижегородском водоканале» раскрыли преступное сообщество»* («Вести», ноябрь 2020). Эвфемизм «преступное сообщество» можно считать канцелярским, он позволяет смягчить нежелательный смысл).

5. Словообразовательная игра основана на нарушении словообразовательных норм. Чаще всего это использование окказионализмов и потенциальных слов. Например, *«Жесткое задержание «безмасочницы»»* («Вести», октябрь 2020)

Кроме намеренных нарушений норм языка, одной из особенностей публицистического текста можно считать иронию. Многие новостные заголовки с использованием иронии тоже можно отнести к языковой игре. Например, заголовок *«Кризис губернаторского возраста»* («Коммерсантъ», 2017). Здесь автор иронизирует, используя в основе каламбурного образования выражение «кризис среднего возраста».

В целом, можно говорить о том, что публицистический текст имеет свои особенности использования языковой игры. Наибольшую популярность получили словообразовательные приёмы, а также игры с многозначностью и ирония. Исследование требует большей конкретизации данного явления, что будет отражено в дальнейших работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов – М. : Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001 – 224 с.
2. Витгентштейн, Л. Философские работы. Часть I / Л. Витгентштейн. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
3. Жаева, Р. Р. Способы актуализации языковой игры в публицистическом дискурсе (на примере прецедентных текстов) / Р. Р. Жаева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012 – С. 148–151.
4. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
5. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): научное издание / С. И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.

SUMMARY

Maria Kapinosova. Features of the language game in a publicistic text

The dynamic development of modern media has influenced the transformation of the journalistic style. Journalists creating vibrant stories are turning to the language game. We have analyzed and highlighted the features of the language game in a modern publicistic text.

Key words: publicistic text, journalist, language game.

Климова Татьяна

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Кудрейко И. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

ГЕНЕРАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВЫХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Данная работа посвящена изучению возможности генерации естественно-языковых текстов на примере волшебных сказок, рассмотрен структурный подход В.Я. Проппа к изучению текста волшебной сказки, а также проанализированы существующие в сети Интернет-ресурсы, предоставляющие возможность генерации текстов волшебных сказок на русском языке.

Ключевые слова: *генерация, естественно-языковой текст, волшебная сказка.*

В мире существует большое количество сказок, однако, читая книгу за книгой, можно отметить, что сюжеты некоторых из них чудесным образом напоминают друг друга. Более того, исследовав подробнее их содержание, фольклористы обнаружили, что, как правило, сказки имеют похожие элементы, из которых и складывается нить повествования. Соответственно, используя эту особенность, можно схожие элементы располагать по своему усмотрению и сочинять собственные сказки. И, несомненно, в век бурного развития цифровых технологий возникает вопрос о возможности подключения к данному процессу компьютера.

На современном этапе во всемирной сети Интернет есть только несколько русскоязычных сайтов, предлагающих возможность генерации текста сказки, например, «Генератор сказок» Р. Юскаева и «Tale Generator». Следовательно, актуальность данной работы определяется тем, что вопрос возможности генерации волшебных сказок недостаточно изучен.

Цель данной работы заключается в изучении возможности генерации текстов волшебных сказок средствами современных информационных лингвистических технологий.

Цель определяет следующие задачи:

- ознакомиться со структурным подходом к изучению текста волшебной сказки В.Я. Проппа;
- проанализировать существующие в сети Интернет сайты, предоставляющие возможность генерации текстов сказок на русском языке.

Задачей современной прикладной лингвистики является изучение возможности генерации текстов на естественном языке. Впервые понятие «естественно-языковая генерация» вошёл в научный обиход в конце 1980-х годов автор книги «Системы порождения естественного языка» Д. МакДональд. По мнению учёного, естественно-языковая генерация – это процесс сознательного конструирования текстов естественного языка для достижения коммуникативных целей [8, 39]. Р. Перера считает, что под естественно-языковой генерацией следует понимать системный процесс создания материалов на естественном языке, понятных человеку [9]. Автор книги «Естественно языковая генерация» Э. Кумар определяет это понятие как «процесс порождения фраз и текстов из машинного представления, то есть баз данных и / или логических форм» [7].

На сегодня существует шаблонная система, которая использует готовые реплики или комбинирует готовые фрагменты текста таким образом, что они занимают заданные позиции в дискурсе или стереотипном тексте. Самые простые шаблонные системы вставляют фрагменты текста в шаблоны без их дополнительной обработки, а более сложные шаблонные системы проводят ограниченную

лингвистическую и риторическую обработку результата дополнительно – позволяют задавать грамматические параметры текста или комбинировать шаблонные высказывания в связный текст, используя определённые грамматические и лексические знания о естественном языке. Следует отметить, к автоматически генерируемому тексту предъявляются те же требования, что и к любому естественно-языковому тексту: они должны быть цельными, осмысленными, выражать, передавать те или иные сведения, определённую позицию. В качестве примеров ресурсов, основанных на использовании информационно-лингвистических технологий, Комендантов А.С. приводит сервис SeoGenerator.ru, приложения Generating the Web, SEO Anchor Generator, а также проект Яндекс.Рефераты, позволяющий создавать уникальные тексты по любой тематике [6, 40]. Также шаблонная система реализуется в работе чат-ботов.

С конца XX века лингвисты пытаются генерировать художественные тексты. Одной из первых естественно-языковых систем, которые были способны синтезировать тексты, являлась автоматическая система создания текстов волшебных сказок, разработанная в 1970-х годах в Московском энергетическом институте и называемая TALE, однако, эти сказки выглядели ненатурально с точки зрения филологов.

Настоящим прорывом в исследовании народных сказок стал выход в свет книги В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки». В процессе изучения формы сказки автор открыл её структуру, поставил перед собой задачу выявления постоянных элементов (инвариантов), которые имеются в наличии в волшебной сказке и не исчезают из поля зрения исследователя при переходе от сюжета к сюжету. Структуру волшебной сказки составляют открытые инварианты и их соотношение в рамках сказочной композиции. Исследователь обнаружил, что постоянными, повторяющимися элементами волшебной сказки являются функции действующих лиц (тридцать одна), а также набор ролей (семь), между которыми определённым образом распределяются конкретные сказочные персонажи со своими атрибутами [5, 22].

Известно, что В.Я. Пропп разработал две структурные модели – одну (временная последовательность действий) – более подробно, другую (действующие лица) – более поверхностно. Отсюда и два различных определения, которые В.Я. Пропп дал для волшебной сказки («сказки, подчинённые семиперсонажной схеме» и «рассказ, построенный на правильном чередовании приведённых функций в различных видах») [5, 48].

Сначала В.Я. Пропп осуществил разбиение текста сказки на ряд последовательных действий. Исходя из этого, «содержание сказки

может быть пересказано в коротких фразах, вроде следующих: *родители уезжают в лес, запрещают детям выходить на улицу, змей похищает девушку* и т. д. Композицию сказок составляют все сказуемые, а сюжет определяют все подлежащие, дополнения и другие части фразы» [5, 88]. Определённый фрагмент текста, в котором содержится действие (т. е. соответствующая функция), согласно современной терминологии, можно назвать повествовательной синтагмой. Следующие друг за другом во времени функции составляют линейный синтагматический ряд.

Русскоязычным онлайн-ресурсом «Генератор сказок» Р. Юскаева могут воспользоваться родители, у которых нет времени рассказать ребёнку сказку перед сном: достаточно включить «Запусти навык Сказкогенератор», чтобы Алиса, виртуальный голосовой помощник, созданный компанией «Яндекс», озвучила текст сказки, однако, как таковая, функция генерации сказки на данном сервисе не реализуется, выбор осуществляется путём воспроизведения готовых текстов сказок из предоставленного списка.

При помощи сервиса «Tale Generator» можно сгенерировать текст сказки самостоятельно. Для этого необходимо выбрать *«героя»*, *«плохиша»*, *«кого обидели»* и *«предмет спора»* из предоставленного списка и нажать «Сказку хочу!».

Если сгенерировать два текста сказки, меняя актанты, а затем при помощи онлайн сервиса для SEO-оптимизации Интернет-ресурса [3] провести сравнительный анализ двух текстов, становится очевидным, что авторы использовали шаблонную технологию. Как описано у В.Я. Проппа, они распределили набор ролей: *герой и плохиш (Кощей Бессмертный, Иванушка-Дурачок, Юлька, Змей-Горыныч, Илья Муромец, Граф Дракула, Чебурашка, Бармалей, Хрюша); кого обидели (Царь Додон, Царь с Царицей, Дед да Бабка, маленькая девочка); предмет спора (Василиса Прекрасная, молодильное яблочко, пекарня «Дока-Хлеб», «Мерседес 600», младший брат, птица счастья).*

А также, функции действующих лиц: *жил ... была ... прилетел ... забрал ... мечтал заполучить ... поскакал ... доскакал ... обитал ... поведаль ... говорит ... обрадовался ... подарил ... отправился ... добрался ... живёт ... выполни ... отгадай ... достал ... ответил ... выполнил ... двинул ... привела ... тусовалась ... говорит... дам ... заслужи ... смекнул ... одолеть... отдавал ... решил ... успел ... стоит ... произошла ... ломанул ... укрылся ... достал ... замахал ... вспомнил ... упал ... захватил ... отправился ... выбежали ... обалдел ... приказал ... подарил.*

В результате комбинирования готовых фрагментов получается цельный, связный, осмысленный текст сказки. Восприятию сказки мешают чрезмерное использование сленговой лексики и

современных реалий, пунктуационные и орфографические ошибки, неправильное разрешение анафоры. Возможно, авторы и ставили перед собой цель – создание сказок на «новый лад».

Анализируя вышесказанное, можно сделать несколько выводов. С одной стороны, естественно-языковая генерация текстов волшебной сказки вызывает затруднения из-за сложной структуры художественного текста, а именно свободного порядка слов в русском языке, наличия омонимов, анафор и т. д. С другой стороны, согласно исследованиям В.Я. Проппа, сказка имеет чёткую структуру с постоянно повторяющимися элементами, а разработанные исследователем структурные модели дают возможность применения шаблонного метода генерирования текста сказки.

Таким образом, проведённая работа показывает, что генерировать тексты сказок на естественном языке при помощи компьютерных систем возможно, а отсутствие большого количества ресурсов, предоставляющих данную возможность, свидетельствует, с одной стороны, о недостаточной изученности данной темы, а, с другой стороны, о том, что разработки в данной сфере являются актуальными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сказки. – Текст : электронный // Генератор волшебны сказок : сайт. – URL: <http://generatorskazok.ru/> (дата обращения 02.11.2020 г.)
2. Сказки Р. Юскаева. – Текст : электронный // Генератор сказок : сайт. – URL: <https://dialogs.yandex.ru/store/skills/e03de097-generator-skazok> (дата обращения 04.11.2020 г.)
3. Онлайн сервиса для SEO-оптимизации Интернет-ресурса. – Текст : электронный // Сравнение текстов : сайт. – URL: <https://p2pi.ru/compare-text.html> (дата обращения 05.11.2020 г.)
4. Пропп, В. Я. Исторические корни Волшебной сказки / В. Я. Пропп. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – 364 с.
5. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова / В. Я. Пропп. – М. : Изд-во «Лабиринт», 2001. – 192 с.
6. Светлов, А. В. Автоматизация процесса получения лингвистической информации: современные возможности / А. В. Светлов, А. С. Комендантов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 39–46.
7. Kumar, E. Natural Language Processing / Kumar E. – I. K. International Pvt Ltd. 2011.– 202 p.
8. McDonald, D. Natural language generation systems / McDonald D., Bolc L. – Springer-Verlag. 1988. – 388 p.

9. Recent Advances in Natural Language Generation: a Survey and Classification of the Empirical Literature // Computing and Informatics, Vol. 36, 2017. – P. 8–9.

SUMMARY

Tatiana Klimova. Natural language text generation on the example of fairy tales

The work shows that according to V. Propp's research, a fairy tale has a clear structure with constantly repeating elements, and the structural models developed by the researcher make it possible to use a template method for generating the text of a fairy tale. However, some difficulties are presented by the complexity of the literary text system, namely, the free word order in the Russian language, the presence of homonyms and anaphora.

Key words: generation, natural language text, fairy tale.

Коновалова Диана

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Першина К. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

ЗООЛЕКСИКА В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РЕЗЕРВ ЗООМОРФИЗМОВ

Исследование русской фразеологии в лингвокультурном аспекте сохраняет свою актуальность, поскольку входит в круг исследований русской языковой картины мира. Изучение лексического наполнения фразеологизмов позволяет устанавливать сближение концептуальных полей при номинировании мира носителями русского языка. Изучение зоолексики в составе фразеологизмов русского языка дает возможность устанавливать качественные параметры взаимодействия концептуальных областей «фауна» и «человек», в том числе и формирования состава зооморфизмов.

Ключевые слова: *фразеологизм, зоолексика, зооним, зооморфизм.*

Во фразеологическом фонде почти всех языков значительную часть составляют устойчивые словосочетания, содержащие в своём составе вербальные единицы, связанные с означиванием компонентов концептуальной сферы «фауна». В русском языке такие фразеологические единицы являются одной из наиболее продуктивных групп [3, 42]. Исследование данной группы

устойчивых словосочетаний способствует все более детальному описанию русской языковой картины мира, установлению особенностей именования окружающего мира и человека в этом мире с использованием указанных лексических единиц.

Для обозначения именований животных в современной лингвистике используются различные терминологические единицы: *названия животных, зоолексика, зоонимы, анимализмы* и некоторые др. Наибольшей употребительностью в настоящее время характеризуется термин *зооним*, который в научной литературе имеет два толкования: узкое и широкое.

В узком смысле *зоонимами* называются собственные имена (клички) животных (*Мурзик, Бурёнка, Шарик* и т.п.) [6, 15].

Зоонимы в широком смысле – это нарицательные существительные, являющиеся названиями животных (*кошка, корова, собака* и т.п.) [3, 42]. К группе нарицательных названий самих представителей животного мира примыкает группа нарицательных названий частей их тел (*когти, крылья, рога, копыта, клешни, плавники* и т.д.). В данной работе термин *зооним* используется в широком значении. Предметом исследования данных слов может быть их внутренняя форма [2, 12], их происхождение, номинативный потенциал, семантическая структура и др.

В русском языке многие зоолексемы могут выступать в качестве оценочного определения человека; в этой функции их обозначают термином – *зооморфизм* (*осёл, тюлень, медведь, лань, ворона* и т. д.). Зооморфизмы могут функционировать в виде отдельных лексем: *в луже сидеть – любимое занятие свиней, комар сел мне на шею, кот из мешка голову высунул и опять спрятался* и т. д. Однако чаще всего зооморфизмы выступают в составе фразеологических единиц, например, *вороне соколом не бывать, ворон ворону глаз не выклюнет, сколько волка не корми, он все в лес смотрит*. Один из путей приобретения зоолексемой статуса зооморфизма в определенной лингвокультуре – ее функционирование в составе устойчивого словосочетания, тем или иным образом характеризующего человека. Устойчивость и повторяемость фразеологического оборота способствуют закреплению отмеченного статуса.

По мнению М. Л. Ковшовой, «особая родовидовая сверхобщность зоосемия, включающая в свой состав зооморфизмы, единицы фразеологии с зооморфическим компонентом, может быть рассмотрена в качестве экспонента культурного знания, через который осуществляется взаимодействие языковой и культурной семантики» [4, 37]. Особенностью фразеологических единиц, содержащих зоонимы, является то, что их символическое значение построено на основе переносного значения структурных компонентов. Сами же переносные значения базируются на тех прямых значениях,

которые возникают в наивно-языковой картине мира. Т. В. Крылова называет целый ряд признаков номинации в этой области: внешнее строение, размер, характер внешнего покрова, подвижность, способ передвижения, тип питания, условия обитания, способность существа причинить вред человеку [5, 137–139]. Данные признаки номинации могут выступать основой сопоставления животного и человека.

Среди проанализированных нами номинаций количественно преобладают фразеологизмы, содержащие названия домашних животных. Это обусловлено тем, что данные живые существа входят в ближний круг общения людей с животным миром, что позволяло выделять в их облике, поведении самые разные черты, которые становились основой сравнения людей и животных. Чаще всего в составе проанализированных нами устойчивых сочетаний встречаются лексемы *собака, кошка, коза, козёл, овца, баран, конь, лошадь, свинья*.

Слово *собака* выделяется во фразеологизмах, относящихся к разным семантическим полям, связанным с различными аспектами человеческой деятельности – *вешать собак, как кошка с собакой, как собака на сене, нужен как собаке пятая нога, собаку съел, вот где собака зарыта, собачья жизнь, собачий холод* и др. Преобладание негативной коннотации во многих приведенных примерах объясняется тем, что они номинируют отступления от нормы в поведении собаки по отношению к человеку.

Повторяемость зоонимов *кошка, кот* во фразеологизмах обусловлена как мифологическими представлениями – *черная кошка (кот) пробежала(пробежал), бросить кота в дом*, так и бытовыми наблюдениями над поведением животного – *(играть) как кот с мышью (в кошки-мышки); жить как кошка с собакой*.

Зоонимы *коза* и *козел* тоже повторяются в русских фразеологизмах, которые характеризуются негативной коннотацией, особенно с лексемой *козел*. Обусловлено это тем, что коза у русских крестьян была «коровой бедных» и большой роли в деревенской жизни не играла – *как от козла молока, драть козла, пускать козла в огород, лупить (кого-то) как сидорову козу, на козе не подъехать*.

Введение в состав фразеологизмов зоонима *баран* обусловлено особенностями поведения этого животного, которое воспринимается человеком как глупое, неумное – *(смотреть) как баран на новые ворота, послушался баран козла, да и сам в беду попал, стадо баранов*. Более разнообразна семантика устойчивых оборотов с лексемами *овца* и *овечка* и прилагательным *овечий*: *заблудшая овца (овечка), черная овечка / черный барашек, сердце дрожит как (словно) овечий хвост, волк в овечьей шкуре*.

Разнообразна семантика фразеологизмов, включающих в свой состав зоонимы *конь, лошадь, свинья* – *въехать на белом коне, на*

коне и под конём, дарёному коню в зубы не смотрят, конь о четырех ногах, да и тот спотыкается, работать как лошадь, темная лошадка; гусь свинье не товарищ, что знают двое, то знает свинья, метать бисер перед свиньями, подложить свинью.

В группе устойчивых сочетаний, содержащих названия диких животных, чаще всего встречаются лексемы *волк* и *медведь*. Эти устойчивые сочетания также связаны с разными семантическими полями: *волк в пастухах, а лиса в птичниках, куда соваться в волки, коли хвост собачий, пожелал волк кобылу, два медведя в берлоге не уживаются, от волка бежал, да на медведя попал, медведь на ухо наступил.*

«Птичьи» зоонимы, входящие в состав разных фразеологизмов, представлены лексемами *птица, птичий, птишка, курица, куры, петух, ворона, ворон, воробей, гусь, журавль, соловей*: *птица высокого полета, синяя птица, вольная птица, вольная птишка, на птичьих правах, с высоты птичьего полета; мокрая курица, писать как курица лапой, денег куры не клюют, курам на смех, носиться как курица с яйцом; давать петуха, красный петух; ворона в павлиньих перьях, белая ворона, ворон считать, ворон ворону глаз не выключет; из пушки стрелять по воробьям, стреляный воробей; гусей дразнить, гусь лапчатый, как с гуся вода, гусь свинье не товарищ; лучше синица в руке, чем журавль в небе; соловья баснями не кормят, разливаться соловьем и др.*

Повторяются в составе фразеологизмов и лексемы тематических групп «рыбы», «насекомые», «пресмыкающиеся»: *рыба, муха, змея: биться как рыба об лёд, ловить рыбу в мутной воде, молчать как рыба, ни рыба ни мясо, нужен как рыбе зонтик; быть под мухой, раздуть из мухи слона, как сонная муха, белые мухи, мухи дохнут, какая муха укусила; змея лютая, змея подкодная, отогревать змею на груди, змеиная мудрость.*

Повторение зоолексем в составе разных фразеологизмов, характеризующих человека, является важным фактором, способствующим приобретению ими в данной лингвокультуре статуса зооморфизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – (Фундаментальные словари).
2. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой / А. Вежицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.

3. Гутман, Е. А. Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским / Е. А. Гутман, М. И. Черемисина // В помощь преподавателям иностранных языков: Сб. статей / Под ред. В. Н. Купреяновой. – Новосибирск, 1972. – Вып. 3. – С. 42–60.
4. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) / М. Л. Ковшова : автореф. дис. ... д. филол. наук. – М. : МГУ, 2009. – 68 с.
5. Крылова, Т. В. Различия между научными и наивно-языковыми представлениями о классификации живых существ / Т. В. Крылова // РЯНО. – 2019. – № 1 (37). – С. 83–146.
6. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 336 с.

SUMMARY

Diana Konovalova. Zoolexics as part of phraseological units of the Russian language as a reserve of zoomorphisms

The study of Russian phraseology in the linguocultural aspect remains relevant, as it is included in the circle of studies of the Russian language picture of the world. The study of the lexical content of phraseological units allows us to establish the convergence of conceptual fields when nominating the world by native speakers of the Russian language. The study of zoolexics as part of the phraseological units of the Russian language makes it possible to establish qualitative parameters of the interaction of the conceptual areas “fauna” and “human”, including the formation of the composition of zoomorphisms.

Key words: phraseological unit, zoolexics, zoonym, zoomorphism.

Копейко Оксана

Научный руководитель —

к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

ГОДОНИМЫ ГОРОДА КАМЕНСКА-ШАХТИНСКОГО КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛОКАЛЬНО- ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

В статье представлена лексико-семантическая классификация топонимов города Каменска-Шахтинского как средства репрезентации локально-географической ориентации.

Ключевые слова: *топоним, урбаноним, годоним, лексико-семантическая классификация, улица.*

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы проанализировать топонимы города Каменска-Шахтинского Ростовской области Российской Федерации как средство репрезентации локально-географической ориентации. Актуальность темы исследования прежде всего определяется тем фактом, что комплексное изучение урбанонимии и топонимии как её видовой разновидности представляет собой одно из приоритетных направлений ономастики, в том числе и региональной.

Данная статья продолжает цикл публикаций, посвящённых комплексному анализу топонимикона г. Шахтёрска ДНР и г. Каменска-Шахтинского РФ (см. [3; 7 и др.]).

Объектом исследования являются наименования линейных адресных объектов города Каменска-Шахтинского, в то время как предмет исследования составляют структурно-семантические особенности топонимов названного населённого пункта, направленные на реализацию ориентирующей функции.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки топонимов из реестра наименований улиц рассматриваемого населённого пункта, представленного в соответствующем разделе сайта <https://mapdata.ru>.

Как свидетельствует систематизация фактического материала, топонимикон города Каменска-Шахтинского включает 229 наименований.

Соотношение терминов-классификаторов в топонимах г. Каменска-Шахтинского представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Соотношение терминов-классификаторов
в топонимах г. Каменска-Шахтинского**

№ п/п	Тип топонима по термину- классификатору	Кол-во	%
	Топонимы с термином-классификатором <i>улица</i>	168	73,4
	Топонимы с термином-классификатором <i>переулок</i>	38	16,6
	Топонимы с термином-классификатором <i>проезд</i>	20	8,7
	Топонимы с термином-классификатором <i>микрорайон</i>	2	0,9
	Топонимы с термином-классификатором <i>проспект</i>	1	0,4
	ВСЕГО:	229	100

Как видно из таблицы 1, в топонимиконе г. Каменска-Шахтинского наиболее частотным является термин-классификатор *улица* (168

единиц, или 73,4 %), что объясняется исторически сложившейся традицией именования адресных объектов. Второе место по критерию частотности среди годонимов г. Каменска-Шахтинского занимает термин-классификатор *переулок* (38 единиц, или 16,6 %), а третье место – термин-классификатор *проезд* (20 единиц, или 8,7 %). Что касается терминов-классификаторов *микрорайон* и *проспект*, то, как видно из таблицы 1, для годонимикона г. Каменска-Шахтинского они оказались нечастотными: микрорайон *60 лет Октября*, микрорайон *Октябрьский* (2 единицы, или 0,9 %), проспект *Карла Маркса* (1 единица, или 0,4 %). Следует отметить, что названия микрорайонов следом за Н. А. Ярошенко относим к числу годонимов на том основании, что «они также выполняют адресную функцию и содержат на своей территории отдельные строения с номерами, которые, как правило, расположены в линию, в ряд по периметру прямоугольника» [5, 60].

Лексико-семантическая классификация годонимов города Каменска-Шахтинского как средства репрезентации локально-географической ориентации включает такие подгруппы линейных адресных объектов:

1. Названия, которые указывают на расположение линейного адресного объекта относительно пространства всего населённого пункта, его частей, стороны света и под.: ул. *Центральная*, пер. *Центральный*, ул. *Пригородная*, ул. *Верхняя*, пер. *Дальний*, ул. *Ниже-Профильная*, ул. *Профильная*, ул. *Восточная*, ул. *Западная*, пер. *Северный*, ул. *Южная*.

2. Названия, которые характеризуют месторасположение линейного адресного объекта относительно городских объектов: ул. *Арсенальная*, пер. *Базарный*, ул. *Гаражная*, пер. *Железнодорожный*, ул. *Заводская*, ул. *Каменный Карьер*, ул. *Клубная*, пер. *Клубный*, пер. *Колхозный*, ул. *Ниже-Проездная*, ул. *Парк Культуры*, пер. *Переездный*, пер. *Почтовый*, пер. *Придорожный*, ул. *Проездная*, ул. *Рудничная*, ул. *Совхозная*, пер. *Станционный*, ул. *Огородная*, ул. *Ретрансляторная*, ул. *Школьная*, ул. *Шоссейная*, ул. *Ясельная*, ул. *Ярмарочная*, проезд *1040 км*, проезд *1036 км*, проезд *1043 км*.

3. Названия, которые характеризуют ландшафт внутригородского пространства: ул. *Балочная*, ул. *Береговая*, ул. *Лесная*, ул. *Луговая*, ул. *Ниже-Балочная*, ул. *Овражная*, пер. *Полевой*, ул. *Речная*, пер. *Речной*, пер. *Степной*.

4. Названия, соотносимые с номинациями населённых пунктов региона, России и в целом постсоветского пространства: ул. *Ростовская*, ул. *Лиховская*, ул. *Волгоградская*, ул. *Московская*, ул. *Краснодонская*, ул. *Киевская*, ул. *Черниговская*.

5. Названия, соотносимые с номинациями регионов: ул. *Алтайская*, ул. *Кавказская*, ул. *Уральская*.

6. Названия, соотносимые с номинациями бывших республик СССР: ул. *Белорусская*, ул. *Украинская*.

7. Годонимы, образованные от названий рек и иных водных объектов, т. е. от гидронимов: ул. *Донская*, ул. *Печорская*, ул. *Рыгинская*, ул. *Северо-Донецкая*.

Годонимы города Каменска-Шахтинского, выступающие как средство репрезентации локально-географической ориентации, по классификации Т. В. Шмелёвой [4], являются ориентирующими годонимами, среди которых представлены две основные разновидности: 1) внутренние ориентирующие названия (ул. *Центральная*, пер. *Центральный*, ул. *Пригородная*, ул. *Верхняя*, ул. *Профильная*, ул. *Восточная*, пер. *Базарный*, ул. *Гаражная*, ул. *Заводская*, ул. *Каменный Карьер*, ул. *Ниже-Проездная*, ул. *Парк Культуры*, пер. *Переездный*, проезд *1040 км*, ул. *Лиховская*, ул. *Рыгинская* и др.) и 2) внешне ориентирующие названия (ул. *Ростовская*, ул. *Волгоградская*, ул. *Московская*, ул. *Краснодонская*, ул. *Киевская*, ул. *Черниговская*, ул. *Белорусская*, ул. *Украинская*, ул. *Донская*, ул. *Печорская*, ул. *Алтайская* и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Асанов, А. Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук / Алексей Юрьевич Асанов. – Тамбов, 2014. – 185 с.
2. Егорова, Л. В. К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований / Л. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 224–233.
3. Копейко, О. Н. Структурно-семантические типы годонимов пгт. Контарное и пгт. Московское Шахтёрской администрации / О. Н. Копейко // Славистика: новые имена в науке : Сб. науч. трудов участников III Международной очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2019. – С. 98–102.
4. Шмелёва, Т. В. Ономастикон российского города / Т. В. Шмелёва. – Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.
5. Ярошенко, Н. А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н. А. Ярошенко, У. Л. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 3–4. – Донецк : ДонНУ, 2018. – С. 59–66.
6. Ярошенко, Н. А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отапельлятивных годонимов г. Донецка) / Н. А. Ярошенко // Материалы IV Международ. науч. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура

и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.) ; под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Ч. 2. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 128–132.

7. Ярошенко, Н. А. Культурные коды в урбанонимике Донбасса (на материале годонимов пгт. Сердитое, пос. Дубовое и пос. Лобановка Шахтёрской администрации) / Н. А. Ярошенко, О. Н. Копейко // Актуальные проблемы изучения славянских языков : Сб. научн. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.) ; отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2020. – Вып. 6. – С. 78–83.

SUMMARY

Oksana Kopeyko. The godonyms of Kamensk-Shakhtinsky as the means of the representation of local and geographical orientation

The lexical and semantic classification of the Kamensk-Shakhtinsky godonyms as the means of the representation of local and geographical orientation had been put up.

Key words: toponym, urbanonym, godonym, lexical and semantic classification, street.

Костикова Анастасия

Научный руководитель –

д. филол. н., доц. Балко М. В.

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе Донецкой Народной Республики»,*

г. Донецк, ДНР

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В работе рассматриваются основные изменения в системе фразеологических единиц русского языка, наблюдаемые в последние десятилетия. В частности, проанализированы типы фразеологизмов, употребляемых в современных СМИ, в том числе сетевых.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, средства массовой информации, интернет, язык интернета.

Фразеология – языковая сокровищница любого языка. Русский язык чрезвычайно богат фразеологизмами самой разной структуры, происхождения и значения. Русская фразеологическая система

формировалась на протяжении веков и продолжает формироваться сегодня. Употребляя фразеологизмы, мы поражаемся глубине их семантики и демонстрируем широкий словарный запас.

Время вносит коррективы во все сферы человеческой деятельности, что, безусловно, отображается в языке на всех его уровнях. Фразеологический уровень – не исключение. Нередко мы не замечаем течения времени, но если проанализируем изменения, произошедшие даже за небольшой период, то увидим существенную разницу. Оценка настоящего приходит с жизненным опытом, с мудростью, с трудностями, преодоленными за десятилетия [3, 6].

В связи с активными языковыми процессами, наблюдаемыми в последние десятилетия, следует установить ключевые направления развития русской фразеологии. Целесообразно говорить о следующих тенденциях:

- 1) явное увеличение количества заимствований фразеологических единиц из английского языка;
- 2) активное образование фразеологизмов-неологизмов;
- 3) активизация в речи стилистически сниженной фразеологии, вульгаризация речи;
- 4) образование уникальных сетевых фразеологизмов.

Большой приток англоязычных фразеологизмов в русский язык – характерная черта нашего времени. Зачастую они представляют собой просто кальки английских и американских идиом, например: *голубая фишка* (англ. *blue chip*), *дорожная карта* (англ. *road map*), *утечка мозгов* (англ. *brain drain*), *раскачивать лодку* (англ. *to rock the boat*), *гражданин мира* (англ. *citizen of the world*) и др.

Заметным явлением в современной русской фразеологии является и активное образование новых единиц. Большинство из таких конструкций ещё не получили «официального статуса фразеологизма» (то есть закрепления во фразеологических словарях), но активно употребляются в устной речи и СМИ, поскольку отображают особенности общения рядовых носителей русского языка, например: *закручивать гайки*, *в одном флаконе*, *белый и пушистый*, *в сухом остатке*, *в шоколаде*, *вызывать аллергию*, *держаться на коротком поводке*, *перекрыть кислород*, *разбор полётов*, *хлопнуть дверью* и др.

Но, безусловно, наиболее ярким процессом современности в сфере фразеологии является образование и чрезвычайно активное употребление (в устной и письменной речи) сетевых фразеологизмов. Более того, с появлением интернета многие из известных фразеологизмов качественно изменились, стали функционировать по-другому [2, 1].

Характерными особенностями интернет-фразеологизмов являются такие элементы, как цифры, пиктограммы и другие

невербальные компоненты, сокращения, жаргонные единицы, вульгарная лексика, иноязычные слова, использование которых, бесспорно, детерминировано особенностями интернет-коммуникации.

В. Ф. Хайдарова выделяет три группы источников появления сетевых фразеологизмов:

1) жаргон различных интернет-субкультур (*выпей йаду; убей сибя ап стену*);

2) метафорическое переосмысление компьютерных терминов и профессионального сленга IT-специалистов и всех тех, кто работает в смежных с этой сферой областях (*пасхальные яйца; зверёк убит; индусский код*) [4, 5];

3) произведения современного искусства, в частности кино.

Интернет-технологии продолжают развиваться, поэтому пополнение фразеологического фонда из этой сферы современной жизни теперь уже будет иметь место всегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баско, Н. В. Динамика языковых изменений в русской фразеологии (на материале современных российских СМИ) / Н. В. Баско // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ : в 15 т. – СПб. : МАПРЯЛ, 2015. – С. 27–32.
2. Карташова, Е. П. Структурно-семантическая трансформация фразеологических единиц в современной интернет-коммуникации / Е. П. Карташова, А. А. Иерусалимская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 11 (29) : в 2-х ч. Ч. I. – С. 78–80.
3. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1990. – 254 с.
4. Хайдарова, В. Ф. Фразеологизмы интернет-языка : к содержанию словарной статьи / В. Ф. Хайдарова // Проблемы истории, филологии, культуры / отв. за вып. С. Г. Шулежкова [и др.]. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. – Вып. 2 (24). – С. 542–546.

SUMMARY

Anastasia Kostikova. Active processes in the modern phraseological system of the Russian language

The paper examines the main changes in the system of phraseological units of the Russian language observed recent decades. In particular, the types of phraseological units used in modern media, including the network, are analyzed.

Key words: phraseology, phraseological unit, mass media, Internet, Internet language.

Костина Аурика
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ТОПОНИМЫ ДОНБАССА: ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Топонимика – наука, изучающая географические названия, их происхождение, смысловое значение, развитие, современное состояние, написание и произношение. Использование топонимического материала на уроке русского языка позволяет улучшить усвоение программного материала, расширить кругозор учащихся.

Ключевые слова: *топонимика, топонимический материал.*

Актуальность исследования определяется прежде всего социально-общественными факторами, поскольку вопрос наименования и особенно переименования географических объектов является одним из актуальных на сегодняшний момент. Знания о происхождении географических названий, их изменения во времени, расширяют кругозор учащихся, сформируют вдумчивое, творческое отношение к фактам языка. Важно привлечь внимание к смысловому значению каждого из топонимов, поскольку они несут в себе исторические, географические, культурные сведения о народе. Знакомство с топонимами помогает учащимся лучше усвоить программный материал по русскому языку и достичь лучших личностных, метапредметных и предметных результатов, а учителю дает возможность формировать творческую, всесторонне развитую личность, которая знает свою историю и умеет оценить прошлое родного края. Изучение топонимических названий в русском языке имеет большой научный и практический интерес, помогает решить вопросы обучения и воспитания школьников средствами родного языка. Использование текстов топонимического содержания обогащает словарный запас учащихся, оказывает положительное влияние на уровень орфографических и речевых умений и навыков.

Целью работы является исследование топонимов Донбасса и использование топонимического материала на уроках русского языка.

Важную роль в формировании вербальных образов мест играют топонимы. Топонимия выступает тем же мостиком, который определенным образом структурирует пространство и время в сознании человека.

В интерпретациях топонимов необходимым является определение происхождения географических названий – их этимологии, обозначение мотивов и номинативных особенностей, культурных коннотаций названий географических объектов. Именно топонимия суммирует свойства, которые позволяют использовать топонимы для изучения образов культурных и природных ландшафтов.

Ученые рассматривают топонимику как синтез лингвистики, географии и истории, хотя иногда замечают, что те топонимы, которые интересны для историков, не представляют интереса для географов и наоборот. Топонимы занимают особое место в лексической системе языка. Представляя собой определенную группу слов, они наделены парадигматическими и синтагматическими характеристиками, присущими слову. Несомненно также и то, что категории, установленные для собственных названий, в качестве специального подкласса слов, распространяются и на топонимы.

Использование топонимистического материала на уроках русского языка в школе обеспечивает реализацию прежде всего учебной, развивающей и воспитательной цели. Успешная реализация дидактических функций ономастического материала зависит от постановки учебной цели, качества учебно-познавательных задач и проблем и определяется умением отбирать материал и правильно его анализировать. Качество материала, характер переработки и введение его в учебно-воспитательный процесс обусловлены педагогической ценностью ономастикона. Поэтому сосредоточение внимания на трех аспектах содержания обучения: отборе, переработке и включении онимии в учебную работу – является существенным.

При подборе ономастического материала важно обращать внимание на то, чтобы задания соответствовали возрастным особенностям учащихся, были посильны по содержанию, понятны без детальных комментариев учителя; чтобы они способствовали активизации учебного процесса и соответствовали учебной и воспитательной цели урока. Благодаря систематическому использованию ономастического материала знания учащихся становятся более разнообразными, содержательными, осуществляется положительное влияние на формирование познавательной активности учащихся, развивается логическое мышление, обогащается словарный запас школьников. Дети начинают активно интересоваться историей города, людьми, которые их окружают, у них появляется бережное отношение к природе. Возникает заинтересованность учащихся учебой, а когда появляется заинтересованность, то повышается и их активность на уроке.

Новый материал, изучаемый на занятии, должен быть обязательно связан с тем, что уже ранее изучали. Но знания учеников следует

актуализировать (повторить, обновить). Во время мотивации учебной деятельности учителю нужно заинтересовать учеников изучением нового материала. Дети должны убедиться в необходимости усвоения той или иной темы. Ономастический материал вооружает учителя средствами, которые способствуют тому, чтобы новые знания стали результатом умственной деятельности детей, обеспечили глубокую взаимосвязь между явлениями и предметами, которые изучаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева, И. А. Способы номинаций в речевой ситуации города / И. А. Астафьева. – М. : Моск. пед. ун-т, 1996. – 148 с.
2. Карпенко, Ю. А. О синхронической топонимике // Принципы топонимики / Ю. А. Карпенко. – М. : Наука, 1964. – С. 45–57.
3. Карпенко, Ю. А. Специфика ономастики // Русская ономастика / Ю. А. Карпенко. – Одесса, 1984. – С. 3–4.
4. Подольская, Н. В., Суперанская А. В. Терминология ономастики // Вопросы языкознания / Н. В. Подольская. – 1969. – № 4. – С. 140–146.
5. Попов, А.И. Основные принципы топонимического исследования // Принципы топонимики / А. И. Попов. – М. : Наука, 1964. – С. 34–44.

SUMMARY

Aurika Kostina. Toponyms of Donbass: linguistic and methodological aspects

Toponymy is the science that studies geographical names, their origin, meaning, development, current state, spelling and pronunciation. Using toponymic material in the Russian language lesson allows you to improve the assimilation of program material, expand the horizons of students.

Key words: toponymy, toponymic material.

Кривоченко Ольга

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Белоконь-Пожарицкая Н. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ТВОРЧЕСКИЕ ПОИСКИ В ПРОЗЕ В. КРУПИНА

В статье автор уделяет внимание творчеству писателя-деревенщика – Владимира Николаевича Крупина, который в 90-е годы вносит новые веяния в литературу. В. Крупин рассматривает проблему возрождения человеческих ценностей и морали через

православную веру. Такое возрождение происходит с героем повести «Люби меня, как я тебя».

Ключевые слова: *проблематика, деревенская проза, повесть, герой, тематика.*

Арсенал научных материалов, посвященных творчеству В. Крупина, весьма ограничен, а литература о его произведениях представлена преимущественно критическими статьями в периодических изданиях при полном отсутствии объемных литературоведческих работ. Критики обходят вниманием многие сочинения и касаются анализа лишь наиболее значительных, по их мнению, произведений и сборников. Так, ранним рассказам и первым книгам В. Крупина посвящены материалы Г. Дробот, Н. Подзоровой, В. Цыбина, где дается как общая оценка творчеству начинавшего в 70-е годы прозаика, так и краткий анализ его сочинений.

В творчестве писателей-деревенщиков наблюдается опора Ф. Абрамова, В. Белова, В. Крупина, В. Распутина, с одной стороны, на ценности русского народа, на учение православной церкви, а с другой, – на идеи, изложенные в работах представителей русского религиозно-философского ренессанса.

Новым веянием в истории русской литературы XX века было творчество писателя-деревенщика – Владимира Николаевича Крупина, который развивает идею взаимной обусловленности состояния жизни и духовного мира человека. Многие критики неоднократно отмечали, что с развитием деревенской прозы происходит возрождение в современной литературе христианских традиций, возрождение русской литературы как национально-христианской, то есть православной. «Деревенская проза» занималась нравственным здоровьем человека – и человека настоящего, и человека будущего. Главной тематикой «деревенской прозы» является упадок села, крах народной культуры и традиций, потеря моральных ценностей, пагубное влияние цивилизации и научно-технической революции. Анализ творчества В. Крупина позволяет говорить об эволюции взглядов: сначала он тяготеет к традициям «деревенской прозы», а в 90-е годы писатель приходит к теме возрождения села, но через возрождение, религию, веру, церковь. Последнее десятилетие XX века для Владимира Крупина, как и для писателей, это период творческих исканий, «огромной внутренней работы над собой», размышлений о судьбе родины и русского народа.

Начинается новый этап в творчестве В. Крупина, что свидетельствует о духовном перерождении, а именно о получении истинной православной веры. Писатель неоднократно говорит о том, что считает веру христианскую стержнем культуры. Православие

становится для писателя основой русского мировоззрения и способа бытия в мире, что и отражается в следующих произведениях: «Сороковой день», «Люби меня, как я тебя», «Крест и пропасть», «Горе горькое», «Крестный ход».

Изменения, происходящие в творчестве писателя, не остались незамеченными. В. Распутин, говоря о произведениях В. М. Крупина, опубликованных в начале 1990-х годов, отметил «незначительный», но все же «заметный поворот» в его творчестве. А в научном исследовании Т. Кошурникова отмечает, что у писателя можно выделить следующие особенности: философское осмысление православной проблематики («Люби меня, как я тебя», «Крестный ход», «Великорецкая купель»), образы героев, которым близки православные идеалы (Николай Иванович Чудинов, Саша Резвенцова, бабушка Лиза), одухотворенность быта (быт героев повести «Великорецкая купель») [1, 26].

Новые тенденции в творчестве писателя прослеживаются в повести «Люби меня, как я тебя». В начале повести мы знакомимся с Александром и узнаем, что он молодой ученый, работающий над диссертацией. Герой задумывается над тем, что пора жениться, но девушки у него нет. У него время от времени возникают мысли о том, что можно Москву сменить на Сибирь, где герой найдет сельскую девушку на которой можно жениться. Нам ничего не известно о родителях Александра, он только вспоминает наставления отца: «Приданное мужчины – его голова. Если женщина кидается на зарплату, имущество, дачу, квартиру, беги от такой, как от огня. Знакомись, говори: вот весь я, один костюм, койка в общежитии, старики родители, надо кормить...» [2, 4]. И, следуя родительским принципам, герой повести понимал, что каждый человек сам строит свой путь, определяется с приоритетами, мировоззрением.

В Петербурге на симпозиуме Александр заметил суетность города с рекламными щитами и иномарками, но в тоже время исторические и православные памятники, которые были в северной столице, обратили особое внимание и создали новое впечатление от города. Атмосфера северной столицы была более привлекательной, чем в Москве.

Именно в Петербурге на симпозиуме увидел впервые Александр, А. Г. Резвенцову. И первое впечатление Александра было то, что она верующий человек, «была повязана тонким шелковыми платком» [2, 9], которая вступила в спор с баптистом. После первой встречи он не мог понять «ни ее возраста, ни красива ли она» [2, 14], но у него Александра ассоциировалась с мгновением: «стояла рядом, вот здесь, и нет» [2, 14]. Она появилась как сказочная волшебница и внезапно исчезла.

Такие встречи заинтриговали Александра и он пытался догадаться, кто его знакомая? «Она монашка, наверное. Да нет, не монашка, просто верующая. Замужем конечно. Муж – староста церковный. Дети в алтаре прислуживают, курение батюшке подают. Вечером вместе молятся. Целует их на ночь. Спят отдельно ... » [2, 22]. Но вскоре выяснилось, что она учительница, которая очень любит детей, и дети отвечают ей взаимностью.

Совсем по-другому писатель рисует образ Александры, верующей учительницы, которая живет в Петербурге с мамой и сестрой. Автор через Александра говорит, что «она ... светлая ...» [2, 66]. После более близкого знакомства мы узнаем, что сестра Александры, Анна работает дома, имея родимое пятно на лице и старается как можно реже выходить из дома. Больной была и Александра, у нее было большое сердце. Она понимала, что не сможет иметь детей и на предложения Александра отвечала честно. Александра была хорошо воспитана, имела хорошее образование, хорошо понимала литературу и музыку. Встречаясь с Александром, они неоднократно говорили о писателях и композиторах: Блоке, Достоевском, Некрасове, Бетховене, Бунине, Ахматовой. Она отличалась от других девушек осведомленностью, откровенностью, правдивостью, ее чувства были искренними. Она неоднократно подчеркивает, что болеет и не может выйти замуж за Александра. Предотвращая страдания и испытания героев, автор решает, что героиня должна умереть. И не случайно она умирает на такой большой православный праздник – Христово Воскресенье: «Мне сказали ... мне сказали, что в эту ночь Саша не стало на земле» [2, 218]. Кажется, что Александра это предвидела, когда просила Сашу приехать после праздника: «После Пасхи, сказала, что после Пасхи сразу излечиться» [2, 212]. Да и Александр что-то чувствовал сердцем: «Надо, надо было мне ехать. Бывают такие моменты в жизни, когда надо слушать только свое сердце» [2, 212]. Болезнь героини не случайна и воплощает болезнь общества, потерявшего нравственные и христианские ценности. Такие люди, как Саша чувствуют себя отчужденно в обществе, они отличаются от других, и создается впечатление, что время таких героинь, как Александра, еще не пришло, они из другого временного пространства.

Таким образом, отметим, что обращаясь к православной тематике и образам писатель, как представитель деревенской прозы долгое время отмечал упадок моральных ценностей и традиций в обществе, потерю родовых ценностей, нашел путь для возрождения России, именно через веру и православные нравственные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошурникова, Т. В. Проблемы взаимопроникновения художественных и публицистических элементов в творчестве

- В. Н. Крупина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2007. – Т. 13. – Спецвыпуск. – С. 25–28.
2. Крупин, В. Люби меня, как я тебя / В. Крупин // Москва. – 2002. – № 4. – С. 168–246.
3. Распутин, В. О Родине с любовью и виной: Крупин В. Дорога домой / В. Распутин. – М. : Наука, 1985. – 272 с.

SUMMARY

Olga Krivochenko. Creative searches in V. Krupin's prose

In the article, the author pays attention to the work of the village writer – Vladimir Nikolaevich Krupin, who in the 90s brings new trends to literature. V. Krupin examines the problem of the revival of human values and morality through the Orthodox faith. Such a revival occurs with the hero of the story «Love me as I love you».

Key words: problematic, village prose, story, hero, subject.

Костышак Валерий

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. Зябрева С. Э.

*ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ПРИТЧА КАК ОСНОВА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Использование литературных трудов педагогов-гуманистов является одним из актуальных приемов работы современных вожатых загородных лагерей. В частности, благодаря своей морально-этической направленности, особого внимания для создания мероприятий заслуживают притчи и сказки В. А. Сухомлинского. В данных тезисах рассматривается опыт использования притч В. А. Сухомлинского для проведения общелагерного мероприятия «Тропа легенд».

Ключевые слова: *притчи, нравственность, загородный детский лагерь, вожатые, воспитательное мероприятие.*

К 2020 году прошло уже 102 года со дня рождения великого педагога, подлинного гуманиста и гражданина – Василия Александровича Сухомлинского. За прошедшее время выросли поколения, и современные дети интересуются совершенно другими вещами, нежели дети второй половины XX века. Стремления и взгляды детей и молодежи кардинально разнятся. Промежуток в целом

столетие со дня рождения великого писателя и педагога ставит перед новым поколением молодых учителей вопрос – актуальны ли идеи Сухомлинского сейчас? Продолжают ли жить идеи и стремления, которые Василий Александрович закладывал в свои произведения? Живет ли его дело в наше время? Может ли современный педагог, воспитатель, вожатый опираться на идеи Сухомлинского в своей трудовой деятельности?

Вся жизнь Василия Александровича Сухомлинского была посвящена воспитанию детей, формированию их личности. Примерами трудов, запечатлевших его мировоззрение, являются книги «Сердце отдаю детям», «Рождение гражданина», «Сто советов учителю». Через литературу и личный пример он скрупулезно воспитывал в детях личное отношение к окружающей действительности, понимание своего дела и ответственности перед родными, семьей, товарищами и обществом и, что главное, перед собственной совестью. Сухомлинский писал о том, что ребёнок является существом, которое мыслит, познает мир не только вокруг себя, но ещё и познает самого себя. Причём это знание приходит не только умом, но и сердцем. В своих трудах Сухомлинский определял личность ребенка как высшую ценность.

Учитель, по Сухомлинскому, – это не только специалист, который умеет передавать знания следующему поколению, но и тот, кто делает из ребёнка человека, полноценного гражданина, человека будущего. В том, чтобы развить в детях чувство любви к семье, Родине, играют большую роль притчи и сказки. Самим Сухомлинским написано немало сказок для детей разного возраста. Значительными примерами являются вот эти произведения: «Как звенят снежинки», «Лепесток и цветок», «Ветер, солнце и мороз», «Пусть будут и соловей, и жук». Во всех произведениях автор писал о человечности в человеке.

Безусловно, все эти качества педагоги XXI века тоже стараются прививать детям. Хорошим примером важности следования идеям Василия Александровича становится традиционное проведение студентами практикантами Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков», участниками студенческого педагогического отряда «Штурманы детства» мероприятия «Тропа легенд» в летних оздоровительных лагерях. Каждое лето с 2018 года одной из площадок для проведения такого мероприятия становится детское учреждение оздоровления и отдыха «Орленок» (Донецкая Народная Республика, Амвросиевский район, с. Благодатное).

Вожатые студенческого педагогического отряда «Штурманы детства» ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» используют притчи В. А. Сухомлинского в ходе подготовки и проведения вечернего общелагерного мероприятия «Тропа легенд».

Организация мероприятия традиционно включает в себя несколько этапов.

Во-первых, этап подготовки. Данный этап содержит следующие составляющие: инструктирование вожатского состава, подготовка реквизита, согласование хода мероприятия с администрацией лагеря.

Вожатые-напарники объединяются в две команды: «Хранители» и «Водящие». В задачу «Хранителей» входит доскональное знание конкретных текстов притч из сборников В. А. Сухомлинского, определенных лагерных легенд, подготовка тематических костюмов, передающих атмосферу притчи, подготовка тематического реквизита. «Хранители» также оформляют «Станции» – определенные точки на территории лагеря, в которой «Хранитель» ждет отряды, чтобы рассказать свою легенду. Легенды распределялись между «Хранителями» в соответствии с характером вожатого, его умением запоминать большие объемы текста, его личной расположенностью к определенным морально-этическим темам. До проведения мероприятия проводятся инструктивные сборы «Хранителей», где обсуждаются вопросы подготовки реквизита, «Станций» и ход мероприятия в целом.

Задачей «Водящих» является короткая инструктивная беседа с отрядом о грядущем мероприятии перед его началом, создание необходимого настроения в отряде, а затем поддержание дисциплины и тишины при передвижении отрядов между «Станциями». Согласно концепции мероприятия, «Водящие» надевают одежду черного цвета, чтобы в течение «Тропы легенд» визуальнo не акцентировать внимание на себе, а позволить детям сконцентрироваться на прослушивании легенд и своих мыслях во время передвижения по лагерю.

До начала «Тропы легенд» все отряды собираются в крытом театре лагеря, где предварительно погашен свет, зажжены стоящие на сцене свечи, включена лирическая музыка. На сцену выходит старший вожатый, который рассказывает первую легенду из выбранных для мероприятия, а затем отряды вслед за «Водящими» отправляются к «Хранителям», согласно заранее прописанному маршруту. Каждый из пяти отрядов посещает не менее восьми «Станций». Маршрут всегда расписан таким образом, чтобы отряды не пересекались на одной «Станции», а «Хранители» имели возможность отдохнуть в течение 10-15 минут.

Финалом «Тропы легенд» становится общий сбор отрядов в крытом театре лагеря, прослушивание финальной легенды от старшего вожатого. После этого отряды отправляются на вечернюю рефлексию на отрядных местах.

Необходимо отметить, что «Тропа легенд» была тепло встречена администрациями лагерей, вожатским составом и, что самое

главное, детьми. Если для младших отрядов прослушивание притч на морально-этические темы больше походило на прослушивание сказки, то старшие отряды на рефлексии отметили изменения некоторых личных приоритетов и ценностно-личностных акцентов. В особенности детей впечатлила притча «Петрик и Павлик», затрагивающая проблему взаимоотношений в семье и уважения к старшим поколениям.

Наш опыт и отзывы воспитанников ДУОиО «Орленок» позволяют с уверенностью говорить о том, что даже спустя столетие идеи и взгляды Василия Александровича Сухомлинского актуальны и живы. Его гуманистический подход к воспитанию детей, выверенные в своем психологическом аспекте притчи и истории, действительно помогают современным педагогам, вожатым и воспитателям в работе в детских оздоровительных учреждениях. В Школе вожатского мастерства «Штурманы детства» мы непременно продолжим разговор об использовании литературного материала в программах ДУОиО, о проведении тематических мероприятий на основе литературы для детей, в частности притч и сказок В.А. Сухомлинского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухомлинский, В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – Киев : Радянська школа, 1987. – 544 с.
2. Сухомлинский, В. А. Хрестоматия по этике / В. А. Сухомлинский ; Сост. А. В. Сухомлинская. – М. : Педагогика, 1990. – 304 с.
3. Сухомлинский В. А. Цветок Солнца: притчи, сказки, рассказы / В. А. Сухомлинский. – Харьков : ИД «ШКОЛА», 2012. – 240 с.

SUMMARY

Valery Kostyshak. Parable as a basis for creating an educational event

The following article deals with V. A. Sukhomlunsky's stories as the basis for summer camp activities. The focus of this research is primarily on the modern summer camp counselors' experience in collectively creative activities for children. In this research, we go through all phases of typical story-based summer camp event organization.

Key words: summer camp, camp counselors, student brigade.

Крохмалёва Ангелина
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

О СПОСОБАХ НОМИНАЦИИ КАТОЙКОНИМОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В данной статье речь идет о катойконимии Донецкой Народной Республики. Цель работы – дать толкование катойконимии и проанализировать способы катойкономической номинации. Катойконим – нарицательное именование жителей по названию места жительства. Под катойконимией, соответственно, понимается совокупность катойконимов языка, региона.

Мы проанализируем способы катойкономической номинации.

Ключевые слова: катойконим, катойконимия, способ номинации.

Одним из направлений современной ономастики является изучение особенностей образования и функционирования названий лиц по месту жительства или рождения. Для обозначения этих лексем используется термин *катойконим*, которому «Словарь русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской дает следующее определение: «Катойконим – нарицательное именование жителей по названию места жительства (оттопонимное образование)» [5, 64]. Под *катойконимией*, соответственно, понимается совокупность катойконимов языка, региона и т.д. Слово *катойконим* образовано от следующих древнегреческих морфем: приставки *χατά* ('переходность'), корня *οἶκος* ('обиталище', 'жилище') и корня *οὐπὸν* ('имя'). М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» называл катойконимы «отечественными, или родину значащими именами» [4, 95].

Рассмотрим катойконимию Донецкой Народной Республики. Цель статьи – дать толкование катойконимии и проанализировать способы катойкономической номинации. Катойконимы представляют собой древний, своеобразный в словообразовательном и уникальный в лингвокультурологическом отношении пласт лексики. Неординарность катойконимов проявляется уже в том, что их нельзя однозначно отнести ни к апеллитивам, которыми формально являются названия жителей по местности, ни к именам собственным.

Традиционная классификация, как известно, предполагает противопоставление онимов (имен собственных) и апеллитивов

(нарицательных названий). Катойконимы сложно вписать в эту систему. В определенном смысле они более близки именам собственным (практически все исследования, посвященные проблемам словообразования катойконимов, были проведены не дериватологами, а ономастами) [1, 46].

Термин *катойконим* используется только применительно к именам существительным с соответствующим значением. Однако катойконимы-существительные образуются далеко не от всех ойконимов. В таком случае значение «житель (уроженец) местности» выражается иными средствами.

Существует три способа катойконимической номинации, или три способа, которыми выражается значение «житель местности» в живой разговорной речи.

Под номинацией (от лат. *nomination* – наименование) принято понимать, согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» под ред. В. Н. Ярцевой, «образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для названия и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» [3, 336]. Этим термином также обозначают и результат процесса номинации – значимую языковую единицу. Для обозначения трех способов номинации мы используем терминологию, предложенную В. А. Горпиничем [2, 144–145].

Рассмотрим способы номинации катойконимов Донецкой Народной Республики.

1. Словообразовательная парадигматизация, или деривация, т. е. образование специальных существительных со значением ‘лицо по отношению к месту жительства или рождения’: *дончане* от *Донецк*, *горловчане* от *Горловка*, *макеевчане* от *Макеевка*, *енакиевцы* от *Енакиево*, *харцызяне* от *Харцызск* и др.

2. Синтагматизация, т. е. выражение значения ‘житель’ словосочетанием, обязательным компонентом которого является зависимый топоним, употреблённый в форме родительного падежа с предлогом: *люди из Тореза*, *родом со Снежного* и др.

3. Семантизация адъектонимов, т. е. употребление в роли катойконимов субстантивированных оттопонимных прилагательных: *шахтёрские приехали*, *ясиноватские победили*, *кировские сказали* и др.

Можно утверждать, что в числе факторов, обуславливающих выбор того или иного способа номинации, есть как внутриязыковые, так и экстралингвистические факторы.

К внутриязыковым (лингвистическими) факторам, определяющим выбор способ катойконимической номинации,

относятся: характер основы топонима; диалектные особенности региона; стиль, в котором употребляется та или иная форма номинации жителей (говоря о стиле, мы, в первую очередь, подразумеваем не столько систему стилей литературного языка, сколько противопоставление кодифицированного языка живой разговорной речи). «Катойконимы формируются и длительное время функционируют в живой разговорной речи, обычно в диалектах. Кодифицированный литературный язык принимает только два из трех перечисленных способов катойконимической номинации. За пределами литературного языка остается такой способ именованья жителей по местности, как семантизация адъектонимов. Кроме того, существительные-катойконимы воспринимаются литературным языком только в случае соответствия словообразовательной модели, по которой они образованы, аналогичным моделям литературного языка» [1, 50].

Как считает В. М. Генкин, по этой причине нельзя считать нормативными катойконимы, образованные от усеченной основы географического названия или образованные от одной части составного топонима. При этом именно словообразовательная парадигматизация является наиболее перспективным способом номинации.

Другой способ номинации (синтагматизация), возможный в литературном языке, более громоздкий, хотя он имеет одно несомненное преимущество: говорящему не требуется знать специального слова-катойконима для именованья жителей населенного пункта. «Правда, в последние десятилетия это преимущество постепенно утрачивается, так как наблюдается тенденция к унификации словообразовательных средств и моделей, сокращению числа моделей, по которым образуются катойконимы, и к предпочтению однозначных аффиксов» [1, 50].

Среди экстралингвистических (внеязыковых) факторов, влияющих на выбор способа катойконимической номинации, выделяют такие, как: 1) административный статус населенного пункта; 2) процессы миграции населения и 3) расширения ареала бытования оттопонимной лексики.

Итак, на способы номинации катойконимов влияют лингвистические и экстралингвистические факторы, изучение которых требует более детального анализа, что и будет нами предпринято в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генкин, В. М. Ойконимия и Катойконимия Белорусского Поозерья / В. М. Генкин. – Волгоград, 2009. – 116 с.

2. Горпинич, В. А. Особенности сочетания словообразовательных морфем в оттопонимических производных восточнославянских языков / В. А. Горпинич // Актуальные проблемы русского словообразования : мат-лы респуб. науч. конференции. – С., 1972. – С. 80–85.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Ломоносов, М. В. Российская грамматика : Факсимильное издание / М. В. Ломоносов. – М., 1982. – 213 с.
5. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

SUMMARY

Angelina Krokhmaleva. About word-formation ways of forming katoikonymous Donetsk People's Republic

Katoikonym common noun naming people in the name of the place of residence. Under katoikonymia, respectively, understood as a set of katoikonymous language of the region.

We will analyze the methods of katoikonymic nomination.

Key words: katoikonym, katoikonymia, word-formative ways.

Кузнецова Елизавета

Научный руководитель –

к. филос. н., доц. Келеберда Н. Г.

ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,

г. Ростов-на-Дону, РФ

СЕМАНТИКА ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Глагол современного русского языка имеет следующие категории: вид, время, наклонение, число, лицо и залог. Однако данные категории было присущи и глагольной системе древнерусского языка. Разница заключается лишь в формах выражения этих категорий и их значимости.

Ключевые слова: *парадигма претеритов, аорист, имперфект, перфект, старославянский язык, плюсквамперфект.*

Для того чтобы изучить историю русского языка, необходимо для начала изучить процесс формирования и развития всех уровней языковой системы и отдельных ее единиц.

Главная цель данного исследования – формирование историко-лингвистического подхода к фактам современного русского языка.

Задачи:

1. Проанализировать временные формы глагола древнерусского языка.

2. Исследовать тексты различного стиля, в которых употребляются данные формы глагола.

В целях достижения цели и решения задач исследования были изучены научные труды следующих ученых: Историческая грамматика русского языка В. И. Борковского и П. С. Кузнецова, К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаева, В. В. Иванова, К. В. Федоровой и др.

Временные формы глагола в исходной системе древнерусского языка существенно отличаются от современных. Для выражения значения действия, которое произошло в прошлом, в старославянском языке использовались четыре формы претерита (глагола в простом прошедшем времени): 2 синтетические – аорист, имперфект; 2 аналитические – перфект, плюсквамперфект.

В книжных славянских повествовательных текстах чаще всего встречается аорист. Данная временная форма глагола использовалась для обозначения действий, полностью отнесённых в прошлое, представляющих собой цельный акт. В связи с тем, что данный вид глагола реализуется при описании событий, последовательно сменяющих друг друга в прошлом, очень часто встречается в летописях. Так, в отрывке из летописного сказания «Мсть Ольги» (77-83) последовательно использованы следующие формы аориста: *повель, пережъгоша, влѣзоша, начаши, запроша, повель, изгорѣша* [1].

В старославянских текстах фиксируются формы так называемого простого, или асигматического аориста, которые единичны в письменности древнерусской. Его формообразование происходит следующим образом:

Ед. ч	Дв. ч	Мн. ч
1 л. Могъ	моговѣ	могомъ
2 л. Може	можета	можете
3 л. Може	можете	можѣ

Аналогично от основ инфинитива *ПАСТИ, ДВИГНѢТИ* – формы *падѣ, двигѣ*. Образование сигматического аориста, характерного для письменности древнерусской, происходит с участием исконного суффикса Аориста *s (греч. сигма), который на славянской почве переходит в *h. [2, 24]

Итак, основа инфинитива на согласный (1 тип) + тематический гласный О/Е + флексия (отметим, что формы 2-3 л.ед.ч. асигматические, без исконного суффикса аориста); основа инфинитива на гласный (2-5 типы) + флексия.

НЕС-ТИ	КУПИ-ТИ	РЕЧИ		БЫТИ	
		тематич/нетематич		БЫ-	БЪ-
Ед.ч. 1 л. несо-о-хъ 2-3 л. нес-е	купи-хъ купи	рекохъ рече	рѣхъ рече	Быхъ бы/сть	бѣхъ бѣ
Дв.ч. 1л. нес-о-ховѣ 2-3 л. нес-о-ста	купиховѣ куписта	рекоховѣ рекоста	рѣховѣ рѣста	быховѣ быста	бѣховѣ бѣста
Мн.ч. 1л. нес-о-хомъ 2 л. нес-о-сте 3 л. нес-о-ша	купихомъ куписте купиша	рекохомъ рекосте рекоша	рѣхомъ рѣсте рѣша	быхомъ бысте быша	бѣхомъ бѣсте бѣша

В отличие от аориста, следующая временная форма глагола – имперфект, предназначен для передачи действия, происходящего в прошлом как процесса, и используемого для сообщения, что определенное действие или событие произошло именно так. Поэтому имперфект чаще образуется от основ несовершенного вида. Так, в отрывке «Мести Ольги» формы аориста выражают последовательность действий, а имперфект разъясняет характер протекания действия. Но отметим, что имперфект мог образовываться и от основ совершенного вида: *дадыше* ← *ДАТИ*, *купляхуть* ← *КУПИТИ*, – но они редки.

Формообразование в древнерусском языке, в отличие от старославянского языка, для которого характерны нестяженные формы, характеризуется формами стяженными: *-ѣахъ / -аахъ* → *-’ахъ* (*несѣахъ* → *несяхъ*). Отметим, что в глагольных формах 1 л. основ на гласный -а- наблюдается совпадение аориста и имперфекта: *читахъ, читаховѣ, читахомъ*.

1 тип НЕС-ТИ	2-3 типы ПѢ-ТИ	ПИСА-ТИ	5 тип ХОДИ-ТИ
Ед.ч. 1 л. несяхъ 2-3 л. несяше/ть	от осн. Presens пояхъ пояше/ть	писахъ писаше/ть	хожахъ хожаше/ть
Дв.ч. 1 л. несяховѣ 2-3 л. Несяста	пояховѣ пояста	писаховѣ писаста	хожаховѣ хожаста
Мн.ч. 1 л. несяхомъ 2 л. несясте 3 л. несяху/ть	пояхомъ поясте пояху/ть	писахомъ писасте писаху/ть	хожахомъ хожастне хожаху/ть

Плюсквамперфект указывает на прошедшее действие, предшествовавшее другому прошедшему, чаще всего выраженному

аористом, то есть предпрошедшее, преждепрошедшее. Это значение выражается и в его формообразовании: [1, 229]

И / имперф. аорист глагола-связки БЫТИ + причастие пр.вр. на –ль осн. гл.

Ед.ч. 1 л. *бяхъ / бѣхъ писалъ*, -а, -о

2-3 л. *быше / бѣ писалъ*, -а, -о

В текстах деловой письменности формы плюсквармперфекта единичны, причем, это формы другого образования, так называемый русский ПКП, который, соответственно, использовался и в живой восточнославянской речи:

Перфект глагол-связки БЫТИ + причастие пр.вр. на –ль осн.гл.

Ед.ч. 1 л. *есмь былъ*, -а, -о *писалъ*, -а, -о

2 л. *еси былъ*, -а, -о *писалъ*, -а, -о

3 л. *есть былъ*, -а, -о *писалъ*, -а, -о

Перфект обозначал состояние, наблюдающееся в момент речи и являющееся результатом совершенного в прошлом действия. Значение проявляется и в формообразовании:

наст.вр. глагола-связки БЫТИ + причастие пр.вр. на –ль осн.гл.

Ед.ч. 1 л. *есмь писалъ*, -а, -о

2 л. *еси писалъ*, -а, -о

3 л. *есть писалъ*, -а, -о

Очень часто в деловой и бытовой письменности связка опускается, особенно 3 лица. Почему это происходит? Функции связки: 1) указание на настоящее время; 2) указание на лицо и число. Дифференциация функций: обязательная информация – указание на настоящее время и наклонение (если *есмь писалъ* – настоящее время в форме перфекта, *буду писалъ* – будущее время, *быхъ писалъ* – сослагательное наклонение); избыточная информация – о числе, поскольку она содержится и в основном глаголе-причастии на –ль; факультативная информация – указание на лицо, если в предложении нет подлежащего, например: *Почто идеши, поималъ еси всю дань* (Повесть временных лет); – но если подлежащее выражено, то указание на лицо глаголом-связкой становится избыточным: *А се я Всеволодъ даль есмь блюдо серебряно*.

Особенно частотна такая ситуация для форм 3 лица, когда в предложении выражено подлежащее, поэтому именно в формах 3 лица проявляется тенденция к отсутствию связки, причем не только в перфекте, но и в настоящем времени: *а мы називм. назисемъ*; *Глѣбъ князь мѣрилъ море вм. мѣрилъ есть*.

В деловых текстах регулярно отсутствие связки при выраженном подлежащем даже в формах 1-2 лица, когда связка, по существу, выполняет функцию эквивалента личного местоимения: *яко не вѣдалъ еси (=ты) оже есть холопъ*.

Таким образом, достаточно рано в деловой письменности, которая отражает в большей степени живую восточнославянскую речь, форма перфекта теряет связку и, как следствие, связь с выражением связи прошедшего действия с настоящим, то есть, специфику значения, и становится универсальным средством выражения прошедшего действия [3, 44].

Вывод: функционирование системы прошедшего времени в древнерусском языке различно по типам письменности. В книжно-славянской письменности – это четырехчленная система со строго дифференцированными по семантике формами. В деловой письменности, что отражает и живую восточнославянскую речь, перфект приобретает функцию универсальной формы прошедшего времени [4, 219].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борковский, В. И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. – М., 1965. – С. 224–237.
2. Горшкова, К. В. Историческая грамматика русского языка / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. – М., 1981. – С. 7–36.
3. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. – М., 1990. – С. 7–56.
4. Фёдорова, К. В. Сравнительный анализ систем прошедшего времени глагола в русском и сербском языках (аорист, имперфект, перфект). Научная статья / К. В. Фёдорова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : ООО «Грамота», – 2007. – С. 219–221.

SUMMARY

Elizaveta Kuznecova. Semantics of past tense forms in the Old Slavonic Language

The article considers the Tense forms of the verb in the original system of the old Russian language. It was found that they were significantly different from modern ones. The system of verb tenses included: 1 paradigm of present / future simple time forms, 4 paradigms of preterites (2 synthetic – aorist and imperfect, 2 analytical – perfect and plusquamperfect), 2 paradigms of forms of future time.

Unlike modern Russian, each of the paradigms was used strictly naturally to indicate a certain relation of action to the moment of speech, grammatical homonymy of forms was not observed.

Key words: preterite paradigm, aorist, imperfect, perfect, old Slavonic, plusquamperfect.

Курылко Милена
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Жарикова О. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ТВОРЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО КАК ПОЭТА-ФУТУРИСТА

Русский футуризм, как и футуризм на мировой литературной арене, является одним из наиболее важных течений 20 в. В работе рассматривается творческое развитие одного из основоположников русского футуризма Владимира Маяковского, особенности его творчества, эстетических взглядов.

Ключевые слова: футуризм, кубофутуризм, поэма, писатель, революция.

Актуальность обращения к футуризму обусловлена тем, что русский футуризм, со всеми его вариациями, бесспорно, оказал большое влияние на развитие и формирование русского модернизма, серебряного века и, в особенности, имажинизма. Многие известные нам писатели, такие как В. Шершеневич, И. Северянин, Б. Пастернак, Д. Бурлюк, В. Хлебников, а также В. Маяковский и другие начинали свою работу с футуристических группировок, поддерживая футуристские идеи и взгляды в полной мере. Поэтому цель данной работы – рассмотреть становление одного из представителей русского футуризма Владимира Маяковского, как футуристического поэта.

Свой путь в поэзию В. Маяковский начинает студентом училища живописи, именно в это время он и сближается с футуристами и начинает свое становление как поэт-футурист. Уже в первых произведениях поэта можно отметить явный отпечаток футуристических идей и взглядов – они отличаются этажностью, словестными экспериментами, экспрессивностью. Следует отметить, что Владимир Маяковский был представителем не просто футуристов, а кубофутуристов и был в числе первых соавторов футуристических манифестов «Пощечина общественному вкусу», «Садок судей», «Идите к черту». Однако, мировоззрение и черты русского футуризма не являются достаточными и полными для Маяковского, и поэт привносит в него свои взгляды и идеи. Литературный герой Владимира Маяковского становится более социально осмысленным, нежели простой футуристический герой.

Владимир Маяковский от «бранных» произведений переходит в доподлинную критику современности. Наиболее ярким

произведением Маяковского становится его поэма-тетраптих «Облако в штанах», написанная в 1914 – 1915 годах. Идею своего произведения сам писатель определяет так: «Долой вашу любовь! Долой ваш строй! Долой ваше искусство! Долой вашу религию!» [3].

С учётом военных лет и открытого военного конфликта, логичными представляются слова: «Долой вашу войну». Поэт связывал военные годы с торгашеством, воровством и насилием. Для В. Маяковского ярые ура-патриоты ничем не отличались от им противостоящих [3].

Писатель, по воспоминаниям его современников, воспринимал мир очень остро и гиперболизированно, тем не менее его особенная острота мышления не была оторвана от общества и была общедоступна. Дореволюционный период творчества Владимира Маяковского представлен в одном томе, в то время как постреволюционный складывается из 12 томов значимых и смелых произведений. Поэт увлекается агитационными стихотворениями, например, «Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума», «Даешь мотор», «О. Д. В. Ф.», «Вот для чего мужику самолет», «О том, как некие сектанты зовут рабочего на танцы», «Нагрузка на макушку» и т. д.), агитпоэм («Сказка о дезертире», «Обряды», «Летающий пролетарий», «Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога – крестьянству не подмога») и т. д. [3]. Активно разрабатывает детскую литературу, в которой получает колоссальное развитие и успех, например, такие произведения, как «Прочти и катать в Париж и в Китай», «Эта книжечка моя, про моря и про маяк», «Что ни страница, то слон, то львица» и др. [3]. Его знаменитые марш распевают пионеры всей страны. Поэт воспринимает революцию с максимализмом и говорит: «Сегодня до последней пуговицы в одежде жизнь переделаем снова» [3].

Первая книга Владимира Маяковского – сборник стихов «Я!», выпущенный в 1913 году, может быть названа самым футуристическим по оформлению поэта. Сборник украшен рисунками художников Василия Чекрыгина и Льва Жегина. Для этого сборника обложку нарисовал сам поэт, создав, по словам Жегина, своеобразный автопортрет [3]. В сборник вошли лишь 4 произведения, написанные от руки: «По мостовой моей души, изъезженной...», «Несколько слов о моей жене», «Несколько слов о моей маме» и «Несколько слов обо мне самом». В качестве первого раздела этот сборник вошёл в книгу стихов поэта «Простое, как мычание» (1916). Кроме того, его стихотворения появляются на страницах футуристских альманахов «Молоко кобылиц», «Дохлая луна», «Рыкающий Парнас» и других. В этом же году поэт обращается к драматургии. Так была написана и поставлена трагедия «Владимир Маяковский». Декорации для неё создали художники из «Союза молодёжи» П. Н. Филонов и

И. С. Школьник, а сам автор выступил режиссёром и исполнителем главной роли.

Таким образом, стоит отметить, что на творчество Владимира Маяковского повлияло множество факторов: это и военные конфликты, которые писатель яро осуждал и благодаря которым появилось большое количество агитационных стихотворений, события революционного характера, которые ознаменовали появление в творчестве поэта агитпроизведений, а также желание самого поэта привнести в литературу что-то особенно уникально, выражающее общественную мысль и одновременно и мысль самого поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альфонсов, В. Поэзия русского футуризма / В. Альфонсов // Поэзия русского футуризма. – СПб., 1999. – 733 с.
2. Боров, Ю. Футуризм : воинственная личность в урбанистически организованном хаосе мира / Ю. Боров // Теория литературы. Литературный процесс. – М., 2001. – 326 с.
3. Кацис, Л. Ф. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи / Л. Ф. Кацис. – М., 2004. – 386 с.

SUMMARY

Milena Kurylko. The creative formation of Vladimir Mayakovsky as a poet-futurist

Russian futurism as futurism in the world literary space is one of the most important current of the 20th century.

The article highlights the creative formation and development of one of the founders of Russian futurism as Vladimir Mayakovsky. The focus of this research is creative development of the writer, features of his work and aesthetic views.

Key words: futurism, cubo-futurism, poem, writer, revolution.

Ладнова Екатерина
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ГОДОНИМИКОНЕ ГОРОДА ИЛОВАЙСКА

В статье проанализированы топонимы города Иловайска с точки зрения лингвокультурологического подхода. Установлены культурные коды, которые объективируются в названиях улиц и переулков города Иловайска, определена специфика их реализации.

Ключевые слова: *имя собственное, топоним, урбаноним, топоним, улица, переулок, структурно-семантическая классификация, код культуры.*

Урбанонимы всё чаще привлекают к себе внимание лингвистов. В любом городе функционирует множество наименований, которые не только служат ориентиром в пространстве населённого пункта, но и могут рассказать об истории, идеологии, географических особенностях местности, экономике и т. д.

Н. В. Подольская даёт такое определение термина *урбаноним*: «вид топонима, собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, топоним, название отдельного здания, хороним городской» [6, 139]. В свою очередь топоним – это «название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [6, 52] (см. обзор в [9; 10]).

Основные функции топонимов – адресная и идентифицирующая. К тому же у топонимов, как отмечает Т. В. Шмелева, есть особые функции: семантическая (сообщают что-то о линейном адресном объекте) и семиотическая (фиксируют социально значимые явления) [8, 29–33].

В рамках лингвокультурологического подхода топонимы рассматриваются в неотрывной связи с культурой. Так, Е. А. Сизова отмечает, что «...в речи топоним выступает в качестве компрессированного текста, представляющего собой разновидность текста культуры, поскольку в нём содержатся сведения об ассоциациях, представлениях, фоновых знаниях об объекте» [7, 60].

Важная задача лингвокультурологического изучения топонимикона – установить, как наименования линейных адресных объектов взаимодействуют с культурными кодами. Под последними

мы понимаем символы или системы символов, релевантные в рамках конкретной культуры.

А. М. Мезенко отмечает, что в урбанонимии славянских народов реализуются такие культурные коды: топоморфный, антропоморфный, физико-географический, флористический, фаунический, эмоционально-характерологический, цветовой и темпоральный [5].

Цель настоящей статьи – установить систему культурных кодов, которые объективируются в топонимах г. Иловайска. Объект исследования – топонимикон г. Иловайска как составная часть топонимического пространства Большого Донбасса. В то время как предмет исследования составляют лингвокультурологические параметры номинаций улиц и переулков изучаемого населённого пункта.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки топонимов из различных реестров наименований улиц города Иловайска, в частности из Приложения 3 к распоряжению главы администрации города Харцызска № 674 р от 6 августа 2018 года (г. Иловайск административно подчинён городу Харцызску). В исследуемом населённом пункте выявлено 86 наименований линейных объектов: 46 – с термином-классификатором *улица* (53 %), 39 – с термином-классификатором *переулок* (47 %).

Иловайск – небольшой населённый пункт, выросший на месте железнодорожного разъезда № 17 во время строительства Курско-Харьковско-Азовской железной дороги. Поскольку в этих местах участок железной дороги Ханженково – Таганрог проходила по землям, принадлежащим помещику И. Г. Иловайскому, то сначала станция, а затем и город получили название от его имени. Дальнейшее развитие населённого пункта было связано с железнодорожным транспортом. Статус города он получил в 1938 году [3].

Рассмотрим, какие культурные коды реализуются в топонимиконе этого населённого пункта.

Антропоморфный культурный код объективируется в топонимах, которые соотносятся с именами людей, значимых как для истории города, так и для страны в целом, названиями профессий, социальных групп и т. д. В г. Иловайске нами было выявлено 46 топонимов, в которых реализуется данный код культуры (53 % от общего числа наименований). Это самый распространённый тип топонимов г. Иловайска.

Как правило, это онимы, образованные по субстантивной мемориальной генетивной модели. Такие топонимы отсылают к именам деятелей искусства (пер. *Гоголя*, ул. *Горького*, ул. *Комова*, ул. *Маяковского*, пер. *Островского*, пер. *Пушкина*, пер. *Чехова*, ул. *Шевченко*), политических деятелей (ул. *Артёма*, ул. *Богдана*

Хмельницкого, ул. Войкова, пер. Володарского, пер. Дзержинского, ул. Калинина, ул. Кирова, пер. Котовского, ул. Ленина, ул. Мартынова, пер. Петровского, пер. Чапаева, пер. Щорса, ул. Ярославского), известных рабочих (пер. Изотова, ул. Паши Ангелиной), учёных и исследователей (ул. Красина, ул. Ломоносова, пер. Мичурина, ул. Челюскина), военных (пер. Власа Волошина, ул. Толбухина, ул. Фрунзе), лётчиков и космонавтов (ул. Титова, ул. Чкалова). Особый интерес представляют топонимы, связанные напрямую с историей Донбасса. Например, пер. Власа Волошина назван в честь активного участника Октябрьской революции и Гражданской войны Власа Волошина, который в 1908–1915 годах работал слесарем и помощником машиниста в локомотивном депо Иловайска. Пер. Изотова отсылает к имени Никиты Алексеевича Изотова, забойщика Горловской шахты № 1 «Кочегарка», основателя изотовского движения. Название ул. Паши Ангелиной также связано с важной фигурой для истории Донбасса – Прасковьей Никитичной Ангелиной, основательницей первой в СССР женской тракторной бригады.

Антропоморфный код культуры реализуется также в топонимах, соотносящихся с названиями профессий: ул. *Аудиторская*, пер. *Строительный*. Некоторые названия линейных объектов отсылают к теме войны: ул. *Гвардейская*, пер. *Партизанский*. Эти наименования образованы по адъективной модели при помощи суффиксов *-ск-* или *-н-*.

Топоморфный код культуры объективируется в топонимах г. Иловайска несколько реже: нами было выявлено 20 таких единиц (23 % от общего числа наименований). Как правило, подобные наименования образованы от онимов или апеллятивов, которые указывают на другой географический объект.

Большая часть топонимов, реализующих топоморфный код, указывают на внутригородские объекты: ул. *Вокзальная*, пер. *Железнодорожный*, пер. *Заводской*, ул. *Казарма 35 км*, ул. *Казарма 53 км*, ул. *Казарма 57 км*, ул. *Казарма 67 км*, ул. *Казарма 84 км*, ул. *Казарма 1148 км*, ул. *Казарма 1163 км*, ул. *Казарма 1171 км*, ул. *Набережная*, ул. *Новодеповская*, ул. *Садовая*, пер. *Театральный*, пер. *Школьный*. Одна единица показывает расположение линейного объекта относительно городского пространства: пер. *Центральный*. Две единицы образованы от названий городов, причём исключительно Донбасского региона: ул. *Донецкая*, ул. *Иловайская*.

Как правило, эти наименования образованы по однословной адъективной модели при помощи суффиксов *-ск-*, *-н-*, *-ов-*. В этой группе также представлены многословные топонимы: ул. *Казарма 35 км*, ул. *Казарма 53 км*, ул. *Казарма 57 км*, ул. *Казарма 67 км*, ул. *Казарма 84 км*, ул. *Казарма 1148 км*, ул. *Казарма 1163 км*, ул. *Казарма*

1171 км. Годонимы этой группы характеризуются однотипной структурой: «существительное, обозначающее внутригородской объект (*казарма*), + числительное + сокращённое существительное, обозначающее единицу измерения расстояния (*км*)».

В годонимиконе г. Иловайска большую роль играет и **социально-идеологический код культуры**. Нами было выявлено 14 онимных единиц (16 %), реализующих данный культурный код. Эти наименования связаны с историей страны, отражают идеологемы и ценности советского периода. Подавляющее большинство этих названий с лёгкостью воспринимается современным реципиентом: пер. *Коминтерна*, ул. *Коммунистическая*, ул. *Комсомольская*, пер. *Красноармейский*, ул. *Краснознаменная*, ул. *Октябрьская*, ул. *Первомай-ская*, ул. *Победы*, ул. *Пролетарская*, ул. *Свободы*, ул. *Советская*. Другие единицы, как правило, уже нуждаются в расшифровке: пер. *Волочаевский* (назван по Волочаевскому сражению – ключевому сражению Гражданской войны), пер. *Мопровский* (назван в честь МОПР – Международной организации помощи борцам революции – коммунистической благотворительной организации), пер. *Осовиахимовский* (назван по названию Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству, действующего в 1927–1948 годы).

Стоит отметить, что такие онимы, как ул. *Победы*, пер. *Партизанский*, пер. *Красноармейский*, не только отражают социально-идеологические ценности советского общества, но и выполняют функцию сохранения коллективной памяти народа о Великой Отечественной войне.

Большая часть годонимов этой группы образована по однословной адъективной модели. Одна единица (ул. *Победы*) – по однословной субстантивной генетивной модели.

Другие культурные коды в годонимиконе г. Иловайска представлены значительно реже. **Артефактный код культуры** опредмечивается в наименованиях, отражающих искусственно созданные объекты, важные для хозяйственной деятельности людей. В нашем материале представлены два наименования этого типа: ул. *ЛЭП*, пер. *Транспортный*. Годонимы, реализующие **эмоционально-характерологический культурный код**, называют действительные либо желаемые характеристики линейного объекта. Нами была обнаружена одна подобная единица в г. Иловайске: ул. *Зелёная*. Как отмечает Н. А. Ярошенко, «годонимы типа ул. *Зелёная* могут быть квалифицированы как названия, объективирующие сразу несколько культурных кодов (цветовой, эмоционально-характерологический и растительный)» [11, 69]. **Физико-географически культурный код**, характери-зующий линейный объект с точки зрения физико-географических особенностей его формирования, его конфигурации

и т. д., также представлен одним наименованием – ул. *Тушиковская*. **Фитоморфный культурный код** объективируется в наименованиях, указывающих на особенности растительного мира региона либо на отдельные виды флоры. В топонимике г. Иловайска этот код культуры эксплицируется в такой номинации, как ул. *Виноградная*. Как видно из примеров, в этих группах большую часть составляют топонимы, образованные по адъективной модели.

Таким образом, в топонимике города Иловайска преобладают наименования, реализующие антропоморфный код культуры. Эти топонимы, как правило, соотносятся с именами важных для истории страны деятелей – политиков, военных, учёных и деятелей искусства. Распространены также топонимы, в которых объективируется топоморфный и социально-идеологический коды культуры. Особый интерес представляют топонимические единицы, напрямую связанные с историей Донбасского края. Цель наших дальнейших исследований – охарактеризовать топонимический Большой Донбасс с точки зрения лингвокультурологических особенностей на более широком материале, в том числе и в сопоставительном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорофеев, М. Л. Пути репрезентации кодов культуры в топонимии белорусско-польского приграничья / М. Л. Дорофеев // *Studia wschodniosłowiańskie*. – 2014. – Tom 14. – S. 179–188.
2. Егорова, Л. В. Опыт сопоставительного исследования топонимов двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл) : дис. ... канд. филол. наук / Людмила Владимировна Егорова. – Чебоксары, 2018. – 184 с.
3. Історія міст і сіл Української РСР. Донецька область. – К. : Головна редакція УРЕ АН УРСР, 1970. – 992 с.
4. Кюрегян, А. Л. Семантика культуры и культурные коды / А. Л. Кюрегян // *Вестник Вятского государственного университета*. – 2012. – № 4. – С. 79–81.
5. Мезенко, А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // *Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – Ч. 1. – С. 388–393.
6. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
7. Сизова, Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов: На материале английского, русского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук / Елена Анатольевна Сизова. – Пятигорск, 2004. – 199 с.

8. Шмелёва, Т. В. Ономастикон российского города / Т. В. Шмелёва. – Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.
9. Ярошенко, Н. А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н. А. Ярошенко, У. Л. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 3–4. – Донецк : ДонНУ, 2018. – С. 59–66.
10. Ярошенко, Н. А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отапельлятивных годонимов г. Донецка) / Н. А. Ярошенко // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.) ; под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Ч. 2. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 128–132.
11. Ярошенко, Н. А. Растительный код в годонимиконе Большого Донбасса (на материале названий улиц и переулков Первомайского и Октябрьского районов г. Ростова-на-Дону) / Н. А. Ярошенко, Е. А. Дмитрова // Актуальные проблемы изучения славянских языков : Сб. науч. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.) ; отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2020. – Вып. 6. – С. 65–71.

SUMMARY

Ekaterina Ladnova. The codes of culture in godonyms of Ilovaisk

The article is focuses on the analysis of the godonyms of Ilovaisk according to the linguistic and cultural approach. The cultural codes in the street nominations of Ilovaisk as well as the implementation specifics of this codes had been put up.

Key words: proper name, toponym, urbanonym, godonym, street, side street, cultural code.

Лукашенко Анастасия
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Лешикова Н. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ОНОМАСТИКОН ГОРЛОВКИ В ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Работа посвящена рассмотрению ономастикона г. Горловки в лингвокраеведческом аспекте. В работе раскрыты содержания лингвистических и краеведческих аспектов, описаны связи между географическими условиями местности, историей, языком народа и отражением их в географических названиях.

Ключевые слова: лингвокраеведение, ономастика, онимы, топонимы, микротопонимы, антропонимы, зоонимы.

Лингвокраеведение основывается на изучение лингвистических явлений на территории родного края. Откуда берет начало язык региона, именно это мы можем проследить, рассмотрев ономастикон г. Горловки в лингвокраеведческом аспекте. За счет знаний о прошлом у человека формируется представление о культуре и традициях общества, в котором он живет.

Актуальность нашего исследования обусловлена потребностью изучения ономастикона Горловки в лингвокраеведческом аспекте, а также важностью определения соотношения культуры и языка.

Цель нашей работы рассмотреть ономастикон г. Горловки в лингвокраеведческом аспекте за счёт знаний о прошлом культуры, истории и лингвистики.

Исходя из поставленной цели, можно выделить задачи:

- охарактеризовать ономастическое пространство г. Горловки;
- определить соотношение лингвистики и краеведения.

Происхождение и история имени собственного издавна привлекали внимание простых горожан и профессиональных исследователей. "тим вопросом интересовались представители самых разных наук (лингвисты, географы, историки, этнографы) такие, как А. Ф. Орлов, А. Х. Востоков, Ю. М. Шокальский, В. В. Бартольд, А. А. Шахматов, С. Ф. Ольденбург, И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, К. Г. Залеман, П. М. Мелиоранский, Л. В. Щерба и многие другие.

На этапе изучения лингвокраеведения мы можем выделить фразеологию и диалектную лексику, грамматические и фонетические особенности местного говора, а также ономастику региона, язык писателей художественных произведений, которые

жили и творили в нашем крае, язык произведений устного народного творчества, язык исторических документов, словарей.

Объектом лингвокраеведения является ономастика – наука изучающая имена собственные, историю возникновения и трансформацию в результате длительного употребления онимов.

Ономастика – наука, которая изучает имена людей и мест (антропонимов и топонимов) – огромное значение имеет для общества, любой, кто проявит к нему интерес, будь-то филолог, историк, географ, краевед или просто любитель, уже не сможет просто остаться в стороне. Изучая этот мир, мы пытаемся его осмыслить.

В зависимости от специфики объекта определяется местное название, в котором существует своя история происхождения, а это всегда интересно и уникально.

Онимы г. Горловки отражают материальную и духовную сферу городской культуры, указывая на особенности трудовой деятельности и результаты труда, а с другой стороны – на накопленный интеллектуальный и духовный опыт.

Например: *Лесхоз, Машизавод, Маслобойка, Трикотажка.*

Значимое место среди онимов занимают топонимы. Топонимы как имена собственные обозначают географические объекты. В значении топонимов, как и у других имен собственных, мы можем выделить три компонента: бытийный, классифицирующий, индивидуальный.

Следует выделить особое место в изучении процесса лингвокраеведческой работы для микротопонимов – собственные имена небольших объектов, функционирующих в пределах определённой микротерритории, а также хорошо известные узкому кругу людей, проживающих вблизи именуемого микрообъекта. «Именно эта категория имен собственных, – как пишет Г. Ф. Ковалев, – наиболее уязвима. Уходят без возврата старые названия улиц, частей населенных пунктов, а ведь они многое могли бы рассказать».

Например: *Жованка, Бахмутка, Николаевка.*

Микротопонимический материал дает яркое представление об особенностях родного края – его географии (ландшафт, рельеф), истории, демографии, языковые характеристики. Именно микротопонимы хранят в себе многое из того, что в живой речи жителей того или иного края перестают употреблять. В микротопонимах запечатлена память народа о том, или ином событии, факте, человеке, с которым связано возникновение онимов географического микрообъекта.

А. М. Селищев выделяет следующие типы названий:

1) названия, происходящие от имен людей и их прозвищ, например: *Светлана*;

2) названия, происходящие от названий людей по роду деятельности, например: *Строитель, Машизавод, Шахтный*;

3) названия по социально-имущественному признаку и по положению, например: *Центральный дом, Экспериментальный дом*;

4) названия, связанные с администрацией и властью, например: *Ленинский*;

5) названия, отражающие этнический характер населения, например: *Цыганский лес, Пекин, Шанхай*;

6) названия, отражающие специфику ландшафта и особенности застройки населенных мест, например: *Широкая балка, Глубокая, Садовод*;

7) названия с абстрактным значением, например: *магазин «Весёлый»*.

Изучение имени собственного требует привлечения обширных экстралингвистических данных и сведений, имеющих объяснительную силу (историко-этимологические сведения, мифологические представления, их связь с онимами).

Помимо названий географических объектов, существуют еще и личные имена, отчества, фамилии людей, их прозвища, а также клички домашних животных. Происхождение, функционирование в речи зоонимов еще мало изучено, поэтому зоонимия (клички животных) на территории родного края, определяется важным объектом изучения, представляющие определенную ценность каждого народа.

В силу своих особенностей этот «пласт лексики» представляет для нас, несомненно, огромный интерес.

Вместе со способностью передавать информацию, которая значима для реципиента, онимы обладают способностью делать ту же информацию закрытой. Эта информация, прежде всего, недоступна для «непосвященных» или инокультурных реципиентов, поскольку имена собственные определенного народа – это всегда специфические реалии, относящиеся к фоновой лексике.

Безоговорочно ономастика относится к так называемой фоновой лексике. Как известно, для успешной межъязыковой и межкультурной коммуникации мало усвоить закономерности языка, но так же необходимо овладеть фоновыми знаниями культуры, иметь представление о национальных и культурных особенностях народа как носителя языка.

В статье Т. М. Майорова «Ономастика в лингвокраеведческой работе» раскрывает вопрос о необходимости собрания ономастического материала, об организации такой работы в школе

и вузе. Исследователь выделяет, что «ономастическая перепись поможет выявить взаимодействие, взаимовлияние, взаимосвязь собственных имен» [5, 44].

Для развития познавательного интереса ономастика является прекрасным стимулом изучения прошлого и настоящего своего родного края, путем поиска связей между географией местности, историей, языком народа и отражением их в географических названиях. Кроме того, в ономастике мы можем найти историю ее освоения и заселения, описи природы, значение в формировании общества и государства, хозяйственную и промышленную деятельность и т.п.

Приведенные материалы являются базой для дальнейшего описания городских наименований в лингвокраеведческом, лингвокультурном, ономастиологическом и других аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н. Ф. О природе ономастической семантики / Н. Ф. Алефиренко // Ономастика Поволжья : тез. докл. VIII междунар. конф. Волгоград, 8-11 сент. 1998 / Отв. ред. Суприн В. И. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 165–168.
2. Баранова, Е. В. Формирование городской социально-культурной среды и динамика топонимикона русского провинциального города в XVIII – начале XX в. (на материале городов Тамбовской губернии) / Е. В. Баранова // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 9. – С. 169–173.
3. Вербич, С. О. Современная ономастическая лексика: функциональный аспект / С. О. Вербич // Вестник НАН Украины. – Киев, 2008. – № 5. – С. 54–60.
4. Климкова, Л. А. Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе: методические рекомендации / Л. А. Климкова. – Арзамас, 1988. – С. 45.
5. Майорова, Т. М. Ономастика в лингвокраеведческой работе // Русский язык в школе / Т. М. Майорова. – 2000. – № 4. – С. 43–46.
6. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – С. 366.

SUMMARY

Anastasia Lukashenko. Onomasticon of Gorlovka in the linguo-regional aspect

The work is devoted to the consideration of the onomasticon of Gorlovka in the linguo-regional aspect. The paper reveals the content of linguistic and local history aspects, describes the relationship between the geographical conditions of the area, history, language of the people and their reflection in geographical names.

Key words: linguistics, onomastics, onyms, toponyms, microtoponyms, anthroponyms, zoonyms.

Макаренко Кристина

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Белоконь-Пожарицкая Н. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ОБРАЗЫ ЧУДИКОВ В ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ В. ШУКШИНА

В творчестве русского писателя XX века появляется новый герой, представитель деревенского социума, герой-чудик. Анализ рассказов В. Шукшина позволяет говорить о типологии героя-чудика, который трудолюбив, добр, общителен, по-детски наивен. Но за маской чудика, как правило, скрыт маргинальный герой, которого не понимают окружающие, а его безобидные поступки или увлечения становятся предметом ссор и недопонимания с окружающими.

Ключевые слова: маргинальный герой, типология образов, рассказ, проблематика.

О творчестве В. Шукшина на протяжении многих лет писали много, выделилась целая группа отечественных и зарубежных шукшиноведов, чьи заслуги бесспорны: глубоко осмыслена социально-этическая и идейно-философская проблематика его произведений, изучены особенности языка и стиля, исследована типология героев, проблемы художественного метода и поэтики в работах В. А. Апухтиной, В. Ф. Горна, Л. И. Емельянова, В. М. Карповой, В. И. Коробова, Н. П. Толченовой, Л. А. Аннинского, Г. А. Белой, С. М. Козловой, Н. Л. Лейдермана, А. А. Газизовой, А. В. Панкова, В. Ф. Горна, В. Е. Ковского, других исследователей. Опираясь на уже готовые исследования, мы рассматриваем новый тип героя, созданный в художественном мире В. Шукшина – образ чудика. Нельзя сказать о том, что В. Шукшин был новатором в создании такого литературного героя, так как герои-чудики традиционны для русской литературы. Проанализируем образы героев-чудиков на примере произведений В. Шукшина.

Русская литература XX век, занятая моральным поиском, исключала социальный фактор из поля зрения. Слова «нравственность» и «духовность» становились стереотипами официальной риторики начала 80-х годов XX столетия. Моральные проблемы, несмотря на их традиционность и вечность в русской

литературе, стали идеологически закрытыми. В рамках социальной обусловленности речь шла только о самосовершенствовании, гуманизации жизни. Именно эти проблемы становились главными в «традиционной» прозе. Невозможность открыто выражать критическое отношение к идеологии и политике государства привела к более мягким формам изображения действительности.

Уже в ранних новеллах отразилось своеобразие идейно-эстетической позиции писателя. Заявив о себе на литературной арене в начале 60-х годов, В. Шукшин сделал акцент на проблемы моральных ценностей. Это обусловило выбор своего героя и особой поэтики рассказа. И до В. Шукшина известные новеллисты показывали судьбу героя на фоне народной судьбы. Этот принцип классики В. Шукшин применил к новой эпохе и новому типу героя.

О шукшинских чудиках говорит М. Биличенко: мораль героя-чудика противостоит мещанскому сознанию или расходится с народной этикой [1, 96]. В первом случае чудачество является степенью нравственной непримиримости, которую проявляют герои в обычных бытовых ситуациях, свидетельством моральной требовательности героя. Во втором – странными выступают «антигерои», те, что осужденные народным мнением или же вскрываются в процессе повествования. Самостоятельность и своеволие героев этого типа неожиданно, особенно изобретательно превращается в самоуправство, самодурство. В бессмысленных нелепых поступках «антигероев» В. Шукшин с позиций народности своего эстетического и этического идеала сатирически обобщил образы носителей чуждой нам морали: паразитизма, жестокости, хамства [1, 96].

Можно выделить целую группу рассказов В. Шукшина, в которых рассматривается широкоизвестный литературный образ «чудика». Писатель впервые глубоко изучил психологизм простого деревенского жителя. Чудик, кажущийся поначалу обычным деревенским человеком, имеет, как выясняется впоследствии, странные, нестандартные цели в жизни. «Вечное чувство любви к людям» [2, 662] – это нравственная особенность личности героев В. Шукшина. Чудики, активные и простодушные, постоянно находятся в психологическом и социальном конфликте с окружающими. «Странность» героя становится причиной его недопонимания со стороны «обычных» людей. Но критики заметили, что их странное поведение имеет добрую цель, высоконравственные причины. Чудик стремится к правде – это может быть правда личности, правда социальная и общественная или некая высшая правда. А поиск правды провоцирует их на психологический и иногда социальный конфликт с окружением.

Галерея шукшинских чудиков пополняется еще и героем рассказа «Алексей Бесконвойный». Главный герой рассказа – деревенский житель, пастух. Известно, что он безотказный, трудолюбивый, хороший отец и сосед, но есть у него одна особенность – любовь к бане. И эта любовь приносит неудобства окружающим. Жене стыдно за его поведение, старшему сыну стыдно, что он пастух, а кто-то из колхозников должен выполнить его работу, так как Алексей не хочет работать по субботам и воскресеньям.

В неловкие жизненные ситуации попадает и герой рассказа «Чудик». В гостях у брата, разукрасив детскую коляску, герой опять попадает в неловкую ситуацию, хотя «чудик» пытался сделать как лучше. Он наивно, иногда по-детски, радуется многим вещам. Но уверенно герой чувствует себя в деревне, где он не чудик, а полезный человек.

Шукшинский герой часто не знает, куда себя деть, как и на что использовать собственную душевную «широту», он мается от собственной бесполезности и бестолковости, он совестится, когда причиняет неудобство близким. Но именно это делает характеры героев живыми и устраняет дистанцию между читателем и персонажем: шукшинский герой безошибочно угадывается как человек «свой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вильчек, Л. Ш. Деревенская проза / Л. Ш. Вильчек. – М. : Просвещение, 1987. – 226 с.
2. Шукшин, В.М. Позови меня в даль светлую...: Рассказы. Повести. Записные книжки / В. М. Шукшин. – М. : Эксмо, 2004. – 672 с.

SUMMARY

Krisina Makarenko. Images of heroes of fools in V. Shukshin's prose

In the works of the Russian writer of the twentieth century, a new hero appears, a representative of the village society, a weird hero. An analysis of V. Shukshin's stories allows us to speak about the typology of a weird hero who is hardworking, kind, sociable, and childishly naive. But behind the mask of a fools, as a rule, a marginal hero is hidden, who is not understood by those around him, and his harmless actions or hobbies become the subject of quarrels and misunderstandings with others.

Key words: marginal hero, typology of images, story, problems.

Мастерова Марина
Научный руководитель –
к. филол. н, доц. Кораблёва Н. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

СМЫСЛ ЗАГЛАВИЯ РОМАНА С. МОЭМА «ПИРОГИ И ПИВО, ИЛИ СКЕЛЕТ В ШКАФУ»

Данная статья посвящена заголовку и попытке рассмотреть его с позиции целостного текста на примере романа С. Моэма «Пирог и пиво, или скелет в шкафу». Цель работы – выявить роль заголовка в художественном тексте и проанализировать его значимость на основе выбранной классификации. Исследование показало, что в творчестве С. Моэма присутствуют разные виды заголовков. В свою очередь, название романа «Пирог и пиво, или скелет в шкафу» имеет несколько смысловых пластов.

Ключевые слова: заголовок, понимание текста, особенности заголовка.

Заголовок литературного произведения является значимой его частью и трактуется как ключ к пониманию художественного текста, на что указывали многие литературоведы, например: С. Д. Кржижановский, Э. Б. Магазанник, Н. А. Веселова. На сегодняшний день в литературоведении существует несколько типологий заголовков. Как наиболее продуктивную мы выделяем классификацию А. И. Домашнева в основу, которой положено соотношение заглавия с компонентами произведения.

А. И. Домашнев выделяет следующие типы заглавий:

- заглавия, представляющие основную тему или проблему произведения;
- заглавия, задающие сюжетные перспективы произведения;
- персональные заглавия, значительная часть которых – антропонимы;
- заглавия, обозначающие время и пространство [1].

В творчестве британского писателя С. Моэма присутствуют разные типы заголовков, к примеру, название романа «Театр» представляет основную тему, выраженную автором. Название автобиографических заметок «Подводя итоги» относится ко второму типу, а «Миссис Крэдок» и «Каталина» являются заглавиями-антропонимами. У писателя имеется большое количество названий, обозначающих время и пространство, такие как «На вилле», «К востоку от Суэца», «Рождественские каникулы».

Целью данной работы является рассмотрение значения заглавия романа С. Моэма «Пироги и пиво, или скелет в шкафу». Несмотря на большое количество исследований, посвященных творчеству писателя, проблема заглавий его произведений остается малоизученной.

Впервые роман появился в 1930 г.; по свидетельству самого писателя, он оказался для него одним из самых любимых по биографическим причинам: «Но больше всего мне нравятся «Пироги и пиво»... потому что на его страницах снова живет для меня женщина с очаровательной улыбкой, которая послужила моделью Розы Дрифилда» [3].

Роман «Пироги и пиво, или скелет в шкафу» повествует об Уильяме Эшендене – немолодом писателе, к которому обратились с просьбой помочь в составлении биографии недавно умершего романиста викторианской эпохи, Эдварда Дрифилда. Эшенден был хорошо знаком с Дрифилдом. Но воспоминания о нем у Эшендена противоречивы: на восходе карьеры Дрифилд слыл безвкусным реалистом, описывающим жизнь рабочего класса на «простом языке». Его презирал весь город.

Вспоминая Дрифилда, Эшенден много размышляет о его первой жене и музе творческих людей его круга, Розы.

Роман является своеобразным разоблачением социального снобизма, который направлен на первую жену умершего писателя Тэда Дрифилда, Розы, чья откровенность и сексуальная свобода делают ее мишенью консервативных приличий. К героине благосклонно относится лишь повествователь, Эшенден, который понимает, что она была музой для многих художников, в том числе для него. Таким образом, название романа, состоящее из двух частей, указывает на потерявшие чувство гедонизма литературные круги Англии.

Первая часть заглавия взята из реплики сэра Тоби Бэлча из пьесы У. Шекспира «Двенадцатая ночь»: «*Ты считаешь, что если ты такой добродетельный, то больше нет на свете ни пирогов, ни пива?*» [5]. Словосочетание «пироги и пиво» становится синонимичным словосочетанию «радости жизни».

Пироги и пиво также являются критерием хорошей жизни в басне «Городская мышь и полевая мышь»: «*Better beans and bacon in peace than cakes and ale in fear*» [4]. В русском переводе фраза получила более обобщенное звучание: «*Зато мои желудки я ем на свободе и в безопасности*». Пиво соотносится с хорошей жизнью героев романа, которые забегают в пабы с целью выпить стакан эля. Пироги появляются в завершении любой трапезы: в ресторане заказывают пироги с ревенем и крыжовником. Также С. Моэм показывает притворство и лицемерие людей, которые

сперва сплетничают, а после готовы предложить кусочек пирога с малиной на десерт.

Вторая часть названия звучит в беседе Эшендена и Э. Кира. «Скелетом в шкафу» они называют самый запоминающийся и неоднозначный персонаж романа, Рози. Эта общеупотребительная английская идиома означает скандальный или постыдный факт из давнего прошлого, скрываемый от общественности. Рози Дриффилд, первая жена умершего писателя, становится одним из главных неудобных фактов из его прошлого. Она была *«ниже по положению»* и до женитьбы работала *«простой буфетчицей»*. Ее существование старательно замалчивается, потому что, по всеобщему мнению, брак был неудачным, она не годилась в *«писательские жены»* и вообще была *«просто ужасна»*. Тем не менее, вторая жена, Эми, остается в тени Рози: *«Вам бы надо поближе познакомиться с Эми. Это замечательная женщина. Конечно, старик написал все свои великие книги еще до того, как с ней повстречался»* [3, 94].

Но не только бывшая жена Тэда Дриффилда выступала в качестве «скелета в шкафу». Эми полагалась на благоразумие и такт Элроя Кира в надежде, что он сумеет оставить в стороне сомнительные привычки ее мужа. Например, он никогда не мылся чаще раза в неделю, последние три года своей жизни не мылся вообще и по неделям не менял нижнее белье, говоря, что от частой стирки кальсоны только быстрее изнашиваются. Поэтому Элрой Кир говорит: *«...нужен очень большой такт, чтобы писать о его жизни. Приходится призвать, что он не был чересчур щепетилен в денежных делах, и он почему-то находил большое удовольствие в обществе людей ниже себя, и некоторые его привычки были довольно непривлекательны, – но я не думаю, чтобы именно эта сторона была в нем главной. Я не хочу писать неправду, но думаю, что кое о чем лучше не упоминать»* [3, 168].

Таким образом, заголовок романа С. Мозма «Пироги и пиво, или Скелет в шкафу» содержит в себе несколько смысловых пластов. С одной стороны, он является тематическим, а с другой – интертекстуальным. Заголовок включает в себя историко-культурный контекст, иронический английский юмор, которые не только задают тон к прочтению всего произведения, но и становятся знаком индивидуального стиля С. Мозма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домашнев, А. И. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев. – М. : Просвещение, 1989. – 211 с.
2. Веселова, Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Веселова. – Тверь, 1998. – 24 с.

3. Моэм, У. С. Пирог и пиво, или Скелет в шкафу / пер. с англ. А. И. Иорданский // У. С. Моэм. – М. : AST Publishers, 2014. – 209 с.
4. Толстой, Л. Н. Сказка Мышь полевая и Мышь городская / Л. Н. Толстой. – Текст : электронный // Детский портал по развитию и обучению детей. : сайт. – URL: <https://deti123.ru/skazka/mys-polevaa-i-mys-gorodskaa>. – 14.03.2020 (дата обращения: 20.10.2020).
5. Шекспир, У. Двенадцатая ночь, или Что угодно / пер. с англ. Э. Л. Линецкая / У. Шекспир // Большое собрание сочинений в восьми томах. – М. : Искусство, 1959. – Т. 5. – С. 5.

SUMMARY

Marina Masterova. Meaning of the title S. Maugham's novel "Cakes and Ale, or a Skeleton in the Closet"

This article is devoted to the title and an attempt to consider it from the standpoint of a holistic text using the example of S. Maugham's novel "Cakes and Ale, or a Skeleton in the Closet". The purpose of the work is to identify the role of the heading in a literary text and analyze its significance based on the selected classification. The research showed that in the works of S. Maugham there are different types of titles. In turn, the title of the novel "Cakes and Ale, or a Skeleton in the Closet" has several semantic layers.

Key words: heading, text comprehension, heading features.

Мацай Елена

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УРБАНОНИМИИ ДОНБАССА

Проблема изучения взаимодействия языковых и культурных процессов – это одна из первоочередных задач современного языкознания, которая имеет важное теоретическое и практическое значение. Данное исследование посвящено изучению урбанонимии Донбасса, её лингвокультурологического аспекта.

Ключевые слова: урбаноним, урбанонимия, топонимия, лингвокультурология.

Целью нашего исследования является определение исторических условий формирования урбанонимии Донбасса. Поставленная цель определила необходимость решения следующих задач: дать определения понятиям «урбаноним» и «урбанонимия», проанализировать отличительные черты урбанонимов, исследовать особенности именования енакиевских, горловских и донецких городских объектов в разные эпохи, рассмотреть проблему переименования внутригородских объектов.

По определению Н.В. Подольской, «урбаноним (от лат. «urbanus» «городской»+оним) – вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в т.ч. агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [5, 66]. Следовательно, «урбанонимия» – это совокупность урбанонимов.

А.М. Мезенко понимает под урбанонимией «совокупность всех названий внутригородских объектов, как ныне существующих, так и тех, которые использовались в предшествующие эпохи. Это названия линейных (улиц, переулков, проспектов, проездов, тупиков, линий и т.п.), территориальных (площадей, скверов, парков, рынков, районов, прудов и т.п.) и масштабных объектов (церквей, костелов, монастырей, кинотеатров, гостиниц, кафе, памятников и т.п.) [3, 45]. А.В. Суперанская также называет всю совокупность названий улиц, площадей, зданий и иных внутригородских объектов «урбанонимиями» [7, 75].

Особенность урбанонимии заключается в специфическом наборе черт, часть из которых является общей для всех топонимов. К специфическим чертам урбанонимов относятся:

- 1) высокая степень сменяемости;
- 2) в основном низкая степень известности;
- 3) слабая связь с диалектом;
- 4) преимущественная одноязычность;
- 5) семантическая мотивированность большинства урбанонимов;
- 6) преобладание искусственной номинации над естественной;
- 7) письменная закреплённость.

В нашей работе мы рассматриваем такие типы урбанонимов, как годонимы, агоронимы, гидронимы, оронимы.

Вслед за авторами мы можем выделить четыре основных принципа номинации:

1. Названия, связанные с другими значимыми объектами, которые находятся в непосредственной близости: *ул. Железнодорожная, ул. Битумная.*

2. Названия, относящиеся к человеку и его практической деятельности: *улица Ветеранов, ул. Шахтерская.*

3. Названия, в которых отражены присущие улице свойства и качества: *улица Конечная, Пятачок.*

Урбанонимы можно разделить на две группы: нормативные и ненормативные, основные – макрофункции (коммуникационная, информационная и социализирующая) и второстепенные или факультативные (фактическая, рекламная, номинативная, эстетическая), которые реализуются внутри основных.

Анализ улиц городов Енакиева, Горловки, Донецка позволяет выделить следующие группы: 1) годонимы, связанные с историческими личностями, военными, учёными, политиками, литераторами; 2) годонимы, связанные с ойконимами; 3) годонимы, связанные с гидронимами; 4) годонимы, связанные с названием профессий (занятий); 5) годонимы, связанные с объектами, расположенными рядом; 6) годонимы, образованные от качественно-определятельных прилагательных; 7) годонимы, связанные с местом расположения улицы; 8) годонимы, образованные от относительных прилагательных; 9) годонимы, связанные с историческими событиями, реалиями и праздниками; 10) годонимы, связанные с названиями иных географических объектов.

В результате анализа годонимов городов Енакиева, Горловки, Донецка мы выявили следующее: большая часть улиц названа в честь известных личностей (38,3%); улицы, названия которых образованы от ойконимов (20,1%); названия улиц, образованных от относительных прилагательных (9%); годонимы, названные по объекту, расположенному рядом (6%); улицы, названные в честь исторических событий, реалий (7%); годонимы, связанные с названием профессий, занятий (3,8%); названия улиц, образованных от качественных прилагательных (4,9%); названия улиц, названные по месту расположения улицы (2,9%); годонимы, названные в честь гидронима (3,6%); годонимы, названия которых образовано от иных географических объектов (1,7%).

Об особенностях функционирования урбанонимов в г. Енакиеве, Горловке, Донецке свидетельствуют следующие языковые и внеязыковые факторы:

- заимствованная лексика;
- искажение графического облика номинации;
- использование средств креолизации (текст, фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык);
- использование средств десемантизации устойчивых языковых структур;
- лингвистических конструкций,
- присутствие языковой игры;
- использование средств языковой выразительности;
- использование прецедентных имён;

– актуализация регионального компонента.

При анализе урбанонимов необходимо использовать понятие ономастической системы и пространства.

Ономастическая система – это «гигантская макросистема, или система систем, объединяющая многочисленные системы и подсистемы имен, относящиеся ко всем секторам ономастического пространства в их преломлении в речи отдельных социальных (территориальных, профессиональных) групп, пользующихся данным языком» [5, 153].

Эта система развивается под влиянием внутренних и внешних факторов. Внутренние факторы можно увидеть в структурном составе, словообразовательных формах и типах урбанонимов.

К внешним факторам можно отнести: факторы времени, пространства, культурный и исторический факторы, индивидуальность.

Большая часть городских наименований отражают ментальность Донбасса.

В словаре терминов даётся следующее определение ментальности.

Ментальность (от лат. *mens* – сознание, ум) – образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы.

Ментальный – имеющий отношение к уму или в его функциональном аспекте воображение, восприятие, желание, чувство [1].

Ментальность Донбасса формировалась долгие годы и корнями уходит в далекий XIX век.

Донбасс начал формироваться как индустриальный регион в XIX веке. В край богатый природными ресурсами ехали различные предприниматели из других губерний Российской империи, из-за границы.

Так, постепенно вокруг появившихся шахт и заводов стали разрастаться рабочие поселки, которые перерастали в крупные промышленные города. Все это стало сильно влиять на название этих городов и их поселков.

Многие улицы названы в честь знаменитых полководцев и философов, великих политиков, писателей и поэтов, композиторов, коммунистических деятелей, знаменательных дат и праздников, героев гражданской и Великой Отечественной войн.

Язык – составная часть национальной культуры, которая выражает базовые черты ментальности народа.

Язык связан с культурой, он выражает ее и является предметом создания, развития, хранения (в виде текстов) культуры, и ее частью. Динамику лингвокультурного содержания языка определяют носители языка, представители конкретной лингвокультуры, конкретного этноса. Для того, чтобы быть названными, любые

предметы или явления должны быть осознаны этими носителями в качестве лингвокультурных фактов.

Лексика любого города составляет круг номинативных единиц, связанных со спецификой городского устройства и быта, существующие в употреблении жителей одного города. В городскую лексику входят как официальные, так и разговорные наименования, образуя уникальный лексический портрет данного города. Урбанонимы представляют собой самостоятельную систему.

Все внутригородские объекты составляют своеобразную и сложную систему. При рассматривании внутригородских объектов мы можем увидеть: что они обладают подвижностью, быстро реагируют на все события и перемены в обществе, отражаются языковые тенденции, особенности словообразования и словоизменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика : Учеб. пособие для студентов педагогических институтов / В.Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 250 с.
2. Горбаневский, М. В. Методические указания по изучению русской ономастики / М. В. Горбаневский. – М. : Изд-во УДН, 1984. – 47 с.
3. Иванова, Т. А. К вопросу о переименовании и наименовании населенных пунктов / Т. А. Иванова // Русская топонимия и географическая терминология. – Свердловск, 1977. – С. 19–60.
4. Мельникова, Т. Н. Развитие топонимии в свете теории языковой эволюции / Т. Н. Мельникова // Лингвистические исследования: эволюция и функционирование языка. – Екатеринбург, 1994. – С. 83–90.
5. Подольская, Н. В. Урбанонимия центральных областей РСФСР / Н. В. Подольская // Вопросы географии. – № 94. – М., 1974. – С. 123–124.
6. Серебренников, Б. А. О методах изучения топонимических названий / Б. А. Серебренников // Вопросы языкознания. – 1959. – № 6. – С. 36–50.
7. Суперанская, А. В. Наименования и переименования в городах / А. В. Суперанская // Изучение географических названий. – М. : Мысль, 1966. – С. 86–96.

SUMMARY

Elena Matsay. Historical conditions of formation of urbanone of Donbass

The article highlights the problem specification of such notions as “urbanonym” and “urbanonymy”, different characteristics of “urbanonyms”, specific aspects of renaming of intraurban objects.

In this survey the linguocultural analysis of urbanonymic system of the city is done with the aim to define principles and specific aspects of its establishing and functioning.

Key words: urbanonym, urbanonymy, toponymy, linguoculturology.

Медведева Инна

Научный руководитель –

д. филол. н. Шаталова О. В.

*ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
педагогический университет*

имени П. П. Семенова-Тян-Шанского»,

г. Липецк, РФ

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУНОГО КОДА ЮНОГО РОССИЯНИНА: ПАРАДОКСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ

В данной статье рассматривается проблема стилистического языкового смешения в формулировках названий мероприятий патриотической направленности.

Ключевые слова: *культурный код, стилистика, история, коммуникативная среда, мировоззрение.*

XXI век является непростым в политическом, экономическом и особенно, на наш взгляд, в культурном плане.

Развитие социальных сетей, месседжеров формируют новую, специфичную коммуникативную среду. Доступность цифрового пространства, с одной стороны, облегчает жизнь человека, но с другой, усложняет, искажает и приводит к серьезным последствиям. Появляется обилие информации, и выделить из нее достоверную становится все сложнее.

Особенно быстро адаптируются в такой среде дети и подростки.

Данное исследование мы посвятили одной из важнейших, на наш взгляд, проблем современного бытования русского языка – стилистическому смешению.

В соответствии со Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-рс, Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» № 304-ФЗ от 31.07.2020, Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных ценностях и стратегических задачах развития российской Федерации на период до 2024 года, муниципальной

программой «Развитие образования города Липецка», планом работы департамента образования администрации города Липецка на 2020-2021 учебный год в целях повышения эффективности воспитательной деятельности в системе образования города Липецка, формирования у обучающихся стабильной системы нравственных и смысловых установок, позволяющих укрепить чувство патриотизма, воспитания чувства сопричастности к судьбе города, области, государства, способности противостоять негативным социальным явлениям общества, повышения социальной активности участников образовательных отношений.

В соответствии с указанными постановлениями на территории г. Липецка объявлена городская воспитательная акция «Культурный код юного липчанина», в рамках которой утвержден календарный план мероприятий. Основные задачи Акции:

- содействовать формированию у обучающихся гражданской идентичности, чувства гордости, глубокого уважения к культурному наследию и историческому прошлому Липецкой области и России;
- создать условия для духовно-нравственного совершенствования, самореализации обучающихся, основанных на общечеловеческих ценностях и гражданской идентификации;
- создать благоприятные условия для личностного роста и реализации творческого потенциала обучающихся;
- создать сборник «Культурный код юного липчанина», который станет основой для ценностных ориентиров в воспитании юных граждан России.

Отметим, что особое внимание в данной воспитательной акции уделяется формированию культурного кода как идентичной национальной черты ребенка. Обратимся к определению понятия.

Коды занимают центральное место в культурном пространстве нации, в совокупности формируя ее культуру. Код культуры понимается как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека» [1, 232].

В.А. Маслова отмечает, что концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка, подчеркивая, что именно язык является фактором формирования культурных кодов [2, 108].

В рамках данной акции, а также иных форм внеурочной деятельности, имеющих идентичные цели, был разработан ряд мероприятий. Обратимся к их языковому оформлению.

Конкурс постеров Великой Победы

Постер (англ. poster – «афиша, объявление, плакат» [4], т.е. художественно оформленный плакат, используемый для рекламных

или декоративных целей (чаще с изображением актера, музыканта, спортсмена) [4]. Такая формулировка подразумевает представление событий самой масштабной в истории человечества войны в виде рекламного плаката. Цель постера – продать товар или услугу. Однако формирование патриотизма, чувства благодарности героизму предков – категории, находящиеся за пределами коммерческой сферы.

Флешмоб Я читаю о войне

Флешмоб – от англ. flashmob (flash mob): flash «внезапный, мгновенный» + mob «сборище, толпа» [4]. Значение слова: заранее спланированная с целью привлечения внимания кратковременная акция, характеризующаяся кажущейся спонтанностью, загадочностью и абсурдностью действий большого количества ничем не связанных между собой в повседневной жизни участников [4].

Вследствие стилистического смешения в наименовании данного патриотического мероприятия мы вновь наблюдаем парадокс. Война, объединившая народы, в память о которой было создано множество произведений литературы и других видов искусства, предполагает «спонтанность и абсурдность» действий подростков. Результат такого мероприятия направлен не на вдумчивое чтение произведения, а на быстрое действие – опубликовать фото книги в социальных сетях и поставить хештег. Аналогичный пример: *онлайн-флешмоб «Антоновские яблоки»*.

Патриотический челлендж

«Challenge» переводится как «вызов», «трудность», «задача» [4]. Такая формулировка предполагает, что патриотизм заключается в повторении определенного действия на камеру.

Онлайн-квест «За пределами», посвященный событиям Великой Отечественной войны.

«Квест» – от англ. Quest – «поиск, предмет поисков, поиск приключений, исполнение рыцарского обета») – один из способов построения сюжета в фольклорных произведениях, путешествие персонажей к определённой цели через преодоление трудностей [4].

И вновь история ВОВ приравнивается к сказкам, легендам, а участникам необходимо преодолеть некие **увлекательные** испытания.

Акция «Элемент единства»

«Акция» – от лат. āctio «движение, действие, поступок», далее из агеге «приводить в движение, гнать» (восходит к праиндоевр. *ag- «гнать, двигать») [4].

Формирование чувства единства происходит систематически, но не единичным действием.

Старт-ап «День единых действий»

«Старт-ап» – неол. «недавно созданная компания, фирма (обычно небольшая)» [4]. В данном примере мы также наблюдаем искажение смысла мероприятия, неясность его выполнения. Слово «старт-ап» в языке-доноре относится к сфере коммерции.

Подобные сочетания лексем из разных исторических эпох и языков продиктованы особенностями современной медиа-среды, особенно, рассчитанной на детский электорат. С одной стороны, можно объяснить мотивацию подобных формулировок: желание актуализировать, «осовременнить» события прошлого для молодежи. Однако стилистическое смешение таит опасность. Такое языковое употребление нарушает историческую перспективу, истинное представление о событиях и затрудняет формирование духовных ценностей у молодежи. Получается, что «пережить» события ВОВ также легко и позитивно, как пройти уровень онлайн-игры. А вот чтобы стать патриотом, необходимо «принять вызов» и «преодолеть трудности».

Формирование культурного кода человека формируется прежде всего с помощью языка. Однако в формулировках мероприятий, цель которых привить подрастающему поколению чувство патриотизма, сформулировать черты национальной идентичности и осознание величия истории и культуры нашей страны, изобилуют англицизмы, причем на коннотативном и денотативном уровнях. Напрашивается вывод, что детям и подросткам прививаются культурные ценности других стран.

Подрастающему поколению необходимо давать истинные исторические сведения, знакомить с этимологией слов, формировать исторически объективный языковой контент, ведь «каждая историческая эпоха, как свидетельствуют хронографы, старающиеся соблюдать принципы достоверности и объективности, и сказители, поэты, чья задача – приукрасить современную действительность или величие и мощь достойного прошлого, определяется в памяти народной не только событиями. Но и – прежде всего – особенностями мировидения, понимания смысла бытия страны и народа... Самые важные для народного сознания идеи, как правило, закреплялись в слове» [1, 42].

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М., 2002. – С. 232.
2. Маслова, Н. Б. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. Б. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – С. 108.
3. Шаталова, О. В. Слово и образ народно-патриотической этики / О. В. Шаталова // Российская государственность в лицах и

судьбах ее создателей: IX-XXI вв. IV Международная научная конференция. Посвящается 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Липецк, 27 февраля 2015 г. – Липецк, 2015. – С. 42–44.

4. <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения: 06.11.2020).

SUMMARY

Inna Medvedeva. Formation of the cultural code of a young Russian: paradoxes of idea implementation

This article examines the problem of stylistic linguistic confusion in the wording of the names of patriotic events.

Key words: cultural code, stylistics, history, communicative environment, worldview.

Менякина Алина

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (на материале публицистических текстов А. Проханова)

В статье рассматриваются особенности воплощения соматического кода в политических статьях А. Проханова. В ходе исследования было выявлено, что телесные метафоры являются значимым способом концептуализации общества, особенно в политическом мире.

Ключевые слова: культурный код, когнитивная лингвистика, политический дискурс, метафора, соматизм, концепт.

Благодаря антропоцентрическому подходу, утвердившемуся в лингвистике конца XX в. – начала XXI в., актуализировались исследования в области установления взаимозависимости языка, мышления и познания, что, как известно, входит в область изучения когнитивной лингвистики. При этом значимым оказывается так называемый культурный код, объективирующий представления человека о мире. Так, В. В. Красных характеризует код культуры как «сетку», «которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [2, 297]. Исследовательница отмечает, что коды культуры соотносятся

с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и «кодируют» [2, 297].

Таким образом, можно сказать, что культурный код помогает дать оценку различным феноменам, в том числе социальным и политическим, осознать их причины. Чаще всего эта оценка носит пейоративную окраску, что объясняет частоту использования данного кода в политическом дискурсе.

Целью данной статьи является анализ особенностей объективации соматического культурного кода в текстах публицистических статей А. Проханова.

Для реализации поставленной цели был сформулирован ряд задач:

1. Путём критического обзора специальной научной литературы сформулировать теоретическую базу исследования: выработать рабочие определения таких терминов, как *культурный код*, *соматизмы*.

2. Собрать фактический материал исследования.

3. Проанализировать структурно-семантические и функциональные особенности воплощения соматического кода в текстах публицистических статей А. Проханова.

Материалом исследования послужили политические статьи А. Проханова, опубликованные в газете «Завтра» за 2018–2019 годы [6]. Методом сплошной выборки были отобраны соматические метафорические конструкции их 208 публицистических текстов А. Проханова, которые и послужили фактической базой исследования.

Предложенная статья продолжает цикл публикаций авторов, посвящённых изучению особенностей реализации метафорических моделей и культурных кодов в политическом дискурсе на материале публицистических текстов А. А. Проханова (см. [3; 4; 5; 7; 8]).

Ещё с древних времен люди старались описать мир через самого себя, а значит, и через своё тело и свои ощущения. Имеющиеся знания о себе и своём теле человек экстраполировал на окружающую действительность. При таком взгляде на мир значимым оказывается именно соматический код, который по праву считается наиболее древним из кодов культуры. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова обозначают соматический код термином *телесный код* (< греч. *soma, somatos* – *тело*) [1].

В своих публицистических статьях с помощью соматического кода А. Проханов уподобляет Россию некому живому организму, который, как и человеческий, имеет свои стадии развития, а именно: процесс зачатия, зарождения, возрастания, укрепления, дряхления и окончательная стадия распада и разложения. Например: «Загадка в том, когда и на каком этапе, быть может, на **этапе своего зачатия**, новое государство российское...» [«Красный конь

и чёрная каракатица». 31 Января 2018 г.]; *«Там, на блокпостах, в окопах, во время бомбардировок, во время погребений зарождается новая русская сила, новое русское сознание»* [«Я с тобой, Донбасс». 14 Февраля 2018 г.]; *«Взрастающая, укрепляясь, проходя этап за этапом своего становления, сегодня государство российское взращается в своей глубине собственную смерть — поселившееся в его чреве ракообразное существо»* [«Красный конь и чёрная каракатица». 31 Января 2018 г.]; *«Однако власть преобразователя, окружённого сподвижниками и творцами, постепенно выдыхалась, дряхлая, на смену огненным правителям приходили теплохладные, немощные и скучающие»* [«Властитель и мыслитель». 4 июля 2018 г.]; *«За это время, как полагают американцы, среди перечисленных элитных персонажей... начнётся химия распада, неотвратимый процесс разложения»* [«Оборонное сознание. Враг у ворот». 7 Февраля 2018 г.].

Патологоанатом, который расчленяет тело, чтобы вскрыть причины болезни, в публицистике А. Проханова выполняет функцию палача, тайно управляющего политическими лидерами, готовыми расчлени умиравшие тело на части, лишая его жизни: *«Либералы Гайдар, Немцов и Чубайс были не более, чем скальпели в руках заморского патологоанатома, который рассекал умирающее государство»* [«От либерала до палача – один шаг». 6 августа 2019 г.].

Руководитель, чья деятельность благополучно влияет на страну, в структуре соматического кода уподобляется врачу-хирургу, который способен вылечить страну от болезней, проведя успешную операцию: *«И Хирург, как великий демиург, правит этой русской мистерией»* [«“Волки” русской мечты». 15 мая 2019 г.].

В следующем примере метафора *плотоядное чудище* обрисовывает личность, которая враждебно настроенна по отношению к государству: *«А вместо этого получила президентом Порошенко – плотоядное чудище, имитирующее украинский путь в Европу»* [«Украина на дыбе». 16 апреля 2019 г.].

Неблагополучное для страны время А. Проханов передает концептами с семантикой «болезнь», которые связаны с такими процессами, как опухоль, простуда, насморк, лихорадка, паралич и с прочими социальными заболеваниями. Например: *«Смертельная опухоль сжирает Россию... Русское бездорожье, смертность, безбредное пьянство, отчаяние – всё – порождение этой страшной опухоли, которая съедает живую ткань»* [«Президент Путин и хирург Пирогов». 10 Января 2018 г.]; *«Условно говоря, вместо простуды и насморка назревшие и незрелые проблемы разрешаются в жесточайших лихорадках и прочих социальных заболеваниях, которые кончаются летальным исходом для части, а иногда и для всего организма»* [«Русский рывок. Когда?». 3 Марта 2018 г.]; *«Что*

делать тем, кто... видит, как это государство слабеет, готово впасть в **паралич**...» [«Вспомним Тяньаньмэнь». 29 июля 2019 г.]. Из этого можно сделать вывод, что соматический код тесным образом связан с морбиальным кодом (< лат. *morbus* 'болезнь').

Как внутреннее состояние органов отражается на внешнем облике человека, его кожном покрове, так и внутренняя политическая жизнь страны, протесты, гражданские войны отражаются на внешней политике государства: «Единичный вездеход, проехавший по тундре, **оставляет рану**, которая не зарастает в течение десятилетий. Так и проходит по тундре этот **мучительный чёрный рубец**» [«Одухотворённый Ямал». 27 июня 2018 г.]; «... когда Матвей Ганапольский при слове "Россия" перестанет **покрываться сыпью**, вот тогда мы возьмёмся за Волоколамск» [«Блаженны миротворцы». 3 апреля 2018 г.]; «В **кровавых рубцах**, с копьём в ребре, с укусной тряпкой на обожжённых устах, Россия восходит на крест и умирает, чтобы потом, в озарении, стать светозарной, превратить тьму в убегающую прочь тень, вернуть ликование и силы в русские сердца» [«Пасха – поправление тьмы». 7 апреля 2018 г.]. В последнем примере метафора **кровавые рубцы** представляет собой некий опыт, через который прошла страна, которая, как надеется автор, в дальнейшем больше не будет совершать свои прежние ошибки.

Государство, уподобляясь человеческому организму, обладает теми же физическими свойствами. Например: «И с этого момента Россия как бы **очнулась**. Удивительно, что мы и после чеченских войн словно продолжали **спать, дремать**, не занимались укреплением обороноспособности, армией» [«Одной лишь думы власть...». 26 сентября 2018 г.]; «С 1989 года Южная Осетия терпела, стояла, **плакала**, конечно... Да, кровавыми слезами» [«Одной лишь думы власть...». 26 сентября 2018 г.]; «Цифровая реальность... сливается с шоу-бизнесом, образуя ещё более мощный загадочный субстрат....» [«Андрей Малахов или Георгий Жуков?». 1 мая 2019 г.].

Называя конкретную часть тела и описывая её, А. Проханов тем самым характеризует и человека, наделяя его определённым оценочным качеством. Так, метафора **алчная рука** описывает жадного, корыстолюбивого человека: «А всякая **алчная рука**, которая потянется к этим деньгам, беспощадно отсекается» [«Здравствуй, мобилизация!». 7 Марта 2018 г.], а метафора **мокрый язык** может говорить о ненасытном человеке, страстно желающем чего-либо: «Вся хищная ненасытная стая, лязгающая клыками, высунувшая **мокрые языки**... — всё это социально ответственные предприниматели?» [«Красный конь и чёрная каракатица». 31 Января 2018 г.]. Если метафора **мокрый язык** раскрывает человека

с отрицательной стороны, то метафора **железная рука** в контексте имеет положительную оценку, характеризуя решительного, целеустремленного человека, способного к действию: *«И человек своей железной рукой осторожно шарит в подземелье, нащупывая могучие карманы с газом»* [«Одухотворённый Ямал». 27 июня 2018 г.]. Метафорическое выражение **распахнув своё верующее сердце** раскрывает доброжелательного человека, открытого к людям, готового прийти на помощь: *«Мобилизовав свою волю, распахнув своё верующее сердце, увидев в своём соотечественнике друга и брата, наш народ выбирался из чудовищных чёрных ямин...»* [«Здравствуй, мобилизация!». 7 Марта 2018 г.]. При описании любопытного человека, влезającego не в свое дело, А. Проханов использует метафору **любопытное рыльце**: *«Но не блефом оказалась советская и российская мощь, которая... обнюхивает своими любопытными рыльцами окрестности Лондона, Чикаго или овальную комнату Белого дома в Вашингтоне...»* [«Ещё раз о стиле «Путин»». 13 Марта 2018 г.]. При этом лексема **рыльце**, в отличие от номинации **лицо**, ещё больше усиливает отрицательную характеристику человека, раскрывая пренебрежительное отношение к нему. В контексте *«С великими трудами мы вырвались из острых когтей добытчиков и снова стали страной»* [«Россия — «Удерживающая»». 5 июня 2019 г.] в составе метафорической конструкции **острые когти добытчиков** лексема **когти** усиливает чувство жестокости, звериного начала, что связывает соматический код с зооморфным кодом.

Если в вышеуказанных примерах А. Проханов характеризует политических лидеров с негативной стороны с помощью «грубых» метафор, то в следующем примере для этого он использует уменьшительно-ласкательное слово **лапки**, подчёркивая, что такой человек способен нагло хвататься, держаться за что-либо: *«„Литературная газета“ попала в цепкие лапки мелких и активных властолюбцев и превратилась в одно из самых пошлых, повторяющих либеральные зады изданий»* [«Ты слышишь, как грохочут сапоги?». 21 января 2019 г.]; *«Если обмен этих пленных является прологом к поражению «Русской весны», к передаче восставших земель в цепкие лапки Зеленского, то русское сердце... вновь наполнится тревогой и болью...»* [«Что скажет Саур-могила?». 10 сентября 2019 г.].

Лексема **сердце** в следующем примере указывает на сердцевину, центр государства: *«Тот страшный удар террористов был направлен в сердце России, в сердцевину государства Российского...»* [«Божественная вертикаль». 29 августа 2018 г.].

В публицистических текстах А. Проханова номинация **голова** становится соматизмом, наделённым функцией некоего вместилища человеческого гнева, не способного рассудительно мыслить и

принимать адекватные решения: *«Поэтому я вздохнул с облегчением, узнав, что Путину удалось хотя бы на время развести враждующие рати, удалось **отрезвить пылающие гневом головы**»* [«И в алом от зари притворе свою обедню отслужу...». 22 мая 2019 г.].

Расстояние между частями тела человека в соматическом коде может указывать на степень или уровень чего-либо. *«Хватит изо дня в день месяцами показывать жалкого, **искусанного с ног до головы хищными самками актёра**...»* [«Здравствуй, мобилизация!». 7 Марта 2018 г.]. В данном примере словосочетание *с ног до головы* указывает нам на степень повреждения, а именно: целиком, полностью.

В политических текстах метафоры типа *извлечь мозг, вырвать глаза* указывают на то, что человек лишён способности самостоятельно мыслить, принимать решения, в чём А. Проханов чаще всего обвиняет СМИ: *«В 1991 году России, как раненому лосю, перерезали поджилки, извлекли из головы мозг, вырвали глаза»* [«Жернова русской истории». 19 сентября 2018 г.].

Метафорическая конструкция *обезглавить народ* передаёт значение 'лишить страну руководителя': *«Главным для них было, чтобы в Южной Осетии не было грамотных людей, они стремились лишить южных осетин лидеров, **обезглавить народ**, чтобы были бессловесные люди, которые будут подчиняться тому, кого пришлёт Грузия, поэтому весь цвет интеллигенции был уничтожен»* [«Одной лишь думы власть...». 26 сентября 2018 г.].

Следует отметить, что в публицистике А. Проханова часто используются также устойчивые словосочетания с соматизмами в их структуре. Например, *око за око, зуб за зуб, опускать руки, пасть на колени, ежовые рукавицы, переломать кости, танцевать на костях* и др.: *«Мы должны поступить в Донбассе так, как американцы поступают в Сирии: **око за око, зуб за зуб, острый на острый**»* [«Стальное копьё истории». 16 апреля 2018 г.] (здесь речь идёт о возмездии, расплате за содеянное); *«Иные ожесточаются, у других **опускаются руки**: Россия сегодня проходит сквозь игольное ушко своей великой истории»* [«Имперский холм». 11 июля 2018 г.] (*опустить руки* – утратить способность или желание действовать, делать что-либо); *«Государство Российское повенчалось с Крымом, **пало на колени перед алтарём в Херсонесе, оросило своё обгорелое измождённое лицо черноморской живой водой**»* [«Крымское солнечное затмение». 7 августа 2018 г.] (фразеологизм *пасть на колени* означает униженно просить, умолять кого-то); *«Что было бы, если бы президентом России стал Ходорковский, который взял бы страну в свои **ежовые рукавицы**...»* [«От либерала до палача – один шаг». 6 августа 2019 г.] (фразеологизм *держат в ежовых рукавицах* в этом контексте рисует образ жёсткого правителя); *«Ведь именно Ельцин – виновник трагедии девяностых годов, когда великой*

стране были **переломаны кости...**» [«Математика развития против математики нужды». 31 августа 2018 г.] (с помощью словосочетания **переломать кости** А. Проханов метафорически рисует образ страны, которую основательно лишили возможности двигаться к прогрессу); *«В итоге мы увидели, как свирепый, беснующийся капитализм танцевал на костях убитого социализма»* [«Плюс мобилизация всей страны». 19 апреля 2018 г.] (устойчивое выражение **танцевать на костях** помогает А. Проханову показать оскал капитализма, который прилюдно проявляет свои эмоции по поводу одержанной победы).

Таким образом, как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, в публицистических текстах А. Проханова объективация соматического культурного кода через метафорические номинации частей тела, органов и физиологических процессов представляет собой значимое средство описания политической жизни государства и общества.

Установить особенности взаимодействия соматического кода с морбиальным, зооморфным и фитоморфным кодами в политическом дискурсе на основе комплексного анализа метафорических моделей, представленных в публицистических текстах А. А. Проханова, – следующая задача нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
2. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
3. Менякина, А. А. Семантическая типология метафоры в политическом дискурсе (на материале книги А. Проханова «Слово к народу») / А. А. Менякина // «Чтения молодых учёных»: Сб. науч. трудов V Республиканской очно-заочной научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 70-летию Горловского института иностранных языков (г. Горловка, 11–12 апреля 2019 г.). – С. 246–248.
4. Менякина, А. А. Взаимодействие пищевого и антропоморфного кодов в политическом дискурсе (на материале книги А. Проханова «Слово к народу») / А. А. Менякина // Славистика: новые имена в науке : Сб. науч. трудов участников III Международной очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2019. – С. 119–125.
5. Менякина, А. А. Модели пищевой метафоры в политическом дискурсе (на материале книги А. Проханова «Слово к народу») /

- А. А. Менякина // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк : ДонНУ, 2020. – Вып. 12. – Т. Социально-гуманитарные науки. – Ч. 2. – С. 64–69.
6. Проханов, А. А. Завтра / А. А. Проханов. – Текст : электронный // Завтра : сайт. – URL: <https://zavtra.ru/blogs/authors/8> (Дата обращения : 01.11.2020 г.).
 7. Ярошенко, Н. А. Модели пищевой метафоры в политическом дискурсе (на материале книги А. Проханова «Слово к народу») (на материале книги А. Проханова «Слово к народу») / Н. А. Ярошенко, А. А. Менякина // Язык и культура : Сб. науч. трудов V Республиканской очно-заочной научной конференции (с международным участием) (18 ноября 2019 г.). – Макеевка : ДонНАСА, 2019. – С. 103–107.
 8. Ярошенко, Н. А. Средства реализации пищевого кода культуры в политическом дискурсе (на материале книги А. А. Проханова «Слово к народу») / Н. А. Ярошенко, А. А. Менякина // Актуальные проблемы изучения славянских языков : Сб. науч. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.); отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2020. – Вып. 6. – С. 92–98.

SUMMARY

Alina Manyakina. The somatic code as the means of the conceptualizing of reality (on the material of the journalistic texts by A. Prokhanov)

The article deals with the peculiarities of the somatic code implementation in political articles by A. Prokhanov. During the study it was identified that the bodily metaphors are an important way of conceptualizing society, especially in the political world.

Key words: cultural code, cognitive linguistics, political discourse, metaphor, somatism, concept.

Метейко Валерия
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Кудрейко И. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОНОМАСТИКОН ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ Г. ДОНЕЦКА

В статье проанализирован неофициальный ономастикон внутригородских объектов г. Донецка (названия улиц, районов, наименования парков, магазинов, разного рода заведений, предприятий, автотранспортных станций, остановок и другие урбанонимы), формирующий именной пласт разговорной лексики горожан.

Ключевые слова: *урбанонимы, онимы, вторичные номинации, неофициальный ономастикон, язык города.*

Изучение неофициальных названий внутригородских реалий г. Донецка позволяет выявить лингвокраеведческую информацию не только об объектах номинации, но и о речевых приоритетах горожан. Неофициальные урбанонимы являются своеобразными маркерами, которые позволяют дифференцировать носителей языка на «своих» и «чужих», способствуют отображению экспрессивно-оценочного восприятия внутригородских объектов.

На сегодняшний день внимание ученых привлекают исследования, связанные с изучением появления и бытования в речи жителей города неофициальных названий внутригородских объектов, в которых отображены жизненный уклад, мироощущения горожан и их интенции при создании вторичных наименований, что и определяет актуальность нашей работы.

Язык города является сложным лингвистическим, лингвосоциальным и лингвокультурным феноменом, изучением которого занимается урбанолингвистика, которая является новым направлением в языкознании, возникшим в результате взаимодействия социальной и региональной лингвистики для проведения лингвистических исследований ономастикона городского пространства. Основная цель урбанолингвистики заключается в исследовании как официальных номинаций городских реалий, так и их неофициальных вариантов, относящихся к коннотативной лексике, содержащей дополнительные экспрессивные, стилистические, оценочные характеристики семантики слова. Неофициальные урбанонимы заключаются в «наложении на некую картину мира определённого типа мировосприятия» [4, 6], культурных установок

личности, позволяющих соединить разные языковые подсистемы в речи одного говорящего.

Б. Я. Шарифуллин определяет город как «замкнутый социум» [6], в котором переплетаются индивидуально-личностные, коллективные и общегородские интересы, отношения и формы поведения, в том числе и речевая. Современный город представлен как постоянно пополняющийся текст или даже текст текстов [5], включающий в себя агоронимы, годонимы, хоронимы, ойкодонимы и другие урбанонимы, а также их неофициальные аналоги. Названия городских реалий являются частью языковой картины мира и представляют интерес как культурно-языковой феномен, свидетельствующий об историческом наследии, экономическом развитии и культурных традициях. Собственные наименования внутригородских объектов составляют разряд онимов и обобщаются в подразряд урбанонимы, основной чертой которых является связь с географическим пространством города и отсутствием определенного субъекта номинации. Заметим, что часть объектов городского пространства имеет только одно наименование, а другая — несколько вариантов, распределенных по различным сферам языкового употребления. Е. Н. Квашнина, отмечает, что «появление вторичных номинаций обусловлено внутренними процессами жизни общества. Это связано с особым восприятием места жительства. Замечено, например, что переименовыванию, как правило, подвергаются близлежащие заведения» [2].

Внутригородской ономастикон характеризуется нестабильностью лексических единиц, разнообразием словоформ, вариативностью, при этом неофициальные наименования внутригородских объектов являются уникальными именами собственными, образованными в быту. Появлению вторичных онимов способствуют такие факторы: стремление с помощью образно-эмоциональных средств дать позитивную или негативную оценку определенной реалии (*Шахта Трудовская и её окрестности – Трудяга*); желание идентифицировать объекты с одинаковым значением или одинаковыми функциями, по видимым, отличительным признакам, свойствам (*пересечение Ленинского просп. и ул. Одесской – Голубые* – фасады домов окрашены голубым цветом); намерение сократить, исключить из разговорной речи громоздкие официальные названия (*Площадь Ленина – Ленка*).

В микротопонимию города входят названия не только улиц (*ул. Марии Ульяновой – Мария*) и районов (*Пролетарский район – Пролетарка*), но и наименования парков (*Центральный парк культуры и отдыха имени А. С. Щербакова – Щербаки*), магазинов (*Клеопатра – Клёпа*), разного рода заведений (*ресторан «Миллениум» – Пирамида*), предприятий (*Шахта «Лидиевка» – Лидия*), автотранспортных станций (*АС «Центр» – Яма*) и остановок

(Остановка «Улица Марии Ульяновой» на пересечении с пр. Ильича – НЛО, Лица), а также их ненормативные, индивидуализированные названия.

В языке города Донецка можно выделить варианты неофициальных наименований нескольких групп внутригородских объектов: **научно-учебных учреждений** (Центр Славянской Культуры – Славянка); **топонимических объектов** (микрорайон Текстильщик – Текстиль); **социально-бытовых объектов** (рынок на пересечении ул. Текстильщиков и ул. Петровского – Привоз); **учреждений культуры и искусства** (ДК им. Шевченко и парковая зона, прилегающая к нему – Штаны); **медицинских учреждений** (Травматология просп. Семашко 3А/3 – Травма); **культурно-исторических объектов** (памятник «Слава шахтёрскому труду» на пл. Шахтёрская – Кули кирпич); **городских предприятий** (Макаронная фабрика – Макаронка).

Урбанонимное пространство г. Донецка представляет собой синтез укоренившихся и новообразованных вариантов номинации, бытующих параллельно с официальными названиями. Неофициальные компоненты именного пласта города могут стать основой для формирования образа городского пространства, которое отличает Донецк от других городов Донецкой Народной Республики.

Возникновение неофициальных вариантов урбанонимов во многом связано с общими социокультурными тенденциями развития общества, государственной идеологией, а также зависит от проявлений национальной ментальности жителей определенного региона. Исследования урбанонимов как элемента языковой системы дает возможность досконально описать картину языкового мира общества, способствует выработке общих орфографических норм воспроизведения онимов. Перспективу исследования можно видеть и в дальнейшем описании сферы городской номинации с учетом динамики ее развития, а также углубленном изучении языка как системы, которая реализуется в креативной деятельности жителей города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 222 с.
2. Квашнина, Е. Н. Особенности микропонимии уральского города / Е. Н. Квашнина // Terra Humana. Среда обитания. – 2009. – № 3. – С. 145–148.
3. Отин, Е. С. Сленговые собственные имена в онимном пространстве современного русского языка / Е. С. Отин. – 2009. – № 3. – С. 59–63.

4. Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – М. : ООО А Темп, 2006. – 440 с.
5. Потанина, Н. Л. Городской текст как теоретическая проблема / Н. Л. Потанина, М. А. Гололобов // Филологическая регионалистика. – 2012. – №1 (7). – Текст : электронный // Cyberleninka : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskoy-tekst-kak-teoreticheskaya-problema> (дата обращения: 06.11.2020).
6. Шарифуллин, Б. Я. Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методич. бюл. / под ред. А. П. Сковородникова. – Вып. 5. – Красноярск ; Ачинс: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1997. – С. 8–26.

SUMMARY

Valeria Meteiko. Unofficial onomasticon of intracity objects in Donetsk

The article discusses the problem of identifying the unofficial onomasticon of intracity objects, identifies the reasons for the appearance of unofficial names in the language of the city, identifies groups of unofficial urbanonyms that are found in the study area, describes the dependence of this named layer on socio-cultural factors.

Key words: urbanonyms, onyms, secondary nominations, unofficial onomasticon, city language.

Мокренцова Аделина,

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Мокренцов Д. С.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

им. В. И. Вернадского», Гуманитарно-педагогическая академия,

г. Ялта, Республика Крым

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМНОГО ПОЛЯ Г. ЯЛТЫ

В статье производится анализ эргонимного поля г. Ялты в семантическом, структурном и лингвокультурном аспектах, описано место эргонима в системе русского языка. Необходимость комплексного изучения эргонимного поля г. Ялты обусловлена внедрением в активный словарный запас жителей и гостей города англицизмов и сленга по средством языка города.

Ключевые слова: эргонимия, ономастика, лингвокультурология, эргонимы Ялты.

Русский язык, несомненно, входит в число наиболее развитых языков мира, благодаря сложно организованной системе. Языковая система русского языка делится на ярусы и имеет закономерность: чем выше ярус, тем большее число элементов он включает в себя. Лексический ярус русского языка активно развивается, в том числе благодаря особому пласту лексики – ономастикону. Онимы – это слова, служащие для номинации конкретного объекта среди других объектов, его отождествления. Современный ономастикон включает в себя большой пласт лексики, в том числе топонимы, которые в свою очередь, тоже имеют классификацию; антропонимы – имена собственные людей, а также эргонимы – собственные имена делового объединения людей, в том числе заведения, предприятия, кружка. Стоит отметить, что эргонимный пласт лексики обновляется быстрее всего, благодаря экономической нестабильности. В связи с экономической ситуацией в стране, связанной с эпидемиологической обстановкой, буквально за неделю десятки вывесок сменились другими.

На данный момент исследование городских эргонимов является одним из самых эффективных способов изучения языковой картины мира, поскольку именно на лексическом уровне языка отражаются все процессы, актуальные для данного общества. Исторические преобразования, национальный колорит и смена государственности неизбежно отражены в эргонимных единицах.

Цель – сбор и классификация эргонимов Ялты с целью выявления компонентов языковой картины мира на базе полученных лексических единиц. Цель исследования обуславливает выполнение следующих задач:

1. Проанализировать материал и сегментировать на тематические группы.
2. Рассмотреть структурно-семантические особенности эргонимов г. Ялты.
3. Выявить этнокультурный компонент в эргонимном поле г. Ялты.

Первым обратил внимание на язык города Й. Н. Ленгерт в рецензии на книгу М. Д. Пайкона «Anglicisms, Neologisms and Dynamic», как указывает Б. З. Букчина, он писал об этом пласте лексики как о «маргинальных типах микроономастики, таких как названия магазинов или фирм». Особым вкладом в изучение отечественного эргонимного пространства является труд Б. З. Букчиной и Г. А. Золотовой «Слово на вывеске», где сказано, что имена существительные особо важны в утилитарных текстах, которые находятся на вывесках, этикетках и по своей цели предназначены сообщить, какой артефакт здесь локализован, а значит, стремятся к номинативности. Б. З. Букчина и Г. А. Золотова создают также

словесный портрет номинаторов – *«заинтересованных людей: грамотных, изобретательных, с живым умом и чувством меры»* [1, 49].

Эргоним – многогранная, информативная единица нашего языка, которая требует междисциплинарного подхода в её изучении: невозможно рассматривать эргоним лишь с точки зрения лингвистики, культурологии или маркетинга, требуется комплексный подход. Богатство и разнообразие стихии языка города связано с тем, что, как в свое время отметил Б. А. Ларин, в «Лингвистической истории большого города» имеет место столкновение и скрещение разнообразных типов культур, изучение городского языкового кода, этикетных стереотипов, закрепленных в нем, процессов обновления характеристических средств в ситуации смены культурно значимых ориентиров развития и увеличения их количества предполагает взгляд на язык города как на особое явление городской культуры, своеобразный ее компонент [2, 7].

Материальная база исследования включает в себя 200 номинативных единиц, которые объединены в следующих тематических группах: места общественного питания, магазины, бары и клубы, услуги, отели и жилые комплексы. Так как Ялта является курортным городом, наиболее обширной и развитой тематической группой является группа «места общественного питания». Для номинации столовых и ресторанов номинаторы используют онимы, апеллирующие к эстетическому миру потенциального покупателя, например: *«Пряности и страсти»* – ресторан, *«Сладкий кот»* – кафе, *«Коффишка»* – кофейня и т. д.

Коммерческая номинация подразделяется на следующие группы:

1. Имена, образованные от слов естественного языка (онимов или апеллативов), выбор имени имеет произвольный характер (магазин сладостей *«Суворовские конфеты»*, магазин одежды *«Натали»*, магазин одежды *«Лилия»* и т.д.).

2. Имена, обозначающие объект через содержание другого слова, между свойствами обозначаемого объекта и именем есть общий семантический компонент по сходству или по смежности (ломбард *«Алтын»*, мясной магазин *«Мясная лавка»*, рыбный магазин *«Рыбнов»* и т. д.).

По семантическому признаку Н. В. Суперанская делит эргонимы на мотивированные и немотивированные [4, 130]. Мотивированные эргонимы – это те номинативные единицы, которые обладают *«прозрачной семантической структурой, ясно выделяющейся корневой морфемой»* [3, 74].

К мотивированным эргонимам г. Ялты относятся: блинная *«Блинчик»*, алкомаркет *«Бутылка»*, книжный магазин *«Дом Книги»*,

магазин сумок «*Империя сумок*», магазин принадлежностей для маникюра «*Nogotok*» и т. д.

К немотивированным эргонимам относятся номинативные единицы с затемненной внутренней формой, или символического типа. Например: магазин электроники «*Jingle*», кафе-ресторан японской кухни «*Roppongi*», супермаркет «*Яблоко*», ресторан грузинской кухни «*Borjomi*», кафе «*Тайная Вечеря*» и т. д.

По структуре эргонимы делятся на односложные (однокомпонентные), двусложные (двукомпонентные) и многосложные (многосоставные). Односложной называют такую номинативную единицу, которая состоит из одного слова, двусложная – из двух слов, многосложная – из трех и больше слов и символов. Примеры однокомпонентных эргонимов Ялты: кафе «*пена*», вегетарианское кафе «*Прасад*», строительный магазин «*Лидер*», супермаркет «*Корзина*» и т. д. Пример двукомпонентных эргонимов: продуктовый магазин «*Лайк Маркет*», пельменная «*Мамины пельмешки*», мясной магазин «*Мастерская мяса*», мебельный салон «*Мебель Свет*», кафе «*Мега Бургер*» и т. д. Пример многосоставных эргонимов: зоомагазин «*Всё для друзей*», зоомагазин «*Кот & Пёс*», закусочная «*Ням-ням с тобой*», кофейня «*People like you*» и т. д.

В социокультурном поле преобладает этнокультурная мотивация, которая связана с национальным колоритом, а также присутствует и образно-символический аспект, который характерен для номинации предприятий Крыма. Так, большее количество эргонимов г. Ялты графически оформлены на русском языке – 158 единиц (63,2 %); на украинском языке – единица (0,4%); смешанный тип (русский и английский) – 7 единиц (2,8%), на английском языке – 84 единицы (33,6%). Следует понимать, что не во всех случаях эргонимы, оформленные русским языком, относятся к русскому социокультурному полю, в число данных единиц также входят тюркизмы, англицизмы, данный момент связан с тем, что в Крыму действуют три государственных языка и три основные народности: русские, татары, украинцы.

В выявлении этнокультурной мотивации эргонимов г. Ялты может возникнуть множество трудностей, связанных с непростой историей полуострова. Смена государственности 2014 года также не могла не отразиться на языковом сознании жителей. По нашему мнению, оттенок социокультурной мотивации присутствует у эргонимов, включающих в свой состав местные топонимы: «*Ай-Петри*», «*Учан-Су*», «*Крымский пекарь*», «*Азбука Крыма*», «*Крым золото*» и т. д. Для эргонимов г. Ялты характерны некоторые особенности, присущие русскому коду: апелляция к эстетическому, обращение к внутреннему миру потенциального потребителя, о чем могут свидетельствовать

следующие номинативные единицы: «Лавандовые сны», «Сладкий кот», «Вкусно», «Лакомка», «Овечка–рукодельница» и т. д. Второй же особенностью, присущей преимущественно русской ментальности являются уменьшительно-ласкательные слова (деминутивы) в числе имен деловых объединений: «Салончик», «МагазинЧИК», «Изюминка», «Блинчик», «Конфетка», «Сластена», «Крымский сластеныш», «Пивасик» и т. д.

Таким образом, собранный материал (200 номинативных единиц) можно разделить на шесть основных тематических групп: заведения (места общественного питания), магазины, бары и клубы, услуги, отели и жилые комплексы, где группа места общественного питания занимает первое место по количеству эргонимных единиц. Такое преобладание вызвано особенностью города – курортный тип.

По структуре эргонимы можно разделить на односложные, двусложные и многосложные. Односложные эргонимы преобладают. Семантически эргонимы можно разделить: на единицы с прямой номинацией и единицы с косвенной номинацией. Единицы с косвенной номинацией / не мотивированные преобладают.

Одним из главных маркеров этнокультурной мотивации эргонимов является употребление в составе номинативной единицы местных топонимов. Также этнический колорит проявляется в названиях этнокафе, специализированных магазинов.

Эргонимный пласт лексики входит в активный словарный запас жителей и гостей города, является наиболее динамично развивающимся. Комплексный подход в изучении городских эргонимов Крыма открыл бы возможности для изучения и репрезентации языковой картины мира крымчан. Также, согласно нашим исследованиям, количество англицизмов в эргонимном поле Ялты возрастает на 1% ежегодно. Данный процесс является негативным с точки зрения экологии языка и требует внимательного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букчина, Б. З. Слово на вывеске / Б. З. Букчина, Г. А. Золотова // Русская речь, 1998. – № 3. – С. 49–56.
2. Ларин, Б. А. О лингвистическом изучении города / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание (избранные работы). – М. : Просвещение, 1977. – С. 175–189.
3. Новожилова, Т. А. Номинация современных коммерческих предприятий: На материале русского, английского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Новожилова Татьяна Александровна. – Ростов-на Дону, 2005. – 170 с.
4. Суперанская, А. В. Товарные знаки / А. В. Суперанская, Т. А. Соболева. – М. : Либроком, 2009. – 192 с.

SUMMARY

Adelina Mokrentsova. Linguocultural features of the ergonomic field in Yalta

The article analyzes the ergonomic field of Yalta in semantic, structural and linguocultural aspects, describes the place of the ergonym in the system of the Russian language. The need for a comprehensive study of the ergonomic field of Yalta is due to the introduction of Anglicisms and slang into the active vocabulary of residents and guests of the city through the language of the city.

Key words: ergonymy, onomastics, cultural linguistics, ergonyms of Yalta.

Музафарова Наталья

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Мушаев В. Н.

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет

им. Б. Б. Городовикова»,

Институт калмыцкой филологии и востоковедения,

г. Элиста, РФ

АЛТАРЬ В ТРАДИЦИИ СЕВЕРНОГО БУДДИЗМА

Целью статьи является сравнение специфической религиозной лексики русского, тибетского, калмыцкого языков на примере темы «Алтарь», выявляются самостоятельные и заимствованные лексемы, данная публикация обогащает тему и имеет дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: *северный буддизм, алтарь, практика, символика, культ, искусство.*

Изначально учение Будды Шакьямуни было философской системой. Впоследствии, идя навстречу ученикам, для которых необходима в качестве практики ритуальная деятельность, была разработана ее религиозная составляющая. Так появились храмы и образы для отправления культа. Фактически же буддизм трудно назвать религией, привычной в авраамистическом понимании, ведь в его арсенале нет votивных литургий, ритуалов, совершаемых с новорожденными или неофитами, свадебных и похоронных месс. Поскольку Будда не считается богом, нет необходимости служения ему путем прославления и принесения жертв. Он является примером мудрости и нравственности. Практикуя его доктрину, любой может стать таким же.

Как социальный институт, буддизм имеет место для сбора верующих – храм/ вихара (санскр.)/ лхакан (тиб.)/ temple (англ.)/

хурул (калм.). Естественно, его смыслообразующим элементом является алтарь/ чёшам (тиб.)/ altar, shrine (англ.)/ тэклин ширэ (калм.). В главных монастырях северного буддизма/ Ваджраяны (санскрит.)/ дордже тегпа (тиб.) школы Гелуг в храмах вход сделан в западной или южной стене, а алтарная часть – на востоке. Исходя из практических соображений, в кочевых культурах храм обычно ориентирован географически север-юг таким образом, что вход в находится с южной, теплой стороны, а алтарь – на северной. В современной буддийской архитектуре обычно алтарь располагается напротив главного входа в помещение [3, 78].

Алтарь представляет символы Трех Драгоценностей буддизма/ triratna (санскр.)/ dkon mchog gsum (тиб.) – это учитель Будда (санскр.)/ Санжей (тиб.)/ Бурхн (калм.), его Учение/Дхарма (санскрит.)/ Чё (тиб.)/ Ном (калм.), его ученики – Община/ Сангха (санскр.)/ Гедун (тиб.). Они представляют тело, речь и ум всех просветлённых существ и являются тремя аспектами Прибежища. Алтарь для буддиста является внешним Прибежищем на пути к просветлению [4, 349].

Типичный алтарь состоит из трех уровней для трех групп объектов: 1) объекты для подношения, 2) ритуальные предметы, 3) предметы для подношения. На верхней ступени первой группы находятся три объекта, которые представляют тело, речь и ум Будды. Главной из них является речь Будды, символ его Учения. Поскольку в данный момент Будда не присутствует среди нас непосредственно и не ведет проповеди, символом его речи являются книги, написанные его учениками и последователями. Самым важным постулатом буддизма, отсутствующим в других философских и религиозных системах, является идея о пустотности/ шуньята (санскр.)/ тонпанид (тиб.), хоосн чинр (калм.). Она изложена в Сутрах цикла «Праджняпарамита» (санскр.)/ Щерабкипаролтучинпа (тиб.)/ Билгин чинд курсни зүркн (калм.). Второй по значимости книгой в традиции школы гелуг (тиб.) считается фундаментальный труд отца-основателя Ламы Цонкапы «Большое руководство к этапам Пути Пробуждения»/ «Ламрим Ченмо» (тиб.)/ Бодь мөрин үй (калм.). Эти книги в обязательном порядке присутствуют на алтаре и располагаться выше прочих объектов. Часто в больших храмах по бокам от алтаря стоят стеллажи от пола до потолка с полным собранием всех 333 томов буддийского канона «Слова Будды»/ «Ганжур» (тиб.) и комментариев к нему/ «Данжур» (тиб.). Традиционная тибетская книга / печа (тиб.) выглядит как стопка вытянутых по горизонтали листов-ксилографов с деревянными «обложками» сверху и снизу, завернутая в шафрановую ткань [4, 121].

Тело Будды представляют его изображения в виде статуй/ буртон зоип (тиб.)/ шүтэн (калм.), картин/танка (тиб.) / зург (калм.), фотографий. Иногда статуя Будды Шакьямуни помещается в центре, а по бокам от него на возвышениях располагаются книги (слева) и ступа (справа). Бывают храмы, в которых на алтаре присутствуют три статуи Будд трех времен/ *dus gsum sangs rgyas* (тиб.): прошлого – Кашьяпа (санскр.) / Цунг Ченпо (тиб.), настоящего – Шакьямуни (санскр.)/ Шакья Тхубпа (тиб.), будущего – Майтрея (санскр.) / Джампа (тиб.). Статуи других Будд, бодхисаттв (санскр.)/ чанчуб сэмпэ (тиб.) / бодьсатв (калм.), идамов (тиб.)/ идм (калм.), учителей/ гуру (санскр.)/ гела (тиб.)/ лам (калм.), защитников учения / сунгма (тиб.)/ сэкусн (калм.) располагаются ниже. Часто на стенах по бокам справа и слева от статуи Будды Шакьямуни располагаются статуи, фрески, танка, банеры шестнадцати архатов (санскр.)/ драчёмпа (тиб.)/ дээниг дарсн (калм.), соответственно, по восемь с обеих сторон. Традиционно справа от Будды помещают изображение учителей и идамов, а слева – Будд и Бодхисаттв [2, 276].

Ум Будды символизирует ступа (санскр.)/ чёртен (тиб.)/ суврһн (калм.). После ухода Будды в праранирвану (санскр.)/ нянде (тиб.)/ Наслнгас нөгчх (калм.), согласно его завещанию, ученики замуровали его останки в архитектурное сооружение, состоящее из кубического основания, купола и конуса, увенчанного символами солнца и луны. Эта композиция выполняет функцию дарохранительницы.

Вторая группа объектов относится к дарам. В буддизме подношения бывают внешними, внутренними и тайными. Как правило, каждое утро буддиста начинается с внешних подношений на алтарь. Самым простым подношением считается 10, 8, 3 или 3 чаш с питьевой водой с шафраном/ архам (санскр.)/ аршан (тиб.). В качестве тары используются одинаковые по размеру и материалу чистые и не имеющие изъянов сосуды из металла, стекла, керамики, пластика. Они выставляются слева направо в ряд на небольшом расстоянии друг от друга. Каждое утро вода разливается в чаши, а вечером сливается. Чистота и свежесть воды символизирует ясность ума.

Более серьезным подношением считается подношение семи субстанций для пяти органов чувств: питьевая вода, вода для омовения, цветы, благовония, светильник, ароматная вода или духи или аромо-масла, еда, музыкальный инструмент или морская ракушка. Эта традиция идет из обычаев индийского гостеприимства. Когда в дом приходил гость, ему давали возможность с дороги напиться, умыться, освежиться. Зажигали свет и благовония, исполняли музыку, приглашали на трапезу. Так символически буддисты приглашают к себе дорогих гостей, образы которых присутствуют на алтаре. Каждое подношение имеет свой особый

смысл, олицетворяя нравственность, сосредоточение и мудрость. Так практикуется парамита (санскр.)/ парчин (тиб.)/ барамид (калм.) дааяна и развивается щедрость, приводящие к процветанию.

К третьей группе объектов относят предметы, которые используют во время ритуалов и тантрических практик. К ним относят ваджр, колокольчик, четки/тревна (тиб.)/эркн (калм.), ритуальный пирог/торма (тиб.), костяные чаши/капалы (тиб.), барабан/ дамару (тиб.), зеркало/ мелонг (тиб.)/ толь (калм.), мадала (санскр.)/ килкор (тиб.), ритуальный шарф/ хадак (тиб.), набор для серджема (тиб.), молитвенный барабан мани [1, 85].

В отличие от авраамистических религий, буддийский алтарь не служит для выражения благоговения перед внешним богом. Он является отражением подлинной природы собственного ума, пока ещё не раскрытых качеств, того идеала, к которому следует стремиться. Любое существо имеет природу Будды и внутренний потенциал добиться этой реализации собственными силами. Неверно полагать, что задабривая божества дарами, можно получить взамен исполнение желаний или просветление. Будды и Бодхисаттвы не нуждаются в подношениях. Алтарь вдохновляет и мотивирует на практику, являясь точкой концентрации для ума и методом накопления благой кармы (санскр)/ сонам (тиб.)/ заян (калм.).

Сравнительный анализ представленных в статье терминов показал следующее. Поскольку вся традиция северного буддизма пришла из Тибета, то вся терминология в русском и калмыцком языках связанная с этой сферой деятельности исключительно заимствованная, кроме некоторых бытовых предметов и текстиля. В этом типе лексики встречаются как сложные, так и односоставные лексемы. Обычно функция предмета не всегда связана и не всегда объясняет его наименование. Представленные в статье термины используемых исключительно в высоком или литературном стилях, поскольку это религиозная лексика, имеющая особый статус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берзин, А. Общий обзор буддийских практик / А. Берзин. – СПб., 1993. – 345 с.
2. Бир, Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / Р. Бир. – М., 2011. – 574 с.
3. Далай-лама. Буддизм Тибета / Далай-лама. – М., 1991. – 598 с.
4. Кучин, И. Л. Дхарма / И. Л. Кучин. – Пермь, 2017. – 673 с.

SUMMARY

Natalia Muzafarova. Altar in the tradition of northern buddhism

The purpose of the article is to compare the specific religious vocabulary of the Russian, Tibetan, Kalmyk languages on the example

of the topic “Altar”, identify independent and borrowed lexemes, this publication enriches the topic and has further research prospects.

Key words: northern Buddhism, altar, practice, symbolism, cult, art.

Мухина Дарья

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Жихарева Н. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНЫХ АКТОВ АККУЗАТИВНОГО ТИПА

В статье освещаются вопросы эмоционально-экспрессивного воплощения драматургического дискурса. На материале англоязычной и русскоязычной пьесы XXI века анализируются стилистические особенности дискурсивных актов аккузативного типа и роль авторских ремарок в драматургическом тексте.

Ключевые слова: *дискурс, дискурсивный акт, стилистические особенности.*

Понятие «дискурс» в современном мире рассматривается в нескольких аспектах: как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами и как процесс связной речи, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. Кроме того, дискурс, будучи определённым и как любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух основополагающих ролей – адресата и адресанта.

Во второй половине XX века термин «дискурс» часто употреблялся в значении «функциональный стиль» как особый тип текстов с соответствующей каждому типу лексической системой, грамматикой и другими языковыми особенностями. Так, драматургический дискурс представляет собой стилизованную разговорную речь, письменная фиксация которой предполагает наличие диалога персонажей, поясняемого авторскими ремарками.

Речевой акт, будучи единицей дискурсивного акта, рассматривается как функциональный элемент драматического дискурса. Стилистический подход к драме позволяет выявить индивидуальные стилистические особенности манеры автора и его интенции, анализируя конкретные стилистические фигуры, которые содержат в себе эмоционально-экспрессивную функцию.

С позиций лингвистики, эмоция рассматривается как дополнительное содержание высказывания и способ оценки значения

предметов и явлений реального мира для конкретного человека. В речи эмоции находят отражение посредством использования эмотивов. Однако существуют и неречевые средства выражения эмоций. В этом случае авторы драматургических произведений используют эмотивные кинемы (артикуляционные различительные признаки, произносительная работа одного органа речи в производстве звука [3]), которые появляются в авторских ремарках [1, 83].

Важными языковыми средствами, позволяющим определить вид драматического дискурса аккузативного типа, как обвинение, осуждение, претензия, возмущение, укор являются стилистические приемы и выразительные средства.

Так, на материале англоязычной (Lowe A. "The Rehearsal Room") и русскоязычной (М. А. Мосулишвили «Танец с мертвецами») драм XXI века, было рассмотрено использование стилистических и выразительных средств дискурсивного акта аккузативного типа:

1) Roger. "So have you got Mark **sorted out**"?

Anne. (Angrily.) "**Sorted out**? If you mean have I given my son the support he needs, the answer is "Yes"!!!"

Roger. "Sorry, I was only asking how things were going, no need to get so tetchy"!

Anne. "**Why do people think** my son needs "**sorting out**" as you put it? He just needs the love and attention I am giving him"! (She storms away from Roger and sits down heavily.) [4, 16–17].

Данный тип дискурсивного акта выражен посредством повтора фразового глагола "**sorted out**" и риторического вопроса "**Why do people think my son needs "sorting out" as you put it?**", которые передают состояние эмоционального напряжения, стресса и выражают возмущение. Кроме того, такие интерпозитивные авторские ремарки, как (Angrily.), (She storms away from Roger and sits down heavily.), усиливают передачу эмоционального состояния собеседников;

2) Margret. "Are we all here yet"?

Gladys. (From the kitchen) "**Janet's never been all here**"! (She laughs, no one else does).

George. "Only a few missing and it's not 7-30 yet."

Margret. "**How many times do I have to say it, we START at 7-30 we don't ARRIVE at 7-30!**" [4, 16].

Речевое высказывание "**How many times do I have to say it, we START at 7-30 we don't ARRIVE at 7-30!**" является аккузативом, передающим возмущение говорящего. Данный тип дискурсивного акта выражен посредством восклицательного предложения. Гипербола "**how many times do I have to say it**" с дополнительным акцентом на глаголах-сказуемых **START** и **ARRIVE** посредством капитализации, а также речевое саркастическое высказывание "**Janet's never been all here**"

в данном случае выполняют эмоциональную функцию – усиление возмущения;

3) ЛИЛИ. ***О-ох!.. О-о!..***

ДЭВИ. Что?! Что случилось?.. *(Перестает хрустеть морковью, поднимается, никого не обнаруживает, снова садится, опять со звоном мешает чай в чашке и принимается за морковь.)* Ужасно чешется спина. Ой! *(Ежится, ерзает, подскакивает, приближается к развешанному над камином набору.)* Что же выбрать? Остановлюсь-ка на «Путтере». Он короче других! *(Берет короткую клюшку, с помощью которой чешет спину.)*

ЛИЛИ. *(приподнимается, видит Дэви).* **Что ты делаешь?**

ДЭВИ. Я? Ничего! Точней, пью чай с морковочкой! *(Откусывает морковь).*

ЛИЛИ. **Стыдись!**

ДЭВИ. Чего? Морковочки? В ней ведь целый воз витаминов!

ЛИЛИ. **Я, слабое и нежное создание, упала от страха без чувств, не в силах подняться, валяюсь тут, а ты и думать не думаешь помочь мне и преспокойно ужинаешь! Тоже мне, джентльмен!**[2].

Данный дискурсивный акт является аккузативом, передающим возмущение и претензию говорящего, выраженного междометиями «**О-ох!.. О-о!..**», эмоционально окрашенными вопросительным и восклицательным предложениями «**Что ты делаешь?**», «**Стыдись!**», «**Тоже мне, джентльмен!**», эмотивными эпитетами «**слабое и нежное [создание]**», градацией «**упала от страха без чувств, не в силах подняться, валяюсь тут**».

Таким образом, проанализировав использование данных стилистических средств в аккузативных дискурсивных актах, можно сделать вывод, что они несут в себе эмоционально-экспрессивную функцию, усиливают изображение состояния собеседников и определяют тип дискурсивного акта. Кроме того, драматическое произведение вбирает в себя целый комплекс, систему речевых и дискурсивных актов, выраженных не только аккузативными дискурсивными актами, но и иными типами, которые образуются с помощью определенного набора стилистических средств, позволяющих правильно понять коммуникативную направленность речевого высказывания драматического произведения.

Однако проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов обозначенной проблемы. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в изучении употребления стилистических особенностей дискурсивных актов офферативного, конформативного и нонконформативного, апологетного и дидактического типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривченко, И. Б. Особенности выражения эмоциональных состояний персонажей в драматургическом дискурсе (на материале англоязычных пьес XXI века) / И. Б. Кривченко // Филологические науки. – 2015. – № 15. – С. 83–85.
2. Мосулишвили, М. А. Танец с мертвецами / М. А. Мосулишвили. – 2006. – URL : http://samlib.ru/m/mosulishwili_m_a/tanecsmertwecamidoc.shtml (дата обращения: 20.11.2020).
3. Словарь лингвистических терминов : сайт. – URL : <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/?q=484> (дата обращения: 20.11.2020).
4. Lowe, A. The Rehearsal Room / A. Lowe. – 2012. – 65 p. – URL : <https://www.simplyscripts.com/scripts/RehearsalRoom.pdf> (accessed: 20.11.2020).

SUMMARY

Daria Mukhina. Stylistic features of discursive acts of the accusative type

The article highlights the problems of emotional expressive means within the dramatic discourse. Stylistic features of discursive acts of accusative type and the role of the author's remarks in the dramatic text are analyzed on the material of English and Russian plays of the XXI century.

Key words: discourse, discursive act, stylistic features.

Натрошвили Кэтован

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Теркулов В. И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

АББРЕВИАТУРНАЯ ГРУППА РАБ- В ЛЕКСИЧЕСКОМ И ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНОМ РАССМОТРЕНИИ

*В работе даются общие сведения об аббревиатурной группе **раб-**. Устанавливаются особенности дешифровальных стимулов, описываются лексико-семантические группы и формально-структурные модели с аббревиатурным конструктом **раб-**.*

Ключевые слова: *аббревиатурная группа, формальная модель эквивалентности, дешифровальная модель.*

Целью данной работы является описание лексических и формально-структурных особенностей аббревиатурной группы

«раб», которая представляет собой объединение сложносокращённых слов, включающих препозитивный абброконструкт **раб-**, например *рабис – работник искусства, рабкор – рабочий корреспондент, рабсила – рабочая сила*.

Достижение поставленной цели возможно в результате решения следующих **задач**: установить особенности дешифровальных стимулов группы **«раб»**, определить лексико-семантические группы, входящие в данную группу, представить систему формально-структурных моделей, отмечаемых в абброгруппе **раб-**.

В качестве материала для исследования выступают сложносокращённые апеллативы, которые входят в аббревиатурную группу **«раб» (рабочий)**, включающую 15 гнезд эквивалентности и 4 дешифровальные леммы: *раб – рабочий, раб – рабочая, раб – рабочих, раб – рабочий*.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью описания особенностей моделей формальной разновидности дешифровального стимула и рассмотрения абброконструкта – **раб** на основе принципов синхронного подхода для нужд лексикографического описания рассматриваемой нами аббревиатурной группы.

Гнездо эквивалентности – это «совокупность словосочетаний, синхронно мотивационно связанных с аббревиатурой» [1, 93]. Например, гнездо эквивалентности слова **раббат** включает обнаруженные в актуальных текстах мотивационно связанные с ним эквиваленты *рабочий батальон, батальон рабочих*.

Абброгруппа – это группа слов, имеющих тождественный абброконструкт. Наиболее естественной для языка разновидностью аббревиатур являются сложносокращённые апеллативы, под которыми мы понимаем «нарицательные лексемы, включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом (сокращённым эквивалентом)» [5, 104]. Например, слово *рабкооп*: эквивалент, равный слову *кооператив*, и абброгруппа **раб**, которая выступает в качестве сокращённого дублета слова *рабочий*.

Следует различать синхронный и диахронный подходы.

При **диахронном** подходе аббревиатурой считают слово, содержащее абброконструкт (абброэквивалент) и возникшее в результате замещения прототипного словосочетания. Аббревиатуры в этом случае противопоставляются квазиаббревиатурам, возникшим в результате прямого присоединения абброконструкта (абброморфемы) к производящему слову. При **синхронном** – слова, которые имеют на актуальном срезе языка текстовые эквиваленты – словосочетания, независимо от того, возникли ли они в результате

универбализации этих словосочетаний, или же эти словосочетания являются вторичными образованиями, развёрнутыми на базе аббревиатур в результате псевдоунивербализации [5, 94].

Например, мы считаем, что **рабинспекция** – синхронный сложносокращенный апеллятив, поскольку на актуальном срезе языка он имеет текстовый синтаксический эквивалент *рабочая сила*, и эта эквивалентность подтверждается следующим: 1) компоненты словосочетания являются эквивалентами конструкторов аббревиатуры: *раб = рабочая, сила = сила*; 2) слово и словосочетание употребляются в эквивалентных текстах как абсолютные синонимы, например: *Новой проблемой стала зарубежная **рабочая сила** и необходимость в регулировании данного вопроса – «Ранее в опросе контекст зарубежной **рабсилы** так часто не упоминался», – говорит Пальмс (https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.dv.ee%2Fnovosti%2F2018%2F12%2F11%2Fnovye-problemy-predprinimatelej-zarubezhnaja-rabsila-i-biznes-v-fjejsbuke&cc_key).*

Аббревиатуры делятся на частично сокращённые, в которых аббревиатурное слово включает в свой состав помимо абброконструктора первичный конструктор, и слоговые, в которых аббревиатурное слово состоит исключительно из абброконструкторов. Для аббревиатурной группы *раб* было обнаружено 4 частично сокращённые аббревиатуры и 11 слоговых аббревиатур.

Частично сокращённые аббревиатуры: *рабдом, рабинспекция, раброта, рабсила.*

Слоговые аббревиатуры: *раббат, раббриг, рабис, рабком, рабкооп, рабкор, рабкорка, рабкрин, рабпрос, рабселькор, рабфак.*

Помимо простого абброконструктора **раб-** для рассматриваемой группы нами был отмечен и составной абброконструктор **рабсель-**, который представляет собой «единый комплекс, состоящий не менее чем из двух неинициальных абброконструкторов простого типа, представленных в одном сложносокращённом слове» [4, 63], например, **рабселькор** (*рабочий и сельский корреспондент*).

В данной статье слова, входящие в абброгруппу **раб-**, рассматриваются в лексическом и формально-структурном аспектах. Лексический аспект предполагает распределение слов группы по лексико-семантическим группам, под которыми понимаются «достаточно тесно связанные между собой по смыслу слова», объединяемые общностью частеречной отнесенности (<https://scicenter.online/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya-scicenter/224-leksiko-semanticheskie-tematicheskie-126048.html>).

Лексико-семантические группы, представленные в абброгруппе.

Номинация человека: профессии – *рабкор, рабкорка, рабпрос, рабис, рабселькор. Организации: учреждения* – *рабдом, рабфак; войсковые подразделения* – *раббат, раброта; коллектив*

рабочих – *раббриг, рабкооп, рабсила; организация* – *рабинспекция, рабком, рабкрин.*

Формально-структурный анализ предполагает определение дешифровальной модели для рассматриваемой аббогруппы.

Дешифровальная модель представляет собой «объединение символов базисных (выступающих в качестве ономасиологического базиса) и признаков (выступающих в качестве ономасиологического признака) компонентов эквивалентного аббревиатуре (дешифрующего) словосочетания» [1, 96]. Например, пара **раббриг** – **бригада рабочих** представляет модель у-х, где как базисный препозитивный, так и признаковый постпозитивный компоненты являются простыми словами.

Альтернативные синтаксические эквиваленты одного слова образуются под влиянием так называемых дешифровальных стимулов (далее – ДС) – «имплицитных знаний носителя языка, которые стимулируют возможность разной дешифровки сложного слова» [3, 110]. В данном случае мы говорим о дешифровке как о процессе текстового «развертывания» сложного слова в словосочетание, независимо от деривационного статуса одной единицы по отношению к другой.

А.И. Бровец обосновывает различие дешифровальных стимулов и выделяет **презентативные дешифровальные стимулы**, «выраженные относительным прилагательным с квалификативной семантикой» [2, 100], например, **рабочая рота** – **раброта**, и **интерпретативные** дешифровальные стимулы, среди которых для рассматриваемой группы отмечаются только **релятивные** стимулы, «выраженные падежными и предложно-падежными формами и актуализирующие значения числа и падежа», например **бригада рабочих** – **раббриг** [2, 100].

На первом этапе формально-структурного анализа устанавливается общая модель использования дешифровального стимула в эквивалентном словосочетании. Для моделирования применяются символы: **у** – базисный компонент, **х** – признаковый, то есть, собственно, дешифровальный стимул абброконструкта, **ад** – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), союз.

х(ад)-у: раббат – *рабочий батальон, раббриг* – *рабочая бригада, рабдом* – *рабочий дом, рабинспекция* – *рабочая инспекция, рабком* – *рабочий комитет, рабочая комиссия, рабкооп* – *рабочий кооператив, рабкор* – *рабочий корреспондент, рабкорка* – *рабочая корреспондентка, раброта* – *рабочая рота, рабсила* – *рабочая сила, рабфак* – *рабочий факультет.*

у-х: раббат – *батальон рабочих, раббриг* – *бригада рабочих, рабис* – *работник искусства, рабпрос* – *работник просвещения.*

$(x^1 x^2(\text{ад}))$ -у: *рабкрин* – рабоче-крестьянская инспекция.

$x(\text{ад})$ -(союз)-х-у: *рабселькор* – рабочий и сельский корреспондент.

Под моделью формальной разновидности эквивалентности понимается детализация дешифровальной модели, указывающая на структуру формального соответствия компонентов словосочетания и слова. Модель формальной разновидности эквивалентности включает два блока: блок словосочетания, в котором даются грамматические характеристики слов, входящих в это словосочетание, и блок сложносокращённого слова, в котором описывается способ представленности компонентов словосочетания в аббревиатуре [1, 98].

Общими операторами для этих блоков являются грамматические операторы, указывающие на частеречную принадлежность компонентов эквивалентного словосочетания (**сущ** – существительное, **прил** – прилагательное и т.д.), на номер падежной формы (**1** – именительный, **2** – родительный и т.д.), на числовую характеристику (**ед** – единственное, **мн** – множественное). Для обозначения сложных слов, входящих в словосочетание, используется оператор «**комп**». В блоке аббревиатуры добавляются операторы, определяющие качество аббреквивалента (**Чосн** – часть основы, **Чосн1** – первая часть основы эквивалентного сложного слова). Были обнаружены следующие модели формальной разновидности дешифровального стимула:

1. $\text{Прил1ед} + \text{Сущ1ед} = \text{ЧоснПрил1ед} + \text{ЧоснСущ1ед}$: *раббат* – рабочий батальон, *раббриг* – рабочая бригада, *рабком* – рабочий комитет, *рабкооп* – рабочий кооператив, *рабкор* – рабочий корреспондент, *рабкорка* – рабочая корреспондентка, *рабфак* – рабочий факультет.

2. $\text{Сущ1ед} + \text{Сущ2мн} = \text{ЧоснСущ2мн} + \text{Сущ1ед}$: *раббат* – батальон рабочих, *раббриг* – бригада рабочих.

3. $\text{Прил1ед} + \text{Сущ1ед} = \text{ЧоснПрил1ед} + \text{Сущ1ед}$: *рабдом* – рабочий дом, *рабинспекция* – рабочая инспекция, *раброта* – рабочая рота, *рабсила* – рабочая сила.

4. $\text{Сущ1ед} + \text{Сущ2ед} = \text{ЧоснСущ1ед} + \text{ЧоснСущ2ед}$: *рабис* – работник искусства, *рабпрос* – работник просвещения.

5. $\text{Прил1ед}(\text{комп}) + \text{Сущ1ед} = \text{Чосн}^1 + \text{Чосн}^2 \text{Прил1ед}(\text{комп}) + \text{ЧоснСущ1ед}$: *рабкрин* – рабоче-крестьянская инспекция.

6. $\text{Прил1ед} + \text{союз} + \text{Прил1ед} + \text{Сущ1ед} = \text{ЧоснПрил1ед} + \text{ЧоснПрил1ед} + \text{ЧоснСущ1ед}$ (-союз): *рабселькор* – рабочий и сельский корреспондент.

Заключение. В данной работе рассмотрена аббревиатурная группа раб, которая включает в себя: 15 гнезд эквивалентности, 4 леммы. В ходе анализа были обнаружены 5 лексико-семантических групп, 6 моделей формальной разновидности дешифровального стимула.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аламайрех, Е. Ю. Модели дешифровального стимула и формальной разновидности эквивалентности аббревиатуры в аббревиатурной группе «авто» / Е. Ю. Аламайрех // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 93–98.
2. Бровец, А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – № 6. – С. 98–107.
3. Рязанова, В. А. Мутантные аббревиатурно-композиционные группы в словообразовательной системе языка / В. А. Рязанова // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2017. – № 6. – С. 108–116.
4. Смирнова, И. Р. О составном аббревиатурном конструкте / И. Р. Смирнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2019. – № 2. – С. 62–70.
5. Теркулов, В. И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. – 2020. – Т. 18. № 1. – С. 97–112.

SUMMARY

Ketovan Natroshvili. Abbreviation group RAB in lexical and formal-structural consideration

The paper provides general information about the abbreviation group RAB. The features of decoding stimuli are established, lexical-semantic groups and formal-structural models with an abbreviation are described.

Key words: abbreviation group, formal equivalence model, decryption model.

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Язык, на котором мы говорим, формировался веками. Благодаря системе знаков, служащей средством общения, разные поколения передают, создают и хранят информацию. Язык – живое, динамичное явление. Он непрерывно развивается, являясь в разные времена своего рода сокровищем для людей. С течением времени меняется словарный запас, обновляется лексика русского языка. Многие слова выпадают из обихода, на смену другим приходят синонимы.

Ключевые слова: устаревшая лексика, архаизмы, историзмы, видовые группы.

Термин «устаревшая лексика» вызывает ассоциации пассивного словарного запаса. Так, понятие пассивного и активного запаса языка впервые ввел российский и советский лингвист Л. В. Щерба. Свое понимание этого явления ученый описывает в труде «Опыт общей теории лексикографии».

Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», слова, ограниченные в употреблении, должны выполнять свои функции – использоваться в определенных случаях, а именно, в стилистически окрашенной лексике [5]. Нужно отметить, что точку зрения Л.В. Щербы поддерживали Б.П. Баранникова и А.А. Реформатский, Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова и другие. Сторонники противоположных взглядов считали пассивный запас частью лексики, который, тем не менее, употребляется реже. А. Д. Григорьева отмечала, что все, что выпадает из употребления, архаизируется и определяется ничем иным, как разговорным языком.

Многие придерживаются точки зрения лингвиста-русиста Н.М. Шанского. Во-первых, ученый считает процесс архаизации языка достаточно сложным явлением. Он отмечает, что устаревание не всегда приводит к выпадению слов из лексики. При этом они часто меняют значение. Во-вторых, ученый выделил следующие факторы, приводящие к архаизации слов:

- 1) связь с родственными словами;
- 2) первоначальное место слова в номинативной системе языка;
- 3) степень его распространенности и длительность употребления.

Каждый случай употребления устаревших слов индивидуален, считал Шанский. В целом его типология увидела свет в 1950 годах, позднее она была включена в учебники по лексикологии.

Исходя из этого, устаревшая лексика – это слова, вышедшие из активного употребления. Все они делятся на две противоположные группы: историзмы и архаизмы. К первой мы относим слова, которые перестали употребляться за ненадобностью, поскольку они называют исчезнувшие явления. К ним можно отнести наименования денег, устаревших мер, одежды, званий и должностей.

«Историзмы являются единственными названиями исчезнувших предметов и явлений действительности, не имеют параллелей в современном русском языке и выполняют главным образом номинативную функцию», – такое определение дает толковый словарь живого великорусского языка Даля В. И. [4].

Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В.Н. Ярцевой дает следующее определение историзма: «Историзмы – слова или устойчивые словосочетания, означающие исчезнувшие реалии» [5, 204]. М.Д. Степанова, И.И. Чернышева, Б.Н. Головина, Г.И. Рихтер, С.Д. Жордания рассматривали историзмы как разновидность архаизмов. А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова также не выделяли историзмы в отдельную группу.

Архаизмы, согласно словарю В.И. Даля, обозначают древний, старинный, обветшалый оборот речи. Практически такое определение дается и в словарях Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова. Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В.Н. Ярцевой дает следующее определение: «Архаизмы – слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами [5, 540]. Архаизмы, напротив, вытеснили из активного словарного запаса другие, новые слова, продиктованные временем, которые укоренились в обыденной жизни человека. Если причины устаревания историзмов вполне себе ясны, то, что касается архаизмов, следует определить: в пассивный запас ушло все слово полностью или только его звуковой компонент. В связи с этим различают лексические и семантические архаизмы. Также в нашем активном словарном запасе есть слова, которые «обрели новую жизнь», появившись в нашем обиходе снова. Например, солдат, министр и так далее. Такие явления обусловлены традициями, к которым народ склонен возвращаться.

Иногда наряду с историзмами в художественных произведениях используются и архаизмы. В тексте они могут воссоздавать колорит эпохи, историческую обстановку, а также реплики героев, придавать торжественности, добавлять содержанию некую комичность, иронию.

В повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» немало устаревших слов. Многие слова уже вышли из употребления, изменили значение, поэтому при чтении произведения в определенных моментах у современного человека могут возникнуть трудности. В произведении подробно описаны действия, происходящие в 1773-1775 годах, поэтому неудивительно, что автор использует активным для этой эпохи словарь. Перед написанием романа Пушкин внимательно изучил архивные документы и даже побывал на месте известных событий.

Анализируя произведение, приходим к выводу, что архаизмы в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» встречаются чаще. Но следует отметить, что и историзмы представлены в произведении разнообразными тематическими группами. Это прежде всего:

1) **названия титулов и званий:** рекрут – новобранец, гусарский (гусар) – военнослужащий, ротмистр – старший обер-офицерский чин;

2) **должностные лица и род занятий:** целовальник – продавец вина, дорожный – тот, кто попался на дороге, камер-лакей – придворный слуга;

3) **наименование денежных единиц:** полтина – монета – пятьдесят копеек, алтын – три копейки;

4) **название оружия и военных сооружений:** фортеция – крепость, сайдук – лук и колчан со стрелами;

5) **название старинной одежды:** кафтан – старинная мужская долгополая верхняя одежда: армяк – кафтан из толстой ткани, камзол – верхняя одежда (обычно без рукавов).

Помимо историзмов, в повести А.С.Пушкина встречаются различные типы архаизмов. Это прежде всего **лексико-фонетические архаизмы** (нонешний – нынешний, плен – полон), где устаревшим является звуковой облик слова; **лексические** (рескрипт – указ; сей – этот; глаголить – говорить), которые не употребляются в современном языке; **словообразовательные** (вышед – выйдя).

Исследуя язык прошлого в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», можно сделать вывод, что использованные в тексте устаревшие слова останавливают внимание на деталях прошлого, тем самым позволяя автору в полной мере передать контраст, трагизм исторического события. Обновление словарного запаса в стремительно развивающемся мире – явление естественное. Несмотря на то, что устаревшие слова выходят из нашего обихода, забывать о них все же не стоит, ведь они могут стать незаменимыми помощниками в изучении определенного исторического события, художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапов, М. В. Пассивный словарь / М. В. Арапов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С.24–35.
2. Белянская, В. Ф. Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы) / В. Ф. Белянская : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1978. – 24 с.
3. Григорьева, А. Д. Об основном словарном фонде и словарном составе русского языка / А. Д. Григорьева. – М. : Учпедгиз, 1953. – 68 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1978. – 683 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
6. Ожегов, С. И. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху / С. И. Ожегов // Вопросы языкознания. – 1983. – № 2. – С. 71.
7. Осипова, А. Д. Устаревшая лексика в русском современном языке (по материалам толковых словарей) / А. Д. Осипова // Молодой ученый. – 2020. – № 7 (297). – С. 280–281.

SUMMARY

Alina Nekhaeva. Outdated vocabulary in the story of Alexander Pushkin

The language we speak has been formed over the centuries. From time immemorial, thanks to the system of signs that serves as a means of communication, different generations transmit, create and store information. Language is a living, dynamic phenomenon. It is constantly developing, being at different times a kind of treasure for people. Of course, the vocabulary changes over time, and the vocabulary of the Russian language is updated. Many words fall out of circulation, and others are replaced by synonyms.

Key words: outdated vocabulary, archaisms, historicisms, species groups.

Пивень Анна
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АДЪЕКТИВНЫХ ГОДОНИМОВ СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ

В данной статье разработана структурно-грамматическая классификация годонимов Горловки, а также проанализированы характерные для годонимов Горловки словообразовательные модели.

Ключевые слова: *адъективный годоним, словообразовательная модель, классификатор, суффикс, структурный аспект, грамматический аспект.*

Топонимические названия отображают различные исторические события, под влиянием которых они создавались и трансформировались. Возникновение данных названий – это не случайный процесс, а результат многолетнего жизненного опыта минувших поколений. В данной работе мы проанализируем некоторые структурно-грамматические группы годонимов Горловки и их словообразовательные модели на материале картотеки, которая представлена 1633 номинациями линейных адресных объектов.

Исходя из подсчётов, общее количество имён прилагательных представлено 718 единицами, что составляет 44 % от всех названий, отображённых в каталоге. Соответственно, общее количество имён существительных составляет 893 единицы (54,65 %), имён числительных – 11 единиц (0,67 %), количество словосочетаний в каталоге составляет 11 единиц (0,67 %).

Материалом исследования выступали адъективные модели годонимов г. Горловки (718 единиц). Согласно данным нашей картотеки годонимы Горловки используются со следующими классификаторами: улица (587), переулок (121), проспект (1), тупик (2), проезд (2), квартал (1), дорога (1), шоссе (3) (см.: [1]).

В структурном и словообразовательном аспекте адъективные годонимы г. Горловки реализуют четыре модели:

1. Наиболее частотной среди однокомпонентных адъективных годонимов, представленных в каталоге, является адъективная модель с суффиксами *-ск-, -овск-, -к-, -еск-, -ицк- (-ецк)*, с помощью которой образовано 384 годонима, или 53,41 % от общего числа анализируемых адъективных годонимов.

2. Второе место по частотности употребления среди однокомпонентных адъективных годонимов г. Горловки занимает словообразовательная модель, представленная суффиксами *-н-, -енн-, -ивн-, -онн-, -ан- (-ян-)* и зафиксированная в структуре 236 годонимами (32,87 %).

3. Незначительное количество годонимов представлено словообразовательной моделью с суффиксами *-ев-, -ов-* (61 единица, 48 %).

4. К нечастотным также относятся годонимы с суффиксальными образованиями (1,85 %). Например, *ул. Девичья (-ич-), ул. Индустриальная (альн-), ул. Клубничная (-ич-), ул. Мартеновская (-овск-), ул. Национальная (альн-), ул. Погрузочная (-оч- и -н-), ул. Пастушья (-уш-), ул. Рабочая (-оч-)*.

5. Адъективные годонимы, словообразовательная структура которых не имеет суффикса (24 единицы, или 3,34 %). Например: *ул. Весёлая (2 единицы), пер. Глубокий, пер. Глухой, ул. Зелёная (2 объекта), пер. Зелёный, пер. Короткий, пер. Кривой, ул. Крутая, пер. Крутой, пер. Малый*.

Что касается семантических моделей, то годонимы с суффиксами *-ск-, -овск-, -к-, -еск-, -ицк- (-ецк)*, кроме передачи топонимических отношений, выражают и ряд других аспектов. Рассмотрим их:

1. Годонимы, соотносимые с названием городов, регионов, округов, районов, волостей, княжеств, посёлков: *ул. Солнечногорская (город), ул. Джанкойская (район), ул. Крюковская (село), ул. Озеряновская (посёлок), ул. Барабинская (214 единиц, или 55,46 %)*.

2. Годонимы, соотносимые с названиями исторических событий времён революции и СССР, а также годонимы, в целом реализующие социально-идеологический код: *ул. Холмская, ул. Стахановская, ул. Социалистическая, ул. Советская, ул. Первомайская, ул. Перекопская, ул. Волочаевская, ул. Бородинская (35 единиц, или 9,11 %)*.

3. Годонимы, соотносимые с названиями водных объектов: *ул. Хасанская, ул. Онежская, ул. Невская, ул. Ладожская, ул. Корсунская, пер. Керченский (26 единиц, или 6,77 %)*.

4. Годонимы, соотносимые с названиями городских объектов: *ул. Хуторская, ул. Хлебозаводская, ул. Техническая, Технологическая дорога, ул. Медицинская, ул. Кремлевская, пер. Кладбищенский, пер. Аптекарский (23 единицы, или 5,99 %)*.

5. Годонимы, соотносимые с названиями государств и столиц: *ул. Рижская, ул. Российская, ул. Пражская, ул. Московская, ул. Минская, ул. Латвийская, ул. Кишиневская, ул. Карельская, ул. Ереванская (14 единиц, или 3,65 %)*.

6. Годонимы, соотносимые с названиями наций, народов и народностей: *ул. Чувашская, ул. Чукотская, ул. Трипольская,*

ул. *Таджикская*, ул. *Славянская*, ул. *Молдаванская*, ул. *Армянская* (10 единиц, или 2,6 %).

7. Годонимы, соотносимые с названиями должностей, профессий, званий: ул. *Шахтерская*, ул. *Симфоническая*, ул. *Педагогическая*, ул. *Маршальская*, ул. *Майорская*, ул. *Гвардейская*, ул. *Геологическая* (10 единиц, или 2,6 %).

8. Годонимы, соотносимые с временными ориентирами: ул. *Январская*, пер. *Февральский*, ул. *Сентябрьская*, ул. *Рождественская*, ул. *Ноябрьская*, ул. *Октябрьская*, ул. *Октябрьская*, ул. *Майская* (9 единиц, или 2,34 %).

9. Годонимы, соотносимые с названиями природных объектов: ул. *Уральская* (2 номинации), ул. *Тибетская*, ул. *Сахалинская*, ул. *Свирская* (ущелье), ул. *Севанская* (соотносится с названием *Севанский полуостров*), ул. *Кавказская*, ул. *Энергетическая*, ул. *Ферганская* (9 единиц, или 1,82 %).

10. Номинации 36 линейных адресных объектов (9,66 %) находятся вне данной семантической классификации, так как не подпадают ни под один семантический признак. Среди них следующие годонимы: ул. *Юношеская*, ул. *Шебелинская*, ул. *Шаулянская*, ул. *Флотская* и др.

Однокомпонентные адекативные годонимы, образованные с помощью суффиксов *-н-*, *-енн-*, *-ивн-*, *-онн-*, *-ан-* (*-ян-*), выражают следующие отношения:

1. Годонимы, характеризующие улицу по присущим или приписываемым ей свойствам и качествам: ул. *Активная*, ул. *Благодатная*, ул. *Вольная*, ул. *Декоративная*, ул. *Желанная*, ул. *Живописная*, пер. *Звездный*, ул. *Знатная*, ул. *Инициативная*, ул. *Культурная* (75 единиц, или 31,78 %).

2. Названия, характеризующие природный ландшафт и расположение улицы в пределах города в аспекте локального и географического параметров: пер. *Базарный*, ул. *Верхняя*, ул. *Вокзальная*, ул. *Дивизионная*, ул. *Квартальная*, ул. *Крайняя*, ул. *Магистральная*, пер. *Нижний* (87 единиц, или 36,86 %).

3. Годонимы, соотносимые с названиями природных ресурсов, материалов, с товарами промышленного производства: ул. *Алмазная*, ул. *Блочная*, ул. *Виноградная*, ул. *Водная*, ул. *Графитная*, ул. *Жемчужная*, ул. *Кирпичная*, ул. *Ракетная* (64 единицы, или 27,12 %).

Годонимы с суффиксами *-ов-/-ев-* в основном являются средством репрезентации локально-географической ориентации. Среди данной классификации мы можем выделить следующие подгруппы:

1. Названия линейных адресных объектов, соотносимых с флористическими номинациями, которые несут информацию о разнообразном растительном мире региона: проезд *Абрикосовый*, ул. *Буковая*, проезд *Грушевый*, ул. *Дубовая*, пер. *Липовый*, ул. *Луговая*, ул. *Фруктовая*, ул. *Фиалковая* (20 единиц, или 32,79%).

2. Ориентирующие номинации: ул. *Береговая*, *Кольцевой квартал*, ул. *Мостовая*, ул. *Новосадовая*, пер. *Тупиковый*, пер. *Угловой*, ул. *Южнопарковая* (13 единиц, или 21,31%).

1. Годонимы, характеризующиеся разнообразием природных ресурсов: пер. *Ключевой*, ул. *Кремневая*, ул. *Малахитовая*, пер. *Парафиновый*, ул. *Рубиновая*, ул. *Урановая*, ул. *Фибролитовая* (10 единиц, или 16,39%).

2. Годонимы, характеризующие деятельность человека: ул. *Ковровая*, пер. *Почтовый*, ул. *Рулевая*, ул. *Садовая*, ул. *Терновая*, ул. *Торговая*, пер. *Трудовой*, ул. *Цеховая* (10 единиц, или 16,39%).

Итак, структурно-грамматическая классификация однокомпонентных адъективных годонимов современной Горловки включает в себя четыре основные словообразовательные модели. В перспективе данной работы считаем целесообразным последующее уточнение вышеизложенной классификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горловка. Автомобильный атлас города. – К. : Геокарта, 2016. – С. 38–41.
2. Дмитрова, Е. Структурные типы адъективных годонимов Петровского района города Донецка / Е. Дмитрова. – Текст : электронный // Славистика : Новые имена в науке : сборник научных трудов участников III Международной очно-заочной научно-практической конференции молодых учёных. – Горловка : ГОУ ВПО ГИИЯ, 2019. – С. 31–37 : сайт. – URL: <https://e.mail.ru/attach/15911969370121345999/0;1/?fo> (дата обращения: 17.10.2020).

SUMMARY

Anna Piven. The structural-grammatical classification of modern Horlovka adjective godonyms

In the article the structural-grammatical classification of modern Horlovka adjective godonyms is proposed, also the characteristic derivational models of Horlovka godonyms are analyzed.

Key words: adjective godonym, derivational model, classificatory, suffix, structural aspect, grammatical aspect.

Полякова Светлана
Научный руководитель –
д. филол. наук, доц. Шаталова О. В.
ФГБОУ ВШ «Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского»,
г. Липецк, РФ

ИЗУЧЕНИЕ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ШКОЛЕ

Изучение односоставных предложений занимает особое место в школьной программе, так как, несмотря на свою исторически обоснованную прототипичность и прагматическую функциональность, они остаются единицами, в квалификации которых возникают проблемы при соотношении с двусоставными неполными предложениями. В данной статье предлагаются вариативные способы изучения односоставных предложений на уроках русского языка.

Ключевые слова: синтаксис, предложение, односоставное предложение, двусоставное предложение, методика.

Односоставные предложения, обладающие в рамках индоевропейского языкового пространства (в греко-латинской грамматической традиции) однозначной прототипичностью и позволяющие выразить различные нюансы экспрессивной модальности, в школьном изучении формируют зону проблемной квалификации. Данная проблема остается актуальной на протяжении нескольких десятилетий.

Односоставные предложения обогащают речь, делают ее выразительной и яркой, поэтому как теоретическое изучение, так и практическое освоение всех видов односоставного предложения способствует формированию компетенций, обозначенных во ФГОС преподавания русского языка в средней школе: «владение всеми средствами языка, формирование навыков грамотного письма, чтения, развитие связной устной и письменной речи, использование языка как средства общения».

В школьной практике данная тема занимает значимое место. Знакомство с односоставными предложениями начинается в 5 классе, когда формируется общее понятие о предложении, о структуре грамматической основы, о возможных вариантах: двусоставном и односоставном предложении как типах.

В 8 классе изучаются типы односоставных предложений и дается представление о полных и неполных предложениях. Однако часто в школьных учебниках недостаточно четко обозначается формальная возможность реализации неполноты предложения

на уровне грамматической основы только по отношению к двусоставному предложению. Отсюда возникают сложности понимания, квалификации и характеристики типов предложения учащимися. Поэтому нам представляется важным последовательное и системное изучение односоставных предложений, с постоянным подчеркиванием структурных различий предложений разного типа.

Изучение типов односоставных предложений необходимо, на наш взгляд, начать с сопоставления односоставных и двусоставных предложений, что, во-первых, дает возможность показать особенности их формально-грамматического различия, а во-вторых, наглядно обозначить выразительные возможности предложений с различными грамматическими основами в сопоставлении. Например: *Волна прибила лодку к берегу* – *Волной прибило лодку к берегу* или *Везде была стрельба* – *Везде стреляли*. В таких предложениях необходимо обозначить грамматическую основу, тем самым показывая, кто является действующим лицом.

Существуют различные способы подачи данной темы. При изучении этой темы в 8 классе методисты рекомендуют использовать обобщающие таблицы.

Виды односоставных предложений

Вид	Способ выражения главного члена	Примеры
-----	---------------------------------	---------

Это позволяет учащимся быстрее запомнить или повторить материал в более компактном виде. Также, изучая односоставные предложения, следует показать, в чем состоит отличие односоставных и двусоставных предложений. Нужно объяснить учащимся, что односоставные предложения отличаются не только наличием главных членов, но и тем, что они не требуют второго главного члена. Например: *(Я) Люблю грозу в начале мая* или *(Ты) Беги за мной!* Такие предложения не нуждаются во втором главном члене (подлежащее будет избыточным) для понимания смысла.

При изучении этого раздела можно использовать следующие задания: дать предложения, определить их вид, объяснить значение каждого вида, например: *Где-то стреляют* (грамматическая основа – стреляют, следовательно, неопределенно-личное предложение, так как сказуемое *стреляют* стоит в форме 3 лица мн.ч. наст. вр.) или *Приходите в гости через неделю* (грамматическая основа предложения – приходите, следовательно, определено-личное предложение, так как сказуемое *приходите* стоит в форме 2 лица мн.ч.).

Можно написать и сочинение, используя различные виды в своем повествовании.

Можно дать задания на сопоставление односоставных предложений. Это также даст возможность ориентироваться в видах

односоставных предложений, например: *Иду в школу* (определенно-личное предложение), *Открыли дверь* (неопределенно-личное предложение), *Рано темнеет* (безличное предложение), *Густой, непроходимый лес* (назывное предложение). Необходимо проанализировать каждое предложение и определить способ выражения главного члена.

Цель данных упражнений состоит в том, чтобы учащиеся смогли не только различать виды односоставных предложений, но и научились различать эмоционально-экспрессивные оттенки, передаваемые посредством двусоставных и односоставных предложений.

Также можно предложить учащимся самим подобрать примеры односоставных предложений из художественного текста. Подобное упражнение тренирует грамматическую зоркость и одновременно позволяет увидеть выразительный потенциал односоставных предложений на примере образцовых текстов. Также выполнение данного упражнения способствует формированию межпредметных связей, особенно если задание по русскому языку соотносить с текстом, изучаемым на уроках литературы. В нашем учебном плане это повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Анализируя главу «Сирота», мы встретили разные виды односоставных предложений. Например: «*Что тогда со мною стало – не помню*» [2, 191], «*Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести*» [2, 192] и др.

Особые сложности в восприятии и квалификации представляют назывные предложения. Учащимся трудно разграничить односоставные назывные предложения и двусоставные. На уроке необходимо дать учащимся пары предложений на разграничение односоставных назывных и двусоставных.

Сопоставим: *Морозная зимняя ночь – На небе печальная луна*. Первое предложение будет являться односоставным назывным с однородными определениями, а второе – двусоставное полное с опущенным вспомогательным глаголом *была/ находилась*. Данное сказуемое можно восстановить.

Также особое место занимает инфинитив в односоставных предложениях. Необходимо дать пары предложений, в которых инфинитив входит в состав сказуемого и не входит в грамматическую основу. Например: *Должен рассказать тайну – Приезжаю полюбоваться красотой гор*. Если в первом предложении инфинитив входит в грамматическую основу, то во втором инфинитив будет являться второстепенным членом, так как к нему можно задать вопрос *приезжаю* (с какой целью?). Чтобы учащиеся смогли разграничивать односоставные и двусоставные предложения, необходимо использовать упражнения на конструирование

предложений: односоставное предложение заменить двусоставным и наоборот. Например: *В дверь кто-то стучит – В дверь стучат.*

Таким образом, различные способы преподнесения материала помогут учителю сформировать у учащихся полное представление о видах односоставных предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголина, Т. В. Трудные вопросы изучения односоставных предложений в школе / Т. В. Гоголина, Е. И. Пипко // Филологический класс. – 2007. – № 17. – С. 19–21.
2. Литература. 8 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. – М. : Просвещение, 2017. – 399 с.
3. Нурисламова, С. И. Изучение односоставных предложений в школе: дидактический материал / С. И. Нурисламова // Актуальные проблемы филологии. – 2018. – № 17. – С. 73–77.
4. Плехова, А. А. Синтаксическая синонимия в современном русском языке: лингвометодический аспект / А. А. Плехова // *Linguistica uenivis*. – 2014. – № 16. – С. 127–135.

SUMMARY

Svetlana Polyakova. Studying one-member sentences at school

The study of one-member sentences occupies a special place in the school curriculum, since, despite their historically based prototypicity and pragmatic functionality, they remain units in the qualifications of which problems arise when dealing with two-member incomplete sentences. This article offers a variety of ways to study one-member sentences in Russian lessons.

Key words: syntax, sentence, one-member sentence, two-member sentence, technique.

Попова Алина

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Шишкина И. Е.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ПРОБЛЕМА ОТЦОВ И ДЕТЕЙ В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Статья посвящена исследованию проблемы отцов и детей в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история». В центре внимания находятся конфликт двух поколений, двух характеров – «романтика» и «человека дела», двух мировоззрений – «идеалистического» и «трезво-практического».

Ключевые слова: *конфликт, мировоззрение, роман, романтик, проблема.*

Проблема отцов и детей настолько жизненна, актуальна, что, кажется, существовала всегда. Она не раз поднималась в русской литературе. Кроме известного романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», само название которого указывает на ключевую проблему произведения, эта тема нашла воплощение и в анонимной «Повести о Горе-Злочищении», и в комедиях Д. Фонвизина «Недоросль» и А. Грибоедова «Горе от ума», и в произведениях А. Пушкина «Станционный смотритель» и «Капитанская дочка», и в драме А. Островского «Гроза» и во многих других.

По-своему подходит к раскрытию проблемы поколений И.А. Гончаров в романе «Обыкновенная история». Она раскрывается как через взаимоотношения главного героя произведения Александра Адуева с его матерью, так и через столкновение юношеского идеализма и умудренного опытом цинизма, воплощенных соответственно в образах Александра Адуева его дяди Петра Ивановича Адуева.

Уже в начале романа писатель указывает на различие взглядов и устремлений матери и сына Адуевых. Так для Анны Павловны не понятны желания и устремления ее сына: зачем нужно ехать в Петербург, когда здесь в имении есть все необходимое для жизни: «Погляди-ка... какой красотой Бог одел поля наши! Вон с тех полей одной ржи до пята сот четвертей сберем... Подумаешь, как велика премудрость Божия! Дровец с своего участка мало-мало на тысячу продадим». Анна Павловна согласилась отпустить сына «в Петербург на службу, или, как она говорила, людей посмотреть и себя показать» [2, 6], но предстоящая разлука далась ей очень тяжело. Она стала уговаривать Александра остаться в родных Грачах,

жениться на Сонюшке, дочери Марьи Карповны, и жить спокойно, наслаждаясь красотой природы. В матери Адуева сочетается обычная житейская практичность и слепая любовью к своему сыну.

Но Александру наскучил тесный домашний мирок – он мечтал о славе и блестящих подвигах во славу Отечества. Ему свойственны романтический взгляд на мир, любовь ко всему человечеству, неопытность и наивная вера в «вечные клятвы» и «обещания любви и дружбы». Будущее представлялось ему в самых радужных красках – *«о горе, слезах, бедствиях он знал только по слуху»* [2, 14].

И дальше в романе разворачивается вечный сюжет о крушении иллюзий. Юноша-романтик Саша Адуев приезжает из провинции в столицу, полный надежд, мечтая о славе литератора, о дружбе и светлой любви. Для него странен и непривычен холодный и отчужденный мир столицы, где на относительно небольшом пространстве сосуществует большое количество абсолютно равнодушных друг к другу людей. Даже семейные отношения в Петербурге намного суше, чем те, к которым он привык в своей деревне. В Петербурге он поступает «под крыло» своего дяди Петра Ивановича Адуева, человека с большим жизненным опытом, который скептически относится к возвышенным мечтам и устремлениям.

И здесь мы видим два типа героев: романтика-идеалиста и прагматика. Эти два героя – дядя и племянник, которые выросли, получили образование, сформировались как личности в одинаковых условиях, но отстаивают совершенно разные точки зрения на жизнь.

Петр Адуев – успешный промышленник, человек с трезвым, практичным умом, считающий, что все «чувства» излишни. У него практический взгляд на жизнь, для него человеческая личность – всего лишь механический слепок своего «века». Любовь он объявляет «сумасшествием»; «болезнью» на том основании, что она только мешает карьере. А потому он не признает власти сердечных увлечений, считая человеческие страсти «ошибками, уродливыми отступлениями от действительности». Так же он относится к «дружбе», «долгу», «верности». Конечно он не отрицает совсем эти понятия, но считает, что все это дозволяется современному человеку только в границах «приличий», принятых в обществе.

При этом понимает и ценит красоту, знает толк в литературе и театральном искусстве. Он бросает вызов убеждениям Александра своими собственными, и оказывается, что они не лишены своей правды. Почему он должен любить и уважать человека только потому, что этот человек его брат или племянник? Зачем поощрять поэзию молодого человека, у которого явно нет таланта? Не лучше ли вовремя указать ему другой путь? Создав Александра на свой лад, Петр Адуев попытался уберечь его от будущих разочарований. Об этом свидетельствуют три любовные истории, в которые

попадает Александр. С каждым разом романтический жар любви, соприкасаясь с жестокой действительностью, все больше охлаждает его. Поэтому все слова, действия, поступки дяди и племянника, так сказать, находятся в постоянном диалоге [1].

Центральный конфликт романа – столкновение-диалог двух концепций жизни, двух типов мировоззрения: идеалистического (мечтательного, романтического) и практического, делового, «реального». Между племянником и дядей существует противостояние по основным вопросам человеческого бытия. Споры между Сашей Адуевым и его дядей Петром Ивановичем имеют философское значение. Что есть дружба, любовь, творчество? Важно ли в современном мире предназначение человека? Какие средства можно использовать ради достижения собственной выгоды?

Для Саши главным вопросом был вопрос, что такое любовь. Он утверждает, что это вечное и романтическое чувство, способное изменить всю человеческую жизнь, но сам он не в состоянии доказать эту точку зрения своими действиями. Любовь, как Саша Адуев представляет ее себе в начале романа, символизирует «желтый цветок». «Желтый цветок» – знак пошлости и глупой сентиментальности. Петр Иванович вообще отрицает существование любви, и утверждает, что отношения между мужчиной и женщиной основаны на привычке и взаимной выгоде. Но жизнь также опровергает и его теории. В итоге Адуев-старший решает бросить все свои дела, забыть о выгодах и уехать в Италию, чтобы поправить здоровье любимой жены.

В вопросе дружбы позиции героев тоже расходятся. Александр Адуев мечтает о «кровавых объятиях», «клятве дружбы на поле боя». Петр Иванович, выступая в данном случае как рассудительный, учит племянника отличать настоящую дружбу, выражающуюся в конкретной практической помощи, от лицемерных порывов. Но с другой стороны, когда Саше требовалась психологическая и эмоциональная помощь, когда он был в депрессии, дядя не мог оказать ему этой помощи, а Лизавета Александровна утешала Сашу, просто жалея его как женщина.

И, наконец, третья тема разговора дяди и племянника – творчество. Саша Адуев, пишущий вполне графоманские стихи и одновременно мечтающий о литературной славе, утверждает, что творчество присуще только искусству. Дядя убежден, что поэт, математик и часовщик могут быть настоящими творцами; одним словом, любой человек, любящий свое дело и умеющий привнести что-то новое в привычное дело.

Александр вначале пытается изо всех сил защитить всё то лучшее, что есть в нём. Но постепенно начинает рушиться его романтический мир и предсказания Адуева-старшего сбываются:

постепенно разочаровавших в своих идеалах, главный герой к концу романа предстает перед нами уже совершенно другим человеком. Он терпит нравственное поражение, разочаровывается в своих идеалах, изменяет тем моральным и духовным установкам, которые так недавно он защищал. И теперь он уже не считает себя исключительной личностью, он готов жить вместе с «толпой», которую еще недавно так ненавидел.

Казалось бы, Пётр Иванович должен быть доволен, что ему удалось «перевоспитать» племянника, но дядя со всей ясностью видит тупик, в который он завел и себя, и своих родных. В итоге Пётр Иванович решает выйти в отставку и посвятить жизнь жене, на которую раньше он не обращал внимание.

Непростые отношения племянника и дяди Адуевых отражают конфликт поколений, противостояние чувств и разума. Каждый из героев старается отстоять свои жизненные принципы, доходя при этом до крайностей. В Петре Адуеве И.А. Гончаров «не приемлет не апологию «дела» как таковую, а крайние формы отрицания мечты и романтики, их благотворной роли в становлении человеческой личности вообще» [3, 431]. И в этом случае правота в споре уже переходит на сторону племянника: *«Наконец, не есть ли это общий закон природы, что молодость должна быть тревожна, кипуча, иногда сумасбродна, глупа и что у всякого мечты со временем улягутся, как улеглись у меня?»* [2, 382]. Так в письме к дяде размышляет умудренный жизнью Александр в финале романа.

Таким образом, основная идея романа раскрывается через взаимоотношения дяди и племянника. Речь идет о необходимости связи, взаимопонимания старшего и младшего поколений. Писатель подчеркивает односторонность позиций, убеждая читателей в необходимости гармонии ума и сердца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский, В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года / В. Г. Белинский // Собрание сочинений в трех томах. – Т. III. – М. : Гослитиздат, 1948. – 150 с.
2. Гончаров, И. А. Обыкновенная история / И. А. Гончаров. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2019. – 384 с.
3. Прокофьева, Н. Н. Роман «Обыкновенная история» / Н. Н. Прокофьева // История русской литературы XIX века. В 3 ч. Ч. 2 (1840-1860 годы). – М. : Владос, 2012. – С. 427–432.

SUMMARY

Alina Popova. The problem of fathers and children in the novel by I.A. Goncharova “An Ordinary History”

The article is devoted to the study of the problem of fathers and children in the novel by I.A. Goncharova "An Ordinary History". The focus is on the conflict of two generations, two characters – "romantic" and "man of action", two worldviews – "idealistic" and "soberly practical".

Key words: conflict, worldview, novel, romantic, problem.

Посиделов Алексей

Научный руководитель –

*к. филол. н, доц., зав. кафедрой иностранных языков
для экономических специальностей Казанская Е. В.*

*ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ)»,
г. Ростов-на-Дону, РФ*

ОСНОВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматривается сущность понятий «лексикология» и «фразеология», а также вопросы, связанные с их структурой. Определены и рассмотрены лингвистические проблемы, относящиеся к лексикологии и фразеологии.

Ключевые слова: *лексикология, фразеология, лингвистика, лексика, фразеологизм, перевод.*

За последнее время интерес к лексикологии и фразеологии значительно вырос. На данный момент актуальные проблемы лексикологии, а также вопросы выявления и классификации фразеологизмов, их практическое применение оказывают более сильное влияние на исследователей во многих сферах лингвистики, а также в изучении и преподавании языков. Однако это влияние часто не признается в полной мере или не отражается в терминологии. Это нежелательно не только потому, что зачастую невозможно быстро распознать области, в которых исследования в области фразеологии и лексикологии оставили свои следы, но и потому, что это делает дублирование предположений, концепций и результатов менее понятными, чем хотелось бы.

Лексикология изучает развитие лексики, происхождение слов и словосочетаний, их смысловые связи, развитие их звуковой формы и смысла. Существует множество определений слова как лингвистического феномена. Однако ни один из них не может считаться полностью удовлетворительным во всех отношениях.

Слово можно рассматривать как единицу речи, служащую целям человеческого общения, поэтому слово может быть определено как единица общения. В таком случае слово может быть воспринято как совокупность звуков, обладающих смыслом. Современный метод изучения слова основывается на проведении различий между внешней и внутренней структурой слова. Внешняя структура слова – это его морфологическая структура, а внутренняя структура слова является его значением, что может также называться семантической структурой. Область лексикологии, специализирующаяся на семантических исследованиях слова, называется семантикой.

Другим структурным аспектом слова является его единство. Слово обладает как формальным, так и семантическим единством. Формальное единство слова может быть проиллюстрировано сравнением слова и группы слов, имеющих одинаковые составляющие. Проблема построения слова связана с морфологическими структурами слова и процессами его построения.

Современные подходы к этой проблеме характеризуются двумя различными уровнями изучения:

- синтагматический;
- парадигматический.

Синтагматический уровень подразумевает анализ семантической структуры слова в связной речи, что означает изучение структуры на основе основных контекстов слова. Во взаимосвязи с другими словами подразумевает изучение слова парадигматический уровень. Таким образом, слово может быть изучено в его аналогичных значениях, а также в сравнении со словами противоположного значения. Итак, основные проблемы парадигматического изучения – это синонимы, антонимы и функциональные стили.

Изучение лексики в качестве системы является одной из основных задач лексикологии. Лингвистические подходы по изучению языкового материала разделяются на синхронный, касающийся лексики языка в том виде, в каком он существует на данный момент, и диахронический, касающийся изменений и развития словаря в течение времени. При этом они не могут быть противопоставлены друг другу, так как являются взаимосвязанными. Имеется в виду, что языковая структура и система постоянно развиваются, поэтому их синхронное состояние является результатом длительного процесса развития лингвистики [3].

Лексикология как наука связана с такими отраслями лингвистики, как: фонетика, грамматика, история языка и другими.

Фразеология – это ветвь лексикологии, специализирующаяся на словесных группах, которые характеризуются стабильностью структуры и передаваемого значения. Именно она является одной из основных проблем в переводческом искусстве. Большинство

фразеологических словарей, относящихся к языковой паре, являются однонаправленными и основаны на выборе фразеологических единиц языка перевода. Проблема однонаправленного подхода заключается в том, что фразеологические конструкции не могут быть просто отзеркалены.

Идиоматические или фразеологические выражения – это структурно, лексически и семантически фиксированные фразы или предложения, имеющие в основном тот смысл, который не складывается из суммы значений их составных частей [1].

Существует несколько вариантов перевода фразеологизмов: лексический перевод, заключающийся в объяснении другими словами смысла фразеологизма, отказываясь от всех других стиливых аспектов, и калькирование, являющееся переводом идиомы в такую форму, которая ей не признается в языке перевода. В случае калькирования читатель принимающей культуры воспринимает идиому как непонятную и чувствует проблему интерпретации ее в буквальном, метафорическом смысле. Однако при калькировании сохраняются все второстепенные слова, которые могут иметь существенное смысловое значение у авторов. Следует заметить, что перевод сущности в том или ином виде означает потерю тропа, соответственно, фразеологизма. Троп должен быть передан тропом, фразеологизм – фразеологизмом.

Фразеологизмы образуются в достаточно большом количестве, однако иногда наравне с этим могут и исчезать. Случаи, создающие проблемы для переводчика, – это устойчивые, повторяющиеся лексические идиомы, которые по своему метафорическому значению опираются не только на логику читателя в момент чтения, но и, прежде всего, на значение, которое такая метафора приобрела в истории обсуждаемого языка.

Перевод национальных идиоматических выражений также может вызывать некоторые трудности. Будучи национальными, они не могут иметь на языке перевода традиционно установленные эквиваленты или заимствованные варианты. В результате, большинство из них может иметь более одного варианта перевода. Это может являться обычным межстрочным переводом, так и художественно-литературным, в котором наряду с лексическим значением также присутствуют афоризм, выразительность, живописность, яркость и т.д. фразеологизм / идиома языка-источника.

В рамках одного фразеолого-семантического поля, тематически достаточно обширного, фразеологические единицы сгруппированы в более мелкие разделы. Наименьший раздел состоит из фразеологических единиц, которые выражают одно единственное понятие или одну внеязыковую характеристику [1].

Создание фразеолого-семантических полей может служить методом описания определенных национально-культурных особенностей. То есть такое описание может дать нам некоторое представление о том, как фразеологические единицы отображают особое, национально-специфическое восприятие мира. Тот факт, что определенная фразеологическая единица появляется в языке и остается в нем актуальной, свидетельствует о том, что данная единица содержит в себе общепонятную, типичную метафору или символ.

Некоторые словари определяют фразеологию как особый способ объединения слов для выражения чего-либо, а также объясняют фразеологию как терминологию, поскольку в ней обозначены слова и фразы, используемые в определенной профессии. В оксфордском словаре английского языка фразеология объясняется как формальное существительное, означающее особый способ расположения слов и словосочетаний при произнесении или написании чего-либо. Исходя из сказанного, можно отметить, что не все определения фразеологии схожи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, Наука, 2009. – 344 с.
2. Маковский, В. А. Лингвистическая генетика. Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских странах / В. А. Маковский. – М. : ЛКИ, 2014. – 189 с.
3. Кочурова, Ю. Н. Интернациональная лексика в синхронии и диахронии / Ю. Н. Кочурова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – С. 15–19.
4. Посиделова, В. В. Фразеосхема как особый формат языкового знания / В. В. Посиделова // Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации – 2020. – № 3. – С. 43–55.

SUMMARY

Alexei Posidelov. The main linguistic problems in lexicology and phraseology

The essence of the concepts of lexicology and phraseology, as well as issues related to their structure have been discussed in the article. Linguistic problems related to lexicology and phraseology have been identified and considered.

Key words: lexicology, phraseology, linguistics, lexis, phraseological unit, translation.

Постовит Елизавета
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Дмитриева Ю. Л.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

БИПОЛЯРНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА С. ЕСЕНИНА

В работе выявлена и описана одна из характерных черт художественной картины мира С. Есенина – биполярность. Автор анализирует образы зон «своего» и «чужого», а также описывает средства экспликации биполярности в произведениях поэта.

Ключевые слова: биполярность, картина мира, образ, зона «своего», зона «чужого».

Исследование особенностей художественной картины мира писателей, репрезентации и передачи основных черт русской лингвокультуры в их творчестве значимо для сохранения этноспецифического наследия народа. Произведения С. Есенина неоднократно становились объектом исследовательского интереса. Однако анализ средств экспликации биполярности как одной из характерных черт художественной картины мира поэта не нашёл полного отображения в филологических работах. Этим обусловлена актуальность нашего исследования.

Цель работы – описать средства вербализации биполярности как одной из характерных черт художественной картины мира С. Есенина.

В лингвистике *картина мира* трактуется как «некое основание функционирования человека, проявляющаяся при его взаимосвязи с окружающей действительностью» [1, 192]. Отметим, что исследователи классифицируют картину мира на научную и языковую. Последняя описывает устройство мира средствами естественного языка. В произведениях литературы выделяют художественную картину мира конкретного писателя.

По мнению ученых, главной функцией картины мира является «психологическая защита этноса. Как защитный механизм картина мира помогает определять источники зла и добра (те объекты или субъекты, взаимодействие с которыми угрожает или способствует поддержанию жизни индивида или социума) и формирует “мы-образ”, который противопоставляется “образу врага” (источнику зла)» [6, 88].

В рассматриваемых стихотворениях С. Есенина мир делится на две части, на свое и чужое: *Я б навеки пошел за тобой / Хоть в свои,*

хоть в чужие дали ... [4, 188]; *Я давно мой край оставил, / Где цветут луга и чащи. / В городской и горькой славе / Я хотел прожить пропащим* [4, 193]. Зона «своего» для поэта тесно связана с родным краем, с образом деревни, а зона «чужого» – с образом города.

Образ деревни в лирике С. Есенина объективирован вербальными знаками *сад, луг (лужок), река, музыка лягушек, цветок, дом* и т.д. Например: *Я хотел, чтоб сердце глуше / Вспоминало сад и лето, / Где под музыку лягушек / Я растил себя поэтом* [4, 193]; *Темна ноченька, не спится, / Выйду к речке на лужок* [4, 20]; *Где ты, где ты, отчий дом, / Гревший спину под бугром? / Синий, синий мой цветок, / Неприхоженный песок* [4, 117].

Необходимо отметить, что анализируемый образ в лирике поэта представляется в двух вариантах: деревня, в которой поэт провел детство, и обобщенный образ деревни, символизирующей Родину и деревенскую Русь.

Неотъемлемым элементом рассматриваемой зоны является и образ матери, который, совместно с образами дома и деревни, формирует образный ландшафт «своего». Мать в творчестве С. Есенина, согласно исследованиям Р.П. Дронсейка, хозяйка домашнего очага. Её обязанность заботиться о своей семье. Она следит за порядком и создаёт уют во всем доме. С помощью эпитетов поэт создаёт образ постаревшей матери: *Теплит матери старой грусть* [4, 143]; *О моя терпеливая мать!* [5, 115]; *Милая, добрая, старая, нежная* [5, 279] и др.

Отметим, что положительные воспоминания в произведениях С. Есенина чаще связываются с образом деревни. Детство поэта прошло в селе Константиново, Рязанской губернии. Среди зеленых полей, цветущих садов, чистого воздуха он написал свои первые стихи «Маковые побаски» и «Микола». Это, согласно исследователям, обуславливает то, что именно образ деревни чаще всего встречается в строках произведений С. Есенина [3, 79]: *Лес застыл без печали и шума, / Виснет темь, как платок, за сосной. / Сердце гложет плакучая дума... / Ой, не весел ты, край мой родной* [5, 32]; *Гой ты, Русь, моя родная, / Хаты – в ризах образа...* [4, 50]; *Край ты мой забытый, / Край ты мой родной* [4, 65] и т.д.

Город же ассоциируется у С. Есенина с тоской, т.е. с «душевной тревогой в соединении с грустью, унынием» [5]. Ср.: *Бесконечные пьяные ночи / И в разгуле тоска не впервые!* [4, 181]; *Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно. / В поле, что ли? В кабаке?* [4, 177]; *Снова пьют здесь, дерутся и плачут / Под гармоники желтую грусть. / Проклинают свои неудачи, / Вспоминают московскую Русь* [4, 169].

Для С. Есенина анализируемый образ являлся неким символом холодного, бесчувственного технологического процесса, можно

сказать, насилием, которое совершается над извечной человеческой природой. Город изображается им как скопление камня, стали, стекла. Его можно считать грешным, ведь он отклоняется от природного уклада жизни. Например: *Храня завет родных поверий – / Питать к греху стыдливый страх, / Бродил я в каменной пещере, / Как искушаемый монах* [4, 104]; *И, схилясь, двигались их груди, что чешуя скорузных рыб* [4, 104].

Описываемый образ объективирован в языке поэзии автора лексемами *город, улица, переулок, кабак* и т.д. Ср.: *На московских изогнутых улицах / Умереть, знать, судил мне Бог* [4, 168]; *Я иду, головою свесясь, / Переулком в знакомый кабак* [4, 167]; *Я б навеки забыл кабаки / И стихи бы писать забросил* [4, 188]; *Я всего лишь уличный повеса, Улыбающийся встречным лицам* [4, 165]; *Слишком мало я в юности требовал, / Забываясь в кабацком чаду* [4, 216] и др.

Итак, образы города и деревни противопоставляются друг другу в художественной картине мира С. Есенина, формируя такую ее черту как биполярность. Автор описывает экспансию городской культуры, утрату обществом этноспецифических черт, присущих жителям деревни: *На тропу голубого поля / Скоро выйдет железный гостень. / Злак овсяный, зарею пролитый, / Соберет его черная горсть* [4, 136].

Отметим, что сам процесс взаимодействия города и деревни в художественной картине мира С. Есенина отображается как соперничество. Эта же конкуренция, раздвоенность характерны и для лирического героя произведений. Ср.: *Я люблю этот город вязевый, / Пусть обрюзг он и пусть одрях* [4, 167]; *О Русь, малиновое поле / И синь, упавшая в реку, / Люблю до радости и боли / Твою озерную тоску* [Там же, 83]; *Нет любви ни к деревне, ни к городу* [4, 83].

Р. П. Дронсейко, описывая языковую личность С. Есенина, также отмечает ее двойственность, неоднородность (см. [2, 53]).

Итак, под картиной мира принято понимать отражение действительности при взаимодействии с ней человека. Выделяют научную картину мира, которая формируется при познании реальности методами естественных наук, и языковую картину мира, формируемую средствами языка. Писатели также создают в своих произведениях художественные картины мира, включающие ключевые образы. Такими образами для лирики С. Есенина являются образы деревни, шире – родного края, и города. Они противопоставляются как культурные образования и объективируются различными языковыми средствами. Такое противопоставление базируется на пространственном коде русской культуры, основой которого является оппозиция зон «своего» и «чужого». Лирический герой поэзии С. Есенина принадлежит к двум этим зонам, он переходит из одной в другую. Биполярность описания мира в художественной картине мира свойственна и лирическому

герою, который, с одной стороны, тяготеет к покинутому родному краю, а с другой – полюбил город.

Однако данное описание не является исчерпывающим, дальнейший анализ языковых средств, объективирующих биполярность мировосприятия в художественной картине С. Есенина, составляет перспективу исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева, Ю. Л. Соотношение понятий «картина мира», «образ мира» и «модель мира» / Ю. Л. Дмитриева // Восточнославянская филология. – Языкознание. Вып. 3(29). / ОО ВПО «Горловский ин-т иностр. языков». Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 192–202.
2. Дронсейка, Р. П. Языковая личность С. Есенина сквозь призму концептуального пространства русской деревни / Р. П. Дронсейка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2 (11). – С. 51–53.
3. Есенин, Есенинщина // Литературная энциклопедия / Отв. ред. А. В. Луначарский. – М. : Изд-во Ком. акад., 1930. – Т. 4. – С. 79–93.
4. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 1. Стихотворения / С. А. Есенин ; подгот. текста и коммент. А. А. Козловского. – М. : Наука – Голос, 1995. – 672 с.
5. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Текст : электронный // Толковый словарь русского языка Ефремовой : сайт. – URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 19.11.2020).
6. Литературная энциклопедия. В 11 т. Под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. – М. : Изд-во Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. – Текст : электронный // Литературная энциклопедия : сайт. – URL: <https://rus-literature-enc.slovaronline.com> (дата обращения: 19.11.2020).

SUMMARY

Elizabeth Postivit. Bipolarity as a characteristic feature of S. Yesenin's artistic picture of the world

The article identifies and describes one of the characteristic features of the artistic picture of the world by S. Yesenin – bipolarity. The author analyzes the images of the zones «own» and «alien», and also describes the means of explication of bipolarity in the works of the poet.

Key words: bipolarity, worldview, image, zone of «own», zone of «alien».

Притула Ольга
ассистент кафедры начального образования
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР

КОНЦЕПТОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. ЖАДАНА «ВОРОШИЛОВГРАД»)

Своеобразным культурологическим и филологическим феноменом современности стал постмодернистский дискурс, изучение концептосферы которого позволяет открыть новые возможности в освоении и осмыслении действительности. Одним из значимых произведений в этом отношении является роман С. Жадана «Ворошиловград».

Ключевые слова: *постмодернистский дискурс, концепт, концептосфера, художественная картина мира, ментальность, историческая память, Ворошиловград, культурологическое поле.*

Человек сегодня осваивает окружающий мир в комплексе его социальных, нравственных, художественных, психологических составляющих. В связи с этим следует особо отметить мировоззренческую, социокультурную роль художественного слова, в том числе и постмодернистского дискурса как одного из явлений современности, важного для осмысления культуры и формирования мировосприятия личности. Именно поэтому изучение картины мира, запечатленной в произведениях литературы, является актуальным направлением современной филологии.

«Художественное творчество, аккумулируя в себе все сферы жизни, сопрягая прошлое и настоящее, заглядывая в будущее, создает некий универсум человеческого и природного бытия, где бесконечная множественность явлений, глубинных и видимых, выталкивает на поверхность нечто хорошо узнаваемое, бывшее прежде, но вместе с тем неожиданно новое», — отмечает в своем исследовании Н.В. Володина [2, 3].

Настоящее произведение искусства – это всегда новый ракурс рассмотрения мира [5, 7]. По этой причине художественная картина мира способна выявить и наполнить смыслом, сделать видимыми, доступными для понимания те элементы жизни человека и общества, которые недоступны никаким другим способам познания действительности. Созданный автором, пусть и пропущенный сквозь призму вымысла, образ всё равно заключает иногда больше правды,

чем исторические или документальные факты, приобретает новые ментальные, культурные и общечеловеческие смыслы.

Художественный текст создаёт определённую концепцию мира, которая складывается из идейно-эмоциональной системы и системы художественных образов и передаётся через знаковую систему языка. При этом значимые лексемы текста перестают быть просто словами, становясь ментально, идейно и эмоционально насыщенными концептами, создающими уникальную концептосферу произведения. По определению Ю.С. Степанова, – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека...», это как бы сгусток культуры в сознании человека». В связи с этим можем сказать, что концепт является результатом столкновения значения с национальным и личным опытом носителя языка, своеобразным посредником между словом и действительностью, это игра со смыслом, с разными смыслами, это «неопределенность возможностей» [1, 269]. Концепт – это единица ментальности, а ментальность – это способ видения мира, миропонимание в категориях и формах родного языка [8, 52].

Создание и восприятие концептов – это всегда двусторонний коммуникативный процесс. В одной из своих работ Ю.М. Лотман пишет о способности художественных текстов выступать генераторами новых сообщений. Постмодернистский дискурс как специфический способ организации речевой деятельности предполагает определённую интерпретацию – понимание в нем того, что к самому тексту прямо не относится, того, что в нем «вынесено за скобки».

Цель данного исследования – на примере концепта «ВОРОШИЛОВГРАД» (из одноименного романа современного писателя С. Жадана) показать, как в художественном произведении формируется такая модель мира, в которой «в результате «...» совмещения прошлого и настоящего история «...» становится «вневременной»: она «...» переживается в качестве такой реальной действительности, в которой различия между прошлым и настоящим стерты» и «на месте исчезнувшего времени «...» оказывается новое, дополнительное пространственное измерение» [7, 2].

Стержневым, смыслообразующим в концептосфере романа С. Жадана «Ворошиловград» является заложенный уже в самом названии концепт «ВОРОШИЛОВГРАД» – понятие национальной культуры, ментальное понятие, содержащее в себе иприметы времени, и древние архетипы. Его формирование происходит в произведении постепенно. Ворошиловград – город, которого нет, на карте мира вы его не найдете, но он живет в сознании многих людей; город не просто запечатлен в коллективной исторической памяти, он создает свое культурологическое поле. Сюжет романа – это движение главного героя, Германа, к городу-

фантому – Ворошиловграду, который всегда ощущается где-то за поворотом, но его дорога – это, по сути, попытка ответить на вопрос о самоидентичности, о необходимости самообновления. Таким образом, Ворошиловград становится своеобразной моделью мира.

Если мы, как герой романа, вернемся туда, где мы есть всегда, то сможем ощутить и понять: Ворошиловград – это бескрайние поля, заброшенные аэродромы, ведущие в никуда железнодорожные ветки, реки и дороги; это земля, *«где корни упорно пробивались сквозь высушенную за лето почву, протягиваясь к воде, залегавшей глубоко, словно магма... где глубоко в теле долины залегает черное сердце каменного угля, оно бьется, давая жизнь всему вокруг, и свежее молоко природного газа поит собою вязкие корни, и по этим корням рвутся вверх буйство и стойкость, поворачивая стебли травы против направления ветра»* [4, 47].

И столетиями, вопреки всем ветрам перемен, живут на этой земле люди, поскольку они этому пространству нужны, они здесь выросли в том смысле, в котором вырастают деревья, травы и холмы.

Так Ворошиловград становится уникальным вневременным культурным пространством, которое связывает реальное с ирреальным, настоящее с прошлым. В свою очередь концепт «ВОРОШИЛОВГРАД» становится тем ментальным понятием, которое объединяет всех – и героев, и читателей – общностью поступков и ответственности, заставляет рефлексировать, принимать новые решения, задумываться о связи времён и собственном месте в мире.

Несомненно, художественные концепты всегда диалогичны и потому могут быть формой решения общечеловеческих проблем. Индивидуально-авторское при этом лишь ярче обозначает проблемы всеобщие. Исследование концептосферы постмодернистского дискурса расширяет представление о языковой картине мира и сознании современного человека. Таким образом, изучение концептов, соединяющих объективное с субъективным, общее с уникальным, незримый смысл с его материальным выражением, помогает с большей убедительностью представить реальную действительность, формирует мировоззрение и мироощущение, задаёт нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. проф. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.

2. Володина, Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: монография / Н. В. Володина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 256 с.
3. Дмитриев, А. В. Скандал: социофилософские очерки / А. В. Дмитриев. – М. : ЦСПиМ, 2014. – 323 с.
4. Жадан С. Ворошиловград (рус) / С. Жадан : сайт. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/597737-sergey-zhadan-voroshilovgrad.html#book> (дата обращения: 20.03.2019).
5. Никитина, И. П. Хронотоп М. Бахтина как тип художественного пространства литературного произведения / И. П. Никитина : сайт. – URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view> (дата обращения 20.11.2020).
6. Новикова, Л. Сергей Жадан обороняет Ворошиловград / Л. Новикова // Известия. – 2012. – 14 августа : сайт. – URL: <https://iz.ru/news/532870> (дата обращения 20.03.2019)
7. Пыхтина, Ю. Г. Теория и методика анализа художественного текста: пространственный аспект / Ю. Г. Пыхтина : сайт. – https://kartaslov.ru/книги/_Теория_и_методика_анализа_художественного_текста/2 (дата обращения: 20.03.2019).
8. Степанов, Ю. С. Концепт / Ю. С. Степанов // Константы : Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 825 с.

SUMMARY

Olga Pritula. Conceptosphere of contemporary post-modern discourse (on the material of S. Zhadan's roman "Voroshilovgrad")

Postmodern discourse has become a kind of cultural and philological phenomenon of our time. The study of it conceptosphere opens up new possibilities in the development and comprehension of reality. One of the significant works in this regard is the roman by S. Zhadan "Voroshilovgrad".

Key words: postmodern discourse, concept, conceptosphere, artistic picture of the world, mentality, historical memory, Voroshilovgrad, culturological sight.

Пуговкина Тамара
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Шишкина И. Е.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

СИНТЕЗ РОМАНТИЗМА И РЕАЛИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. Г. КОРОЛЕНКО

Статья посвящена исследованию синтеза художественных принципов романтизма и реализма в произведениях В. Г. Короленко. Автор приходит к выводу, что произведения В. Г. Короленко написаны реалистическим методом, но с романтическими чертами.

Ключевые слова: рассказ, реализм, романтизм, очерк, художественный метод.

Исследователи творчества В. Г. Короленко не раз обращались к вопросу об особенностях его творческой системы, его поэтики. Некоторые ученые считают, что его произведения написаны методом критического реализма, но с безусловными романтическими тенденциями (В. И. Каминский, В. А. Келдыш), другие придерживаются мысли, что все творчество В. Г. Короленко в своей основе является романтическим, хотя писатель учитывает достижения критического реализма [1].

В. Г. Короленко считал задачей художника не показ идеального мира, а поиск и показ тех реальных сил, которым принадлежит будущее. Его творчество сочетает в себе реальность и романтику.

Для Короленко-писателя было характерно социально-обостренное, критическое отношение к действительности и романтически возвышенная вера в будущее, мечта о гармоничном обществе, основанном на принципах ума, красоты человеческих отношений. Поэтому В. Г. Короленко как писатель-реалист пытался всячески активизировать возможности романтизма.

Романтический настрой был ощутимым уже в раннем творчестве В. Г. Короленко, в 80-е годы XIX века, и проявлял он себя по-разному, потому что «синтез» реализма и романтизма допускал преимущества того или другого начала. Внутренняя энергия его произведений 1880-х годов выражалась как романтическая вера в нарастающую силу народного возмущения, как вера в героическое, в его историческую перспективу.

В произведениях этого периода («Чудная», «Яшка», «Соколинец», «Сон Макара», «Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды», «Лес шумит») звучал протест против бесправия человека, утверждался героизм отдельной личности как выражение героизма

народа, остро звучал мотив «исканий» интеллигенции и народа, осмысливалась проблема человеческого счастья. В. Г. Короленко широко использовал аллегорически-выразительные средства языка, его интонационно синтетические особенности, которые наиболее присущи романтическому пафосу. Он органично соединял реалистическое изображение жизни с романтическими приемами воссоздания характеров, когда на первый план выдвигается их исключительность, сила и необычность чувств и поступков.

Писатель понимал, что реальная жизнь не открывала пока желаемых перспектив, поэтому он считал, что принцип верности действительности в искусстве недостаточен. Он должен дополняться субъективной идеей художника, опирающегося на «возможную реальность». Романтические «дополнения» в реализме В. Г. Короленко появлялись не только потому, что писатель не видел конкретных исторических путей достижения идеала, но и потому, что он глубоко верил в необходимость активизировать романтизм в условиях назревающих общественных изменений.

Как и в предыдущее десятилетие, в 90-ые годы XIX века В. Г. Короленко продолжает волновать поиск высоких моральных критериев, которые определяют смысл человеческого существования. Поэтому и в этот период он создает произведения, глубоко насыщенные философско-моральной проблематикой («Тени», «Парадокс», «Ночь», «Огоньки», «Мгновение»), в которой с большой художественной силой провозглашаются начала разумного бытия: истина, счастье, воля, красота. Так, в небольшом по объему очерке «Огоньки» (1900), написанному в романтических тонах много внимания уделяется описаниям окружающего мира: *И долго еще мы плыли по темной, как чернила, реке. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь позади и теряясь, казалось, в бесконечной дали, а огонек все стоял впереди, переливаясь и маня...* [2, 480]. Но описания природы соединяются с философскими рассуждениями о жизни, которые добавляют реалистичный оттенок. Огоньки – это далекое будущее, которое зовет и влечет писателя. Он верит, что это будущее наступит, но пока *«жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...»* [2, 480], приближая это будущее, в котором не будет ни горя, ни страданий, а только счастливая жизнь. Главная мысль очерка развивается в двух планах: реальном (рассказ автора) и условно-романтическом (символическая картина мерцающего огонька).

Именно в произведениях, созданных на рубеже двух эпох, ярче проступают романтические черты. В них особенное значение приобретают поэтические символы, развернутые сравнения, образные параллели, аллегории. Они органично входят в художественную ткань и порою приобретают не подчиненное,

а полностью самостоятельное значение как аллегорическое рассуждение об определенных жизненных явлениях. В то же время произведения, в которых автор нацеливает читателей на объективно-достоверный рассказ о людях и событиях, написанных в реалистическом ключе, оказываются в меньшинстве («Государевы ямщики», «Река играет»).

В пейзажах В. Г. Короленко, обладающих экзотичностью, присущей поэтике неоромантизма, чувствуется пантеистическое восприятие природы. Пейзаж в произведениях предстает не только как фон, но и как субъект сюжетного действия, как, например, в очерке «Река играет», в рассказах «Лес шумит», «Мороз». В рассказах «Соколинец», «Мгновение», «Без языка» романтизированный пейзаж служит средством характеристики внутреннего состояния персонажей. Особой спецификой отмечаются картины северной природы в «сибирских рассказах». Характерной особенностью сибирских пейзажей В. Г. Короленко является этнографическая точность деталей. Но даже в реалистичных описаниях писатель использует романтическую символику – символические образы ветра, мороза, солнца.

Ницшеанский идеал «сильной личности», ставший одной из определяющих черт неоромантической эстетики, нашел своеобразное воплощение в образах короленковских героев – романтиков-правдоискателей и борцов-протестантов, которые, в отличие от традиционных героев романтической литературы, изображены реалистично. Несмотря на то, что они принадлежат к разным слоям общества, их объединяет нежелание мириться с обстоятельствами и «выстраданный оптимизм» (по выражению Д. С. Мережковского), созвучный мировоззрению самого писателя.

Особенность творческого метода В. Г. Короленко, для которого характерны как реалистические, так и романтические черты, нашла отображение и в одной из лучших повестей писателя «Слепой музыкант». Сама исключительность сюжета произведения дает представление о ее романтической направленности. Повесть рассказывает о безудержном стремлении слепого человека к миру, к счастью, об активном преодолении страдания, о силе любви. В непосредственной связи с сюжетом через всю повесть проходит тема преобразующей силы искусства, в высшей степени характерной для романтизма. В «Слепому музыканте» писатель указывает на историческое и воспитательное значение фольклора, не раз обращается к теме героического национального прошлого. К чертам романтизма мы относим и эмоционально окрашенный стиль произведения, и своеобразные пейзажи повести. Романтические принципы отображения действительности реализовались и в том, что в повести «Слепой музыкант» перед нами появляются

только положительные герои, и этим определяется некоторый сентиментально-идиллический оттенок произведения.

Таким образом, вопрос о романтизме в реалистичном методе В. Г. Короленко не может трактоваться однозначно. Характер сосуществования этих двух основ художественного мировоззрения писателя проявлялся в достаточно сложном, диалектически обусловленном взаимодействии. Но мы приходим к выводу, что В. Г. Короленко – реалист, которого неизменно привлекают проявления романтики в жизни. Реалист, который рассуждает о судьбах романтического, высокого в суровой, не романтической действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Велиева, З. А. Характер существования реализма и романтических тенденций в творчестве В. Г. Короленко конца XIX – начала XX вв. : 10.01.01 «Русская литература» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Велиева Зенфира Алишах кызы. – Баку, 1984. – 21 с.
2. Короленко, В. Г. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1 / В. Г. Короленко. – М. : Правда, 1971. – 495 с.
3. Петрова, М. Г. Владимир Короленко / М. Г. Петрова // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) : в 2 кн. – М. : Наследие, 2000. – Т. 1. – С. 36–85.

SUMMARY

Tamara Pugovkina. The synthesis of romanticism and realism in the works of V. G. Korolenko

The article is devoted to the study of the synthesis of artistic principles of romanticism and realism in the works of V. G. Korolenko. The author comes to the conclusion that V. G. Korolenko's works were written using a realistic method, but with romantic features.

Key words: story, realism, romanticism, essay, artistic method.

Решетарова Анна
Научный руководитель –
д. филол. наук, проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЯЗЫЧНОГО СТЕНДАПА (на материале выступлений Павла Воли)

В статье предпринимается попытка выделить характерные тематические особенности русскоязычных юмористических текстов в жанре стендап-комедии. В качестве материала исследования используются стендап-выступления П. Воли, одного из первых и наиболее успешных российских стендап-комиков.

Ключевые слова: юмористический дискурс, стендап-комедия, шутка.

Смех, смешное и комическое во всём многообразии проявлений являются неотъемлемыми составляющими человеческой жизни. Остроумное высказывание может стать залогом успешной коммуникации, а неуместная или некорректно воспринятая шутка – привести к коммуникативному провалу. А. О. Долгова, изучая сложности перевода английских шуток и анекдотов, отметила, что юмор – это, прежде всего, интеллектуальная способность человека подмечать в явлениях их комические стороны и вовлекать их в словесную (письменную или устную), графическую, звуковую форму [5, 139]. Юмористический дискурс одним из первых откликается на актуальные события общественно-политической и культурной жизни общества именно в силу привлечения интеллекта человека и его аналитических способностей. Как подчёркивает Е. А. Артёмова, данный тип дискурса является «чрезвычайно чувствительным к изменениям в среде его функционирования» [1, 18].

Стендап-комедия, обладая всеми необходимыми признаками, занимает полноправное место в системе жанровой классификации юмористического дискурса. Для неё характерны комический тон, живость, использование ненормативной лексики, нарушение логикопонятийных и бытийных норм и «чувствительность» к изменениям в общественно-политической и культурной жизни общества.

Целью данной статьи является определение характерных тематических особенностей русскоязычного юмористического текста в жанре стендап-комедии. Изучение специфики организации данной сферы вербальной коммуникации привлекает внимание исследователей своей творческой составляющей. А поскольку

юмористический дискурс «отражает современные тенденции развития локальных и глобальных лингвосоциумов» [4], интерес исследователей к юмористическому дискурсу не только не угасает, но разгорается с новой силой на каждом следующем этапе развития общества.

Нами была предпринята попытка классифицировать основные темы, наиболее успешно эксплуатируемые комиком в рассматриваемом жанре и отображающие лингвокультурные особенности как автора, так и его аудитории. В качестве материала исследования были использованы стендап-выступления популярного российского комика и телеведущего П. А. Воли.

Отличительной особенностью стендап-комедии является современность и злободневность тематики шуток. Поэтому первым шагом в нашем алгоритме анализа текстов стендап-выступлений П. А. Воли был обзор ключевых событий в общественно-политической, экономической и культурной сферах жизни общества в обозначенный временной период с последующим поиском (второй шаг) отображения данных событий в текстах стендапа. То есть, выступления комика отсматривались, разбирались на отдельные биты (*бит* – шутка или набор шуток на одну тему от начала до конца, вне зависимости от формы и длины комедии), прослеживалось наличие перехода, и выбирались те шутки, которые отображали бы искомые события. Забегая вперед, отметим, что искомые события непременно появлялись в исследуемых текстах, чаще всего они открывали выступления либо использовались комиком в качестве «мостика» для перехода к следующему биту.

Рассмотрим, например, концертную программу «Конец света», вышедшую в 2012 году. Одним из знаковых событий культурной жизни российского общества в обозначенном году было обсуждение предсказанного календарем Майя конца света. Тема выступления отобразилась в названии (с нее выступление началось) и тем или иным способом использовалась для перехода от одного набора шуток к другому. Так, вначале комик поинтересовался, кто из присутствующих в зале верит в данное предсказание, а кто нет. Далее последовала шутка, отражающая его личное отношение к данному вопросу и, одновременно, выполняющая роль сетапа для последующих шуток:

– Для начала напомним, что люди, которые предсказали нам конец света, это люди, которые, во-первых, ходили в пальме, вставляли чужие зубы себе в рот, строили какие-то непонятные пирамиды и у них был Бог Кукурузы. Откуда они могли, на хрен, вообще знать про конец света? У них календарь был из камня, если вы не знаете. То есть, какой-то чувак сидел и долбил, долбил, долбил и, я думаю, в какой-то момент он сказал: «Да ну вас на хрен!». Пришел второй

какой-то чувак и сказал: «Ё..., конец света!» И чувак пропал, который долбил! Так что, мне кажется, что конца света не будет [2].

И тут же комик говорит, что он уверен, что конец света «в какой-то момент непременно настанет, и даже если не настанет, то ему пора бы бабахнуть по нам, потому что мир на данном этапе, на мой взгляд, сошел с ума» [2]. Данная часть выступления произносится более серьезным тоном, с меньшей амплитудой жестикуляции и является, по сути, переходом к следующему набору шуток – об изменениях в ежедневной рутинной жизни человека, связанных с научно-техническим прогрессом. Комик говорит о нашей зависимости от интернета, об ограничениях, которые принимают политики на законодательном уровне (о закрытии казино и запрете продажи алкоголя после 22 часов, в частности), о беспомощности растущего поколения, о родителях, о женщинах и др. Однако всякий раз он возвращается к теме конца света, постепенно развивая ее и используя в качестве трамплина для «прыжка» в новую тему.

На момент выступления «Про принятые и непринятые законы прошлой партии» [3] в России были подведены первые итоги реализации антитабачного закона. Закон начал действовать в стране с 2013 года: было введено ограничение на курение в ресторанах и кафе, в учреждениях образования, здравоохранения, культуры и спорта. Запрещено также стало курить на вокзалах, в аэропортах, на рынках, в подъездах жилых домов и на детских площадках. Монолог начинается с описания процесса приобретения сигарет из закрытых боксов в супермаркетах, раскрывая несовершенство процесса, который, вместо задуманного сокрытия, привлекает к себе довольно много внимания. Далее комик переходит к проблеме употребления никотинсодержащей продукции – электронных сигарет, отмечая, что рост потребления электронных сигарет особенно среди молодежи значительно вырос. Причем, молодые люди недооценивают опасность употребления такой продукции, считая ее достаточно безвредной.

– Это все, конечно замечательно, но я хотел бы обратиться к депутатам: не надо так щемить народ с табаком, не надо, честное слово. Пусть лучше курят сигареты. Я не то чтобы призываю всех курить, нет... Но посмотрите, что происходит: молодежь вся перекинулась на пар. Вы заметили? Вейп! Кто знает, что такое «вейп»? Курить они нам запрещают... А люди все перешли на то, что жидкость какую-то курят. < ... > Они говорят: «Это не вредно, это просто глицерин, мы курим глицерин». Что? Вы курите глицерин и это, на хрен, не вредно? Пацаны, я вам напомним: из глицерина производят всего две вещи – мыло и взрывчатку... [3].

Подводя итоги, отметим, что наряду с шутками о событиях, которые являются важными/резонансными для общества, П. Воля нередко затрагивает и другие вопросы. Так, на данном этапе нами были выявлены следующие группы тем, пользующиеся успехом у аудитории: политические, социальные и экономические новости; бытовые отношения; брак, семья и воспитание детей; гендерные, национальные и религиозные особенности; новости спорта, культуры и искусства. Нами была выдвинута гипотеза, что тематика комика выступлений является классической для русскоязычного юмористического выступления в жанре стендап.

Несмотря на субъективность юмористического восприятия, выделенные темы находят отклик у публики и вызывают ожидаемую смеховую реакцию. Данный факт говорит об успешности комика и об его умении подметить и «говорить несерьезно о серьезном». Вслед за Йеруном Вандале, который считает, что юмор – это не просто смех сам по себе, а смех, возникающий из-за «понимания» [6, 148], мы склонны рассматривать юмор стендап-комедии как способность одного интеллекта (то есть комика) подметить в разнообразных явлениях их комические стороны и облечь их в такую словоформу, которую другой интеллект (то есть зритель) смог бы распознать.

В перспективе исследования нам видится дальнейшая проверка гипотезы на материале стендап-выступлений других русскоязычных комиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артёмова, Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. канд. филол. наук : 10.02.19 / Артемова Евгения Александровна. – Волгоград, 2002. – 237 с.
2. Воля, П. Конец света. Видеовыступления / П. Воля. – сайт : <https://www.youtube.com/watch?v=srBFUK9qpB8> (дата обращения : 19.10.2020).
3. Воля, П. Про принятые и непринятые законы прошлой партии. Видеовыступления / П. Воля. – сайт : <https://www.dailymotion.com/video/x7tabbe> (дата обращения : 16.10.2020).
4. Горлышкина, А. В. Англоязычный юмористический дискурс Stand-Up Show : концепт комического / А. В. Горлышкина, К. Б. Свойкин. – сайт : http://journal.mrsu.ru/wpcontent/uploads/2016/10/gorlyshkina_svojkin_statya_yumoristicheskij-diskurs.pdf (дата обращения: 15.01.2018)
5. Долгова, А. О. Лингвистические трудности перевода английского юмора (на примере английских шуток и анекдотов) / А. О. Долгова // Гуманитарные технологии в образовании и социосфере : сб. науч. ст. / редкол. : О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 139–145.

6. Vandaele, J. Humor in translation / J. Vandaele // Handbook of Translation Studies; edited by Yves Gambier and Luc van Doorslaer. – Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins, 2010. – Vol. 1. – P. 147–152.

SUMMARY

Anna Reshetarova. To the question of the thematic features of the Russian stand-up comedy (based on the material of Pavel Volya's stand-ups)

The article attempts to highlight the thematic features characteristic of the Russian humorous texts in the genre of stand-up comedy. Stand-up performances of P. Volya, one of the first and most successful Russian stand-up comedians, are used as the research material.

Key words: humorous discourse, stand-up comedy, joke.

Ровная Виктория

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. В. И. Теркулов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИЯХ СИМУЛЬТАННЫХ АББРОКОНСТРУКТОВ

В статье рассматривается типология симультанных абброконструктов (далее – АК). В ходе исследования выявлены две типологии симультанных абброконструктов: функциональная (абсолютные и включенные симультанты) и семантическая (интерпретативные, паронимические и непаронимические симультанты).

Ключевые слова: абброконструкт, симультант, включённые симультанты, абсолютные симультанты.

Актуальность данной работы состоит в осуществлении описания базовых особенностей симультанных АК, представленных в «Толково-эквивалентностном словаре сложносокращенных слов русского языка» под рук. проф. В. И. Теркулова (далее – Словарь).

Цель работы состоит в описании функциональных и эквивалентностных характеристик симультанных АК. Поставленная цель определила две задачи: описать содержание понятия «симультант»; установить функциональную и семантическую типологию симультанных АК.

Возможность двойственной трактовки АК, обусловленная наличием в языке двух возможных коррелятов разных АК была обнаружена при составлении Словаря. Например, АК *авто* в составе сложносокращенного слова (далее – ССС) *авторучка* может выступать в качестве эквивалента как слова *автоматическая*, так и слова *автомобильная*, поскольку *авторучка* – это и *автоматическая ручка* ‘ручка, у которой чернила для письма поступают автоматически; не надо макать ее в чернильницу’, *автомобильная ручка* ‘аксессуар автомобильной двери для её ручного открывания’.

В работах А. Бровца впервые были использованы понятия «симультант» и «симультантность», обозначающие эту двойственность трактовки АК [1, 2].

Как уже было отмечено, иногда трудно однозначно определить семантику АК в ССС, входящих в такие *аббревиатурные группы*, как «гео», «электро», «астро», «авто» и др. Сложности возникают на уровне *дешифровальных стимулов* (далее – ДС), то есть регулярных стереотипных моделей трактовки АК. Это значит, что гнездо эквивалентности (далее – ГЭ) выступает совокупностью реализаций ДС одного ССС. Например, *астрогороскоп* может трактоваться как *астрономический* / *астрологический гороскоп*. Ещё одна причина симультанной эквивалентности – **объективная двойственность** обозначенного несокращенным словом объекта, которая выражается в языке двумя разными коррелятами (*электрический, электронный; астрономический, астрологический*) одного АК (*электро-; астро-*).

На материале АГ «электро», «ген», «гео», «астро», «авто» и др. мы выделяем **два основных функциональных типа** симультантных АК: *абсолютные* и *включенные*.

Абсолютные симультанты – это омонимичные АК, связанные с разными денотатами. Например, *геоинформация*: с одной стороны, это ‘информация об объектах и явлениях, содержащая указание на их местоположение относительно Земли’, а с другой, – ‘информация о геологическом строении и истории развития отдельных участков и земной коры’ (*геоинформация* – *географическая информация* / *геологическая информация*).

Второй тип симультанта – **включенный** – встречается чаще и отражает взаимопроникновение признаков нескольких эквивалентов АК (например, *автоматический* и *автоматизированный*) и их смешение в пределах трактовки одного референта. ССС *автошлагбаум* имеет первичный эквивалент *автоматизированный*, но в ходе развертывания получает и коррелят *автоматический* (*автоматизированный шлагбаум* > *автошлагбаум* > *автоматический шлагбаум*). Данный тип симультанта не связан с существованием двух референтов, а характеризуется имитацией семантической множественности, выступая главным источником

псевдоунивербализации как деривационного моделирования языковой реальности [2, 8].

Анализ материала, собранного для Словаря, позволил выделить три типа симультантных АК по семантическому признаку.

К первой группе стоит отнести **интерпретативные или включённые симультанты** – это слова, эквиваленты которых вступают в гиперо-гипонимические отношения и могут рассматриваться как показатели родо-видовой полисемии. В данной группе симультантные эквиваленты уточняют семантику АК. Например, *автовыставка* имеет гиперонимический эквивалент *автомобильная выставка*, и гипонимические эквиваленты *автотехническая выставка*, *автопромышленная выставка*.

Вторая группа – **паронимические симультанты**, которые являются сходными по звучанию и структуре АК, но имеют различную семантику. Такие ССС могут относиться к абсолютным и одновременно – к включенным симультантам. Зачастую возможно ошибочное употребление одного из них вместо другого. К такой группе можно отнести следующие слова: *дифтариф* – *дифференциальный / дифференцированный тариф*.

Третья группа – **непаронимические симультанты** – это слова, имеющие омонимичный АК, который однозначно трактует сопоставляемые единицы как абсолютные симультанты. Например, *геоэкология* – *географическая экология / геологическая экология*).

Итак, описываемые в работе АГ представлены АК *гео-*, *авто-*, *электро-*, *астро-* и др., которые могут иметь адъективные и субстантивные прототипы, выступать в пре- и интерпозициях и являются регулярными конструктами ССС. Рассмотренный материал подтверждает явление симультантности. Существует два основных функциональных типа симультантов: абсолютные и включенные. Отмечается и семантическая типология явления симультантности: интерпретативные, паронимические и непаронимические симультанты. При выборке материала и в дальнейшей работе мы пытались обнаружить все возможные корреляты ССС, которые были бы эквивалентны ему и образовали с ним гнездо эквивалентности. Оправданность последнего объясняется существованием множества возможных интерпретаций ССС в текстах. В перспективе – фронтальное описание системы симультантов русского языка и составление словаря симультантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец, А. И. Аббревиатуры с аббревиационным конструктом «электро» / А. И. Бровец. – Донецк, 2015. – 46 с.
2. Бровец, А. И. О симультантных абброконструктах (на материале аббревиационной группы «электро») / А. И. Бровец // Русский

- язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая конференция : сборник научных статей. – Симферополь, 2016. – С. 41–52.
3. Ровная, В. Ю. О типологии симультанных абброконструктов / В. Ю. Ровная // Донецкие чтения 2017 : Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – Том 4: Филологические науки. Ч. 2: Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 55–57.

SUMMARY

Victoria Rovnaya. About the functional and semantic typologies of simultaneous abbreviations

The article presents a typology of simultaneous abbroconstructions. In the course of the study, two typologies of simultaneous abbroconstructs were identified: functional (absolute and included simultants) and semantic (interpretive, paronymic and non-paronymic simultants).

Key words: abbroconstruct, simultant, included simultants, absolute simultants.

Рыбалко Инна

Научный руководитель –

ст. преп. Янышевская В. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

ЯЗЫК «ЖИТИЯ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЭПОХИ

Духовное наследие «огненного протопопа» Аввакума Петрова и его «Житие», адресованное потомкам, остаётся в центре внимания филологов и подвергается разноаспектному описанию как шедевр русской и мировой культуры. Однако в современной лингвистической науке отсутствует системный анализ идиостиля этого автора, до конца не определено значение этого памятника письменности в контексте развития русского литературного языка нового типа, основы которого были заложены в конце XVII века.

Ключевые слова: *протопоп Аввакум, «Житие» протопопа Аввакума, раскольническая литература, житие как жанр, русский литературный язык нового типа.*

По счастливому совпадению работа над заявленной темой совпала со знаменательной датой: в ноябре 2020 года исполнилось ровно 400 лет со дня рождения легендарной личности – протопопа Аввакума Петрова (точный день его появления на свет не установлен). Трудно сказать, какой аспект его трудной, трагической жизни может оказаться самым ярким, требующим особого внимания и глубокого изучения. В первую очередь Аввакум интересен как сильная личность, как ратоборец, отдавший свою земную жизнь за сохранение канонов, на которых в то время держалась духовная жизнь России. Главной целью жизни Аввакума было истовое служение «делу Божьему», стремление укреплять русскую православную церковь, сохранять нравственность и воспитывать благочестие в русском мире. С другой стороны, протопоп Аввакум представлен в числе наиболее ярких писателей старорусской литературы, чьё творчество вызывает постоянный интерес филологов. Талантливый церковный проповедник, великолепный мастер устного книжного слова, Аввакум был лишен возможности общаться со своей паствой. Заточенный в Пустозерскую земляную тюрьму, он вынужден был обращаться к православному миру в письменной форме, тайно переправляя свои рукописи в Москву. Находящихся с ним единомышленников, таких же великомучеников, как и он, Аввакум в своем «Житии» величает *соузниками*. Это удачно выбранное слово представляет собой соединение книжной приставки *со-* и восточнославянского корня *уз-*, которые вместе передают сразу два значения: *узники*, т. е. люди, насильственно лишенные свободы, но одновременно пребывающие в едином братском *со-юзе*. Среди множества причин, создавших монолитное единение монаха Епифания Соловецкого, попа Лазаря, дьякона Фёдора и протопопа Аввакума, были те негативные изменения, которые усиливали в русском обществе нарастание кризиса не только средневекового мировоззрения, но и способствовали развитию сложных, порой противоречивых процессов, ухудшающих социально-политическую и общекультурную жизнь в России. Уже во второй половине XVII века жуткое наследие «смутного времени» диктовало внутренний раскол как в жизни светского общества, так и в жизни церкви. Наделённый средневековым типом мышления, протопоп Аввакум «сотоварищи» выступил обличителем тех нововведений, которые, по его мнению, разрушали традиционные устои общей морали и православной религии.

«Житие» протопопа Аввакума было опубликовано в 1862 году, и с тех пор внимание к автору не ослабевало никогда. Известны восторженные отзывы на его творчество таких ярких представителей русской литературы, как И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, И. А. Бунин, М. Горький (последний настоятельно рекомендовал ввести

изучение «Жития» в школьную программу). Многих деятелей культуры восхищали сила духа Аввакума как борца за правду и справедливость, его жизнестойкость и верность идее. Такой же интерес был проявлен лингвистами к языковой основе этого оригинального во многих отношениях произведения. Не случайно отдельные страницы лингвистического комментария этого текста мы находим в многочисленных учебниках и пособиях по истории русского литературного языка.

Однако в широком масштабе системное изучение специфики языка «Жития» в контексте языковой ситуации, сложившейся в России к концу XVII века, к сожалению, не проводилось. Глубокое и всестороннее изучение языковой организации «Жития» может стать яркой иллюстрацией объективных исторических процессов прошлого, когда *русский* национальный литературный язык ещё пробивал себе дорогу и формировался «на основе синтеза всех жизнеспособных и ценных в идейном или экспрессивном отношении элементов русской речевой культуры, т. е. живой народной речи с её областными диалектами устного народно-поэтического творчества, государственного письменного языка и языка старославянского с их разными стилями» [2, 39]. До нашего времени дошло почти восемьдесят сочинений протопопа Аввакума, которые до конца ещё не изучены. Попытки исследования языка «Жития» в контексте истории его эпохи были предприняты на кафедре общего и исторического языкознания (сейчас это кафедра общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина) Донецкого государственного университета под руководством доцента Л. Н. Саркисовой ещё в 80-ые годы XX века. В итоге была составлена словарная картотека этого источника и фрагменты проделанной работы были депонированы в ИНИОН АН СССР. Однако по разным причинам работа над этим проектом была прекращена, и только в 2014 году увидел свет «Частотный словарь «Жития» протопопа Аввакума» Е. С. Отина, который частично использовал эти материалы в своем труде. Интерес к этому источнику профессор Е. С. Отин объяснил словами академика В. В. Виноградова, который высоко оценивал протопопа Аввакума как «величайшего русского писателя эпохи» с учётом того, что «Житие» было написано «в начальный период формирования русской нации и отражает в определенной степени сложные процессы становления норм национального литературного языка, протекающие в острой борьбе старой книжной традиции с живым языком» [3, 3]. В этом направлении оно непременно должно изучаться.

Обе языковые стихии (церковнославянская и русская) в их эволюционном развитии действительно лежат в основе «Жития» и их анализ подтверждает мнение о том, что протопоп Аввакум относится

к числу выдающихся реформаторов русского литературного языка второй половины XVII века. Язык «Жития» отражает все главные тенденции, определившие языковую ситуацию этого периода: с одной стороны, виден итог процессов секуляризации русской культуры, которые привели к снижению роли церковнославянского языка, с другой стороны, пробуждается повышенный интерес к живому русскому языку, который стал особенно заметным на фоне усиления процесса «концентрации общенациональных элементов» [2, 36]. Но, как отмечал В. В. Виноградов, в это время «средневековое многоязычие ещё не было преодолено, контуры национального русского языка лишь обозначились», что, собственно, и нашло отражение в «Житии».

Следует заметить, что в XVII веке происходит нарушение внутреннего языкового устройства разнообразных жанров древнерусской литературы, в том числе и житийной литературы, которая в составе агиографических произведений всегда занимала особое место. По мнению Н. И. Толстого, в системе жанров в древнерусской письменности язык таких текстов был строго нормирован и предельно консервативен [4, 86]. Однако с течением времени жанровая система русской литературы претерпевает серьёзные изменения. Как отмечает А. Яковлева, «чем талантливее был агиограф, тем значительнее было отступление его произведения от церковного шаблона» [5]. Касалось это и языка сакральных текстов, поскольку обращение к изображению народного быта требовало от автора использования живых разговорных средств. Протопоп Аввакум хорошо знал и любил русский язык. В третьем варианте «Жития» он писал: «<...> вы <...> чтущие и слышащие, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, вириами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет <...> того ради я и не брежу о красноречии, и не унижаю своего языка русскаго <...>». Обращаясь к царю Алексею Михайловичу, Аввакум поучал его такими словами: «Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек, говори своим природным языком: не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах. Любит нас Бог не меньше греков, передал нам грамоту нашим языком Кириллом святым и братом его». В этих высказываниях, без сомнения, требуют уточнения такие понятия, как *просторечие*, *русский язык*, *природный язык*, *наш язык*, поскольку для XVII века это были разные явления. «Язык Кирилла» – это старославянский язык, южнославянский в своей основе. Развитие старославянского (древнеболгарского) книжного языка на Руси было связано с последующей его русификацией, с появлением и распространением в письменности церковнославянского языка, который часто называют старославянским языком русского

извода. Протопоп Аввакум говорил о двух языках: о книжном, церковнославянском, который называл *руским, языком Кирилла* и сравнивал с *вирами философскими*. Живой разговорный язык он обозначал словами *просторечный, природный*. Сказанное становится очевидным в процессе анализа лексики и грамматических форм этих небольших по объёму отрывков: книжные по происхождению слова и формы слов: *чтущие, слышащие, просторечие, словес, хочет, не брежу, красноречие*; из живой разговорной речи – *русской, природной, не обык, красить, русак, в дому, в пословицах*. Язык «Жития» отражает разрушение строгих языковых норм, присущих житию как религиозному жанру, подтверждает изменение его функционального назначения в рамках средневековой литературы: это не житие в классическом понимании этого слова, а духовное завещание, соединение исповеди и проповеди. Как отмечал М. М. Бахтин, «там, где является попытка зафиксировать себя самого в покаянных тонах в свете нравственного долженствования, возникает первая существенная форма словесной объективации жизни и личности – самоотчет-исповедь» [1, 124]. Такая перестройка требовала использование новых средств литературного выражения, и Аввакум интуитивно это понимает и принимает. Однако от старых традиций он не отступает. Церковнославянский язык сохраняется там, где есть обращенность к Богу и присутствует наука о Боге. Особенно это ярко представлено в начале «Жития». Вот краткие примеры: определение истинного христианина по Дионисию – «*зане истинною разумѣвъ Христа, и тем благоразумие стяжав, изступив убо себе, не сый в мирском их нрав и прелести*»; исповедание веры заканчивается формулой – «*Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю*» и под. Очень часто церковнославянская лексика в «Житии» сталкивается с русской разговорной лексикой, которая зачастую используется для перевода слишком «обветшалых» слов. Например: «*Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я в третій день приалченъ, – сиречь гсть захотель*». В XVII веке глагол *алкати* и все образованные от него формы (*алчущий, алченъ* и под. в значении ‘голодный, голодающий’) требовали перевода.

Когда Аввакум рассказывает о себе и переходит к собственному жизнеописанию, его письменная речь представляет собой переходы от высокого книжного слога до просторечного и даже (в некоторых местах) до вульгарного выражения. В ряде случаев отмечается полная нейтрализация церковнославянизмов и они осмысливаются автором в конкретно-бытовом их содержании: «*Держись за Христовы ноги*», *Богъ – старый чудотворецъ*, «*Полны сети напихал Бог рыбы*» и под. Очень часто в биографической части своего «Жития» Аввакум переходит на разговорный синтаксис,

особенно яркое отображение просторечие находит в системе диалогов. Например: *«Протопопица бедная бредеть-бредеть, да и повалится, – кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человекъ на нея набрелъ, тут же и повалился, оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужик кричит: «Матушка-государыня, прости!». А протопопица кричитъ: «что ты, батько, меня задавилъ». Я прииоль, – на меня бѣдная, пенять, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будетъ?». И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» и под.*

«Житие» протопопа Аввакума ярче, чем другие памятники письменности второй половины XVII века, демонстрирует главное направление в развитии национального литературного языка этого периода – смешение двух разных языковых стихий – церковнославянской и разговорной, в результате чего создаются основы развития единого литературного языка для всех видов и форм общения русских людей друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. Смысловое целое героя / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. Виноградов, В. В. История русского литературного языка. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 320 с.
3. Отин, Е. С. Частотный словарь «Жития» протопопа Аввакума / Е. С. Отин. – К. : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2014. – 204 с.
4. Толстой, Н. И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз / Н. И. Толстой // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 81–90.
5. Яковлева, А. Житие как жанр древнерусской литературы / А. Яковлева // Покров. – 13 марта 2019 г. – сайт : <https://pravoslavie.ru/119869.html> (дата обращения : 19.10.2020).

SUMMARY

Inna Rybalko. The language of «Zhyitiie» by protopope Avvakum in the context of his epoch

The spiritual heritage of the “fiery protopope” Avvakum Petrovich and his «Zhyitiie», addressed to his descendant, remains in the spotlight of philologists and is a subject of multifarious description as a masterpiece of Russian and world culture. However the systematic analysis of individual style of the author is absent in modern linguistics, and the value of this ancient manuscript is not defined in the context of development of Russian literary language of a new type, which basis was laid in the end of XVII century.

Key words: protopope Avvakum, «Zhytiie» by protopope Avvakum, schismatic literature, hagiography as a genre, Russian literary language of a new type.

Рябова Елена

*Научный руководитель –
к. филол. н., проф. Черниенко Л. В.
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР*

О ВОЙНЕ И НЕ ТОЛЬКО. КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ Л.А. КАССИЛЯ, НАПИСАННЫЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В работе анализируется повесть Л. А. Кассиля «Дорогие мои мальчишки», делается вывод о её большом воспитательном значении для современного читателя.

Ключевые слова: *Л. А. Кассиль, Великая Отечественная война, воспитательное значение литературы.*

Никто не возьмётся оспаривать огромное воспитательное значение русской литературы, особенно литературы для детей. Есть множество примеров того, как вовремя прочитанная хорошая книга в корне меняла характер подростка, давала правильные жизненные ориентиры. К сожалению, это нельзя сказать о большинстве произведений современной детской литературы, которые имеют развлекательный характер.

Актуальность работы заключается в необходимости исследования творчества детских писателей советской эпохи, чей вклад в воспитание подрастающего поколения недооценён современной педагогикой и литературоведением. Современная детская и подростковая литература не даёт достойных примеров для подражания, не заставляет думать и сопереживать. Особенно это касается книг, написанных специально для мальчишек: о подвигах, путешествиях, свершениях, становлении мужского характера.

Самыми первыми двигателями прогресса назвал мальчишек Л.А. Кассиль в очерке-этюде «Мальчишки»: *«Вы – весёлый ветер, расправляющий морщины на челе мира, влекущий в новое и освещающий память о том, какими мы были сами в отрочестве»*. Герои книг Кассиля – взрослые и дети – настоящие патриоты, люди слова и чести, презирающие подлость, неправду и трусость [2].

Детскую литературу довоенного времени можно назвать литературой романтиков и мечтателей. Юные читатели грезили о далёких странах, неоткрытых островах, великих научных открытиях. Но война перечеркнула все светлые мечты и надежды. Нужно было не только сохранить детские жизни, но и вселить в маленьких граждан веру в Победу, воспитать их настоящими патриотами.

Любимая книга нескольких поколений советских подростков – «Дорогие мои мальчишки» – была посвящена памяти замечательного детского писателя Аркадия Петровича Гайдара, погибшего на фронте.

Во время войны Лев Кассиль вёл передачу на радио, в которой рассказывал о героизме советских людей на фронте и в тылу. На всю страну прогремел рассказ о героическом поступке валаамских юнг, задержавших под Ленинградом фашистский парашютный десант. Но во время войны советские люди проявили героизм не только на фронте, но и в тылу. Лев Кассиль часто бывал в ремесленных училищах, где подростки получали рабочие профессии, заменяя на заводах и фабриках взрослых, ушедших на фронт. Автору удалось свести жизненные пути – дороги юнг с острова Валаам и заводских мальчишек с Волги в повести «Дорогие мои мальчишки».

В самом начале повести автор знакомит читателей с Арсением Петровичем Гаем (Аркадием Петровичем Гайдаром) – синоптиком самого северного военного аэродрома в мире, до которого тоже докатилась война. Автор и Гай быстро подружились, потому что были земляками и точно знали, что «нет на свете реки лучше, чем наша Волга». До войны Арсений Петрович был учителем, работал с пионерами. Он был очень увлечённым человеком. Его любимая фраза: *«Мы всё ещё изучаем направление ветров, а задача состоит в том, чтобы повернуть их»*. О чём эти слова? Просто об изменчивых течениях воздуха? Или о том, что пришло время дать решительный отпор фашистам – повернуть злые ветры вспять? За работой синоптик часто напевал песню:

На подвиг и на труд нас Родина зовёт!

Отвага – наш девиз – Труд, Верность и Победа!

Вперёд, товарищи! Друзья, вперёд! [1, 22].

Так автор, а вместе с ним и читатель, узнал девиз жителей Синегории – волшебной страны, придуманной бывшим учителем (хотя бывших учителей не бывает). И снова напрашивается сравнение с творчеством А.П. Гайдара: «Жил человек в лесу возле Синих гор» – так начинается его рассказ «Чук и Гек». Синие горы Гайдара и Синегорье Кассиля – это выражение мечты писателей о светлой и счастливой жизни.

Автор, рассказывая о судьбе сказочной страны Синегории, невольно проводит параллели с реальными событиями 1942 года.

«Жила – была красивая страна, славящаяся трудолюбивыми людьми и хорошими урожаями. Злые ветры и король Фанфарон, у которого «ветер в голове», превратили её в пустыню». Далее приводится жуткое описание умирающего города. И снова – параллель: на советскую землю напал страшный враг, он рвётся к столице, оставляя после себя седые от пепла города и сёла, седых от горя людей. Так сказка снова переплетается с реальной жизнью.

В сказочные события Л.А. Кассиль вплетает мудрые размышления и выводы, предназначенные, скорее, для взрослых, а не для детей. Например, мудрый правитель Амальгам говорит: *«Искусство долговечно только тогда, когда человек с любовью вложил в труд всю свою вольную душу».* То есть шедевры не рождаются в «клетках». Дело, к которому принуждают, не станет любимым, а человек, занимающийся нелюбимым делом, не станет творцом.

Планы по спасению сказочной Синегории были прерваны самым настоящим авианалётом. Арсений Гай побегал к своей землянке – забрать термометр. И тут жизнь этого большого, сильного, доброго, талантливого человека оборвалась. *«Злой ветер, мы знаем, из какого гнезда прилетел ты, злой, чёрный ветер, чтобы унести на своих жёлтых, крестом меченных крыльях жизнь нашего синоптика».* На память писателю остался обрывок письма от таинственных синегорцев. Писатель вернулся в Москву и в одной из своих передач рассказал об Арсении Петровиче Гае и трёх мастерах из Синегорья. И синегорцы откликнулись, правда, жили они в волжском городе Затонске. Приехав однажды в этот тихий городок, писатель встречается с учениками и воспитанниками погибшего товарища. Мальчишки – пионеры под руководством своего учителя Арсения Петровича придумали увлекательную игру – волшебную страну Синегорье. Каждый синегорец имеет своё имя и поручение, за выполнение которого отчитывается перед товарищами. Цель деятельности всей этой, казалось бы, сказочной организации – реальная помощь людям. Мальчишки опекают семьи фронтовиков, работают в госпитале. Идёт страшная война – и даже сказка приобретает реальные, несказочные черты.

В наши дни много говорится с самых высоких трибун о том, каким мы должны воспитать подрастающее поколение. Но мало кто задумывается, как это сделать. Ответ и на этот вопрос можно найти в книгах Л.А. Кассиля. Подросткам нужно предлагать реальное дело с реальными результатами во благо человека. И тогда молодёжь поверит, что вершить добро своими руками – это хорошо.

В город, где живут синегорцы, прибывает из Ленинграда команда юнг. Какая радость для девчонок и конкуренция учащимся ремесленного училища! Долго выяснять отношения было некогда –

ребят объединила общая работа (они восстановили старый баркас) и настоящее сражение с фашистами за город.

Закончился бой. Победа! Но слишком большой ценой она досталась: *«Вот лежат под шинелями сыночки, – проговорил мичман, – не дошли до открытого моря, полегли, дорогие, в бою. Превечная им слава!»*. А потом сказал плюхнувшемуся на колени гитлеровцу: *«Гляди сюда, фашист: наша земля. Сам я балтийский, а это Волга. Всё одно. Лучшие в этой земле мёртвыми ляжем, а с неё не сойдём. Но, скорее всего, вас в ней закопаем»* [1, 72].

Как же воспитывали молодое поколение в то далёкое уже от нас советское время? Что говорили, какие примеры приводили, чтобы вырастить настоящих патриотов? Наверное, нужны, прежде всего, такие учителя, как Арсений Петрович Гай: только патриот может воспитать патриота, только мужественный человек имеет право требовать героических поступков от другого. А любовь к миру начинается с любви к родному дому. Синегорский летописец Валерий Черепашкин так написал в «Краткой истории города Затонска»: *«По-моему, кто не любит свой город, где сам родился и вырос, так города, где другие родились, он совсем уже не полюбит. Что же он тогда, спрашивается, любит на земле?»*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кассиль, Л. Дорогие мои мальчишки: Повесть / Л. Кассиль. – М. : Детская литература, 1990. – 143 с.
2. Кассиль, Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5 / Л. Кассиль. – М. : Детская литература, 1967. – 640 с.

SUMMARY

Elena Ryabova. About the war and not only. Books for children of L.A. Kassil, written during the Great Patriotic War

The work analyzes the story of L.A. Kassil “My dear boys”, a conclusion about its great educational value for the modern reader is made.

Key words: L.A. Kassil, the Great Patriotic War, education value of literature.

Сабиржанова Дильназ
Научные руководители –
бакалавры филологии, учителя русского языка и литературы
Кокшибаева Ж. С., Давлетова Н. К.
КТУ «Общеобразовательная средняя школа № 60»,
г. Актобе, Казахстан

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНСКОГО ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДА АКТОБЕ)

Языковой портрет города Актобе характеризуется неоднородным составом. Каждая подсистема языка города определяется набором определенных признаков. Топонимика в языковом портрете города Актобе, является элементом, тесно соотношенным с лингвистическим развитием.

Ключевые слова: *город, портрет, урбанонимы, годонимы, ойкодонимы, эпитаграфия, хоронимы.*

Язык – это важнейшее средство человеческого общения. Он неразрывно связан с мышлением; является социальным средством хранения и передачи информации, одним из средств управления человеческим поведением [2, 14]. При выявлении языкового портрета современного казахстанского города нужно рассматривать язык города с точки зрения структуры с неоднородным составом. Совместно с признаками современного языка города ученые говорят о необходимости изучения его состава, куда входит топонимическая лексика (топонимы), подразделяемая, в свою очередь, на урбанонимы, хоронимы, годонимы, ойкодонимы и т.д. [3, 20]. Переход на рыночную экономику обусловил появление массы новых коммерческих предприятий, магазинов и ларьков, туристических агентств и страховых компаний. Многообразные городские объекты получают индивидуальные собственные имена – так называемые эргонимы. Это собственные имена объектов делового объединения людей, в том числе союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений, кружков [4, 132]. В отдельную подгруппу эргонимов выделяются эмпоронимы (названия торговых учреждений, предприятий сфер обслуживания). Т.В. Шмелева вводит понятие «эмпороним» для обозначения названий магазинов, парикмахерских, баров, кафе, бильярдных клубов, благотворительных организаций и др. [5, 43]. В Казахстане проблемам языкового портрета города посвящены исследования Котляровой Т.Г. «Языковой портрет новой столицы Казахстана» [10, 118]. Языковой портрет города Актобе, который

является культурно-образовательным центром крупнейшего промышленно-экономического региона Республики Казахстан, граничащего с Россией, что обуславливает широкое распространение в регионе массового казахско-русского двуязычия, до сих пор не был объектом специального изучения. Все вышесказанное и определяет актуальность предпринятого нами исследования. Цель исследования – создание языкового портрета города Актобе. Задачи исследования: дать теоретический анализ портретирования как лингвистической проблемы; охарактеризовать языковой портрет как термин лингвистической науки; описать основные аспекты портретирования в лингвистике; рассмотреть социолингвистические портреты и методы их описания; проанализировать языковой ландшафт города Актобе; изучить состав языка города сквозь призму топонимической лексики; выявить смысловые группы эмпоронимов; классифицировать эпиграфику с точки зрения функций, которые она выполняет. Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые произведен комплексный лингвистический анализ урбанонимов, хоронимов, годонимии, ойкодонимии, так же эмпоронимии и эпиграфики города Актобе.

Годонимы – это названия линейных объектов в городе, в том числе проспектов, улиц, линий, переулков, проездов, бульваров, набережных [4, 23]. На сегодняшний день в Актобе преобладают названия улиц, основанные на меморативном принципе, которые в количественном отношении составляют 54% всех наименований. Структурный признак предполагает наличие названий улиц в виде: имени либо фамилии: *ул. Мясоедова, Пугачева, Пушкина, Алтынсарина, Джамбула, Абая*; сочетание имени и фамилии: *ул. Зои Космодемьянской, Марата Оспанова, Манишук Маметовой*; сочетание имени и титула: *ул. Монке би, Айтеки би, Богенбай батыра*. Среди меморативных номинаций по тематическому признаку можно выделить пять типов: названия улиц в честь людей, внесших значительный вклад в развитие науки и культуры: *ул. Бр. Жубановых, пер. Зеленского, ул. Герцена, ул. Арынова, ул. Некрасова, ул. Гоголя*; имена людей, участвовавших в ВОВ, революционеров и видных политических деятелей: *ул. Жаманкулова, ул. Нокина, ул. Пугачева, ул. Степана Разина, ул. Сатпаева*; названия улиц, носящие имена людей, ставших Героями Социалистического труда: *ул. Кунаева, ул. Вавилова, ул. Акимжанова*; названия улиц, носящие имена исторических лиц, ставших героями лиро-эпических произведений, сказок и легенд: *ул. Карагул батыра, ул. Карасай батыра, ул. Есет батыра, проспект Абулхаир хана*. демонстративные годонимы связаны с историческими названиями, датами определенных событий и их годовщин: *ул. 1905 года, ул. 70 лет Октября, ул. 8 Марта*. Характеризующие и ориентирующие

названия также нашли свое место в языковом ландшафте Актобе. Условно их можно разделить на несколько групп: наименования со значением «позитивы»: *пер. Счастливый, пер. Светлый, пер. Веселый, ул. Аз Наурыз, ул. Солнечная, ул. Мира, ул. Первомайская, пр. Победы*. Наименования улиц по профессии и роду занятий людей, общественным ролям: *пер. Механизаторов, пер. Нефтяников, пер. Новаторов, ул. Коммунальников, ул. Металлургов, ул. Плавильщиков, ул. Рабочая, ул. Радистов*. Наименования, описывающие рельеф местности: *пер. Береговая, пер. Горный, пер. Лесной, ул. Кленовая, ул. Луговая, ул. Набережная, ул. Береговая*. Характеристики самих улиц: *пер. Зеленый, пер. Самал, пер. Торговый, ул. Озерная, Станционная*. Лексемы, имеющие пространственную семантику: *пер. Восточный, ул. Южная, пер. Западный*. По отношению к другим улицам: *пер. Дальний, пер. Короткий, пер. Малый*. Наименования, связанные с какими-то общественными процессами и событиями: *пер. Театральный, пер. Спортивный, улица Ударная, улица Фестивальная*. Наименования, имеющие отношение к возрастным значениям: *пер. Детский, ул. Молодежная*. Еще один вид топонимов – это ориентирующие названия. Они делятся на два типа: лексемы с географической семантикой: *ул. Тамдинская, ул. Ташкентская, ул. Уральская, Илецкая, ул. Оренбургская, ул. Московская* и др. Наименования, называющие городские объекты: *ул. Авиационная, ул. Вокзальная, ул. Заводская, ул. Мебельная, ул. Гарнизонная*.

Проанализировав хоронимы города Актобе, мы попытались их классифицировать по типологии Т.В. Шмелевой, а также включить в классификацию другие группы, продиктованные собранным материалом. Достаточно ярко в городе Актобе представлены характеризующие и ориентирующие названия: наименования, имеющие пространственную семантику: *Юго-Запад, Батыс; наименования со значением «позитивы»: Болашақ, Бауырластар, НурАктобе, Кен Дала, Новый*. Здесь же мы сочли необходимым выделить следующие группы: наименования по находящимся вблизи объектам: *Малышка, Космос, 41 разъезд, Каргалинское, Кирпичный, Акжар, Кызылжар*. Наименования районов, получивших свое название в результате заселения людей из других отдаленных территорий: *Москва, Татарка, Курмыш, Оторвановка, Шанхай*. Наименование по характеристике почвы: *Сазды*. Наименования-аббревиатуры, сложносокращенные слова: *ГМЗ или Гормолзавод, Жилгородок, Авиагородок, Сельмаш*. Говоря о хоронимах Актобе, стоит упомянуть и о природных объектах, которые мы также подвергли анализу согласно классификации Шмелевой. Таким образом, здесь нашли место характеризующие хоронимы: *Зеленая роща, Осетровые пруды, Родник Сабыр, заповедник «Оркаш»*,

Осетровые пруды; ориентирующие хоронимы: *Угодья Ирғиз-Тургайского резервата*, *Волчий водопад*, меморативные хоронимы: *Суюнбая роҫса*.

Таким образом, в современной эмпоронимии Актобе используются наиболее продуктивные способы наименования: онимизация аппелятива и составные наименования. Названия городских объектов, дошедшие до нас через столетия и сохранившие представления о нормах жизни, системе ценностей, некогда принятых в обществе, дают возможность судить об исторических событиях и о людях, которые в них участвовали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алистанова, Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема (полный текст автореферата диссертации) // Библиотека диссертаций по гуманитарным наукам «Человек и наука». – Сайт : <http://cheloveknauka.com/ergonimy-sovremennogo-russkogo-yazyka-kak-mikrosistema>. (дата обращения: 05.01.2016).
2. Грачев, М. А. Культура речи современного города. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода / М. А. Грачев, Т. В. Романова. – Нижний Новгород, 2006. – 261 с.
3. Немировская, А. В. Изучение базовых ценностей и удовлетворенностью жизнью жителей Красноярского края в контексте разработки социокультурного портрета региона России // Материалы Тюменского социологического Форума 15–16 окт. 2009. – Тюмень, 2009. – С. 165–166.
4. Общий толковый словарь русского языка. – сайт : <http://tolkslovar.ru/ja194.html/> (дата обращения: 17.10.2015).
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь Ожегова / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Сайт : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/oegova/243026/>. (дата обращения: 26.10.2015).
6. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е издание / Н. В. Подольская. – Сайт : <http://imja.name/reklamnoeimya/reklamnoeimya.shtml/>. (дата обращения 26.10.2015).
7. Розенталь, Д. Э. Словарь лингвистических терминов. – Сайт : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/r.php/ (дата обращения: 17.10.2015).
8. Сиротинина, О. Б. Языковой облик г. Саратова. Разновидности городской устной речи / О. Б. Сиротинина. – М., 1988. – С. 247–253.
9. Шмелева, Т. В. Язык города: Наименования магазинов / Т. В. Шмелева. – Красноярск : Красноярский университет, 1989. – 77 с.

SUMMARY

Dilnaz Sabirzhanova. Language portrait of a modern Kazakh city (based on the material of the city Aktobe)

The linguistic portrait of the city Aktobe is characterized by a heterogeneous composition. Each subsystem of the city's language is determined by a set of specific features. Toponymy in the linguistic portrait of the city Aktobe is an element closely related to linguistic development.

Key words: city, portrait, urbanonyms, godonyms, aikodonyms, epigraphy, horonyms.

Саенко Анастасия

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Дмитриева Ю. Л.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ОБРАЗ В АСПЕКТЕ СЕМАСИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОРТАЛА «ГОРЛОВКА NEWS»)

В работе образ рассматривается как единица семасиологии. Автор сравнивает трактования вербального знака образ в лексикографических источниках, отмечая изменения в семемах. Также описываются особенности структуризации образа: от семы как объективатора семантического признака до семантического потенциала. Также образ рассматривается в соотношении с микрообразами и макрообразами.

Ключевые слова: *семасиология, образ, сема, макрообраз, микрообраз.*

Одним из актуальных направлений языкознания является семасиология. Это раздел лингвистики, изучающий семантику слов и выражений, а также изменения в значении вербальных знаков [4]. В числе основных задач данной отрасли знания рассмотрение вопросов, связанных с отображением внеязыковой действительности в вербальном знаке. Отметим, что в лингвистике одно из решений указанной проблемной области связано с теорией языкового образа.

Образ как единица метаязыка филологического исследования рассматривается с разных аспектов: и как категория сознания, и как продукт познавательной деятельности человека, и как категория художественного творчества. Однако рассматриваемый термин в науке о языке не имеет точной теоретической интерпретации с

точки зрения семасиологических позиций. Исследование образа ограничивается рамками, во-первых, узкой лексической парадигмы или рамками одной части речи (см. работы Ю. Д. Апресяна, Э. В. Кузнецовой, А. П. Чудинова, Н. И. Бахмутовой), во-вторых, определенного типа метафоры (поэтической, публицистической, научной, языковой; концептуальной метафоры, метафоры в технической, медицинской и иной отраслевой терминологии) (см. труды Ю. Н. Караулова, А. Н. Баранова, Ю. Б. Феденевой, М. Э. Рут, С. С. Гусева, Г. Н. Складневской). Это обуславливает актуальность данного исследования.

Цель работы – описание особенностей изучения образа в аспекте семасиологии. Материалом исследования являются тексты информационного портала Донецкой Народной Республики «Горловка NEWS».

В лексической системе русского языка вербальный знак *образ* является полисемантом. Отметим, что в словарных статьях разных лексикографических источников можно проследить изменения в толковании данного слова. Так, в «Словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой анализируемое слово трактуется с учётом его функционирования в разных сферах деятельности человека. В философии, согласно указанному толковому словарю, под ним понимается «результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека» [3, 435]. Кроме того, в языковом опыте этноса данная единица языка употребляется для номинирования «вида, облика» [3, 435]. Также *образ* используется для выражения «живого, наглядного представления о ком-нибудь (о чем-нибудь)», а также указания на «порядок, направление чего-нибудь» [3, 435]. Наконец, в литературоведении его используют как синоним к словам *тип, характер*.

Отметим, что в языке функционирует омоним *образ*, т.е. «то же, что и икона» [3, 435].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова значение анализируемого вербального знака дополняется и конкретизируется. Так, с позиций философии *образ* трактуется как «форма восприятия сознанием явлений объективной действительности; отпечаток, воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира» [2]. Как единица метаязыка литературоведения анализируемое слово обозначает «обобщённое художественное восприятие действительности, облечённое в форму конкретного индивидуального явления» [2]. Отметим, что при таком определении *образа* изменяется аспект его рассмотрения: если в «Толковом словаре русского языка» это наименование части художественного произведения, создаваемого автором текста,

то в «Большом толковом словаре русского языка» это то, что воспринимается уже читателем (слушателем) художественного произведения.

В языковом опыте этноса за анализируемым вербальным знаком закреплены значения «внешний вид, облик», т.е. визуально воспринимаемые характеристики объекта познания; «живое, наглядное представление о ком-, чём-либо»; «порядок, характер, склад, направление чего-нибудь», а также «способ, средство» [2].

Итак, в лексической системе *образ* функционирует как полисемант. Это обуславливает трудность его терминологического определения, а также многоаспектность рассмотрения образа в науке о языке. Так, в лексико-семантическом аспекте это единица, аккумулирующая разнообразные признаки объекта онтологического мира, которые объективируются совокупностью соответствующих лексических средств. Например, образ Горловки в текстах информационного портала «Горловка NEWS» объективируется вербальными знаками *Горловка, город, горловское направление, населённый пункт* и др. Ср.: *Уважаемые жители и гости **города!** Администрация **города Горловки** просит обратить Ваше внимание на то, что 22 ноября с 10.00 до 12.00 движение троллейбусов будет осуществляться от ул. Жукова до ул. Беспощадного с заездом в ТТУ [1]; **Горловское направление:** минометы 82 мм – 1 раз (10 мин). В зоне обстрела со стороны ВФУ оказался следующий район/**населенный пункт:** Гольмовский [1].*

Отметим, что образ может быть структурирован в нескольких аспектах, а именно: определяется с точки зрения интенционала (семантического потенциала) и разнообразных характерных средств интерпретации. Так, учёными выделяется семный конкретизатор, т.е. часть семы, конкретизирующей определенный признак. Ср.: «Город – крупный населённый пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр района, области, округа и т.п.» [2]. Сема 'крупный населённый пункт' репрезентирует одноимённый признак образа Горловки. Соответственно, семные конкретизаторы составляют семантический признак, который, в свою очередь, составляет аспект, а совокупность аспектов – семантический потенциал.

Образ может быть структурирован с точки зрения рассмотрения его объёма. Выделяются макрообразы и микрообразы. Так, образ Горловки может квалифицироваться как макрообраз по отношению к образам районов. Ср.: *Подразделения ВСУ сегодня утром подвергли минометному обстрелу **поселок Зайцево на северной окраине Горловки**, огонь корректировался при помощи беспилотного летательного аппарата [1]; 24.03.2020 г. Горловка, **Центрально-***

Городской р-н, ул. Пушкинская, на лестничном марше первого этажа пятиэтажного дома – пожар [1].

Однако по отношению к образам мирного населённого пункта и зоны боевых действий рассматриваемый образ будет квалифицироваться как микрообраз. Ср.: *Сегодня г. Горловка одновременно выступает и как мирный населенный пункт, и как одна из горячих точек Республики [1].*

Следовательно, под семасеологией принять понимать раздел языкознания, изучающий лексическую семантику (значение языковых единиц). Анализ словарных статей «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой и «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова выявил изменения в трактовании вербального знака *образ*, а также позволил установить основные признаки образа как продукта визуального восприятия окружающего мира человеком. Образ в аспекте семасиологии рассматривается как единица, аккумулирующая разнообразные признаки реалии, объективированные совокупностью лексических средств (например, образ Горловки эксплицирован языковыми единицами *Горловка, город, населённый пункт, горячая точка* и т.д.). Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационный портал Донецкой Народной Республики «Горловка News»: сайт URL: <http://gorlovka-news.su> (дата обращения: 16.11.2020)
2. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка : сайт. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 16.11.2020)
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова [4-е изд., доп.]. – М. : ИТИ Технологии, 2012. – 994 с.
4. Розенталь, Д. Э. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь. – Текст : электронный // Gufo Словари и энциклопедии. – Сайт : URL: https://gufo.me/dict/linguistics_rosenthal/семасиология (дата обращения: 16.11.2020)

SUMMARY

Anastasiya Saenko. Image in the aspect of semasiology (on the material of the texts of the information portal “Gorlovka news”)

In the work, the image is considered as a unit of semasiology. The author compares the interpretation of the verbal sign image in lexicographic sources, noting changes in sememes. The features of the structuring of the

image are also described: from the seme as an objectivator of the semantic feature to the semantic potential. Also, the image is considered in relation to microimages and macroimages.

Key words: semasiology, image, seme, macroimage, microimage.

Саитова Камилла

Научный руководитель –

к. гос. упр., доц. Осипова А. Н.

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе Донецкой Народной Республики»,
г. Донецк, ДНР*

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ ДОНЕЦКОГО КРАЯ

Территория Донбасса славится не только, как промышленный центр, но и известна как Родина многих знаменитых деятелей культуры, искусства, литературы. Всё это представлено в едином общекультурном универсуме, который объединяет всех деятелей литературы нашего края в единое целое.

Ключевые слова: *деятели, культура, искусство, литература, универсум.*

Тема «Писатели и поэты Донецкого края» является актуальной, так как каждый житель нашего края должен быть знаком с творчеством наших писателей-земляков, которые прославили свою Родину далеко за ее пределами.

Цель данной работы – рассмотреть темы, поднимаемые нашими писателями, что их больше всего волновало в обществе, с учетом времени и событий, в которых они жили.

Задачи работы: изучить Донбасс через книгу Павла Беспощадного; увидеть, что пережил Донбасс в годы Великой Отечественной войны через книгу великих литераторов; также окунуться в прошлое Донбасса, через Думы о Донбассе; понять труд шахтеров, через стихи Виктора Шутова.

Тяжкая доля Донбасса отражена в произведениях многих известных писателей, прославивших наш край. Одни родились здесь, другие жили и работали, третьи восхищались нашим краем и людьми с «донецким характером». Самые известные из них – это Павел Беспощадный, Михаил Пляцковский, Иван Костыря, Василий Гроссман, Иван Ле, Виктор Шутов, Николай Рыбалко, Василий Стус, Владимир Сосюра и многие другие. Благодаря их творчеству у нас появился общекультурный универсум литературного Донбасса.

В своей работе я хочу исследовать тему литературного Донбасса через четыре книги, которые максимально отражают историю нашей Родины, жизнь и судьбы людей и как менялся наш край с течением времени.

Для начала остановимся на творчестве известного поэта, которому принадлежат строки, ставшие символическими и значимыми для жителей Донбасса: *«Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано!»*. Эти слова написал в своём стихотворении «Донбассу жить!» или «Клятва» Павел Григорьевич Беспощадный. Который говорил: *«Я не только пишу о Донбассе, Я Донбассом живу и дышу!»* [1]. Его произведения пронизаны любовью к Донбассу, восхвалением трудовых подвигов донбассовцев, описанием истории нашего края, которая разделилась на «до» и «после» Великой Отечественной войны. Основные темы его поэзии связаны с традициями рабочего фольклора. За это Беспощадный был назван критикой – донбасским Бернсом и певцом шахтерского труда.

В наше время очень актуальна тема патриотизма, поэтому изучение творчества Павла Беспощадного воспитывает в молодёжи чувство долга, любви и ответственности за наш край. Так как он воспевает революционные, трудовые и боевые подвиги донбассовцев. Всё это можно прочувствовать и понять через книги Павла Григорьевича Беспощадного «Всегда с Донбассом. Стихотворения. Поэмы».

Рассмотрим литературный Донбасс в период Великой Отечественной войны. Павел Беспощадный и Владимир Сосюра являются старейшинами поэтического цеха Донбасса [2]. Их произведения и ещё почти пятьдесят донецких писателей представлены в книге «Весна Победы. «Лики победителей»: произведения писателей и поэтов Донбасса о Великой Отечественной войне». В этой книге собраны воспоминания тех, кто сражался с фашистами, и поколение детей войны.

Опубликованы произведения авторов, которые из-за своего возраста не могли участвовать в войне, но поддерживали своих соотечественников пламенным словом, поднимали боевой дух, вселяли в них уверенность в неминуемой победе. Многие из них печатались в газетах и, таким образом, солдаты на фронте, читая победные строки, не падали духом и верили в лучшее будущее. Были те, которые непосредственно участвовали в боевых действиях, писали прямо на войне, например, Константин Герасименко, который написал свою книгу стихов «На Южном фронте» прямо на войне и осенью 1942 года погиб [2]. Большинство, получив серьезные ранения, не отчаивались и выпустили много книги, описывавшие тяжелую судьбу и жизнь русского народа.

Прошедшая войны никого не оставила равнодушным, она затронула каждую семью и оставила свой след в сердцах людей.

И поэтому в книге были представлены произведения разных жанров – лирические стихотворения и поэмы, отрывки из больших произведений и фронтовые репортажи, рассказы и документальные исследования. К сожалению, книга небольшая по объему, не может вместить в себя все, трогавшие за душу, произведения. Для этого потребовалось бы не один десяток томов, но и те, что вошли в сборник, показывают историю Великой Отечественной войны.

Отойдем немного от темы войны и окунемся в страницы истории нашего края, который носит название «Дикое поле», с помощью книги Ивана Костыри «Думы о Донбассе» [3]. Эта книга состоит из двух документальных и художественных произведений – «Думы о Диком поле» и «Думы о Донецком кряже». Повествование начинается с возникновения Дикого поля и заканчивается современной жизнью Донбасса. В книге рассказывается о далеком прошлом и настоящем нашего края, о природе и полезных ископаемых, о первых поселенцах, которые в дальнейшем обживали дикие степи, о людях труда, о любви к своей Родине. Это произведение является неоценимым вкладом в историю, литературу и культуру нашего края, потому что позволяет нам, читателям, окунуться в то необычное и неизведанное время.

О многом было сказано, теперь остановимся на людях, чей труд прославляется в книгах, песнях, фильмах – шахтёры. Без этих людей не представляется полная характеристика Донбасса. Это люди, которые своими трудовыми подвигами и достижениями прославляют наш край, которые вывели наш край на высокий промышленный уровень. Вот о таких людях писал в своей книге «Стихи» Виктор Шутов [4]. В этот сборник вошли стихи и поэмы, написанные за сорок лет его творческого пути. Как говорили его современники, что писал он всегда по-человечески, никогда не выдумывая, был поистине искренним человеком. Он был по-настоящему влюблен в эту землю. Так как умеют не многие.

Это только малая часть людей, которая прославила наш Донбасс. Культура многолика и включает в себя многие стороны жизни. Благодаря писателям, поэтам, художникам мы имеем культурное наследие нашего края. Без этих произведений наше поколение не имело бы полное представление об истории, традициях и ценностях, населявших край людей. Отмечу, что этот писательский труд – большой вклад для Донбасса.

На мой взгляд, дальнейшее подробное исследование этой темы даст наиболее полную характеристику общекультурного универсума литературы Донбасса. В процессе изучения можно было бы объединить большинство писателей и поэтов в несколько сборников, которые включали бы в себя исторические произведения, художественные рассказы, документальные публикации, лирические стихотворения о Донбассе. Эти книги стали бы отличным

помощником школьникам, студентам, преподавателям в изучении истории и литературы родного края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспощадный, П. Г. Всегда Донбассом [Текст] : [стихотворения, поэмы] / П. Г. Беспощадный. – Донецк : Донбасс, 2010. – 372 с.
2. Весна Победы. Произведения писателей и поэтов Донбасса о Великой Отечественной войне [Текст] / сост. В. Ф. Вовенко. – Донецк : Донбасс, 2010. – 432 с.
3. Костыря, И. С. Думы о Донбассе / И. С. Костыря. – Донецк : Новый мир, 2012. – 450 с.
4. Шутов, В. Стихи / В. Шутов. – К. : Днипро, 1981. – 133 с.

SUMMARY

Camilla Saitova. Literature of Donbass in the General cultural universe

The territory of Donbass is famous not only as an industrial center, but also as the birthplace of many famous figures of culture, art, and literature. All this is presented in a single General cultural universe that unites all the literary figures of our region into a single whole.

Key words: figures, culture, art, literature, universe.

Салько Марина

Научный руководитель –

к. филол. н. Винникова-Закутняя Т. С.

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»,

г. Макеевка, ДНР

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ В ОБЛАСТИ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМ ЯЗЫКА

В статье приведены сведения из истории изучения жаргона и представлен обзор терминологической неопределенности выбора понятий «арго», «жаргон», «сленг» на фоне общей характеристики нелитературных форм языка.

Ключевые слова: *диалекты, просторечие, жаргоны, арго, сленг.*

Литературный язык является образцовым вариантом, однако наряду с ним функционируют жаргон, диалект, просторечие (нелитературные формы), которые лишают речевую деятельность нормированности. В целом ряде работ, посвященных вопросам культуры речи и стилистики, отмечено, что в современном обществе

снижена требовательность к нормативности речи, а понятие нормы в целом воспринимается носителями языка неодинаково, что способствует интенсивному проникновению в речь нелитературных форм. Вышесказанное обуславливает актуальность нашего исследования, целью которого является освещение некоторых проблемных вопросов в области функционирования нелитературных форм языка. Перечислим поставленные задачи: 1) рассмотреть нелитературные формы языка в целом; 2) более детально обратиться к истории изучения жаргона; 3) сделать обзор терминологической неопределенности выбора понятий *арго*, *жаргон*, *сленг*.

Диалекты русского языка складывались как устойчивые территориальные наречия в достаточно ранний период образования и развития русского государства. Вопрос хронологии и исторической достоверности в настоящее время носит спорный характер. В XX веке вместе с ростом уровня образования, развитием прессы, радио и телевидения под влиянием литературного языка ускорился процесс разрушения диалектов.

Территориальные диалекты служат для обиходно-бытового общения и существуют только в устной форме (за исключением записанных народных песен, сказок и былин). От просторечия и жаргонов они отличаются тем, что имеют характерный для каждого диалекта набор фонетических, грамматических, лексических и смысловых различий. В.И. Даль отметил следующее о донском диалекте: «Говор на а; г перед гласною обращается в придыхание; окончание 3-го лица глагола мягкое. У донцов есть особые слова, как, например: *дротик* – копье, *пропасть* – отлучиться, *полоса* – сабля, и много хорошо составленных речений, по своему ремеслу: *скрасть караулы, добыть языка, стоять на слуху*» [6, 31].

Изучение диалектов представляет интерес с точки зрения вопросов формирования литературного языка (на базе какого основного диалекта и затем общенародного языка складывался литературный язык; какие черты других диалектов заимствуются; каково влияние проникновения диалектов на процесс формирования литературного языка), а также с исторической позиции, поскольку диалекты хранят архаические черты и термины, которые не отражены в современном литературном языке.

Просторечие – одна из форм национального русского языка, которая не имеет собственных системных признаков и характеризуется набором языковых форм, нарушающих нормы литературного языка [5, 51]. Термин *просторечие* ввел Дмитрий Ушаков в значении «речь малообразованного городского населения, не владеющего литературными нормами». Просторечия ведут к расслоению русского языка, его деградации. Приведем примеры просторечий: *кажись* вместо *кажется*, *рубль* вместо *рубль*, *боисс*

вместо *боишься, звАла, нАчала; друшлаг, авось, в отключке, мясцо, щас, дрыхнуть, нету...*; *мой мозоль, на пляжу, без пальта, ихний, докторша, хочем и т.д.*

Жаргоны – это слова, употребление которых ограничено социальными факторами: принадлежностью говорящих к одной и той же социальной среде, профессией, возрастом, общностью интересов и т.п. [5, 51]. Существует жаргон школьников, студентов, молодежный, армейский и блатной жаргоны, жаргоны музыкантов и любителей спорта, уголовников, торговцев и т.п. В речи школьников встречаются, например, слова *пара, физра (физкультура), математичка, физичка, русичка, трудовик, дирик, предки...* [3, 129]. Студенты называют *ботаником, ботаном* усердного ученика, *шпорой* – шпаргалку, *стипухой* – стипендию, *курсаком* – курсовую работу.

Исследование жаргонов является актуальным на фоне развития и изучения на современном этапе нелитературных языковых образований. Поскольку общепринятой периодизации изучения русских жаргонов нет (есть версии В.Б. Быкова, А.В. Цыбулевской), отметим, что первые жаргонизмы были рассмотрены в XVIII веке (библиография у Д.С. Лихачева, указания В.Д. Бондалетова [2]), назовем рукопись Андрея Мейера и четырехтомный «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный» академика П.С. Палласа.

В середине XIX века слово *жаргон*, как и слово *арго*, было заимствовано из французского языка. В лингвистике эти слова в начале XX века пришли на смену терминам *условный язык, тайное наречие*. Слово *сленг* вошло в лингвистический обиход в середине XX века и употреблялось в работах, посвященных английскому языку. В 60-е годы XX века в русском языке данный термин стал распространенным наряду с понятиями *жаргон, арго*.

Вопрос терминологического выбора остается открытым, поскольку можем наблюдать как употребление данных слов в качестве синонимов, так и попытки их разграничения. В учебных изданиях эти термины синонимичны. В толковых словарях, справочниках находит отражение стремление авторов к разграничению вышеуказанных дефиниций. Например, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [4] толкования слов *арго* и *жаргон* очень похожи, а понятие *сленг* отсутствует. О.С. Ахманова различает данные наименования, но при этом считает *арго* и *жаргон* синонимами, а *сленгом* называет профессиональный жаргон [1]. Детальные толкования находим в «Большой советской энциклопедии». По мнению Л.И. Скворцова, *сленг* – это итог взаимодействия *арго, жаргонов и просторечия*. А. М. Шахнарович в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» представляет

арго как тайный язык, а *жаргон* и *сленг* считает синонимами, обозначающими профессиональные и социальные жаргоны [7, 43].

Можем сделать вывод о том, что большинство лингвистов к *арго* относят так называемые условные языки, в некоторых случаях – языки деклассированных элементов, к *жаргону* – профессиональные и социальные образования, считая *сленг* синонимом слова *жаргон* или же *жаргонизированной* разговорной речью.

Литературный язык обслуживает различные сферы человеческой деятельности [5, 55], от бытового общения до науки и политики. Л.В. Щерба, сравнивая литературный язык с разговорным, отмечал, что в основе разговорного языка лежит неподготовленный диалог, а в основе литературного языка – неподготовленный монолог. Щерба подчеркнул, что монологу надо специально учиться и что всякий монолог есть литературное произведение в зачатке.

Современный этап развития общества характеризуется противоречивыми процессами в русском языке. С одной стороны, мы наблюдаем процесс освоения норм литературного языка широкими массами жителей нашей страны, с другой – интенсивное влияние живой разговорной речи нелитературного характера на разговорную форму литературного языка. В связи с этим актуальна борьба за чистоту речи, которую ведут образовательные и общественные организации нашей страны, что и определяет перспективу нашей дальнейшей работы, посвященной изучению закономерностей современной живой разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Бондалетов, В. Д. В. И. Даль и тайные языки в России / В. Д. Бондалетов. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 456 с.
3. Касаткин, Л. Л., Крысин Л. П., Львов М. Р., Терехова Т. Г. Русский язык: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения». В 2 ч. Ч. 1. Введение в науку о языке. Русский язык. Общие сведения. Лексикология современного русского литературного языка. Фонетика. Графика и орфография / Под ред. Л. Ю. Максимова. – М. : Просвещение, 1989. – 287 с.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Русский язык и культура речи : учебное пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Катаева. 12-е изд. – Ростов н/Д. : Феникс, 2005. – 544 с.

6. Соловьев, В. Ю. Русский язык и культура речи : учебное пособие. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2003. – 136 с.
7. Шахнарович, А. М. Арго / А. М. Шахнарович // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

SUMMARY

Marina Salko. On some problems in the field of non-literary forms of the language

The article provides information from the history of the study of jargon. Presented is the survey of the terminological uncertainty of the choice of concepts “argot”, “slang”, “jargon” against the background of general characteristics of non-literary forms of the language.

Key words: colloquialisms, jargon, argot, slang.

Свердленко Карина

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Дмитриева Ю. Л.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭМЕ С. ЕСЕНИНА «МАРФА ПОСАДНИЦА»

В работе описана устаревшая лексика, функционирующая в поэме С.А. Есенина «Марфа Посадница». Автор рассматривает архаизмы и историзмы, а также особенности их употребления в художественном произведении.

Ключевые слова: устаревшая лексика, историзмы, архаизмы.

Язык как система находится в постоянном движении, развитии, как и народ, использующий его. Одним из активных является процесс обновления лексического состава в связи с развитием общественной мысли. Некоторые слова уходят из словарного запаса языка, вновь возвращаются в обиход, меняют форму или звуковую оболочку. Это привело к разграничению активного и пассивного состава. Так, под пассивным словарным составом исследователи понимают совокупность лексем с оттенком устарелости или новизны, которая не употребляется носителями языка в собственной речевой практике. Согласно традиционной классификации, устаревшая лексика делится на два типа: историзмы и архаизмы.

Историзмы – слова, обозначающие исчезнувшие реалии. Ученые отмечают, что данные лексические единицы лишены полисемии и не имеют синонимов в современном русском языке.

Под архаизмами понимают вербальные знаки, называющие существующие явления или предметы, но по объективным причинам вытесненные другими лексемами из активного словоупотребления.

Причины употребления архаичных единиц языка в художественных произведениях связаны с ее стилистическими функциями – это придание речи торжественности и возвышенности. В исторических произведениях устаревшие слова функционируют для передачи колорита эпохи. Именно в указанной стилистической функции использована анализируемая лексика в поэме С. Есенина «Марфа Посадница».

Выделяют следующие типы архаизмов [8, 100–101]: собственно лексические, семантические, лексико-словообразовательные, лексико-фонетические. Отметим, что в поэме С. Есениным использованы собственно лексические, значение которых не утратилось, однако полностью изменилась словоформа; лексико-фонетические, имеющие видоизмененную звуковую форму; лексико-словообразовательные, об архаизации которых свидетельствует наличие унификса в составе слова. Также в результате исследования был обнаружен акцентологический архаизм.

Как собственно лексический архаизм рассматриваем словоформу *молвила*. Ср.: «Молвить – говорить, сказать» [5]. Например: «*Быть так*» – *кратко молвила* [2, 8].

Еще одним собственно лексическим архаизмом является глагол *лобызать*. Ср.: *Новгород мне вольный ног не лобызает!* [2, 8]. За данной словоформой закреплено значение «лобзать, целовать» [5].

К архаизмам относится и лексема *чело*, зафиксированная в примере *Ты челом лишь бьешь одной судьбе* [2, 9]. Рассматриваемая словоформа трактуется как «то же, что и лоб» [5]. Помета устаревшее в словаре указывает на то, что слово не является общепотребительным, но у него существует современный синоним *лоб* (от др.-русс. *лѣбъ* «череп» [7]). Выпадая из живого литературного лексикона, слово может сохранять свою активность в языке некоторых социальных групп, откуда снова проникает иногда в общелитературный словарь. Согласно Виноградову В.В. у слова *чело* два значения: во-первых, оно номинировало лоб и, во-вторых, называло верхнюю часть устья черной печи. Кроме того, по свидетельству толкового словаря Даля, слово *чело* могло выражать и общее, отвлеченное значение: «глава, голова чего-либо, начало или верх, перед» [1, 360]. Отметим, что внутренняя форма этого значения, то есть связь его с значениями – лоб или верхняя часть устья черной печи, – остается неясной.

В другом примере *В зарукавнике Марфа Богу молилась* [2, 10] лексема *зарукавник* также относится к лексико-словообразовательным архаизмам. Это «чехол до локтя, надеваемый поверх рукава для предохранения его от загрязнения, износа во время работы; нарукавник» [5].

Еще одним типом архаизмов, зафиксированных в анализируемом произведении, являются лексико-фонетические, т.е. слова, у которых устарело фонетическое оформление. Так, в предложении *Глас приказный чинно слухал* [2, 9] к данному виду относим лексему *глас*. Ср.: «Глас – то же, что и голос» [5]. Отметим, что *глас* – это церковнославянизм, выступающий с неполногласным сочетанием звуков, у которого в процессе исторического развития языка поменялась форма. Слова с неполногласным сочетанием носят книжный характер и принадлежат к высокому стилю. Поэты 18-19 веков использовали их как элемент стилизации или прием придания речи возвышенности.

В ходе исследования текста поэмы был выявлен акцентологический архаизм – слово, утратившее первоначальное ударение [4, 136]. Так, например, ударение в слове *музыка* падало на второй слог из-за устоявшейся в словарях акцентологической нормы, соответствующей в языках-источниках – французском и немецком. В произведении «Марфа Посадница» зафиксирована лексема *чёрны*. Ср.: ...*чёрны брови сдвинула* [2, 8]. Это краткая форма качественного имени прилагательного *чёрный*. По акцентологическим нормам ударение в краткой форме стоит на последнем слоге, но автор ставит его на первый.

В последней строфе поэмы, отразившей призыв к борьбе, автором используется лексема *вече*, которую рассматриваем как историзм. Ср.: *Загудит наш с веча колокол, как встарь...* [2, 11]. В языковом опыте этноса за данной словоформой закреплено значение «собрание горожан для решения общественных дел, а также место такого собрания. На Руси в 10–15 вв.» [5].

Другим историзмом, употребленным С. Есениным в произведении, является словоформа *кокошник*, называющая «старинный русский головной убор замужних женщин в виде разукрашенного и расшитого полукруглого высокого щитка над лбом» [3]. Ср.: *В жемчуге кокошник в небо запрокинула* [2, 7].

К историзмам в произведении относим также лексемы *хоругвь*, *письмена* и др. Например: *Закраснели хоругви, образа засверкали* [2, 9]; *Золотыми письменами рубленное* [Там же, 10]. Так, слово *хоругвь* в старину обозначало «войсковое знамя» [5], а вербальный знак *письмена* – «письменные знаки, буквы, преимущественно древние» [5].

Итак, в поэме «Марфа Посадница» описываются исторические события, произошедшие в Великом Новгороде в XV веке, а именно – покорение Новгорода Иваном III. В тексте произведения нами выделены архаизмы и историзмы. Проанализированные вербальные знаки используются в произведении для воссоздания колорита эпохи, также некоторые из них являются элементом стилизации речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов; Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Толк, 1994. – 1138 с.
2. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / С. А. Есенин ; подгот. текста и коммент. С. И. Субботина. – М. : Наука – Голос, 1997. – 464 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Сайт : <http://www.efremova.info> (дата обращения: 20.11.2020).
4. Крысин, Л. П. Современный русский язык / Л. П. Крысин. – М. : Академия, 2007. – 238 с.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов; Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1986. – Сайт : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ojegova/> (дата обращения: 20.11.2020).
6. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Т. 4. – Выпуск 1. – М. : Просвещение, 1985. – 288 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – Москва : Прогресс, 1986-1987. – Сайт : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/> (дата обращения: 20.11.2020).
8. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка : учеб. пособие / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1972. – 312 с.

SUMMARY

Karina Sverdlenko. Outdated vocabulary in the poem by S. Esenin “Marfa Posadnitsa”

The article describes outdated vocabulary functioning in the poem by S.A. Esenin “Marfa Posadnitsa”. The author examines archaisms and historicisms, as well as the peculiarities of their use in a work of art.

Key words: outdated vocabulary, historicisms, archaisms.

Святобаченко Ирина

*к. филол. н., доц. кафедры общего языкознания и славянских языков
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ФОКУСА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В работе рассмотрены особенности категории фокуса высказывания как одного из элементов функциональной перспективы высказывания, проанализированы аспекты изучения исследуемой категории, среди которых определён наиболее подходящий для коммуникативного анализа высказывания.

Ключевые слова: *функциональная перспектива предложения, фокус высказывания.*

Предложение, в частности его коммуникативная структура, уже достаточно длительное время является предметом исследований многих лингвистов. Особенно активно вопрос информационной нагрузки каждого из компонентов предложения, а также механизмов, обеспечивающих его функционирование, исследуется в таких отраслях языкознания, как функциональная грамматика, коммуникативный синтаксис, когнитивная лингвистика, дискурсивная лингвистика и т.д. Относительно описания коммуникативной структуры предложения наиболее распространённым является термин «актуальное членение предложения», однако параллельно с ним нередко употребляется и понятие «функциональная перспектива предложения», которое включает в себя такие категории, как топик, коммент и фокус (основоположником теории функциональной перспективы предложения является Я. Фирбас).

Цель нашей работы – определить аспект исследования фокуса высказывания, наиболее уместный при коммуникативном анализе высказывания. Для этого мы ставим такие задачи:

- определить особенности категории фокуса высказывания в контексте теории функциональной перспективы высказывания;
- изучить современные аспекты рассмотрения категории фокуса высказывания и выявить наиболее подходящий для проведения анализа коммуникативной структуры высказывания.

Предложение, как и высказывание, – многоаспектуальная единица. Хотя для современной лингвистики общеупотребляемыми при анализе коммуникативной структуры предложения являются термины «актуальное членение предложения» и «функциональная перспектива предложения», следует учесть, что определение

описывающих их категорий производится не в предложении, которое является абстрактной схемой и присуще языку, а в высказывании, которое является предложением, «наполненным» в соответствии с коммуникативной ситуацией, и функционирует в речи. Однако, в отличие от актуального членения предложения, в котором основное внимание уделяется контексту сообщения, в функциональной перспективе предложения учитывается ситуативность речи, влияние экстралингвистических факторов на формирование сообщения.

В лингвистике XX в. разрабатывались два подхода к определению понятия «фокус» – генеративный и функциональный. В соответствии с генеративным подходом понятие «фокус» употребляется относительно слов или выражений, которые выделены посредством просодики или синтаксиса, на основании того, что они представляют «новую» информацию. Согласно функциональному подходу понятие «фокус» употребляется для обозначения слов или выражений, служащих для когеренции текста / сообщения. В этом случае можем говорить о фокусе как текстовой категории, которая характеризуется более значительной степенью зависимости от внеязыковой действительности, нежели фокус как категория, которая выделяет новое относительно ситуации сообщения.

В то же время И. Шатуновский именно в пределах высказывания выделяет непосредственно фокус высказывания и часть, не принадлежащую к фокусу высказывания, по такому критерию: семантические элементы, которые рассматриваются как альтернативные с точки зрения говорящего (или ограничены контекстом), входят в состав фокуса, являются утверждением, ассерцией; те элементы, которые являются сравнительно неизменными, являются презумпцией. Такая концепция в определённой степени перекликается с разделением статической и динамической сторон функционирования предложения, а анализ коммуникативной структуры предложения значительно расширяется посредством того, что экстралингвистические факторы начинают играть одну из наиболее важных ролей в процессе формирования высказывания. Вопрос соотношения фокусной перспективы высказывания и тема-рематического членения предложения лингвистом рассматривается как явление семантического и коммуникативного порядка соответственно, при этом исследователь утверждает, что фокус предложения может быть любого размера, в частности, может равняться «минимальному семантическому признаку» [1, 43]. Таким образом, явление фокализации в этом случае выходит за границы синтаксиса предложения и приобретает признаки феномена, структура которого репрезентирована рядом значений, объединённых общностью функционирования. При этом

фокус сообщения – один из элементов семантической системы конкретного предложения.

В целом, можно выделить четыре аспекта рассмотрения фокуса как коммуникативной категории:

1) Эмфатический, при котором компонент, находящийся в фокусе, характеризуется наличием интервала в интонационной схеме предложения; именно посредством паузации фокус становится более выразительным по сравнению с интонационным оформлением всего высказывания.

2) Семантический, согласно которому фокализация – это лишь выделение одного элемента в качестве семантического центра, именно этот элемент и определяет организацию других компонентов коммуникативной единицы. При таком рассмотрении главной функцией фокуса является лишь отображение изменений в доминантах значений. На наш взгляд, такая позиция не полностью отображает роль фокуса как ведущего компонента функциональной перспективы предложения, поскольку основной для исследуемой категории является всё-таки функция определения нового и наиболее значимого (с точки зрения информативности) речевого материала, в то время как отображение изменений в семантике предложения является «сопровождающей» функцией и наиболее ярко реализуется на уровне текста, а не высказывания.

3) Коммуникативный аспект рассмотрения фокуса высказывания связан с выбором говорящим коммуникативных стратегий и языковых средств. Представители этого подхода справедливо считают, что дискурс так же, как и высказывание, изначально нацелен на исполнение определённых заданий и достижение коммуникативного эффекта. Именно этим и объясняется разделение информации на «важную» (фокус) и «второстепенную» (топик).

4) Позиция рассмотрения фокуса высказывания, соотносящаяся с теорией референции. Фокус анализируется на уровне референта и акта референции, причём референция понимается как связь между формой и объективной реальностью.

Мы в понимании фокуса склоняемся именно к коммуникативному аспекту его анализа, поскольку фокус рассматриваем как категорию, являющуюся мерой коммуникативной значимости компонентов высказывания, и именно в таком аспекте рассматриваем изучаемую категорию в пределах функциональной перспективы предложения. Однако мы не отрицаем связь понимания фокуса с теорией референции (в частности, в определении состава фокуса предложения), а также эмфатических характеристик фокуса высказывания, но воспринимаем их в большей мере как средство выражения категории фокуса, нежели как форму его реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и неререферентные слова : Значение, коммуникативная перспектива, прагматика / И. Б. Шатуновский. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 400 с.

SUMMARY

Irina Svyatobachenko. The aspects of communicative category of focus studying

The thesis deal with the peculiarities of utterance focus category as one of the functional sentence perspective elements; the aspects of researched category studying are analyzed, among which the most suitable one for communicative analysis is determined.

Key words: functional sentence perspective, utterance focus.

Симонова Виктория

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Шишкина И. Е.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ТРАГЕДИЯ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА В «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЯХ» Н.В. ГОГОЛЯ

В данной статье на материале сборника Н.В. Гоголя «Петербургские повести» рассматривается «маленький человек» как один из типов литературных героев. Цель работы – обозначить основные черты «маленького человека» как литературного типа, выяснить, в чем видит трагедию «маленького человека» Н.В. Гоголь.

Ключевые слова: *«маленький человек», литературный герой, повесть, тип.*

В русской литературе существуют различные типы героев: «лишний человек», «сын века», «герой нашего времени», «маленький человек». Одним из наиболее актуальных образов русской литературы XIX века стал образ «маленького человека». Появление данного типа связано с литературой реализма, представители которой первыми обратили внимание на героев, стоящих на самой низкой ступени социальной лестницы. Пётр Вайль в своей работе высказывает следующую мысль: *«Маленький человек из великой русской литературы настолько мал, что дальнейшему уменьшению не подлежит. Изменения могли идти только в сторону увеличения»* [1].

В период XIX – начала XX века понятие «маленький человек» трактовалось довольно широко. Писатели не вкладывали в него тот смысл, который будет закреплён за ним позже. Термин стал тождественен мелкому петербургскому чиновнику только в советском литературоведении. Это, прежде всего, чиновник николаевского периода. Затем понятие было трансформировано и расширено писателями: «маленький человек» стал пониматься как человек бедный, занимающий самые низкие ступени в социальной иерархии.

Первым из писателей-реалистов к демократической теме маленького человека обратился А.С. Пушкин, которому удалось не только драматически изобразить противоречивое поведение бесправного человека, но и осудить бесчеловечные силы общества.

Продолжателем пушкинской традиции в изображении трагедии маленького человека стал Н.В. Гоголь. В первую очередь это касается его «Петербургских повестей», которые связаны не только местом действия – Санкт-Петербургом 1830-х годов, общностью проблематики, целостностью ведущего идейного пафоса, но и единством основного героя – разночинца, мелкого чиновника, мастерового, нищего художника, «маленького человека», выбитого из колеи жизни [1].

Маленький человек у Н.В. Гоголя становится жертвой Петербурга, жертвой нищеты, равнодушия и произвола власть имущих. Повесть «Шинель» повествует о жизни бедного чиновника Акакия Акакиевича Башмачкина, это «робкий, задавленный судьбой человек, забитое, бессловесное существо, безропотно сносящее насмешки сослуживцев». «Он был то, что называют вечный титулярный советник, над которым, как известно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться», – так говорит о Башмачкине Н.В. Гоголь [5].

Башмачкин занимается переписыванием бумаг. За все время работы герой ничуть не продвинулся по карьерной лестнице, а люди, работающие с ним, не помнят, когда он приступил к своей деятельности. И вот таким робким, бессловесным человеком овладело жгучее желание обзавестись новой шинелью. Ради этого он готов терпеть любые лишения, отказывая себе самом необходимым. За полгода он привык голодать по вечерам, а его жизнь наполнилась смыслом, словно *«какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу»* [5]. При этом писатель показывает, что сила страсти и ее предмет несоизмеримы. И здесь мы видим иронию Н.В. Гоголя: ведь решение простой житейской задачи вознесено на высокий пьедестал. А когда случилось страшное: Акакия Акакиевича ограбили, он в порыве отчаяния обратился за помощью

к «значительному лицу». В повести «Шинель» «значительное лицо» – это обобщенный образ представителя власти. Именно сцена у генерала с наибольшей силой обнаруживает социальную трагедию «маленького человека». «Столкнувшись с вопиющим равнодушием жизни в виде «значительного лица», испытав душевное потрясение, Башмачкин заболевает и умирает. В предсмертном бреде он произносит никогда не слыханные от него страшные богохульные речи» [2, 10]. Только мертвый Акакий Акакиевич способен на бунт и месть. В повести «Шинель» Н.В. Гоголь воссоздает контраст между бесчеловечной средой, вызывающей негодование, и ее жертвой, возбуждающей сострадание.

Тема «маленького человека» звучит и в другой повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Ее герой Аксентий Иванович Поприщин во многом похож на Башмачкина: он тоже мелкий чиновник, занимающийся переписыванием бумаг в департаменте, его тоже все обижают на службе. Правда, Поприщин – человек дворянского происхождения, но очень бедный и ни на что не претендующий. С утра до вечера он сидит в кабинете директора и, преисполненный величайшего уважения к начальнику, очинивает перья «его высокопревосходительству». У Поприщина есть свои представления о чести и личном достоинстве, свои привычки и даже заветные мечты: он носит в душе «высокую страсть» (обожествляет директорскую дочь). Жизнь «маленького» стихийно строится по модели «большого» (или настоящего), правда, с неизбежной в этом случае кривизной. Герой по-детски не понимает, что его жизненное «место» и его «роль» заранее, без его участия predetermined, а объект любви Поприщина явно превосходит его социальное положение. Герой посягает на чужое добро, нарушает принятую иерархию, путает узаконенные правила.

Поприщин не понимает, что та жизнь, которую он ведет, является надругательством над личностью и человеческим достоинством. Безответное увлечение дочерью начальника провоцирует развитие психического заболевания. Сознание Поприщина расстроено, и вот у него неожиданно возникает вопрос: «Отчего я титулярный советник?» и «Почему именно титулярный советник?» [5]. Герой окончательно теряет рассудок и поднимает бунт: в нем просыпается оскорбленное человеческое достоинство. Он думает о том, почему он так бесправен, почему все, «что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам, или генералам». Поприщин попадает в сумасшедший дом, и только там у на мгновение нравственно прозревшего героя вырывается вопль: *«Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! Что они делают со мною!.. Что я сделал им? За что они мучают меня?»* [5].

В повести «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголь отобразил пошлость стремлений чиновно-бюрократического сословия, ограниченных чинами, орденами, карьерой, и трагическую судьбу «маленького» человека, ощущающего явную несправедливость окружающих его обстоятельств, страдающего от социальной ущербности и неполноценности.

Подводя итоги, стоит отметить, что трагедия маленького человека заключается, с одной стороны, в самих условиях его общественного бытия, а с другой – в том, что такой человек робок по своей натуре настолько, что закрывается в самом себе, организует свой отдельный мир и пространство, в которое не пускает никого. Нежелание бороться с проблемами, возникающими вокруг маленького человека, приводят его к тому, что в мире такого героя не находится место большим целям и желаниям. Он одинок, отвернут от людей и никому не нужен, его уход из жизни просто незаметен для окружающих.

Трагедия маленького человека – это трагедия бедного, незнатного человека, оскорбляемого высшими по чину людьми, доведенного до отчаянья всем образом своей жизни и ощущающего свое бессилие перед ней. Иногда он способен на протест, и к бунту «маленького человека» всегда ведет жизненная катастрофа, но исход протеста всегда один – безумие, смерть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, А. А. Тема маленького человека в русской классике / А. А. Аникин. – Текст : электронный // Образовательный портал Слово : сайт. – URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37140.php?ELEM> (дата обращения: 17.11.2020).
2. Воропаев, В. Гоголевский Петербург / В. Воропаев // Н.В. Гоголь. Петербургские повести. – М. : Детская литература, 2002. – С. 5–14.
3. Образ «маленького человека» в русской литературе 19 века. – Текст : электронный // электронная библиотека Litra.ru : сайт. – URL: <http://www.litra.ru/composition/download/coid/0003040> (дата обращения: 18.11.2020).
4. Образ маленького человека в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя. – Текст : электронный // Идеи в кино и литературе : сайт. – URL: <http://fandea.ru/1028-obraz-malenkogo-cheloveka-v-pet> (дата обращения: 16.11.2020).
5. Гоголь, Н. В. Петербургские повести / Н. В. Гоголь. – Текст : электронный // LibKing: сайт. – URL: https://libking.ru/books/prose_rus_classic/675427-nikolaj-gogol-peterburgskie-povesti-sbornik.html (дата обращения: 17.11.2020).

SUMMARY

Victoria Simonova. The tragedy of a little man in the “Petersburg stories” N.V. Gogol

In this article, based on the collection of N.V. Gogol’s “Petersburg Stories” is considered a “little man” as one of the types of literary heroes. The purpose of the work is to identify the main features of the “little man” as a literary type, to find out what N.V. Gogol.

Key words: “little man”, literary hero, story, type.

Соловцова Елена

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Теркулов В. И.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЭКСПЛИЦИТНЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ ПРИКАЗА

В работе проанализированы синтаксические способы реализации диктумной части директивных перформативных предложений ситуации приказа. Рассмотрены варианты экспликации компоненты намерения при директивных перформативных глаголах приказа.

Ключевые слова: диктум, модус, директивный предикат, интенция, синтаксическая модель.

Директивные предложения с перформативными предикатами интенционально-семантической группы приказа являются наиболее распространенным типом перформативных высказываний директивной интенции, зафиксированным в газетном подкорпусе НКРЯ. Эти речевые акты характеризуются авторитетностью и авторитарностью, которые исходят от продуцента высказывания, также их особенностью является категоричность относительно адресата.

Описание синтаксических формул директивных перформативных высказываний основывается на исследовании диктумной части перформативной модели, которая раскрывает суть предполагаемого действия адресанта (компонента намерения). При этом модусная часть перформативного высказывания является преимущественно константной и содержит директивный перформативный глагол в его классической форме, личное местоимение 1-го лица единственного числа как компоненту продуцента высказывания и местоимение или существительное в дательном падеже как компоненты адресата.

Валентность содержания приказа может реализовываться следующими способами (порядок описания типичных формул определён частотностью их употребления по данным газетного подкорпуса НКРЯ):

– **ДПГ + инфинитивная группа**: *Тогда я приказываю вам поставить этот грибок на место, убрать со двора мусор и благоустроить нашу детскую площадку* [Н. Дубинина. Роботы идут в атаку // Труд–7, 2002.06.20]; *Я требую наказать всех причастных к нашему незаконному аресту...* [М. Вигнанский. Фотографы-«шпионы» требуют снять обвинения // Известия, 2012.10.26]; *Я запрещаю меня снимать, я не давал разрешения* [О. Гончарова. Бывшего сотрудника ФСБ Игоря Кепеля осудили на 19 лет за двойное убийство // Комсомольская правда, 2012.06.15].

Данная модель является модификацией синтаксической конструкции с союзом *чтобы* (базовой для директивных перформативов), в которой происходит слияние главной (модусной) и придаточной (диктумной) частей сложного предложения в рамках простого предложения как результат преобразования придаточной части в инфинитивное дополнение.

В синтаксических моделях данного типа при перформативных предикатах могут употребляться обстоятельственные распространители, с помощью которых продуцент высказывания апеллирует к воле социально высшего лица или документа, совершая речевой акт: *«Именем закона, приказываю вступить в кильватер!»* [С. Турченко: «Вижу противника, уклоняюсь» // Труд–7, 2000.07.13].

– **ДПГ + предикатное существительное**: *Требую от вас тщательной и целенаправленной работы по привлечению к уголовной ответственности лидеров и участников этнических преступных сообществ* [А. Бойко. Полиция «зачистит» спальные районы Москвы // Комсомольская правда, 2014.01.24]; *Я категорически запрещаю деятельность всяких экстернов, запрещаю деятельность всяких вечерних школ в Дагестане* [А. Гришин. В Дагестане прикроют «будки по выдаче дипломов» // Комсомольская правда, 2013.10.26]; *Спиртное не употреблял. Требую повторной экспертизы* [А. Гречанник. Если вам «шьют» пьяную езду // Комсомольская правда, 2012.12.24].

Предикатные существительные, употребляющиеся после перформативных глаголов, эквивалентны придаточным изъяснительным, вводимым союзом *чтобы*: *требую от вас работы – требую, чтоб вы работали; настаиваю на пересчете голосов – настаиваю, чтобы голоса пересчитали* и т. д.

– **ДПГ + императивная глагольная форма**: *Его НТВ распоясалось, ведет себя нахально. Я вам приказываю: разберитесь с ним* [А. Коржаков. «Я Березовского просто пристрелю, как

крысу!» – Александр Коржаков в своих мемуарах о Березовском // Комсомольская правда, 2013.03.24]; ***Приказываю: поворачивай! Иначе за себя не ручаюсь*** [Л. Репин. Загадка последнего полета любимого пилота Сталина // Комсомольская правда, 2012.08.09]. ***Остановите машину!!! Я требую, остановите машину!!!*** [К. Выставкина. «Автобус протащил меня 100 метров по проезжей части» // Комсомольская правда, 2009.01.21].

– ***ДПГ + придаточное предложение, вводимое союзом чтобы:*** Как главный редактор студии я ***требую***, чтобы мне в полной мере обосновали отказ в финансировании [О. Кармунин. «Трудно быть богом» – лучшее доказательство возрождения «Ленфильма» // Известия, 2013.10.08]; Я ***требую***, чтобы мне обеспечили достойные условия! [Ю. Пчелина. Шукшиной подарили чернику, Козакову – галстук, а Сухорукову – носки // Комсомольская правда, 2004.08.17]; ***Во-первых, мы с Сашей в Америке никогда не пересекались. И потом, я настаиваю, чтобы сегодня мы говорили только обо мне*** [К. Зангалис. Чемпионка НБА Светлана Абросимова: «Мы с Овечкиным соседи!» // Советский спорт, 2010.09.22].

Анализируемая синтаксическая модель представлена конструкциями с перформативными предикатами *требовать, настаивать, рекомендовать*. В целом анализ перформативных высказываний, реализующих интенцию приказа, показывает низкую частотность употребления представленной синтаксической модели: в частности, в газетном подкорпусе НКРЯ нами не зафиксировано примеров её реализации для перформативных предикатов с интенцией собственно приказа, запрета и других семантических групп директивных перформативных предикатов, образующих анализируемую лексико-семантическую группу.

Достаточно распространенным типом предложений с директивными перформативными предикатами приказа и разрешения являются модели, представленные односоставным (чаще нераспространенным) предложением, образованным перформативным предикатом, непосредственно называющим речевой акт приказа или разрешения. При этом компонента намерения, раскрывающая содержание приказа, эксплицируется в предшествующем предложении: *Ты должен жить ради своих детей и внуков! Приказываю тебе!* [М. Ремизова. Актриса Нина Шацкая: «Перед смертью Валера успел проститься со своим внебрачным сыном!» // Комсомольская правда, 2013.03.30]; *Но звонить разрешишь? – Разрешаю, – смиростивилась Маргарита* [М. Корец. Сто писем из ниоткуда // Труд–7, 2009.04.16]; – *Леонид Викторович, вы разрешаете игрокам ходить на пляж? – Разрешаю* [А. Лисовский. Леонид Слуцкий: «Женатым футболистам ходить на пляж запрещаю!» // Комсомольская правда, 2009.03.24].

Нечастотными являются модели, представленные бессоюзными сложными предложениями, в которых валентность директивного предиката раскрывается второй частью бессоюзного предложения, функционирующей как дополнение или пояснение того, о чем говорится в первой части. В указанных примерах директив употребляется в ассертивной функции: *Все мои версии остаются прежними. Продолжал настаивать и **настаиваю**: главным выгодополучателем этой истории остается Березовский* [Г. Сапожникова. Андрей Луговой: «Главным выгодополучателем этой истории остается Борис Березовский» // Комсомольская правда, 2011.11.30], а также модели, диктумная часть которых представлена прямой речью, раскрывающей содержание коммуникативного действия, представленного перформативным предикатом: *Все же **настаиваю**: «А вы готовы, если потребуется, накрыть на завтрак кило икры и подогнать «Феррари» к семи утра?»* [О. Шевцов. На пляж в Сен-Тропе наши летают на вертолете // Комсомольская правда, 2006.08.24].

Таким образом, способы интерпретации директивной пропозиции обусловлены постпозитивными распространителями, на базе которых и выделяются основные синтаксические модели предложений. Директивная перформативная пропозиция обусловлена иллокутивной целью, которая эксплицируется директивными перформативными предложениями различной структуры. В газетном подкорпусе НКРЯ наиболее распространенной является синтаксическая модель директивных перформативных предложений «ДПП + инфинитивная группа». Следующими по частотности употребления являются модели «ДПП + предикатное существительное» и «ДПП + императивная глагольная форма».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко, А. В. К проблеме интенциональности в грамматике / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1994. – № 2. – С. 29–42.
2. Шведова, Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения / Н. Ю. Шведова // Славянское языкознание. – М. : Наука, 1973. – С. 461–463.

SUMMARY

Elena Solovtsova. Syntactic sentence patterns with the direct explication of order

The article deals with the syntactic ways of implementing the dictum part of directive performative sentences with the explication of order. The types of implementing the intent component in directive performative verbs of order are investigated.

Key words: dictum, modus, directive predicate, intention, syntactic model.

Титова Людмила

Научный руководитель –

канд. гос. упр., доц. Богданов А. В.

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе Донецкой Народной Республики»,*

г. Донецк, ДНР

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРАВНЕНИЯ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКАХ МИРА

Фразеологизмы имеют национально-культурную специфику и отображают менталитет и культуру народа. Фразеологизмы, выражающие качества человека в разных языках народов мира, имеют сходства и различия, что представляет интерес для научных исследований.

Ключевые слова: *фразеологизмы, языки мира, сравнения, речь, коммуникация.*

Изучением фразеологизмов занимались разные ученые, которые часто доказывали, что фразеологизмы значатся отличным признаком полноценности и красноречивости языка любого народа мира. Еще в XVIII веке великорусский ученый и поэт Михаил Васильевич Ломоносов именовал постоянные сочетания «фразесами», «идиоматизмами» и считал, что их необходимо подключить в словари. Также занимательны размышления к изучению фразеологизмов Измаила Ивановича Срезневского о лексической цельности определенных словосочетаний, концепция Филиппа Федоровича Фортунатова о «сплетенных словах», идеи Льва Владимировича Щербы о разделении исследования стабильных словосочетаний в смысле языка и речи, статьи по фразеологии В. Виноградова.

Целью данного исследования выступает рассмотрение фразеологизмов как сравнений, что высказывают нравственные особенности человека. Проблемой исследования является нахождение и пояснение примеров фразеологизмов-сравнений, которые действуют в современном мире в различных языках любой народности.

Речь – это один из видов общения, который необходим людям в их совместной деятельности, в общественной жизни, в обмене информацией, в познании, в образовании. Одним из эффективных способов формирования устной речи являются фразеологические единицы. Под фразеологией подразумеваются устойчивые, образные, эмоционально заряженные фразы, имеющие интегральное значение, которые, в отличие от обычных комбинаций слов, не создаются в

речи, а воспроизводятся. Фразеологизмы являются неотъемлемой частью любого языка. Фразеологические обороты придают языку яркость черт национального характера и тот неповторимый колорит, который отличает один язык от другого. «Фразеологизмы составляют народную физиономию языка, его оригинальные средства и его самобытное богатство», – говорил в свое время В. Г. Белинский [1, 407].

Сравнение, являясь индивидуальным средством, устанавливает сходство двух предметов. Менталитет и духовная культура народа воплощаются в единицах языка, прежде всего, через их образное содержание.

Виноградов одним из первых заметил особый тип «фразеологических систем с союзами-частицами как, точно, словно» и наметил аспекты ограничения идиоматичных систем с семантикой сопоставления от обычных, «свободных» фраз: «Степень закрытости словосочетания в разнообразных видах данных фраз очень неоднородна. Иногда внутреннее допущение фразы обуславливается классической национальной характеристикой образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью». Ученый считал, что конструкции со словом «как» представляются дополнением к предикату – качественному определению: *богат как черт; блудлив как кошка; пьян как сапожник; мягкий как воск; глупа как курица и другие (рус.)* [2].

В качестве идиоматичной единицы в различных языках мира могут обозначать разные по внешнему облику сочетания – от двухсловных, типа *de tete (по памяти, франц.)* до детальных сочетаний, в том числе *se porter comme le Pont Neuf (быть крепким будто бык, франц.)*. Также фразеологизмом может быть завершенная постановка пословичного характера, например: *il n'est pire eau que l'eau qui dort (в тихом омуте бесы водятся, франц.), les vieilles amities ne se remplacent pas (старый приятель вернее новых двух, франц.)*.

Основными признаками фразеологической единицы являются:

- а) известность выражения в «родном» языке;
- б) регулярная повторяемость в речи;
- в) устойчивость, то есть семантическая слитность и неразложимость компонентов фразеологической единицы;
- г) семантическая целостность, то есть внутреннее смысловое единство компонентов фразеологизма.

Понятие фразеологической единицы многогранно. Определяя данную дефиницию, лингвисты рассматривали не только ее структурную и семантическую сторону, но и особенности функционирования в том или ином обществе, народе [3].

Фразеологизмы самостоятельно воспроизводят жизнедеятельность любого народа с очень давних времен, в них сформулированы сила и дух народа, его история, обычаи. Следовательно, можно сказать, что идиоматизмы выражают как социум (народ), аналогично и человека (личность) в отдельности. Среди бесчисленных стабильных сочетаний много тех, что объединены с особенными чертами человека. К примеру, *скользит на сэндвиче с креветками* (швец.), *ходит как сонная муха* (рус.), *разбирается как свинья в апельсинах* (рус.). Особые характеристики человека чаще только сформулированы посредством сопоставления с животными, птицами, их повадками. Иногда примета может не обозначаться, впрочем, сопоставление выражается контекстом.

Формы оборота сравнений в русском языке разнообразны.

Таблица 1

№	Модели образования сравнений	Пояснение	Пример
1	Простые сравнения	С использованием сравнительных союзов и слов	<i>упрямый как осел, легкий словно пушинка, облака будто лошадки.</i>
2	Бессоюзные сравнения	Без использования союзов	<i>язык мой – враг мой, мой дом – моя крепость.</i>
3	Формы творительного и родительного падежа	Родительный (кого? чего?) Творительный (кем? чем?)	<i>съели со скоростью звука, щеки раздувались шарами</i>

В калмыцком языке при сопоставлении употребляются установки со словами «кевтэ», «мет», «эдл», «болсн», «теду дүңгэ» и некоторые другие. Например: *семжн мет сегркэ үүлн* (перистые облака, будто легкий прозрачный слой жира на брюшине); *зед уята уһнн мет* (кроткий, как жеребенок); *шар гүрвлг кевтэ ширвкэд одв* (прошмыгнул, будто золотая ящерица); *амндан ус балһсн кевтэ* (мет) (будто в рот воды набрал) [4].

В идиоматизмах английского языка употребляются единицы с союзами *as / like*: (as) *bold* (или *brave*) *as a lion* (храбрый как лев); (as) *fierce as a tiger* (беспощадный как тигр).

Подобные фразеологизмы существуют во всех языках мира, например: *проглотить пару верблюдов* (*A svelge noen kameler*) – *сдаться* (норвежский), *быть здоровее, чем груша* (*Estar mas sano que una pera*) – *быть и чувствовать себя здоровым* (шведский.), *меня кусает сом* (*Me pica el bagre*) – *я очень голоден* (испанский), *ich die Haare raufen* – *быть в отчаянии, рвать на себе волосы*

(немецкий), даже обезьяны падают с деревьев (японский), кормить осла бисквитным тортом (португальский), *Červený jako krocen* (Красный как индюк (чешский) [4].

Подводя итог, можно сказать, что в семантике сопоставления отображается особое национальное видение мира. Элементы мира, подвергающиеся сравнению, имеют, кроме сходства, внушительные различия, предопределенные национальной культурой, ментальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / В. Г. Белинский. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959. – Т. 1. Статьи и рецензии. – 565 с.
2. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140–161. – Сайт : <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77d.htm> (дата обращения: 20.10.2020).
3. Зиновьева, Е. И. Типы фразеологизмов в обиходном языке Московской Руси XVI-XVII вв. / Е. И. Зиновьева // Проблемы фразеологической и лексической семантики. Материалы Международной научной конференции. – Кострома, 18-20 марта 2004 г. – М., 2004. – С. 65–73.
4. Чепкова, Т. П. Лингвометодические аспекты изучения русской фразеологии в иностранной аудитории / Т. П. Чепкова // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2010 г. – № 6 (14), ноябрь – декабрь. – С. 211–213.

SUMMARY

Ludmila Titova. Phraseologism as a comparison of human qualities in the languages of the world

The article analyzes phraseological units as comparisons that express the moral qualities of a person, presents and explains examples of phraseological units-comparisons that function in different languages of the world, highlights the main features of a phraseological unit, notes that the semantics of comparison reflects a specific national vision of the world.

Key words: phraseological units, languages of the world, comparisons, speech, communication.

Титова Олеся

Научный руководитель –

канд. гос. упр., доц. Богданов А. В.

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе Донецкой Народной Республики»,
г. Донецк, ДНР*

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В настоящее время особенно актуально использование современных технологий в образовательном процессе. Инновационные формы и методы обучения характеризуют новый подход к процессу обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: *инновационные технологии, методы обучения, язык.*

В современных условиях преподавание иностранного языка предполагает использование инновационных подходов к содержанию занятий и к выбору образовательных технологий и эффективных методов преподавания.

Принцип вариативности образования позволяет учебным заведениям выбирать любую модель педагогического процесса и в этих условиях преподавателю лингвистических дисциплин предоставляется определенная свобода выбора инновационных моделей и технологий обучения [1, 104].

Инновационные технологии обучения обуславливают переход от содержательной парадигмы педагогического процесса к личностной парадигме, от информирующих методов обучения – к интерактивным методам обучения.

Главная цель данной работы – рассмотрение новых методов преподавания лингвистических наук как эффективных средств повышения качества образования.

Задачи данной работы:

- 1) исследование инновационных технологий для их применения на практике;
- 2) определение технологий для проявления активности студентов;
- 3) введение в процесс обучения современных информационных технологий.

Существуют различные типологии технологий обучения, используемых в различных звеньях системы образования.

Распространенной является следующая типология технологий обучения:

1. Структурно-логические (заданные) технологии обучения, представляют собой поэтапную организацию постановки задач обучения, выбора способов их решения, диагностики и оценки полученных результатов.

2. Компьютерные технологии, связанные с применением информационных, тренинговых, контролирующих и развивающих учебных программ различного вида, различных средств обучения, в т. ч. электронных учебников.

3. Тренинговые технологии, связанные с отработкой определенных алгоритмов учебно-познавательных действий и способов решения типовых задач в ходе обучения (тесты, практические упражнения).

4. Удаленные учебные технологии, направленные на повышения эффективности взаимодействия преподавателя и студента, что обеспечивается пересылкой учебно-методических материалов по электронной почте; организацией непосредственного общения с помощью форумов, интернет-пейджеров и видеоконференций; удаленным выполнением практических работ; текущим контролем усвоения знаний в онлайн-режиме [5].

Следует помнить, что результат использования инновационных технологий с целью повышения профессиональной направленности изучения иностранного языка особенно заметен, если технологии применяются системно на всех занятиях для формирования целого комплекса умений [2, 45–60].

Рассмотрим подробнее традиционные образовательные технологии и некоторые современные инновационные методы обучения иностранному языку.

Достоинства традиционных технологий: регулярный характер обучения; упорядоченная подача учебного материала; организационная четкость; оптимальные затраты ресурсов при групповом обучении; постоянное эмоциональное воздействие личности преподавателя.

Недостатки традиционных технологий: нерациональное распределение времени на занятии; на уроке поддерживается лишь первичная ориентировка в учебном материале в аудитории и углубленное самостоятельное изучение материала вне аудитории; отсутствие общения друг с другом у обучающихся, их пассивность и бездействие; слабая речевая активность; отсутствие персонального обучения.

Отчасти указанные недостатки может компенсировать метод полной физической реакции (Total physical response, TRP).

Основные принципы метода:

1) понимание чужого языка предшествует процессу говорения;

2) понимание чужой речи следует развивать путем выполнения приказов;

3) развитие готовности к речи должно происходить спонтанно, без принуждения.

Отметим, что данный метод весьма продуктивен только для развития говорения и не предназначен для обучения чтению и письму. Он продуктивен при условии, что язык в том объеме, который усваивается при обучении данным методом, не является естественным языком для повседневного общения [3, 128–130].

Личностно-ориентированные технологии предусматривают обеспечение комфортных, бесконфликтных условий для развития личности обучаемого, реализацию ее естественных потенциалов.

Достоинства личностно-ориентированного обучения:

1) возможность для применения дидактического материала различных форм, определение цели, места и времени его использования на занятии;

2) стимулирование независимых проявления обучающихся, предоставление возможности задавать вопросы, высказывать оригинальные суждения;

3) организация обмена идеями, мнениями, оценками, дополнения и анализу высказываний других обучающихся;

4) применение индивидуального опыта и опора на интуицию каждого ученика, использование проблемных ситуаций, возникающих в ходе занятия;

5) стремление к созданию ситуации успеха для каждого ученика.

Возможности использования Интернет-технологий в настоящее время:

1) переписка с помощью электронной почты;

2) участие в международных Интернет-конференциях, семинарах и других сетевых проектах подобного рода;

3) создание и размещение в сети сайтов и презентаций как результат совместной деятельности преподавателя и обучаемого, взаимообмен презентациями между преподавателями разных стран [4, 23–29].

По мнению преподавателей, занятия по созданию интернет-ресурсов интересны студентам своей новизной, актуальностью и креативностью. При обучении в малых группах на таких занятиях каждый сможет проявить свою активность.

Но информационные технологии это отнюдь не универсальный вид деятельности обучаемых в ходе изучения иностранного языка. Для достижения наилучших результатов необходимо использовать в учебном процессе широкий спектр инновационных образовательных технологий.

Задача разработки и оптимизации методики обучения иностранному языку всегда была одной из наиболее актуальных проблем современного образования. Педагогические исследования в этом направлении показали, что преподавание иностранных языков на всех уровнях сегодня невозможно без инновационной составляющей. В свете современных требований к целям обучения иностранному языку меняется статус обучаемого и обучающего, которые переходят от схемы «преподаватель-студент» к технологии личностно-ориентированного обучения в тесном взаимодействии [6, 69-73].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырева, М. А. Профессиональная языковая подготовка в высшей школе в контексте социообразовательных реформ / М. А. Богатырева. – М., Флинта : Наука, 2015. – 104 с.
2. Брызгалина, Е. В. О критериях оценки педагогической деятельности преподавателя в контексте управления качеством образования / Е. В. Брызгалина, В. А. Прохода // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – 2014. – № 6. – С. 45–60
3. Кондратьев, Д. К. Инновационный подход к обучению иностранным языкам / Д. К. Кондратьев, Л. Н. Гущина // Журнал ГрГМУ. – 2008. – № 1 (21). – С. 128–130.
4. Никеева, М. М. Современные информационно-коммуникационные технологии обучения иностранным языкам / М. М. Никеева // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2013. – № 5. – С. 23.
5. Павлова, О. В. Современные технологии обучения взрослых в системе непрерывного образования. – Сайт : <http://iov.ast.social/899-sovremennye-tekhnologii-obucheniya-vzroslykh-v-sisteme-nepreeryvnogo-obrazovaniya.html> (дата обращения: 16.10.2020).
6. Чекун, О. А. Современные технологии обучения иностранным языкам цифрового поколения студентов / О. А. Чекун, И. И. Лушникова // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2015. – № 1. – С. 69–73.

SUMMARY

Olesya Titova. Innovative technologies in teaching a foreign language

The article analyzes new technologies for teaching linguistic sciences, presents and explains examples of using the method of complete physical reaction and the method using the Internet, highlights the prospects for the development of these methods, it is noted that

teaching foreign languages at all levels today is impossible without an innovative component.

Key words: innovative technologies, teaching methods, language.

Толок Татьяна

Научный руководитель –

преп. фил. дисциплин

первой кв. категории Брыкова Н. А.

ГПОУ «Макеевский педагогический колледж»,

г. Макеевка, ДНР

ДИКТАНТ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ДОБРОВОЛЬНАЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ АКЦИЯ И ФОРМА РАБОТЫ ПО ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ СТУДЕНТОВ

В статье представлен один из эффективных методов патриотического воспитания в учебных заведениях – участие студентов в международных добровольных просветительских проектах и акциях, в том числе и диктантах. Автор исследует влияние диктанта на формирование у студентов гражданской позиции, чувства патриотизма, позитивной мотивации к изучению русского языка, истории, литературы, культуры.

Ключевые слова: диктант, патриотическое воспитание, международная добровольная просветительская акция.

Патриотическое воспитание студентов для ДНР всегда было и будет актуальным вопросом. В современных реалиях республике требуется молодое поколение с высокой нравственностью и стойкой гражданской позицией. Целью патриотического воспитания студентов является воспитание гражданина, гордого за свою страну, любящего и уважающего свой народ; знающего и почитающего историю страны и ее культуру; имеющего чувство долга и ответственности перед государством.

Основные методы нравственно-патриотического воспитания студентов заключаются в вовлечении молодых людей в активность общественных военно-патриотических движений, научно-исследовательскую деятельность, реализацию социальных проектов, тематических фестивалей и акций.

В данной работе автор статьи рассматривает диктант как международную добровольную культурно – просветительскую акцию и одну из форм патриотического воспитания студентов.

За последние несколько лет диктанты стали популярным способом привлечь внимание людей к конкретным сферам и в

доступной форме донести новые знания. Первой «ласточкой» был «Тотальный диктант», затем появились географический, этнографический, экономический и многие другие. Именно поэтому выбранная тема является актуальной и неисследованной, но над ней работают, начиная с 2004 года, как российские, так и американские социологи и лингвисты Д. И. Каминиченко, К. Стивенс, И. Фролова, Г. Рейнгольд, М. Макарова и др.

Диктант в разных его проявлениях и формах стал ежегодной образовательной акцией, призванной привлечь внимание к вопросам культуры и грамотности, имеющий целью формировать устойчивый интерес у людей к истории, литературе, обществознанию. Суть акции – добровольный бесплатный диктант для всех желающих, который проходит одновременно во многих городах ДНР, России и мира.

Количество желающих принять участие в акции, по данным социологов, растет из года в год. Диктант начинался как локальное мероприятие, однако за несколько лет своего существования разросся до международных масштабов. Это мероприятие стало одним из первых экспериментов использования флешмоба для развития идей патриотизма.

Цель данной статьи: дать представление о разных видах диктанта, как форме работы по патриотическому воспитанию студентов

Объект исследования – формирование патриотического воспитания студентов.

Предмет исследования – диктант как международная добровольная просветительская акция и форма работы по патриотическому воспитанию студентов

Студенты ГПОУ «Макеевский педагогический колледж» уже на протяжении двух лет, начиная с 2018 года, активно принимают участие в таких акциях как: «Тотальный диктант», «Есенинский диктант», «ИТ-Диктант» «Диктант Победы» «Пушкинский диктант» «Цифровой диктант», «Культурный диктант».

Начнем с «Тотального диктанта». Его идеология, связанная в первую очередь с проверкой грамотности и поддержкой русского языка, включает также ценности патриотизма и изменения окружающего мира через самосовершенствование. Результаты интервью с участниками диктанта у социологов выявили эмоциональную окрашенность участия в диктанте, связанную с ситуацией самопроверки, и идентификацию с группой интеллектуалов, патриотически настроенных и любящих русский язык.

«Есенинский диктант» – межрегиональная акция, посвящённая 125-летию со дня рождения С.А. Есенина. Данная акция – дань памяти великому национальному поэту, целью которой является

популяризация есенинского творчества, воспитание чувств патриотизма, любви к малой родине.

«Диктант Победы» – это международная историческая акция, которая позволяет гражданам России и других государств проверить свои знания о Великой Отечественной войне. Акция впервые была проведена в 2019 году.

Цель: привлечение широкой общественности к изучению истории Великой Отечественной войны, повышение исторической грамотности и патриотическое воспитание молодежи.

Цель акции «Пушкинский диктант» – популяризация русского языка, литературы и культуры среди широких масс населения, начиная с дошкольников и заканчивая взрослыми, проживающими как в России, так и за рубежом, путем привлечения внимания к творчеству А.С. Пушкина; формирование позитивной мотивации к чтению русской классики, повышение уровня функциональной грамотности студентов; продвижение литературы и русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения, как феномена богатейшей русской культуры.

«Цифровой диктант» – диктант по русскому языку включает в себя 36 вопросов на знание основных правил коммуникации, современных речевых оборотов, грамматики и пунктуации, культуры общения.

Цель проекта «Культурный диктант» – популяризация культурной грамотности в России и за ее пределами. Вопросы разделены на три основные возрастные группы по шести ключевым направлениям: литература, кино, театр, музей, музыка и архитектура.

Критериями эффективности воспитательной работы по формированию патриотизма и гражданственности у студенческой молодежи являются факты проявления ими гражданского мужества, активной жизненной позиции студента, гражданского долга, а значит и добровольное участие в международных просветительских диктантах этому способствует тоже.

Студенты ГПОУ «Макеевский педагогический колледж» с увлечением принимали участие в каждом из вышеперечисленных диктантов. Задания были интересными, увлекательными. Каждый из участников получил не только сертификат и яркие впечатления после участия, но еще и возможность доказать, что мы, жители ДНР, не представляем собой «невежество, безграмотность, дикость», а являемся культурными и образованными людьми, постоянно работающими над собой, принимающими участие в международных акциях и «флешмобах для интеллектуалов». Участие в международных диктантах становится той силой,

которая объединяет не только студентов, но и всех жителей нашей республики, способной стать событием, что позволяет гражданам самых разных социальных категорий, убеждений и взглядов почувствовать себя единым сообществом носителей русского языка и культуры. Ведь подобные акции привлекают внимание к истории страны, русскому языку, повышают статус владения культурными, историческими, языковыми навыками и распространяют «моду на культуру, образование и грамотность», а значит, вызывают у нас патриотические чувства, формируют активную гражданскую позицию, чувство сопричастности к культуре великого государства – Российской Федерации.

Разумеется, не все культурные проекты столь успешны с точки зрения воспитания. Поэтому нужно помогать студентам в отборе наиболее обдуманных мероприятий. Важно осознать, что формирование патриотичности (или патриотической гражданственности) – это не единичное событие, а процесс, где культура выступает средой (окружением), в котором такие понятия как патриотизм, гражданственность, интернационализм, любовь к Родине становятся понятными и обретают смысл. Именно контекст культуры придает истинное значение всем ценностям патриотического воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузский, М. П. Теоретические проблемы патриотизма и патриотического воспитания / М. П. Бузский, А. Н. Вырщиков, М.Б. Кусмарцев. – Волгоград, 2008. – 90 с.
2. Ким, И. Е. (2017). Тотальный диктант как форма проявления русского языкового сообщества // Кошкарёва Я. Б. (ред.). #ТОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. Вып. 1. Новосибирск: НГУ Курылева А. (2015). Тотальный диктант – флешмоб для интеллектуалов // Гилель : Россия.
3. РИА Новости. (2012). Организаторы «Тотального диктанта»: неграмотные люди стали заметны : сайт – URL : <https://ria.ru/interview/20120330/609984556.html> (дата обращения: 14.0.2020).

SUMMARY

Tatyana Tolok. Dictation as an international voluntary educational action and a form of work on the patriotic education of students

The article presents one of the effective methods of patriotic education in educational institutions – the participation of students in international voluntary educational projects and actions, including dictations. The author examines the influence of dictation on the formation of students'

civic stance, feelings of patriotism, positive motivation to study the Russian language, history, literature, culture.

Key words: dictation, patriotic education, international voluntary educational action.

Хаблова Татьяна

Научный руководитель –

к. филол. н. Винникова-Закутняя Т. С.

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»,

г. Макеевка, ДНР

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрены процессы функционирования новых слов в современном русском языке, охарактеризованы причины появления и способы классификации неологизмов.

Ключевые слова: *неография, неологизмы, способы классификации неологизмов.*

Проблематика вопроса функционирования новых слов продолжает оставаться актуальной, поскольку изменения, происходящие в жизни общества, сопровождаются пополнением словарного состава языка. Рассмотрение особенностей функционирования неологизмов в современном русском языке является *целью нашей работы*, для реализации которой предполагается решить следующие задачи: 1) обзорно рассмотреть определение понятия *неологизм*; 2) изучить особенности способов классификации неологизмов; 3) определить значимость новых слов для носителей языка.

Проблему функционирования новых слов рассматривали В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, И. И. Срезневский и др. Период 60-х гг. XX века ознаменован в языкознании активными процессами исследования неологизмов в словообразовательном, лексикологическом, стилистическом и других аспектах, что находит отражение в работах О. А. Александровой, О. А. Габинской, Е. А. Земской, Л. П. Крысина, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова и др. лингвистов. В результате возникла неология – наука о неологизмах, которая в 70-е гг. XX в. стала отправной точкой неографии – науки о теории и практике описания новых слов в словарях.

Согласно *идее стадийности*, выдвинутой Н. З. Котеловой, новое слово появляется в речи конкретного носителя языка в связи с необходимостью реализовать определенные потребности (первая стадия), затем оно вводится в речь слушателей (вторая стадия),

после чего за ним закрепляется общая употребительность (третья стадия) [4, 46]. На основе идеи стадийности А. А. Брагина выделила следующие типы неологических словарей: 1) *ежегодные словари*, в которых представлены только новые слова в полном смысле этого слова; 2) *словари-справочники*, в которых собраны новые широкоиспользуемые слова за последние десять лет; 3) *словари неологические, толковые*, в которых нашли отражение лексические единицы, не вошедшие в академические толковые словари, но употребляемые на протяжении нескольких десятилетий [2, 112].

Общие определения неологизмов (греч. *neos* – *новый*, *logos* – *слово*) говорят о том, что это слова, недавно появившиеся в языке. Т. В. Жеребило даёт более широкое толкование: «... новое слово или новое значение и форма уже существующего слова» [3, 216]. Такая формулировка охватывает большее количество лексических единиц и подчеркивает неоднородность языкового явления. *Неологизм* – общепринятый термин, в том числе в рамках школьной программы. Однако на современном этапе процесс описания новых слов иллюстрируется также наименованиями *инновации* (при обозначении новых явлений на всех уровнях языка) и *новообразование* (при комментировании инноваций на разных уровнях языка или же в тех случаях, когда речь идет о словообразовательных неологизмах).

Причины и основные пути появления в речи неологизмов достаточно разнообразны, что обуславливает необходимость рассмотрения существующих на современном этапе способов классификаций новых слов.

1. По виду языковой единицы выделяют **неолексемы**, которые появляются в результате заимствования (*имидж, папарацци, слоган* и т.д.) или же в итоге словообразования (предел – *беспредел*, иностранная валюта – *инвалюта*); **неофраземы** или же, по утверждению Н. З. Котеловой, **аналитические сочетания** (*кредит доверия, смешные цены* и т.д.); **неосемемы**, представляющие собой употребление старых слов, фразеологизмов в новых значениях (*экология языка* в значении *чистота*; *светлое будущее* в ироничном значении и др.). Данная классификация представлена в работах Г. Н. Склярёвской, Н. З. Котеловой.

2. Постепенно выделают **абсолютные (функциональные) неологизмы** – слова, которые ранее не употреблялись (*масс-медиа, лейбл* и т.д.); **относительные (актуализированные) слова**, являющиеся не новыми, но характерными для современного русского языка; к их числу относится «вернувшаяся лексика», получившая актуализацию на фоне общественных, культурных и др. процессов (*гимназия, губернатор, банкир* и т.д.). Детально относительные неологизмы рассмотрены в трудах Т. Н. Поповцевой.

3. По виду обозначаемой реалии выделяют *слова, обозначающие новую реалию* (деполитизация, ближнее зарубежье, дальнее зарубежье и т.д.); *слова, обозначающие старую реалию* (консенсус, презентация и т.д.); *слова, обозначающие актуализированную реалию* (доперестроечное время и т.д.); *слова, обозначающие воображаемую реалию* (аура, биополе, чакры и т.д.). Описанная классификация находит отражение в исследованиях О. С. Ахмановой, В. А. Козырева, В. Д. Черняк.

4. По способу образования выделяют *заимствованные неологизмы* (*топ, чизбургер, тоник, роуминг* и т.д.); *словообразовательные неологизмы* (аббревиатуры: *ИНН, АО* и т.д.; сложные слова: *пиар-кампания, интернет-сервис* и др.; простые производные слова: *антиреклама, видеоиндустрия* и т.д.). Особое место в рамках данной классификации занимают *семантические неологизмы* – старые слова, употребляемые в новом значении, которые образуются в результате метафоризации (*живое исполнение песни*); метонимизации (*быть на картошке* – быть на уборке картофеля); сужения или расширения значений (*восстанавливать* в смысле *ремонтировать* и т.д.). Словообразовательные и семантические неологизмы детально проанализированы в изысканиях И. С. Улуханова, Н. С. Никитченко [5].

Среди приведенных примеров множество слов для нас уже и не представляют собой новых понятий. Это вполне объяснимо: при постоянном использовании новые слова становятся привычными для носителей языка, что приводит к потере статуса «неологизма» и переходу слова в общий словарный состав в качестве общепотребительного.

Обширным является перечень сфер, в которых употребляются неологизмы, приведем лишь некоторые примеры: *винчестер, лэптоп, пиксель, браузер* и т.д. (сфера информационно-компьютерных технологий); *дайвинг, шейпинг* и т.д. (спортивная сфера); *лифтинг, пилинг, скраб* и т.д. (сфера косметологии), *тост, гамбургер, блендер, мультиварка* и т.д. (сфера гастрономии и быта), *оффшор, аукцион, фрахт* и т.д. (сфера экономики) и т.д.

Авторские неологизмы создаются одним лицом и остаются составляющей индивидуального стиля, окрашивают речь, создают яркие образы у читателя. К. Федин в одном из произведений употребил сочетание слов «*Глаза её звездились*» в значении «*сияли, блестели*». Приведем примеры из произведений В. Маяковского (*громадьё, декабрь, фырк* и т.д.), В. Хлебникова (*изнемождённый, восторгокрылый, смехачи* и т.д.).

Таким образом, неологизмы являются неотъемлемой частью словарного состава языка на фоне межгосударственных связей, непрерывных преобразований в самых различных сферах общества.

Анализ способов классификации неологизмов, представленный в нашем исследовании, не является исчерпывающим, так как по-прежнему актуальным остается вопрос о распределении новых слов на классы по ряду определенных признаков. Как отмечает С. И. Алаторцева, классификации могут быть расширены «за счет изучения процессов возникновения неологизмов на фонетическом, грамматическом, стилистическом уровнях (помимо лексического)» [1]. Наряду с этим, огромное множество трудов, посвященных исследованию неологизмов, обуславливает необходимость историографической систематизации материала. Вышесказанное определяет перспективность продолжения нашей работы в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаторцева, С. И. Проблемы неологии и русская неография: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. И. Алаторцева. – СПб., 1998. – 317 с.
2. Брагина, А. А. [Рецензия] / А. А. Брагина // НДВШ. Филологические науки. – М., 1997. – № 2. – С. 111–115. – Рец. на кн. : Новое в русской лексике. Словарные материалы 1988 / Под ред. Е.А. Левашова. РАН, Институт лингвистических исследований. – СПб. : Изд-во Дмитрий Буланин, 1996. – 420 с.
3. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов: словарь / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
4. Котелова, Н. З. Новые слова и словари новых слов / Н. З. Котелова. – Л., 1983. – 223 с.
5. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М., 1996. – 221 с.

SUMMARY

Tatyana Khablova. On the functioning of neologisms in modern Russian

Considered are the processes of functioning of new words in modern Russian. Characterized are the causes of appearance and ways of classification of neologisms.

Key words: neography, neologisms, ways of classification of neologisms.

Чиж Анастасия

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Жарикова О. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РИТМИЧЕСКОЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ СКАЗКИ «СОЛОВЕЙ И РОЗА»

Основное внимание в исследовании уделяется стилистическим средствам, используемым в сказке для создания выразительности. Выделены функциональные особенности синтаксических средств выражения. Принято считать, что именно с помощью синтаксических конструкций была создана соответствующая атмосфера сказок Оскара Уайльда.

Ключевые слова: *выразительность, стилистические средства, синтаксические конструкции, повтор, анафора, цепной повтор, эпифора, параллелизм.*

Сказка «The Nightingale and the Rose» («Соловей и Роза») является ярким примером особого авторского стиля языка сказок Оскара Уайльда. Произведение наполнено различными стилистическими приёмами на всех уровнях построения текста. Следует указать, что в сказках Уайльда ритм строится, главным образом, с помощью синтаксических стилистических приёмов. В основном эти синтаксические стилистические единицы выполняют функцию ритмической экспрессивности. Экспрессивность – свойство определённой совокупности языковых единиц передавать субъективное отношение говорящего к содержанию или адресату речи, а также совокупность качеств речи или текста на основе таких языковых единиц [1, 175].

Синтаксические особенности сказки «The Nightingale and the Rose» («Соловей и Роза») заключаются в том, что в синтаксической структуре текста преобладают короткие, часто эллиптические, предложения. Язык очень ясен и лёгок для понимания, что делает рассказ ближе и понятнее читателям. Например: «*No red rose in all my garden! – he cried*» (Уайльд О. «Счастливый принц и другие сказки»).

Полное предложение должно звучать так: «*There is no red rose in all my garden*». Хотя «*Why, indeed?*» должно быть «*Why is he weeping, indeed?*». Эти предложения создают выразительный эффект в целом, что влияет на литературный стиль. Эллипсис здесь, с точки зрения стилистики, кажется многофункциональным. Эллипсис используется для имитации разговорного стиля речи, а также для чёткой передачи мысли, описания событий и характеров героев.

В английском языке у каждого члена предложения есть собственное место, определяемое способом его синтаксического выражения, связями с другими словами и типом предложения. Нарушение обычного порядка следования членов предложения, в результате которого какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности или экспрессивности, называется инверсией [2, 16].

В этой сказке Оскар Уайльд также использовал инверсионные конструкции, чтобы сделать язык произведения богаче и красочней. Инвертированный порядок слов может служить и для логического выделения какого-либо члена предложения, поскольку в инвертированных конструкциях происходит «перераспределение логического ударения» [1, 167]. Например: «*Pale was it at first, as the mist that hangs over the river*» (Уайльд О. «Счастливый принц и другие сказки»).

Автор также использует параллельные конструкции для показания инверсии на уровне фраз и предложений, например: «*If you want a red rose, – said the Tree, – you must build it out of music by moonlight, and stain it with your own heart's-blood. You must sing to me with your breast against a thorn. All night long you must sing to me, and the thorn must pierce your heart, and your life-blood must flow into my veins, and become mine*» (Уайльд О. «Счастливый принц и другие сказки»).

Вышеуказанные предложения перевёрнуты, но они важны именно ввиду параллелизма. Когда мы читаем, тон повышается и падает с сильным ритмом. Это создаёт музыкальный эффект. Оскар Уайльд использует инверсионные конструкции и параллелизм для акцентирования внимания на деталях, чтобы читатель увидел не только главное действие, но и мелочи, из которых состоит мир произведения.

В числе наиболее частотных экспрессивных синтаксических элементов в сказке О. Уайльда «The Nightingale and the Rose» («Соловей и Роза») можно назвать повторы, которые используются для выражения ритмической экспрессивности в тексте сказки. Как замечает И. В. Арнольд: «Одна из важнейших функций повтора – это функция усиления» [1, 137–140]. В этой функции повтор как стилистический приём наиболее близко подходит к повторам как норме живой эмоциональной разговорной речи. В тексте повторяются знаменательные и служебные части речи, предложения, целые сегменты текста, а также стихотворные вставки [2, 75–80].

В произведении нами было выявлено употребление повторов разных типов более 20 раз. Наиболее частотным является анафорический повтор. Анафора похожа на многосоюзие, она также имеет как интонационную, так и смысловую функцию: анафора

воплощает образные антитезы либо порождает у читателя образ многосторонней, цельной реальности. Например: «*Why, indeed? – said a Butterfly, who was fluttering about after a sunbeam*». «*Why, indeed? – whispered a Daisy to his neighbor, in a soft, low voice*» (Уайльд О. «Счастливый принц и другие сказки»).

Автор использует также эпифору. В этой сказке эпифора используется для создания эффекта предположительности, а также для создания эффекта кульминации. Например: «*He is weeping for a red rose, – said the Nightingale*» (Уайльд О. «Счастливый принц и другие сказки»).

Ещё одной композиционной формой повтора является анадиплосис (catchrepetition) – слово или фраза, которыми заканчивается предложение, или короткий отрезок речи, повторяющийся в начале следующего предложения или отрезка речи [4, 30–34]. (Уайльд О. «Счастливый принц и другие сказки»).

Помимо анафоры, эпифоры и анадиплосиса Оскар Уайльд использовал в сказке «*The Nightingale and the Rose*» («Соловей и Роза») ещё один вид повтора, который имеет название цепной повтор. Цепной повтор (с англ. – chainrepetition) – фигура, представляющая собой ряд подхватов (стыков), которые следуют друг за другом. Этот синтаксический стилистический приём используется для создания эффекта плавно развивающегося логического мышления. В тексте выполняет функцию акцентирования логического и эмоционального значения повторяемой единицы [4, 35–40]. Например: «*All that I ask of you in return is that you will be a true lover; for Love is wiser than Philosophy, though she is wise, and mightier than Power, though he is mighty*» (Уайльд О. «Счастливый принц и другие сказки»).

Оскар Уайльд использует в этой сказке также кольцевой повтор или другими словами рамочную конструкцию. Рамочная конструкция (framing) – элемент в начале речевого отрезка, который также повторяется в конце [2, 127–130]. Например: «*One red rose is all I want, – cried the Nightingale, – only one red rose!*» (Уайльд О. «Счастливый принц и другие сказки»).

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в сказке Оскара Уайльда «Соловей и роза» применяются разнообразные средства языковой экспрессии, что помогает усилить ритмическую выразительность этой литературной сказки. Помимо этого, следует отметить, что автор употребляет в качестве стилеобразующего начала различные синтаксические и лексические приёмы для усиления выразительного эффекта сказки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимов, Л. П. Стилистика английского языка / Л. П. Ефимов. – Винница : Новая книга, 2004. – 240 с.

2. Заверина, Л. Н. Повтор – универсальное средство создания речевой экспрессии. Средства языка и речи: структура, семантика, функция, изучение / Л. Н. Заверина. – Тула : Печатный двор, 2003. – С. 134.
3. Уайльд О. Счастливый принц и другие сказки. Собрание сказок / О. Уайльд. – Х. : Фолио, 2013. – 316 с.
4. Franssen P. Oscar Wilde's Essays and Fairy Tales Aesthetic Morality. Thesis Literatures Cultural criticism / P. Franssen. – Utrecht : Utrecht University Repository, 2012. – 47 p.

SUMMARY

Anastasiia Chizh. Means of creating the rhythmic expressivity of the tale «The Nightingale and the Rose»

The article highlights the theme of the Means of creating the rhythmic expressivity of the tale «The Nightingale and the Rose». The main focus of this study is the stylistic means used in the fairy tale to create expressiveness. The functional features of syntactic means of creating expression are highlighted. It is generally accepted that it was with the help of syntactic constructions that the corresponding atmosphere of Oscar Wilde's tales was created.

Key words: expressivity, stylistic means, syntactic constructions, repetition, anaphora, chain-repetition, epiphora, parallelism.

Чугун Вероника

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Герасименко И. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ГОРЛОВСКИЙ ИМЕННИК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ МОДЫ

Целью данной статьи является исследование горловского антропонимикона с точки зрения языковой моды. Используя данные архива имён ЗАГСа города Горловки, нами был проведен сравнительный анализ состава и частотности мужских и женских имён новорожденных в период с 2014 по 2020 гг. с помощью двухъярусной теоретической модели моды А. Б. Гофмана.

Ключевые слова: антропонимика, антропонимикон, языковая мода, именник.

Антропонимика – раздел ономастики, изучающий собственные именования людей: личные имена, патронимы (отчества или

иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрываемые имена). Также объектами исследования становятся антропонимы литературных произведений, имена героев в фольклоре, мифах и сказках. Предметом нашего исследования стал горловский антропонимикон с позиций языковой моды.

По мнению Т. А. Бойковой, феномен моды в языке заслуживает особого внимания, поскольку мода занимает важное место в современном обществе и понимается как один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения [1, 1].

Социолог А. Б. Гофман считает, что основами сравнительного анализа состава и частности личных имён в различные периоды являются атрибутивные ценности моды – универсальность, современность, демонстративность.

Универсальность проявляется в том, что «различные образцы могут переходить от одной социальной группы к другой, испытывая при этом различные трансформации.... В движении этих образцов, скрывающем за собой реальные социально-экономические и традиционные национальные различия, и выражается универсальность (диффузность)....» [5, 20].

Современность, по определению А. Б. Гофмана, является фундаментальной ценностью в структуре моды [5, 16]. В моде ценность современности выражается в стремлении к новизне, но новизну «следует понимать в условном смысле: это то, что ново лишь по отношению к предыдущему стандарту» [5, 18].

Демонстративность в отличие от универсальности и современности «не ограничена пространственными и временными рамками. Она имеет корни в биологических аспектах человеческого существования, хотя в различных культурах, безусловно, выступает совершенно по-разному [5, 20].

Цель нашего исследования – с помощью двухъязычной теоретической модели моды А.Б. Гофмана определить популярные имена, часто используемые горловчанами. В качестве примера нами был рассмотрен Горловский именник, т.е. полный архив имён, которые были даны новорожденным в Горловке за последнее время. С этой целью мы провели сравнительный анализ состава и частотности мужских и женских имён новорожденных в период с 2014 по 2020 гг. на материале данных ЗАГСа города Горловки.

Применительно к антропонимам можно утверждать, что универсальными считаются имена, превысившие порог частности. По нашим данным, среди мужских имён, зарегистрированных в Горловке с 2014 по 2020 годы, самыми популярными являются такие имена, как *Даниил, Дмитрий, Александр* и *Артём*. Среди женских

имён, зарегистрированных в Горловке за данный период, наиболее популярными являются *София, Анастасия, Екатерина и Мария*.

Однако не все имена, употребление которых превысило порог частотности, можно назвать модными. Для признания антропонима модным языковым объектом также необходимо учитывать такую атрибутивную ценность, как современность. По А. Б. Гофману, современность ассоциируется с прогрессивностью, готовностью к изменениям и творчеству, она противопоставляется косности, рутине, консерватизму [5, 15].

Полученные нами сведения мы сравнили с данными исследования, проведенного В. Д. Бондалетовым в 1960-е года в Пензе. В контрольном срезе 1960-1969 года В.Д. Бондалетов выделяет 10 наиболее частотных мужских имён десятилетия: *Александр, Сергей, Владимир, Андрей, Михаил, Алексей, Виктор, Николай, Дмитрий, Евгений, Анатолий* [2, 147]. В состав 10 наиболее популярных женских имён в контрольном срезе 1960-1969 года вошли: *Ольга, Наталья, Татьяна, Светлана, Елена, Ирина, Людмила, Галина, Марина, Лариса* [2, с. 159].

Анализируя сравнение полученных нами сведений и данных исследования В. Д. Бондалетова, можно проследить, что состав мужских популярных имён в большей степени изменился: из моды вышли такие имена, как *Сергей, Алексей, Виктор, Николай, Евгений, Анатолий*, в то время, как имена *Александр, Владимир, Андрей, Михаил и Дмитрий* по-прежнему входят в список самых популярных имён. При этом состав женских популярных имён значительно изменился. Ни одного женского имени, популярного в 1960-ые года, нет в списках имён, популярных в наши дни. Этот факт указывает на то, что мода на женские имена меняется быстрее.

Следующая атрибутивная ценность моды – демонстративность. Она имеет корни в биологических аспектах своего существования, в стремлении быть внешне привлекательным для другого, способствует быстрой и экспрессивной демонстрации своего «я» [3, 146].

Демонстративность в антропонимии связана с выбором редких имён. Поскольку редких имён всегда больше, чем нередких, то изменения в этой части именника обычно заметнее [1, 3]. Анализ горловского именника показал, что экзотическими именами девочек называют чаще, чем мальчиков. При этом наблюдаются две противоположные модные тенденции.

Во-первых, среди редких антропонимов выделяются редкие имена, не входящие в традиционный русский именник, зачастую не зафиксированные в святцах. В избранном нами контрольном срезе за 2014-2020 гг. встретились такие редкие женские имена, как *Илона, Анжелика, Ада, Миа, Мирра, Оливия, Мишель, Ариана* и другие.

В Горловке в 2019-2020 гг. часто регистрировали новорожденных девочек с такими редко встречавшимися ранее именами, как *Ева, Мишель, Ариана, Варвара, Даниэла, Елизавета*. Среди мужских имён встретились *Гор, Сандро, Герман, Эрик, Бронислав*.

Во-вторых, к редким относятся зафиксированные в святцах старинные имена, которые на протяжении ряда лет не давались новорожденным. Например, с 2019 по 2020 гг. были зарегистрированы такие редкие женские имена, как *Варвара* и *Елизавета*, которые есть в святцах. Мужских имён, зафиксированных в святцах, в данных за 2019-2020 гг. не было обнаружено.

Также хочется заметить тот факт, что, по данным Минюста ДНР новорожденным в 2020 году чаще всего давали имена греческого или еврейского происхождения. Например, такие женские имена, как *Анастасия, Анна, Александра, Алина, Вероника, Виктория, Елизавета, Ева, Дарья, Мария, Полина и София*. К мужским именам, популярным в 2020 году, можно отнести *Александр, Артём, Андрей, Даниил, Дмитрий, Иван, Илья, Кирилл, Максим, Матвей и Михаил* (об этом см.: [7]).

Проанализировав полученные нами результаты, мы пришли к выводу, что статистический каркас антропонимикона довольно сильно изменился. Малая группа имён наблюдается в данных по всем исследуемым нами годам, из чего следует, что языковая мода в этой сфере стремительно меняется. Вместе с развитием репертуара редких, экзотических имён действует и противоположная тенденция – увеличение популяризации сравнительно небольших групп имён.

Таким образом, к модным антропонимам мы относим, с одной стороны, имена популярные в настоящее время, с другой стороны, редкие имена, которые создаются в рамках одной или двух модных тенденций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойкова, Т. А. Волгоградский именник с точки зрения языковой моды / Т. А. Бойкова // Ономастика Поволжья : мат-лы XIII Междунар. науч. конф. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 113–116.
2. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.
4. Врублевская, О. В. Языковая мода в русской ономастике : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Врублевская Оксана Валентиновна // ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», 2017. – 430 с.

5. Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – М., 1994. – 160 с.
6. Крюкова, И. В. Названия российских деловых объектов с точки зрения языковой моды / И. В. Крюкова // Этнографическое обозрение. – № 1. – 2007. – С. 120–131.
7. Популярные имена детей в 2020 : данные Минюста // DNR LIVE : сайт. – URL: <http://dnr-live.ru/populyarnyye-imena-detey-v-2020-dannyye-minyusta/> Деловой портал (дата обращения: 01.12.2020).

SUMMARY

Veronika Chugun. Gorlovsky namesake from the point of view of language fashion

The purpose of this article is to study the Gorlovka anthroponymicon from the point of view of language fashion. Using data from the archive of names of the civil registry Office of Gorlovka, we conducted a comparative analysis of the composition and frequency of male and female names of newborns in the period from 2014 to 2020 using a two-tier theoretical model of fashion by A. B. Hoffman.

Key words: onomastics, anthroponimics, the language of fashion, names.

Чумак Владислав

Научный руководитель –

д. филол. н., доц. Балко М. В.

*ГОУ ВПО «Академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»,*

г. Донецк, ДНР

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Лексическое значение – это содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нём представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д. Лексическое значение слова не является стабильным его признаком. Оно может претерпевать изменения под влиянием различных факторов, которые и рассмотрены в данной работе.

Ключевые слова: лексическое значение, слово, факторы, причины изменения, лингвистика.

Язык может быть определён как исторически развивающееся явление, которое не бывает абсолютно устойчивым. Следовательно, можем заключить, что изменение лексических значений слов

является очевидным процессом. Несмотря на то, что пик изменения лексических значений пришёлся на первую половину XX века, в наше время актуальность этих процессов не теряется на фоне влияния глобализации всех сфер жизни, в том числе и русского языка.

Рассматривая изменение лексических значений, задаёмся вопросом, какие именно факторы влияют на этот процесс. Исходя из этого вопроса, формулируем цель данной работы – многомерное обоснование взаимозависимостей между внешними факторами и развитием лексического значения слова.

Объектом работы видятся внешние факторы языковых и речевых изменений, а именно: социальные, политические и культурно-технические. Предмет работы – комплекс проблем, являющий взаимосвязь между тремя группами внешних факторов, актуальными для функционирования и развития языка.

Методологической базой исследования служит новейшее абстрагирование коммуникативной интерпретации природы языка. Для раскрытия факторов изменения лексических значений слов русского языка нами были использованы такие методы, как анализ и лингвистическое описание, метод словарных дефиниций и метод статистического подсчёта.

Согласно цели мы можем поставить перед собой несколько задач, первая из которых – раскрытие зависимости функционирования и развития лексического состава от воздействий социальных факторов в адекватной категориальной системе; вторая – обоснование аспектов функционирования и развития лексической системы в связи с воздействием различных словообразовательных средств.

Для дальнейшего удобства исследования выделим две основные группы, оказывающие влияние на причины изменений: культурно-историческую и собственно лингвистическую. Первую группу составляют социальные, экономические, политические, культурно-технические факторы.

Рассмотрим механизм изменения лексического значения. Различные изменения в общественной жизни людей, в технологиях, знаниях, культурной сфере порождают пробелы в лексической системе языка, которые должны быть заполнены. Достижения научно-технического прогресса, новые понятия и реалии должны получить названия. Принято говорить о двух способах создания новых лексем для наименования таких объектов: словообразование и заимствование из других языков. Однако, следует вспомнить и еще один путь заполнения таких лакун – это применение уже существующих слов к новым понятиям [1, 136].

Лексическое значение может измениться и под воздействием внутренних (собственно лингвистических) факторов – нередко

вследствие влияния слов-синонимов, а также в результате двусмысленности, прослеживающейся в определенных контекстах.

Одним из важнейших процессов при изменении лексических значений слов считается дифференцирование синонимов (постепенное трансформирование, наблюдаемое в ходе истории развития языка, иногда вовлекающее семантическую ассимиляцию иноязычных слов). Так, некогда синонимичные слова *time* и *tide* претерпели семантическое преобразование: постепенно лексическое значение слова *tide* сузилось и стало иметь отношение только к движению вод, а значение слова *time* приобрело общий характер [2, 221].

Следующей нашей задачей является рассмотрение типов изменения лексических значений. Как и причины семантических изменений, они могут иметь разную природу, поскольку основаны на различных закономерностях.

Фиксируем несколько типологий лексических изменений, наиболее полная из которых разработана Г. Паулем еще в XIX в. Согласно ей изменение значения может проходить по нескольким ключевым направлениям. Первое – расширение семантики. Чаще всего расширение значения слова сопровождается более высокой степенью абстракции в его новом значении в сравнении с более ранним. Большинство слов появляются в языке как определенные имена для конкретных понятий. Часто новое понятие шире оригинала, а новое значение слова расширено и обобщено. Расширение значения слова – это одна из самых распространенных особенностей в истории развития слов. При расширении значения видовое понятие, присущее денотату, развивается в родовое, иначе говоря, происходит генерализация [4, 234].

Второе направление – сужение значения, являющееся процессом, при котором слово переходит из общей сферы в некоторую специальную сферу коммуникации. Например, слово *case* имеет общее значение, но наблюдаем специализацию в его значении, когда оно употребляется в юриспруденции, грамматике или медицине. Разница между этими значениями прослеживается в контексте [5, 195].

Третье направление – смещение семантики. Зачастую подобный перенос осуществляется говорящим сознательно. Закрепление же результата в языке происходит при условии, что основание для переноса признается языковым большинством, т. е. образуются устойчивые коллективные ассоциации. В основе вторичного использования имен, обычно описываемого как перенос значений, хотя, несомненно, правильное говорить о переносе имен и развитии у них вторичных значений, лежат законы ассоциативных связей. Ими определяются типы семантических изменений слова в ходе

его исторического развития, типы отношений между значениями в диахронии и как конечный результат – типы самих значений в семантической структуре многозначного слова.

Таким образом, прослеживается явная зависимость функционирования и развития лексического состава от воздействий как социальных, так и собственно лингвистических факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллендорф, К. Значение и изменение значений слов / К. Аллендорф. – М. : Просвещение, 1966. – 192–195 с.
2. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды : Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 132–143.
3. Звегинцев, В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во МГУ, 1957. – 320 с.
4. Никитин, М. В. Лексическое значение слова / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1983. – 127 с.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

SUMMARY

Vladislav Chumak. External and internal factors of changes in the lexical meaning of the word

Lexical meaning is the content of a word, reflecting in consciousness and consolidating in it the idea of an object, property, process, phenomenon, etc. The lexical meaning of a word is not a stable feature. It can undergo changes under the influence of various factors, which are considered in this work.

Key words: lexical meaning, word, factors, reasons for change, linguistics.

Шайкина Надежда

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Жарикова О. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

ПОНЯТИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Интерес общества к массовой литературе, издаваемой миллионными тиражами и ставшей неотъемлемой частью его языкового существования, пожалуй, уже нельзя отрицать. Эта статья посвящена изучению понятия массовой литературы и истокам его формирования. Выделяются характеристики и критерии массовости литературы.

Ключевые слова: массовая культура, читательская культура, облегченное качество, тиражирование, развлекательность, стереотипные сюжеты.

Определение «массовой литературы» всё ещё остается мистерией и подвергается всевозможным дискуссиям касательно своей природы и точного определения, и связывают это с тем, что в современном обществе массовыми становятся как культура, так и СМИ. Крупнейший русский литератор эпохи сентиментализма Н. М. Карамзин был убежден в том, что в системе образования должно быть отведено значительное место изучению массовой литературы, так как «и романы самые посредственные, – даже без всякого таланта писанные, способствуют некоторым образом просвещению... В самых дурных романах есть уже некоторая логика и риторика: кто их читает, будет говорить лучше и связнее совершенного невежды, который в жизнь свою не раскрывал книги» [2, 179].

Советский и российский литературовед, теоретик литературы, В. Е. Хализев дает следующее определение термина: «Массовая литература – это совокупность популярных произведений, которые рассчитаны на читателя, не приобщенного (или мало приобщенного) к художественной культуре, невзыскательного, не обладающего развитым вкусом, не желающего либо не способного самостоятельно мыслить и по достоинству оценивать произведения, ищущего в печатной продукции главным образом развлечения. Массовая литература (словосочетание, укоренившееся у нас) в этом её понимании обозначается по-разному. Термин «популярная (popular) литература» укоренен в англоязычной литературно-критической традиции» [6]. Ю. М. Лотман писал: «Понятие массовой литературы

подразумевает в качестве обязательной антитезы некоторую вершинную культуру» [4].

Истоки данного термина обнаруживаются не только в античной, но и в средневековой литературе, затрагивая период Возрождения. С. С. Аверинцев, М. Л. Андреев, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер и А. В. Михайлов в статье «Категории поэтики в смене литературных эпох» отмечают «древнегреческий роман и персидские дастаны», «восточную обрамленную повесть» и «средневековые жития» по отношению к понятию «массовая литература» [1]. Данная концепция не считается обоснованной, за исключением более современной, в которой говорится о происхождении массовой литературы, становлению которой предшествовали крупные социальные и культурные перемены в XIX – XX вв., связанные с переходом стран Западной Европы к индустриальному обществу, что повлекло за собой разделение литературы на «элитарную» и «массовую» [5, 72–76].

Только образованные люди, обладавшие знаниями о традициях и подготовленные к чтению, имели доступ к «высокой» литературе. Иначе дело обстояло с «низовой» литературой. Она предназначалась низшим слоям населения, которые не имели привилегий и элементарного образования, были невзыскательными [3, 8].

Важной предпосылкой становления массовой литературы стала коммерциализация труда писателей, рожденная спросом читательской аудитории, что вовлекло её в рыночные «торговые» отношения. Как известно, возрастание спроса было вызвано приобщением к чтению простых людей и «среднего» класса. Чтобы обеспечить себе пропитание и громкое имя, писателям приходилось считаться с мнением масс и отображать на бумаге их интересы, не забывая о критике со стороны литературных салонов, которые имели непосредственное влияние на положение автора в обществе [6, 6].

С появлением возможности тиражирования свое развитие получило так называемое «низовое» искусство, которое обесценило оригинальное произведение, сделав его сопоставимым по ценности с другими экземплярами. Кроме того, это привело не только к возникновению демократического вида издания, представляющей собой карманную книгу в недорогом переплете, но и к распространению романов такого же карманного формата в Англии в период с XVII по XVIII вв. Данные романы предназначались «широкому» читателю, могли иметь форму «романа с продолжением», издаваясь единичными тиражами в периодических изданиях. Следовательно, это породило большой спрос и неограниченное увеличение количества экземпляров, т.е. фактически любой читатель

мог стать владельцем личного образца оригинального литературного произведения.

Как следствие, под массовой литературой станут подразумевать «крупнотиражную развлекательную и дидактическую беллетристику XIX – XX веков», которая является составной частью «индустрии культуры»; <...> Определение «массовая» несет двоякий смысл: серийное производство массовой литературы (ср. «массовая продукция») и расчет на широкое потребление, предполагающий не только удовлетворение наличного спроса, но и его организацию» [3, 10–11].

Только на рубеже XIX – XX вв. под влиянием миграции, демократизации и доминирования городской культуры, а также с появлением новых форм коммуникации завершает свое формирование массовая культура и образуется феномен общества масс. При наличии необходимости сохранять точный перечень ценностных ориентиров, массовое искусство было направлено на то, чтобы вызывать у масс однотипный и в то же время недолгий эмоциональный отклик. Существовали следующие признаки комфортности: ощущение безопасности, отвлечение от психологических и социальных проблем, отсутствие усилий при чтении, увлекательный сюжет, отвлечение от повседневной рутины [3].

Середина XX века ознаменовалась появлением изменений в информационном обществе, изобретением радио, кино, телевидения. Витрины пестрили бесчисленными журналами и газетами, свежими сводками новостей. В связи с новшествами изменился художественный язык авангарда и беллетристики. Массовая литература получила небывалую техническую поддержку со стороны издательств и тех, кто занимался распространением тиражей.

Таким образом, катализатором процесса становления массовой литературы были различные технико-экономические факторы, включая возникновение массовой аудитории читателей, коммерциализацию литературы и деятельности писателей. Расцвет массовой литературы обусловлен во многом научным и техническим прогрессом, особенно в таких сферах как книгоиздание, книжная торговля. Изобретение печатного прессы и тиражирования стали причиной удешевления процесса книгопечатания. Представители «средних» и «высших» классов имели одинаковый доступ к литературным изданиям, в том числе к «карманным» форматам и в более дешевых мягких обложках. Была введена система более популярных по продаваемости книг, которые позже стали именовать бестселлерами. Все вышеуказанные факторы способствовали тому, что книга перестала быть предметом роскоши, напротив – доступным предметом обихода и промышленного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев, С. С. Категории поэтики в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев, М. Л. Андреев, М. Л. Гаспаров и др. : сб. статей. – М. : Наследие, 1994. – С. 3–38.
2. Карамзин, Н. М. О книжной торговле и любви ко чтению в России / Н. М. Карамзин // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах / Н. М. Карамзин. – М. ; Л. : Худ. лит., 1964. – Т. 2. – С. 176–180.
3. Купина, Н. А. Массовая литература сегодня : учеб. пособие / Н. А. Купина, М. А. Литовская и др. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 424 с.
4. Лотман, Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 тт. – Таллинн, 1993. – Т. 3. – 382 с.
5. Тетерина, Е. А. Культурология. Теория культуры : учеб. пособие / Е. А. Тетерина. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2012. – 129 с.
6. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник для вузов / В. Е. Хализев. – М. : Высш. школа, 1999. – 400 с.
7. Черняк, М. А. Массовая литература XX века / М. А. Черняк // ЭБС «Консультант студента» : сайт. – URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976500525.html> (дата обращения: 21.10.2020).

SUMMARY

Nadezhda Shaikina. The concept and origin of mass literature

The public interesting mass literature published in millions of copies and becoming an integral part of its linguistic existence, perhaps, can no longer be denied. This article is devoted to the study of the concept of mass literature, and the origins of its formation. The characteristics and criteria of mass character of literature are highlighted.

Key words: mass culture, reading culture, lightened quality, replication, entertainment, stereotyped subjects.

Щур Екатерина
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Балко М. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

ЭРРАТИВ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА АРКАДИЯ И ГЕОРГИЯ ВАЙНЕРОВ «ЭРА МИЛОСЕРДИЯ»)

В настоящее время эрратография – это живой лингвистический процесс, популярный среди пользователей интернета, и яркое языковое явление. Использование эрративов в литературных текстах применяется как своеобразный стилистический приём для создания реалистичности образов героев. В статье проводится анализ эрративов, использованных в романе братьев Вайнеров «Эра милосердия» (1975).

Ключевые слова: эрратив, эрратография, эрратографическое письмо, языковая норма, речевой портрет.

Речь – один из признаков, проявляющих характер литературного героя, его скрытые мотивы. Речевой портрет персонажей – это особый подбор слов, выражений, оборотов речи как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения. Выбор стиля речи может показать социальное происхождение, род деятельности героя [2, 38].

Как приём речевых характеристик литературных образов особую значимость в текстах художественного стиля обретает нарушение языковой нормы.

Умышленное нарушение написания слов с определённой целью стало называться «эрратографией» только в начале XXI века. Хотя истоки этого явления можно наблюдать ещё в произведениях драматурга XIX века А. Н. Островского, который использовал эрративы для фиксации старомосковского просторечия (*Один – антриган, все говорит из-под политики и в насмешку; другой – антиресан, знакомится с дамами из антиресу* (А. Н. Островский «Праздничный сон – до обеда»)) [6, 131], и в творчестве Н.С. Лескова – для создания сказовой манеры письма (*... я с вами так не расстануся*) [5].

Эрратив – слово или выражение, осознанно искажённое владеющим литературной нормой носителем языка для придания особого эффекта.

Многие эрративы нетрудно обнаружить в тексте на фоне правильно написанных слов. Значит, эрратография не может

полностью отождествляться с «антиорфографией». Тексты, содержащие эрративы, чаще предназначены только для зрительного восприятия, так как произнесение практически скрывает все отступления от нормы.

Нарушения в произношении, ударении, словоупотреблении часто наблюдается в речевой деятельности. По ним можно судить о низкой речевой культуре, неграмотности. Хотя подобные «ошибки» могут быть мотивированными. Л. В. Щерба заметил подобное явление и заявил: «Только безупречное знание языка, грамматики даёт возможность почувствовать всю прелесть отклонения от правил. Эти отклонения становятся средством тонких и метких характеристик» [7, 20].

Эрратографическое письмо – лексико-грамматическое явление и вариант языка, обладающий социокультурной идеей. М. А. Кронгауз называет это «стилем» [4, 40].

Е. В. Карнуп [3] выделяет такое свойство эрративов, как способность передавать некоторые особенности устной речи (тон, тембр, ударение и др.).

В фокусе данного исследования находится использование эрративов братьями Вайнерами в произведении «Эра милосердия» [1]. В роли эмпирического метода исследования используется анализ художественного текста с целью выявления и рассмотрения эрративов, используемых авторами.

Известный роман Аркадия и Георгия Вайнеров «Эра милосердия» был издан в 1975 году. Большую известность он получил в 1979 году, после выхода его экранизации – телесериала «Место встречи изменить нельзя», где одну из главных ролей сыграл В. С. Высоцкий. Сюжет произведения – это история борьбы работников МУРа и московской прокуратуры с уголовными элементами, появившимися после Великой Отечественной войны. В основу была положена реальная история бандита Ивана Митина из Красногорска, банда которого насчитывала около 11 человек.

Речь героев романа своеобразна, продумана авторами. Рассмотрим эрративы, использованные в тексте «Эры милосердия».

Повествование в произведении ведётся от имени старшего оперуполномоченного, бывшего фронтовика Владимира Шарапова. В его речи встречается немало слов, записанных с помощью эрратографического письма: *Михал Михалыч; Елизар Иваныч; Кондрат Филимоныч; Это руководитель наш – Глеб Егорыч Жеглов, выдающийся человек...; Здравствуйте, Владимир Иваныч...*

В репликах капитана милиции Глеба Жеглова часто встречается эрратив *значитца*. Данное слово выражает иронию, употребляется в значении частицы или вводного слова и даже приобрело некую «популярность» в разговорной речи как слово-паразит и аргоизм.

В диалогах Жеглова встречаются просторечные выражения с нелитературным произношением, которые придают образу милиционера грубоватую окраску: *...хошь-не хошь, а надо...; Я тебе на досуге сколько хошь примеров приведу.*

Речь главных героев неидеальна, иногда анормативна, что делает их образы живыми, настоящими. В непростое послевоенное время бесстрашные милиционеры показаны такими же людьми, как и все: простыми, грубоватыми, резкими, со своими сложностями характера. При этом Жеглов и Шарапов олицетворяют положительный образ советской милиции.

Колоритной и запоминающейся речью наделён образ сержанта милиции Ивана Пасюка, который имеет всего пять классов образования и выражается характерным русско-украинским суржилом. Реплики именно этого героя имеют наибольшее количество эрративных записей слов: *Особо тобі, ... На тебе сейчас уся надежда...; ...найшов, подывитесь...; Жинка його казала, що був он у хати аж с восемнадцати годин...; Ой брехун Хгрышка!* Это внесло в образ некий идеологический момент. Известно, что в послевоенное время многие работники правоохранительных органов РСФСР были украинского происхождения.

Многочисленные фонографические эрративы в произведении «Эра милосердия» передают особенности произношения и повышенную эмоциональность персонажей и передают атмосферу социальной напряжённости: *...ма-а-а-ленькая жєницина; А ты ему свидетєля – р-раз, експєртизку на стол – два! Вєщдок какой-нибудь покрепче – тр-ри!; Укра-ли-и-и-и!.. Пятєро малых... с... голоду... помрут!.. А-а-а! Мєсяц... только... начался... За весь... мєсяц... карточки!.. Чем... кормить... я... их... БУДУ! А-а-а!..; Пе-е-етєньку посадили, – заверєщала Волокушина. – Фоксик, милєнький, помоги, что жє я тєперь дєлать-то бу-у-уду-у?..*

В тексте романа можно встретить эрративы, передающие диалектное произношение слов, чаще в речи «возрастных» героев: *Хто єє знєает... Ходють, конечно, людєи... Ходють. И молодєє ходють. А какой он из сєбя? (Сторож дома Спиридон); А идє я тєбє єє возьму? Нєту Анюты, нєту єє сєйчас. Коли нєдо чєго, ты мєнє скажи, я єй вєє сообчу, как пєявитєся, конечно...(старушка).*

Братья Вайнеры активно вводят арготизмы в речь своих героев, передают особенности «воровской» речи с помощью нарушения языковых норм – эрративов, чтобы диалоги героев звучали естественнее и правдоподобнее.

Роман интересен нетрадиционным подходом авторов к раскрытию характеров главных героев Глеба Жеглова и Владимира Шарапова, которые в совершенстве освоили бандитский жаргон, общаясь с уголовниками. На страницах произведения появляются

живые образы сотрудников милиции в годы послевоенной разрухи.

Таким образом, эрративы могут быть ярким стилистическим средством создания речевого портрета персонажа в литературном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнер, А. А. Эра милосердия. Роман / А. А. Вайнер, Г. А. Вайнер. – М., Воениздат, 1976. – 384 с.
2. Гордашникова, Д. С. Морфолого-синтаксический эрратив как художественный приём создания речевого портрета (на материале романа Д. Киза «Цветы для Элджернона») / Д. С. Гордашникова // Понимание и рефлексия в России. Тезисы докладов на международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 38–40.
3. Карнуп, Е. В. Искажение орфографического облика слова как результат синтеза устной и письменной речи при русскоязычной коммуникации в Twitter // Научное мнение. – 2014. – № 3. – С. 141–146.
4. Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М. : Знак : Языки славянских культур, 2007. – 145 с.
5. Лесков, Н. С. Левша / Н. С. Лесков. – Сайт : <https://ilibrary.ru/text/986/p.1/index.html> (дата обращения: 17.11.2020).
6. Островский, А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. II. / А. Н. Островский. – М., 1974. – 531 с.
7. Щерба, Л. В. Современный русский литературный язык // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 20–37.

SUMMARY

Ekaterina Shchur. Errative as a stylistic means of creating speech portrait of the literary character (based on the novel by Arkady and Georgy Vainer “The era of mercy”)

Currently, erratography is a living linguistic process, popular among Internet users, and a vivid language phenomenon. The use of erratives in literary texts is used as a kind of stylistic technique to create realistic images of characters. The article analyzes the erratives used in the Vainer brother’s novel “The era of mercy” (1975).

Key words: errative, erratography, erotographic writing, language norm, speech portrait.

Якименко Людмила
к. филол. н., доц. кафедры начального образования
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПАРЕМИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В научном исследовании рассмотрено функциональное назначение таких паремийных единиц, как пословицы и поговорки в устно-народной фиксированной речи – в художественных текстах. Выявлено, что они отличаются относительной самостоятельностью и аккумулируют наиболее существенную информацию относительно обозначаемого, реализуются в диалогической и монологической речи и в авторском использовании с универсальной адресацией.

Ключевые слова: *художественная проза, паремии, пословицы, поговорки.*

Паремнография – отдельная наука, изучающая широкий круг малых фольклорных жанров, в образной форме воспроизводящих наиболее существенные явления и реалии действительности: поговорки, пословицы и их жанровые разновидности, которые в процессе формирования закрепились как образные клише. Всех их объединяет дефиниция «паремия» или «провербиум», что в переводе с греческого означает «притча, поучительная история». Несмотря на общность происхождения, сходство структуры и функционирования, каждый из перечисленных жанров составляет отдельный класс единиц, которому присущи специфические черты. Мы под термином «паремия» понимаем, прежде всего, пословицы и поговорки, поскольку они более всего соответствуют определению – притчи, лаконичные поучения, уроки мудрости.

Паремии давно интересуют специалистов разных отраслей науки: фольклористов и литературоведов, которые рассматривают их как жанр народной словесности, анализируют с точки зрения композиции, художественно-образной структуры, идейной нагрузки; языковедов, исследующих лингвистический аспект пословиц и поговорок; этнографов, историков, психологов и др. Хотя пословицы и поговорки – небольшие по объему жанры, но разнообразие паремий по форме и содержанию, происхождению и художественно-образной структуре обуславливает ряд трудностей при их изучении и классификации.

Одной из проблем является определение жанра и жанровых разновидностей, особенно что касается разграничения пословиц и поговорок. Критерии выделения этих малых фольклорных жанров в свое время были предложены такими известными лингвистами, как А.А. Потебней, М.А. Рыбниковым, А.Н. Бабкиным, В.И. Далем, С.Г. Гавриным, А.И. Молотковым, В.П. Жуковым. В научном дискурсе паремии рассматриваются в контексте коммуникативных актов, как минитексты в гипертекстах, как произведения словесного искусства.

Так как пословицы и поговорки всегда используются целенаправленно – служат для определенных коммуникативных намерений – следовательно, исследуемые единицы относятся не только к языку (как зафиксированные в словарях, грамматиках, в памяти говорящих), но и к речи (как стереотипные выражения, характеризующиеся в коммуникации широким спектром функционирования). Паремии, благодаря точности, лаконичности, образности, широко используются носителями языка в языковой деятельности, охватывая в первую очередь разговорно-бытовую речь, художественные тексты, в публицистике, служат для отражения особенностей диалогической речи или удовлетворения определенной авторской цели, для реализации номинативной функции.

Обычно паремии представлены в двух типах речевых контекстов: в диалогической и монологической речи и в авторском применении с универсальной адресацией. В ситуациях первого типа паремии служат для удовлетворения таких коммуникативных намерений говорящего, как: утверждение, подтверждение, предостережение, угрозы, обличения, наставления, оправдания, обобщения и т. п. Как иллокутивные акты с соответствующей иллокутивной функцией, паремии обязательно содержат оценку типичной ситуации, которая имплицитно включается говорящим в речевой акт и воспринимается адресатом. Причем субъектом оценки выступает не говорящий, а коллектив (народ как коллективный творец паремии), который ориентируется на норму поведения или типичность явления. Паремии, являющиеся «законами природы» (человеческой в том числе), преимущественно содержат констатацию определенных явлений. Паремии, содержащие «правила поведения», наряду с основной иллокутивной функцией и имплицитной оценкой, обязательно включают в себя поучения: «поступай так», «не будь таким...». Иллокутивная функция «поучения» присуща большинству паремий. Имплицитно это выражается глагольными формами повелительного наклонения. Большую дидактическую силу имеют паремии, которые формально выступают односоставными предложениями. Формы имплицитно выраженного субъекта в паремиях при экспликации соответствуют формуле: «ты (как и

все) – всегда – везде». Даже в образных паремиях, в которых прямое значение не соответствует узуальному, форма неопределенной личности приобретает обобщенность, субъект интерпретированного смысла соответствует той же формуле.

Использование образных паремий с целью констатации добавляет коммуникативным актам экспрессивных оттенков: юмора, упрека, иронии и тому подобное. Конечно, в многоплановой семантике таких выражений в художественном дискурсе одновременно реализуются три семантические пары: буквальное значение; основное значение – традиционное; контекстуальный смысл.

Благодаря мудрым обобщениям жизненных явлений, которые концентрируются в паремиях, говорящие также используют последние для подтверждения своих мыслей. В этой роли паремии авторитетно подкрепляют сказанное ранее, нейтрализуют своей убедительностью ответную реакцию адресата. Паремии с прямым значением используются и в ситуациях, в которых требуется завуалированная, деликатная категоричность.

Иногда в конституции присутствует конфликт или напряженность в отношениях между говорящими. Чтобы не усиливать напряжение, один из коммуникантов в диалоге использует паремийную единицу. Такая паремия-отказ является словом-ответом адресата, цель которого – прекратить разговор на определенную тему или спор. Функция «предостережение» требует от адресата ответной реакции (словами, поступками).

В конституциях паремии могут выполнять и функцию угрозы. В таких случаях, как правило, употребляются образные паремии, которые завуалируют угрозу образной системой переносных значений.

В художественных и публицистических текстах паремии выполняют такие функции, как: композиционную (паремия как зачин или концовка авторского повествования) и собственно номинативной (паремия – название произведения или его части). В качестве реализации первой функции паремия фокусирует на себе идею рассказа и намечает функциональную перспективу дальнейшего развертывания событий. В структуре сложного синтаксического целого, которое вычленяется в тексте, паремия служит зачином. Это идеальный вариант автосемантического высказывания, которое содержит главную мысль повествования.

В собственно номинативной функции паремии свидетельствуют о том, что они являются не просто знаками-символами типичных ситуаций, а могут настолько метко давать им название, что адресат без лишних усилий прогнозирует тему повествования. Сначала читатель воспринимает такое название как неактуальную паремию (понимает значение, а конкретный смысл теряется среди

виртуальных), лишь перспективно предсказывает, о чем говорится в тексте. Смысл паремии раскрывается только тогда, когда адресат прочтет произведение полностью и произойдет ретроспекция к хремаатонему.

Полифункциональность паремий в художественном дискурсе объясняется их гетероситуативностью: приобретение разных смыслов в зависимости от конкретной речевой ситуации. Оценочная гетероситуативность появляется тогда, когда в одном случае паремия используется по отношению к себе (самооправдание), а в другом – как самооценка. При условии модальной гетероситуативности паремия может использоваться в двух модальных планах – как констатация и как предписание. В отдельных ситуациях наблюдается «накопление» паремий: говорящий для усиления иллюкативной функции высказываний и для реализации коммуникативного намерения использует не одну, а несколько паремий, которые усиливают, дополняют друг друга, при этом выступают как контекстуальные синонимы: характеризуют одну типичную ситуацию, внося различные смысловые оттенки.

Итак, паремии – пословицы и поговорки функционируют в основном в ситуациях двух видов: диалогической и монологической речи, в авторском использовании с универсальной адресацией – в художественных текстах. В ситуациях первого типа они обобщают сказанное, констатируют, поучают, осуждают и др., одновременно оценивая обозначаемое. В ситуациях второго типа для паремий доминантными являются композиционная и собственно номинативная функции.

SUMMARY

Lyudmila Yakimenko. The functioning of proverbs in literary texts

The article considers the functional purpose of such units as proverbs. It discovers that they are relatively independent and contain important information as for designated subjects, also they are used in dialogue and monologue speech so as in author's using of universal addressing.

Key words: fiction, sayings, proverbs.

Яковлева Елена

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Жихарева Н. А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

**АРХЕТИПЫ И СТЕРЕОТИПЫ КАК КОМПОНЕНТЫ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО И МАССОВОГО СОЗНАНИЯ,
ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ,
РЕАЛИЗУЮЩИХ СТРАТЕГИЮ ДИСКРЕДИТАЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Архетипы представляют собой базовые глубинно-психологические установки, совокупность первобытных образов, универсальных символов или мотивов, которые существуют в коллективном бессознательном и являются инструментами, реализующими политический дискурс как средство социального манипулирования.

Ключевые слова: *дискурс, менталитет, архетип.*

Политический дискурс является одним из самых актуальных направлений в современной лингвистике. Интерес представляют исследования политического дискурса с точки зрения антропоцентрической парадигмы, как средства контроля и влияния в политической коммуникации. Формы политического контроля варьировались в зависимости от социально-политических условий, различны были и формы контроля над личностью. Язык рассматривается не только как средство общения, но и как средство управления политической сферой общества и граждан.

По мнению исследователей, существует два аспекта, в которых реализуется взаимодействия языка и политики: 1) язык как орудие политики; 2) язык как объект политики. Власть политического дискурса предполагает возможность социального манипулирования посредством суггестии, направленной на адресата, побуждения его к определенным действиям [2]. Теория дискурса рассматривает политическую реальность как совокупность коммуникации, ее участников и социальный контекст и процессы производства и восприятия речи. Конкретные фреймы включают важные мировоззренческие установки, или архетипы политической культуры, а в роли механизма трансляции архетипов культуры выступает дискурс. Используя речь как инструмент, политики реализуют стратегию самопрезентации, а также конструируют образы социально-политической реальности, реализуя главную функцию политического дискурса борьбу за власть. Таким

образом можно утверждать, что язык детерминирует политическое поведение социума и неотделим от политики и сферы политического управления. Кроме того, язык является связующим звеном, объединяющим население в единую нацию, формирует мышление, культурный генофонд.

Когда человек овладевает языком, он познает особенности национальной культуры и перенимает поведенческие стереотипы социального окружения и усваивает менталитет своего народа. Национальный менталитет включает в себя систему исторически сложившихся образов, посредством которых воспринимается культурно-политическая реальность. Неизменность этих образов, лежащих в основе коллективных национальных представлений об окружающем мире формирует и регулирует компоненты национального психического склада.

По мнению К. Г. Юнга, наряду с индивидуальным бессознательным в психике человека существует глубинный слой – *коллективное бессознательное*, который включает в себя обобщенные первообразы (архетипы), которые представляют из себя коллективно наследуемые формы восприятия и понимания. Конкретные фреймы включают важные мировоззренческие установки, или архетипы политической культуры, и транслируются посредством дискурса.

Архетипы также можно классифицировать как имеющие общечеловеческий характер и характеризующиеся особенностями национального менталитета. Кроме этого архетипы делятся на несколько групп: базовые (или общечеловеческие) и прямые (вызывающие положительно-эмоциональные и отрицательно-эмоциональные образы). В данном случае применяется психологический прием положительного эмоционального переноса, информация связывается с фактами, явлениями, людьми, к которым этот человек эмоционально положительно относится. Политики, которым удалось связать положительно-эмоциональные образы со своей деятельностью, пользуются доверием и уважением электората [6, 136–143].

Влияние посредством архетипических образов происходит при помощи эмоционального и вербального воздействия. Успех внушения зависит от интонации, авторитетности и экспрессивной составляющей речи адресанта, соответственно, политический лидер должен восприниматься как авторитетный, уверенный, основательный во всех отношениях человек, имеющий твердые убеждения, умеющий отстаивать свою позицию. Для воздействия на глубинные, бессознательные сферы человека, с целью построения имиджа политических деятелей и используются архетипы.

По мнению Д. В. Ольшанского, политический имиджмейкинг (от англ. image – образ) – это не предполагающие законодательной

регистрации технологии конструирования поверхностного образа политического лидера [4, 121]. Исследования политической коммуникации и политического *PR* показывают, что поведение почти всех политиков укладывается в архетипические схемы. Для успешного внедрения национально культурного стереотипа необходимо, чтобы политик демонстрировал характеристики, позволяющие идентифицировать его с одним из архетипических, национально-культурных представлений. Таким образом, аудитория может воспринимать не только ту информацию, которая лежит на поверхности, но и более глубокий смысл заложенный архетипами.

Исследователями были выделены базовые архетипы, которые чаще других используются в политическом дискурсе, такие как Правитель, Герой, Оппозиционная личность. В процессе исследования мы пришли к выводу, что чаще и успешнее всего эксплуатируют один-единственный главный архетип – **Архетип «Героя»**, способного преодолевать препятствия, побеждать Дракона, Чудовище (авторитаризм, коррупцию и проч.) По всему миру распространен миф, рассказывающий о герое, побеждающем зло в любых его проявлениях (в виде драконов, змей, чудовищ, демонов и подобных существ) и спасающем людей от разрушений и гибели. В связи с этим можно утверждать, что данный архетип является общечеловеческим и находит свое отражение практически во всех культурных кодах.

Архетип «Правитель» – это лидер, который привык устанавливать свои правила игры. В структуре ценностных ориентаций российского общества остается достаточно высокой доля ценностей авторитарного типа. Согласно опросам, значительная часть россиян, относящихся к различным возрастным группам, являются в той или иной мере сторонниками режима «жесткой руки». Сущность этого архетипа хорошо сформулировали М. Марк и К. Пирсон: «Правитель стремится “контролировать ситуацию”, особенно если они начинают ускользать из рук» [3, 193]. Задача Правителя – сделать жизнь максимально предсказуемой и стабильной. Он всегда контролирует ситуацию и демонстрирует авторитарную манеру поведения. Особый интерес для исследователей представляет вербальное своеобразие речи политиков, принадлежащих к одному из определенных архетипических образов, которое влияет на выбор речевых средств, формирующих речевые стратегии и тактики. Одна из последних отечественных работ на эту тему принадлежит В. Н. Яшину и посвящена исследованию архетипических ключевых слов (АКС) в сфере политического дискурса. АКС отражают лингвокогнитивные и мировоззренческие основы политической речи, «вербализуют топоры официального государственного политического дискурса»

[5]. Следует заметить, что русский политический дискурс является более эмоциональным по сравнению с английским. Русская культура характеризуется свободным проявлением эмоций и чувств, что выражается широким спектром средств передачи разнообразных эмоциональных состояний. Англоязычный дискурс характеризуется эмоциональной сдержанностью и самоконтролем, свободное же проявление эмоций свидетельствует об эмоциональной незрелости и является порицаемым. Английский политический дискурс характеризуется как дистантный в вербальном и эмоциональном аспектах, с минимальным коммуникативным воздействием на собеседника, минимальным количеством императивных конструкций, косвенным выражением коммуникативных интенций, категоричностью в плане субъективности.

Таким образом, можно утверждать, что характер коммуникативного взаимодействия, набор и характеристика коммуникативных ходов зависит от типа культуры, к которому принадлежит адресант и его менталитета, которые лежат в основе глубинных психологических и речевых установок. Для эффективного воздействия на аудиторию при конструировании своего образа и в своей речи политики используют древние, лежащие в самой глубине коллективного бессознательного схемы, стереотипы и архетипы, которые находят отклик у адресата, и таким образом реализуют прагматические цели борьбы за власть. Архетипы представляют собой систему врожденных программ и установок, которые не воспринимаются рационально, но исходят из глубин психической жизни человеческого рода и широко используются в политическом дискурсе как эффективный инструмент, реализующий эффективное суггестивное воздействие на аудиторию [1, 153–170].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуляихин, В. Н. Архетипы политической культуры российских граждан / В. Н. Гуляихин // Социодинамика. – 2013. – № 1. – С. 153–170.
2. Кузнецов, С. Н. Языковая политика и языковое планирование / С. Н. Кузнецов. – Текст : электронный // МГУ им. М. В. Ломоносова : сайт. – М., 2007. – Режим доступа : http://genhis.philol.msu.ru/article_195.html. (дата обращения: 27.11.2020).
3. Марк, М. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / М. Марк, К. Пирсон // Пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. – СПб. : Питер, 2005. – 336 с.
4. Ольшанский, Д. В. Политический PR / Д. В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2003. – 544 с.

5. Яшин, В. Н. Архетипические ключевые слова отечественной политической речи: специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / Владимир Николаевич Яшин. – Саратов, 2010. – 256 с. – Текст : электронный // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. – URL : <http://www.dissercat.com/content/arkhetipicheskie-klyuchevye-slova-otechestvennoi-politicheskoi-rechi> (дата обращения: 26.11. 2020).
6. Pikalov, Yu. V. Theories and Problems of Political Studies / Yu. V. Pikalov. – 2017. – Vol. 6, Is. 3A. – P. 136–143.

SUMMARY

Elena Yakovleva. Archetypes and stereotypes as components of individual and mass consciousness affecting the choice of language means implementing the strategy of discrediting in political discourse

Political discourse is one of the most relevant trends in modern linguistics. Studies of political discourse are frequently focused on the means of control and influence in political communication. Discourse theory considers political reality as a set of communication, its participants and the social context, as well as processes of production and perception of speech. Specific frames include important ideological attitudes, or archetypes of political culture, and discourse acts as a transmission mechanism for the archetypes of culture.

Key words: discourse, mentality, archetype.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авксентьева Анжелика</i> РОЛЬ АББРЕВИАЦИИ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА	3
<i>Агаркова Мария</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ ПРАВО-.....	7
<i>Алексееenkova Ульяна</i> МЕСТО МИКРОТОПОНИМИКИ В СИСТЕМЕ ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИИ	12
<i>Баркова Алина</i> ГЛАГОЛ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ <i>ВОЗДВИГАТЬ</i> : ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА (по результатам направленного ассоциативного эксперимента).....	15
<i>Бельская Анна</i> ПЕЙОРАТИВЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА (ПО РАССКАЗУ «ВОСЬМЕРКА»).....	20
<i>Бережная Яна</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА ВС. С. СОЛОВЬЕВА	24
<i>Борозенец Дарья</i> ЭТАП «ОПЕРИРОВАНИЕ ЗНАНИЕМ» ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОГНИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	29
<i>Войтова Кристина</i> ЖАРГОНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	33
<i>Волынчук Анастасия</i> «НОВАЯ ДРАМА» И ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ТЕАТРА К. XIX – НАЧ. XX ВВ.	36
<i>Гайдаржиева Екатерина</i> ЭЛИТАРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	39
<i>Гелюх Наталья</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМУЛ БЛАГОДАРНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА» А. БАЛАКАЯ).....	43
<i>Герасимова Анна</i> АББРЕВИАТУРНАЯ ГРУППА ПРОФ-: МОДЕЛИ ФОРМАЛЬНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ	47
<i>Гожя Вита</i> ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ КООРДИНАТЫ ГЕРОЕВ В КИНОПОВЕСТИ В. ШУКШИНА «КАЛИНА КРАСНАЯ».....	52

<i>Головань Екатерина</i> ГРАФИЧЕСКАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЭРГОУРБАНИМИКОНА ГОРЛОВКИ.....	57
<i>Голуб Валерия</i> ОТНОШЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЕ ОПЕР-	60
<i>Грунистая Альбина</i> ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ.....	64
<i>Дмитриева Юлия</i> ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. ТРИБУШНОГО	69
<i>Дмитрова Екатерина</i> ГОДОНИМЫ ПЕТРОВСКОГО РАЙОНА ГОРОДА ДОНЕЦКА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛОКАЛЬНО- ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ	73
<i>Добреля Валерия</i> ПЕЙЗАЖНЫЕ ЗАРИСОВКИ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ГЕРОЕВ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА РОМАНОВ ОБ ОЛЕКСИНЫХ Б. ВАСИЛЬЕВА)	78
<i>Добряк Екатерина</i> ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЯМИ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ	83
<i>Ефременко Ангелина</i> ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА И ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ НЕЕ В РЕЧИ ДОНЧАН (лексический уровень)	86
<i>Захарова Мария</i> АПЕЛЛЯТИВНЫЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА МУЖСКОГО ПОЛА В СОСТАВЕ ФИЛЬМОНИМОВ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ.....	89
<i>Казаченко Наталья</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РАБОТЫ НАД КОГЕРЕНТНОСТЬЮ ТЕКСТА.....	94
<i>Иващенко Злата</i> ГИПЕРРЕЦЕПТИВНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	98

<i>Капиносова Мария</i> ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.....	102
<i>Климова Татьяна</i> ГЕНЕРАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВЫХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК	105
<i>Коновалова Диана</i> ЗООЛЕКСИКА В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РЕЗЕРВ ЗООМОРФИЗМОВ	110
<i>Копейко Оксана</i> ГОДОНИМЫ ГОРОДА КАМЕНСКА-ШАХТИНСКОГО КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛОКАЛЬНО- ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ	114
<i>Костикова Анастасия</i> АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	118
<i>Костина Аурика</i> ТОПОНИМЫ ДОНБАССА: ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	121
<i>Кривоченко Ольга</i> ТВОРЧЕСКИЕ ПОИСКИ В ПРОЗЕ В. КРУПИНА	123
<i>Костышак Валерий</i> ПРИТЧА КАК ОСНОВА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО МЕРОПРИЯТИЯ	127
<i>Крохмалёва Ангелина</i> О СПОСОБАХ НОМИНАЦИИ КАТОЙКОНИМОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	131
<i>Кузнецова Елизавета</i> СЕМАНТИКА ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	134
<i>Курьлко Милена</i> ТВОРЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО КАК ПОЭТА-ФУТУРИСТА.....	139
<i>Ладнова Екатерина</i> КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ГОДОНИМИКОНЕ ГОРОДА ИЛОВАЙСКА.....	142
<i>Лукашенко Анастасия</i> ОНОМАСТИКОН ГОРЛОВКИ В ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	148

<i>Макаренко Кристина</i> ОБРАЗЫ ЧУДИКОВ В ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ В. ШУКШИНА.....	152
<i>Мастерова Марина</i> СМЫСЛ ЗАГЛАВИЯ РОМАНА С. МОЭМА «ПИРОГИ И ПИВО, ИЛИ СКЕЛЕТ В ШКАФУ»	155
<i>Мацай Елена</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УРБАНИЗМА ДОНБАССА	158
<i>Медведева Инна</i> ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА ЮНОГО РОССИЯНИНА: ПАРАДОКСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ	163
<i>Менякина Алина</i> СОМАТИЧЕСКИЙ КОД КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (на материале публицистических текстов А. Проханова)	167
<i>Метейко Валерия</i> НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОНОМАСТИКОН ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ Г. ДОНЕЦКА	175
<i>Мокренцова Аделина</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМНОГО ПОЛЯ Г. ЯЛТЫ	178
<i>Музафарова Наталья</i> АЛТАРЬ В ТРАДИЦИИ СЕВЕРНОГО БУДДИЗМА.....	183
<i>Мухина Дарья</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНЫХ АКТОВ АККУЗАТИВНОГО ТИПА.....	187
<i>Натрошвили Кэтован</i> АББРЕВИАТУРНАЯ ГРУППА РАБ- В ЛЕКСИЧЕСКОМ И ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНОМ РАССМОТРЕНИИ	190
<i>Нехасева Алина</i> УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА».....	196
<i>Пивень Анна</i> СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АДЪЕКТИВНЫХ ГОДОНИМОВ СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ.....	200
<i>Полякова Светлана</i> ИЗУЧЕНИЕ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ШКОЛЕ	204

<i>Попова Алина</i> ПРОБЛЕМА ОТЦОВ И ДЕТЕЙ В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»	208
<i>Посиделов Алексей</i> ОСНОВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ	212
<i>Постовит Елизавета</i> БИПОЛЯРНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА С. ЕСЕНИНА.....	216
<i>Притула Ольга</i> КОНЦЕПТОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. ЖАДАНА «ВОРОШИЛОВГРАД»).....	220
<i>Пуговкина Тамара</i> СИНТЕЗ РОМАНТИЗМА И РЕАЛИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. Г. КОРОЛЕНКО.....	224
<i>Решетарова Анна</i> К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЯЗЫЧНОГО СТЕНДАПА (на материале выступлений Павла Воли)	228
<i>Ровная Виктория</i> О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИЯХ СИМУЛЬТАННЫХ АББРОКОНСТРУКТОВ	232
<i>Рыбалко Инна</i> ЯЗЫК «ЖИТИЯ»ПРОТОПОПА АВВАКУМА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЭПОХИ.....	235
<i>Рябова Елена</i> О ВОЙНЕ И НЕ ТОЛЬКО. КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ Л.А. КАССИЛЯ, НАПИСАННЫЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	241
<i>Сабиржанова Дильназ</i> ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНСКОГО ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДА АКТОБЕ).....	245
<i>Саенко Анастасия</i> ОБРАЗ В АСПЕКТЕ СЕМАСИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОРТАЛА «ГОРЛОВКА NEWS»).....	249
<i>Саитова Камилла</i> ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ ДОНЕЦКОГО КРАЯ.....	253

<i>Салько Марина</i> О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ В ОБЛАСТИ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМ ЯЗЫКА	256
<i>Свердленко Карина</i> УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭМЕ С. ЕСЕНИНА «МАРФА ПОСАДНИЦА».....	260
<i>Святобаченко Ирина</i> АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ФОКУСА ВЫСКАЗЫВАНИЯ	264
<i>Симонова Виктория</i> ТРАГЕДИЯ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА В «ПЕТЕРБУРСКИХ ПОВЕСТЯХ» Н.В. ГОГОЛЯ	267
<i>Соловцова Елена</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЭКСПЛИЦИТНЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ ПРИКАЗА	271
<i>Титова Людмила</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРАВНЕНИЯ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКАХ МИРА	275
<i>Титова Олеся</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	279
<i>Толок Татьяна</i> ДИКТАНТ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ДОБРОВОЛЬНАЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ АКЦИЯ И ФОРМА РАБОТЫ ПО ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ СТУДЕНТОВ	283
<i>Хаблова Татьяна</i> О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	287
<i>Чиж Анастасия</i> СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РИТМИЧЕСКОЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ СКАЗКИ «СОЛОВЕЙ И РОЗА».....	291
<i>Чугун Вероника</i> ГОРЛОВСКИЙ ИМЕННИК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ МОДЫ	294
<i>Чумак Владислав</i> ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА	298
<i>Шайкина Надежда</i> ПОНЯТИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	302

<i>Щур Екатерина</i> ЭРРАТИВ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА АРКАДИЯ И ГЕОРГИЯ ВАЙНЕРОВ «ЭРА МИЛОСЕРДИЯ»)	306
<i>Якименко Людмила</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПАРЕМИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	310
<i>Яковлева Елена</i> АРХЕТИПЫ И СТЕРЕОТИПЫ КАК КОМПОНЕНТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И МАССОВОГО СОЗНАНИЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ, РЕАЛИЗУЮЩИХ СТРАТЕГИЮ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	314

Научное издание

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА
В НАУКЕ

Сборник научных трудов участников IV Международной очно-заочной
научно-практической конференции
молодых учёных

Главный редактор *И. А. Герасименко*

Технический редактор *А. М. Калашиников*
Корректоры *Н. В. Лешкова, Ю. Л. Дмитриева,*
О. В. Сырова, Л. А. Штакина, А. С. Наден

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к изданию 01.02.2021.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 18,08. Уч.-изд. л. – 20,5.
Усл.-изд. л. – 19,06.
Тираж 300 экз. Зак. № 2.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25